

Историческая библиотека

Историческая библиотека

Руслан
СКРЫННИКОВ

Три Лжедмитрия


ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
Москва
2003

УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)45
С45

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление С.Е. Власова

Подписано в печать 27.12.02. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 25,20. Тираж 5000 экз. Заказ № 112.

Скрынников Р.Г.

С45 Три Лжедмитрия / Р.Г. Скрынников. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 480 с.: 16 л. ил. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-015689-8

В начале XVII века Россия переживала трагедию Смутного времени. Это была первая в истории нашей страны гражданская война.

Три самозванца в течение одного десятилетия принимали имя царевича Дмитрия и пытались сесть на царский трон.

Кем были эти исторические персонажи, которые принесли государству неисчислимые бедствия?

Какие условия придали «самозванщине» такую страшную разрушительную силу?

Действительно ли под маской Лжедмитрия скрывался беглый монах Гришка Отрепьев?

Ответ на эти вопросы дает в своей новой книге известный историк, ученый с мировым именем, профессор Санкт-Петербургского университета Р.Г. Скрынников.

УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)45

© Р.Г. Скрынников, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

ВВЕДЕНИЕ

В начале XVII в. Русское государство пережило неслыханно кровавую гражданскую войну. Современники назвали ее Смутой.

Война началась после вторжения в страну самозванца, принявшего имя царевича Дмитрия, младшего сына царя Ивана Грозного. Московские власти поспешили объявить, что под личиной царевича скрывается беглый монах из Чудова монастыря Гришка Отрепьев. Большинство историков приняли версию, обнародованную царем Борисом Годуновым. Но известный исследователь Смутного времени С.Ф. Платонов пришел к заключению, что вопрос о личности самозванца не поддается решению. Подводя итог своим наблюдениям, историк с некоторой грустью писал: «Нельзя считать, что самозванец был Отрепьев, но нельзя также утверждать, что Отрепьев им не мог быть: истина пока от нас скрыта».

Не менее осторожным в своих суждениях был В.О. Ключевский. Личность неведомого самозванца, отметил он, остается загадочной, несмотря на все усилия ученых разгадать ее; трудно сказать, был ли то Отрепьев или кто другой, хотя последнее менее вероятно. Исследовав ход Смуты, Ключевский с полным основанием заключил, что важна была не личность самозванца, а роль, им сыгранная, и исторические условия, которые сообщили самозванческой интриге страшную разрушительную силу.

Кем бы ни был Лжедмитрий I, он был убит боярскими заговорщиками. Но вскоре в Самборе, в Польше, появился но-

вый самозванец, назвавшийся Дмитрием. Интрига не удалась. Однако место незадачливого царевича немедленно занял новый проходимец — Лжедмитрий II, обосновавшийся в Тушине, под Москвой. Когда «тушинский вор» разделил участь своего предшественника и лишился головы, доиграть спектакль взялся псковский бродяга Лжедмитрий III. Он кончил тем, что был посажен в клетку, а затем повешен.

Несчастный уglichский князь, казалось, обрел бессмертие. Он трижды погибал и трижды воскресал, умножая бедствия народа. Обманщики нисколько не походили друг на друга ни внешне, ни по складу ума и характера. Тройная подмена царевича обнаруживает, сколь малую роль играла личность самозванца сама по себе.

Полагали, будто самозванные «царьки» и «царевичи» были героями Крестьянской войны, разразившейся в России в начале XVII в. Самозванство якобы родилось на почве социальной утопии, веры крестьян в «доброе» царя-мессию. Объяснения такого рода трудно согласовать с фактами.

Попытаемся возможно подробнее исследовать биографии трех Лжедмитриев, оставивших заметный след в истории Смутного времени. Для этого надо прежде всего воссоздать исторические условия, вызвавшие к жизни самозванство — одно из самых удивительных явлений русской средневековой истории.

НЕСЧАСТЛИВОЕ ИМЯ

Среди неярких фигур первых московских князей — скопидомов с туго набитым денежным мешком, собирателей чужих земель — единственной героической личностью был князь Дмитрий Донской. В его честь наследник трона Иван Иванович, сын Ивана III, назвал первенца Дмитрием. После внезапной кончины Ивана Ивановича великий князь Иван III по настоянию Боярской думы короновал Дмитрия Внука шапкой Мономаха в Успенском соборе Кремля. Бояре стремились избежать повторения Смуты, потрясшей Московское государство при Василии II Темном, для чего надо было закрепить трон за старшей законной ветвью династии. Став соправителем деда, внук должен был править Россией под именем Дмитрия II. Но власть досталась не ему, а удельному князю Василию, сыну Ивана III от брака его с Софьей Палеолог, будущему отцу Грозного. Вследствие интриги Софьи Дмитрий II был брошен в тюрьму, а затем умерщвлен.

Иван IV принял титул царя, так что его сыновья были первыми в русской истории царевичами. Во время победоносного похода на Казань в семье государя родился первенец. Он получил имя Дмитрия. В 1553 г. монарх смертельно занемог. Его кончины ждали со дня на день. По завещанию трон должен был наследовать сын, которому предстояло управлять государством под именем Дмитрия III.

Бояре не желали уступать власть родне царицы Анастасии Романовым-Захарьиным. Они не забыли о кровавых распрях,

происходивших в Москве при правительнице Елене Глинской, и не желали подчиняться правительнице Анастасии Романовой. Боярский заговор против «пеленочника» Дмитрия возглавила мать удельного князя Владимира Ефросинья Старицкая-Хованская. Она помнила об успехе свекрови Софьи Палеолог, доставившей корону своему сыну, удельному князю. В заговоре участвовали знатные князья Ростовские, Оболенские, Куракины, немало лиц из Государева двора.

Но царь Иван выздоровел, и династический кризис миновал. Однако Дмитрию III не суждено было надеть на голову шапку Мономаха. К его гибели заговорщики не имели никакого отношения.

Когда царевичу минуло шесть месяцев, родители повезли его на богомолье в Кириллов монастырь. На обратном пути случилось несчастье. Передвижения наследника были сопряжены со сложной церемонией. Няньку, несшую ребенка, непременно должны были поддерживать под руки двое знатнейших бояр. Во время путешествия из Кириллова царский струг пристал к берегу, и торжественная процессия вступила на сходни. Сходни перевернулись, и все оказались в реке. Ребенка, выпавшего из рук няньки, тотчас достали из воды, но он был мертв.

В конце жизни Грозный женился в седьмой раз. Он положился на совет временщика Афанасия Нагова, сосватавшего ему племянницу Марию Нагую.

Духовенство боялось гнева монарха и разрешило брак вопреки строжайшим церковным запретам. Показав «теплое умиление и покаяние», царь избежал церковного проклятия.

В браке с царицей Марией Нагой у Грозного родился сын, которого отец нарек тем же именем, что и первенца, — Дмитрием.

Жизнь с юной Нагой очень скоро стала тяготить монарха. Еще во времена опричнины Иван задумал в случае мятежа искать спасения в Англии. Лейб-медик Бомелей подал ему мысль посвататься к «пошлой девице» (старой деве) Елизавете, королеве Англии. Планы царя не встретили одобрения в Лондоне, и тогда он решил жениться на одной из родственниц коро-

левы — Марии Гастингс. В глазах «жениха» его брак с Нагой не мог служить помехой для нового сватовства. Посол Писемский дал по этому поводу такие разъяснения английскому двору: «Государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь, а не по себе, а будет королеваина племянница дородна и того великого дела (брака с царем. — Р.С.) достойна и государь наш... свою оставя, зговорит за королевицу племянницу».

Грозный хлопотал о восьмом браке с исключительной энергией. По-видимому, он все чаще возвращался к мысли об отъезде за море. В случае успеха сватовства при английском дворе царицу Марию ждал монашеский клобук. Незавидной была бы и судьба ее младенца-сына.

Царевич Дмитрий рос болезненным мальчиком. Он страдал жестокой эпилепсией. Дитя седьмого брака, царевич был в глазах современников незаконнорожденным. Но пока жив был его отец, никто не смел сказать об этом вслух.

Царь Иван завещал престол сыну Федору. Младший сын царя, Дмитрий, имел бесспорное преимущество перед слабым братом. Он был умственно полноценным ребенком. Афанасий Нагой готов был употребить все средства, чтобы посадить на трон Дмитрия.

Сразу после кончины царя Богдан Бельский с согласия думы арестовал Афанасия Нагова и выслал его из столицы. Вскоре в Москве произошли волнения, приведшие к отставке Бельского. Власть перешла в руки бояр Никиты Романова и Бориса Годунова.

Еще до коронации Федора Ивановича бояре-правители отправили вдову Грозного вместе с сыном в столицу их удельного княжества город Углич. Родня царицы была оскорблена тем, что мачеха Федора не была допущена на коронацию пасынка.

Когда правитель Никита Романов из-за тяжелой болезни устранился от дел, власть попытались захватить высокородные князья Шуйские. Им удалось сплотить всех противников правителя, включая Нагих.

В 1586 г. Годунов рассказал английскому агенту Джерому Горсею о заговоре Шуйских и Нагих. Царь Федор обладал слабым здоровьем и мог умереть в любой момент, и тогда отсут-

ствие утвержденного думой законного наследника могло привести к смуте и кровопролитию. Дмитрию едва исполнилось четыре-пять лет, но это не имело значения.

Царевич Дмитрий стал представлять реальную угрозу для правителя, когда родня царевича объединилась с Шуйскими. Углич оказался втянут в опасную интригу. Нагие готовили царевича к грядущим переменам, старательно поддерживая в нем неприязнь к советникам царя Федора. В характере Дмитрия рано проявилась унаследованная от отца жестокость. Зимой мальчик лепил снежные фигуры и называл их именами ближних бояр. Окончив работу, он принимался лихо рубить им головы, приговаривая: «Это Мстиславский, это Годунов». Характерно, что Нагие не учили царевича рубить голову Шуйскому, который был фактическим руководителем столичной Боярской думы.

При дворе Федора детские «глумления» царевича вызывали неудовольствие и страх. Взаимные подозрения достигли предела. Угличский двор распространял повсюду слухи, будто родственники Федора, рассчитывавшие заполучить трон в случае его бездетной смерти, пытались «окормить» Дмитрия зельем. Слухи эти были записаны в 1588—1589 гг. английским послом Флетчером. Они оказались живучими и попали на страницы поздних русских летописей XVII в.

Московский двор не остался в долгу. Ранее 1589 г. власти разослали по всем церквам приказ, воспрещавший упоминать на богослужениях имя Дмитрия на том основании, что он зачат в седьмом браке, а следовательно, является незаконнорожденным. Такой приказ, утверждал английский посол, отдал священникам сам царь вследствие происков Бориса Годунова. Церковные правила строго воспрещали православным вступать в брак более трех раз. При жизни Грозного никто не смел усомниться в законности его седьмого брака. После его кончины все изменилось. Родне Дмитрия оставалось надеяться на царское завещание. Отцовское благословение само по себе утверждало взгляд на царевича как на законного наследника престола.

Борис Годунов, писал австрийский дипломат из Москвы, подавил раскрытый им боярский заговор, строго пока-

рал повинных в крамоле душеприказчиков Грозного, а царское завещание, как говорят, разорвал. Уничтожение царского завещания было по тогдашним меркам делом неслыханным. Что толкнуло Бориса на такой шаг? Уничтожение духовной лишило претензии угличского князя юридической базы.

СМЕРТЬ ЦАРЕВИЧА

Борис Годунов жестоко покарал князей Шуйских и постарался обезопасить себя от интриг царицы Марии и Нагих. По его наущению царь Федор прислал в Углич дьяка Михаила Битяговского, наделенного самыми широкими полномочиями. Фактически царевич Дмитрий и его мать Мария Нагая лишились почти всех прерогатив, которыми они обладали в качестве удельных владык. Все деньги удельная семья стала получать из рук дьяка. Его постоянная опека вызывала возмущение вдовы Грозного и ее братьев. На этой почве происходили постоянные ссоры и брань.

В полдень 15 мая 1591 г. царевич Дмитрий погиб в своей резиденции в Угличе. Гибель наследника престола поставила правителя в затруднительное положение. Слухи о покушениях на жизнь Дмитрия давно носились по Москве.

Годунов проявил обычную для него осторожность и предусмотрительность. Для розыска о причинах гибели царевича он согласился составить следственную комиссию, включавшую авторитетных членов Боярской думы. В Углич были посланы лица, придерживавшиеся абсолютно разной политической ориентации.

Руководить расследованием поручили боярину Василию Шуйскому, едва ли не самому умному и изворотливому противнику Годунова, незадолго до этого вернувшемуся из ссылки. Но в помощники ему был назначен окольный Андрей Клешнин, известный своей преданностью Борису. В то же время Клешнин доводился зятем Григорию Нагому, жившему при особе царицы Марии в Угличе.

Вся практическая организация следствия была возложена на главу Поместного приказа думного дьяка Елизария Вылузгина и его подьячих.

По прошествии времени следователь Василий Шуйский не раз менял свои показания относительно событий в Угличе, но комиссия в целом своих выводов не пересматривала.

Согласно выводу комиссии, царевич нечаянно нанес себе рану, которая оказалась смертельной. «Обыск» (следственное дело) Шуйского сохранился до наших дней. Но вид неловко разрезанных и склеенных листов невольно вызывает подозрение.

Следует ли рассматривать сохранившиеся угличские материалы как оригинал, или это беловая копия? По мнению А.А. Зими́на, основная часть материалов следственного дела дошла до нас в виде белой копии.

Если это копия, а оригиналы допросов не сохранились, то легко заподозрить, что черновики подверглись при копировании фальсификации.

Палеографическое исследование рукописи выявило примерно шесть или даже восемь основных почерков писцов. Следственная комиссия очень спешила. Главных свидетелей допрашивала боярская комиссия, в распоряжении которой были лучшие писцы. Параллельно другие писцы протоколировали показания полутора сотен второстепенных свидетелей. Отмеченное обстоятельство объясняет наличие многих почерков в документе. При составлении беловика такого множества писцов попросту не потребовалось бы. Достаточно было бы двух-трех человек.

Следователи не только записывали допросные речи, но и заставляли свидетелей ставить свои подписи на обороте листа. В тексте обыска имеется по крайней мере 20 подписей угличан. Все подписи строго индивидуализированы и отражают разную степень грамотности писавших. Бисерный почерк Андрея Нагова нисколько не похож на почерк полуграмотных дворовых служителей или же на изысканные подписи двух угличских игуменов.

Комиссия провела огромную работу в течение примерно десяти дней, и ей некогда было изготавливать черновики, потом

копировать их на беловики, меняя содержание в нужном духе, повторно отбирать подписи у свидетелей.

Следственные материалы свидетельствовали о непричастности Бориса к смерти царевича. Именно поэтому историки отказывались верить в их истинность. Гибель Дмитрия была актом большого политического значения. Вопрос «кому выгодно?» служит проверкой любого крупного события. Непоколебимая уверенность в том, что устранение последнего отпрыска московской династии было выгодно одному Борису, начисто обесценивала угличский «обыск». Есть основания утверждать, что угличское дело стало жертвой ретроспективной оценки событий.

К моменту смерти царевича не исчезла полностью возможность рождения законного наследника в семье Федора. Никто не мог точно предсказать, кому достанется трон. Из ближних родственников царя наибольшими шансами обладал не Годунов, а Романовы.

Ситуация, сложившаяся в Москве к моменту трагедии, носила критический для правительства характер. Над страной нависла непосредственная угроза вторжения шведских войск и татар. Власти готовились к борьбе не только с внешними, но и с внутренними врагами. За одну-две недели до смерти Дмитрия они разместили на улицах столицы усиленные военные наряды и осуществили другие полицейские меры на случай народных волнений. Достаточно было малейшего толчка, чтобы народ поднялся на восстание, которое для Годунова могло кончиться катастрофой.

В такой обстановке гибель Дмитрия явилась для Бориса событием нежелательным и, более того, крайне опасным. Факты опровергают привычное представление, будто устранение младшего сына Грозного было для Годунова политической необходимостью. Вместе с тем рушится предвзятая оценка угличского «обыска».

Следственные материалы сохранили по крайней мере две версии гибели Дмитрия.

Версия насильственной смерти всплыла в первый же день дознания. Ее выдвинули дядя царицы Нагие. Но среди них не было полного согласия.

Андрей Нагой сидел с царицей за столом, когда произошло несчастье. Он живо описал, как «закричали на дворе, что царевича не стало». Нагая сбежала «сверху», и он, Андрей, «прибежал тут же к царице», а «царевич лежит у кормилицы на руках мертв, а сказывают, что его зарезали, а он того не видел, кто его зарезал».

Безо всякой паузы Андрей рассказал далее о припадках «черной болезни» у царевича и о том, что тот играл перед смертью ножом. Тем самым он косвенно подтвердил версию о нечаянной смерти Дмитрия. Показания Андрея принадлежали к числу самых важных: он видел мертвого царевича одним из первых и «был у царевичева тела безотступно и тело он царевича внес в церковь».

Дядья царицы, Михаил и Григорий Нагие, обедали у себя на подворье и не сразу явились к месту происшествия.

По словам Григория, они «прибежали на двор, ажно царевич Дмитрий лежит, набрушился сам ножом в падучей болезни... и на двор прибежали многие люди... и почали говорить, неведомо кто, что будто зарезали царевича». Таким образом, Григорий прямо подтвердил версию нечаянной смерти внучатого племянника.

Показания Григория только в одном пункте расходились с показаниями Андрея. По словам Григория, когда он с братом прискакал ко дворцу, «царевич еще жив был и при них преставился». Неточность в его показаниях может быть объяснена. Очевидцы говорили, что Михаил Нагой был «мертв пиан», «прискочил на двор пиан на коне». Григорий же пил за обедом вместе с Михаилом.

Из всех Нагих один Михаил категорически настаивал на том, что царевича убили: прибежал он «к царевичю на двор, а царевича зарезали» Волохов, Качалов и Битяговский-сын.

Однако Михаил не мог подтвердить свою версию ни одним свидетельским показанием.

Нагие напрасно отговаривались тем, что они не знают, кто первый заговорил об убийстве Дмитрия. Этим человеком, без сомнения, была мать мальчика. Ее слова подхватил Михаил Нагой.

По понятным причинам Нагие не хотели признать, что версию насильственной гибели княжича выдвинули они сами, не имея в своем распоряжении никаких тому доказательств.

Протоколы допросов позволяют установить с полной очевидностью, зачем понадобилась Нагим версия убийства Дмитрия. Таким путем они пытались оправдать расправу с государевым дьяком Битяговским.

В полдень 15 мая царица Мария отправилась обедать, а сына отпустила погулять и потешиться игрой с четырьмя сверстниками. Дети играли на небольшом заднем дворе — в углу между дворцом и крепостной стеной. Обед только начался, как вдруг на дворе громко закричали. Царица поспешно сбежала вниз и с ужасом увидела, что ее единственный сын мертв.

19 мая из Москвы в Углич прибыла комиссия боярина Василия Шуйского. С ним вместе приехал митрополит Геласий. В основу своих выводов комиссия положила подробные показания Василисы Волоховой. Фактически она была признана главным свидетелем. Объяснялось это достаточно просто. Василиса была хорошо известна при московском дворе. Она пользовалась полным доверием Ивана Грозного и много лет служила при нем постельницей. После его смерти она последовала за вдовой-царицей в Углич. При царевиче Дмитрие Волохова исполняла должность боярыни-мамки. В иерархии дворцовых чинов она стояла неизмеримо выше всех других лиц, непосредственных очевидцев происшествия.

Следователи выяснили, что возле Дмитрия в момент его смерти находились четверо жильцов. Титул «жилец» носили молодые дворяне, охранявшие покои и фактически исполнявшие службу телохранителей при особе монарха или княжича.

Во дворе Кремля при Дмитрие находились юноши Петрушка Колобов, сын постельницы, Баженко Тучков, сын кормилицы, Ивашка Красенский и Гриша Козловский. Когда они предстали перед судной комиссией, им задали вопрос: «Хто в те поры за царевичем были?» Они отвечали, что на дворе с царевичем были «только они, четыре человека жильцов, да кормилица, да постельница».

Мария Нагая оставила сына с боярыней Волоховой, постельницей и кормилицей. Почему же мальчики не упомянули имени боярыни? Этот вопрос позволил исследователям усомниться в «доказательной силе» свидетельства очевидцев: «...если «жильцы» не упомянули о Василисе, то они могли «забыть» и о присутствии других лиц» (А.А. Зимин).

Предположение о том, что мальчики хитрили, не находит подтверждения в источнике. Они изложили то, что видели своими глазами. Если ребята не назвали боярыню, значит, в момент смерти Дмитрия ее не было во дворе. Она отлучилась либо на обед, либо по делам.

Слова мальчиков позволяют объяснить поведение царицы. Она передала сына на руки боярыне, которая несла всю ответственность за его жизнь. Волохова принадлежала к кругу самых близких к царице лиц. Но мамка покинула ребенка. За нерадивую службу, стоившую жизни питомцу, царица набросилась на мамку и, ухватив попавшееся под руку полено, стала бить по голове смертным боем.

Нагая не могла не чувствовать собственной вины за смерть сына. Незадолго до того, когда в руке у мальчика оказалась «свая», он во время припадка поколол мать. Казалось бы, само провидение предостерегло ее в тот момент. Царица не вняла предостережению. Избавиться от невыносимого чувства можно было лишь одним способом: переложить всю вину на кого-то другого. Кровь царевича требовала отмщения, и в голове у обезумевшей от горя женщины родилась идея мести. «Окаянная мамка» должна была испить ту же чашу — лишиться собственного сына. Нагая объявила, что Дмитрия зарезал Осип Волохов, что было равносильно смертному приговору.

По словам Волоховой, царица, избивая ее, приговаривала, «что будто се сын ее, Василисин, Осип с Михайловым сыном Битяговского, да Микита Качалов царевича Дмитрия зарезали».

Фактически главная свидетельница повторила окончательную версию обвинения, выдвинутого Нагими. Но, судя по «обыску», эта версия возникла не сразу.

Нагие повелели бить в набат, чтобы созвать народ и оповестить город о несчастье. Немолчный гул колокола поднял на ноги весь город. Возбужденная толпа запрудила площадь перед дворцом. Михаил Битяговский, заслышав звон, поспешил в Кремль. Но Нагие успели принять меры. Они запретили страже пускать в крепость главного дьяка. Наконец один из его приспешников отпер ворота. Битяговский сразу почуял неладное и стал хлопотать о наведении порядка. Его суета раздражала Нагих.

Никто не приглашал дьяка в княжие покои, но он и не ждал приглашения. Он, «взбежав на двор, да вверх побежал, а чаял того, что царевич вверх». Оттуда Битяговский бросился в церковь и мимо тела царевича взбежал на колокольню. Дьяк ломился в звонницу и требовал, чтобы прекратили бить в колокола, но звонарь, по его словам, «ся запер и в колокольню его не пустил».

Толпа перед дворцом прибывала. Посадские люди и казаки спешили вооружиться рогатинами, топорами и саблями. Ситуация осложнилась после того, как на площади появились Михаил Нагой с братом Григорием.

Нагие враждовали с Битяговским с того дня, как удельная семья утратила право распоряжаться доходами со своего княжества и стала получать деньги «на обиход» из его рук. Назначенное правительством содержание казалось царице мизерным, а зависимость от дьяка — унижительной. Стряпчий царицы и другие лица сообщили комиссии, что Михаил Нагой постоянно «прашивал вверх государева указу денег ис казны», а Битяговский «ему отказывал», из чего проистекали ссоры и брань. Последняя стычка между ними произошла утром 15 мая.

Уже после того, как толпа убила Битяговского, люди Нагих притащили во дворец угличского городского приказчика Русина Ракова, и там Михаил Нагой, куражась, заставил его шесть раз подряд присягать на верность царице Марии. Михаилу незачем было повторять перед Раковым выдумку об убийцах царевича. Похваляясь победой над ненавистным дьяком, Нагой с полной откровенностью объявил приказчику, что это он, Михаил, велел убить Битяговского с сыном и что «Мики-

ту Качалова, да Осипа Волохова, да Данила Третьякова, да и людей их велел побить я же для того, что они у меня отнимали Михаила Битяговского с сыном».

Откровения Михаила проясняют картину. По-видимому, Нагие поначалу натравили толпу на одного только дьяка с сыном, а Качалов и Волохов были умерщвлены не как убийцы Дмитрия, а как защитники Битяговских.

Раков был ближайшим помощником дьяка и досконально знал все его дела с Нагим. В поданной митрополиту Геласию челобитной он объяснял смерть государева дьяка следующим образом: с утра 15 мая Михаил Нагой разбрался с дьяком, потом «напился пьян да велел убить Михаила Битяговского с сыном». Достоверность слов о состоянии Михаила не вызывает сомнений. Семь человек рассыльщиков (курьеров), видевшие расправу своими глазами, заявили, что Нагой «прискочил» на княжий двор «пьян на коне».

Рассыльщики служили в дьячей избе и не зависели от удельного двора. Их показания отличались откровенностью и полнотой. Они сообщили любопытные подробности о гибели Качалова и Волохова. По их словам, «Микыту Качалова убили за его шурина за жильца да за Осипа за Волохова, что Микыта учал говорить, чтоб его шурина не убили, и оне за Микыту Качалова и Осипа Волохова (убили) до смерти». Показания семи свидетелей страдали видимым противоречием: Качалова убили за Волохова, а Волохова — за Качалова. Но, кажется, именно так и произошло в действительности. Качалов погиб не потому, что был заподозрен в убийстве царевича, а потому, что вступился за Волохова. Качалов бросился на помощь Волохову в то время, когда на площади еще бегал и распоряжался его всесильный дядя Битяговский. Осипа удалось защитить от самосуда. Убежав с площади, Волохов укрылся на подворье Битяговских. Это было единственное место, где он мог спастись от гнева царицы.

Многие свидетели описали столкновение между Нагими и дьяком как очевидцы. На княжьем дворе Битяговский сначала попытался прикрикнуть на толпу, а затем принялся увеще-

вать Нагова, «чтобы он, Михайла, унел шум и дурна которого не зделал».

Избитая в кровь и брошенная на площади Василиса Волохова видела, как царица указала на Битяговских и молвила «миру: то-де душегубцы царевича». Пьяный Михайл Нагой взялся было руководить расправой с дьяком, но на помощь Битяговским пришли их родственники и холопы. Посадские люди также не сразу поверили Нагим. Плотник Савва, каменщик Митя и мужик-белозерец кричали, что «царевич умер черною болезнью, а Михайло Нагой взводит на тех людей (Битяговских) за посмех, по недружбе». На помощь к дьяку прибежал посошный приказчик. Он просил посадских людей, чтобы «оне за посмех Михайла Битяговского с товарищи не побивали». В пользу Битяговского говорил посадский богатей Баусов. Но люди Нагих тут же схватили его и поволокли в тюрьму. Приказчика с трудом отбили у толпы.

Однако настроение толпы становилось все более угрожающим, и Битяговским пришлось покинуть площадь. Вместе со своими сторонниками они заперлись в Дьячей брусной избе. Это окончательно погубило их. Толпа выбила двери, выволокла укрывшихся там людей и растерзала их.

Даже служивший царице дворянин должен был признать перед комиссией, что приказных побила всякая чернь «с Михайлова веленья Нагова».

Дело не ограничилось убийствами. Чернь разгромила приказную избу — канцелярию государева дьяка: «у дьячьи избы сени и двери разломаны и вокна выбиты». Нападавшие завладели немалой суммой денег, хранившихся в коробьях (сундуках) у приказных.

Опасаясь за свою жизнь, служители приказа «с того страху разбежались розно и в город ходити не смели». Человек 20 посадских людей погнались за подьячими, но те укрылись в чаще и несколько дней «ходили по лесу, в город иттить не смели».

После разгрома приказной избы толпа бросилась на подворье Битяговского и растащила все его имущество: «На Михайлов двор Битяговского пошли все люди миром и Михай-

лов двор разграбили и питье из погреба в бочках выпив, и бочки кололи; да с Михайлова же двора взяли Михайловых лошадей девятую».

Жену дьяка, «ободрав, нагу и простоволосу поволокли» с детишками ко дворцу. Туда же привели Осипа Волохова, найденного в доме Битяговских.

В разгар общего смятения в кремль явились два высших духовных лица — архимандрит Феодорит и игумен Савватий. В тот день оба служили обедню в одном монастыре. Заслышав набат, они послали слуг в город, и те, вернувшись, доложили, что «слышали от посадских людей и от посошных, что будто се царевича Дмитрея убили, а тово не ведомо, хто его убил». Вслед за слугами в монастырь прибежал кутейщик и именем царицы велел старцам ехать во дворец. По свидетельству игумена, он застал царицу в церкви Спаса возле сына: «ажно царевич лежит во Спасе зарезан и царица сказала: зарезали-де царевича Микита Качалов да Михайлов сын Битяговского Данило да Осип Волохов».

Царица Мария призвала монахов с умыслом. Битяговские и Качалов лежали побитые на площади перед церковью, и ей нужны были авторитетные свидетели, чтобы задним числом оправдать самочинную расправу.

Старцы посылали слуг в Кремль, из-за чего явились на место происшествия с большим опозданием. Однако они были первыми официальными лицами, услышавшими новую версию убийства Дмитрия. Согласно этой версии, роль главного убийцы отводилась Никите Качалову и Данилке Битяговскому, дьяк Михаил Битяговский был исключен из списка, а его место занял Осип Волохов.

Появление монахов на время приостановило самосуд. Толпа хотела взяться за дьячиху, но старцы, по их словам, «ухватили» Битяговскую с дочерьми «и отняли их и убити не дали».

Монахи видели в церкви Осипа Волохова. Он стоял неподалеку от тела царевича «за столпом», весь израненный. Василиса отчаянно боролась за жизнь сына. Она заклинала царицу «дати ей сыск праведной». Но Нагая была неумолима. Едва

старцы покинули церковь, она выдала Осипа на растерзание толпе, объявив: «то деи убойца царевича».

Следует уточнить, что в момент появления игуменов непосредственной угрозы жизни Василисы Волоховой и ее сына не было. В противном случае старцы «ухватили» бы их вместе с женой и детьми Битяговского и спасли от расправы.

В отношении Осипа Волохова Нагие проявили колебания. Подготавливая улики, они положили окровавленные ножи на трупы Битяговских и Качалова, палицу — на труп Волохова. Но если Волохов перерезал горло царевичу, то как он мог сделать это с помощью палицы?

Итак, версия о злодейском убийстве Дмитрия возникла в ходе самосуда и претерпела метаморфозы.

Что побудило Нагих затеять рискованное дело и фактически поднять мятеж против главного дьяка, представлявшего в Угличе особу государя? Разумеется, причина не сводилась к тому, что Михаил Нагой напился допьяна.

Царицу раздражало то, что Битяговский распоряжался денежными доходами удельного княжества. Он также исполнял роль соглядатая при удельном дворе. Когда у царевича появились симптомы «черного недуга», царица Мария тотчас решила, что ее сына испортили недруги. Как показала мамка Василисы Волохова, царица велела убить некую угличскую юрдовую, «будто та жонка царевича портила».

По свидетельству очевидцев, люди Нагих, прибежав на двор Битяговского, первым делом «жоночку Михайлову (дьяка. — *Р.С.*) розстреляв, да в воду посадили». Необычность расправы объяснялась страхом перед ведуньями, знавшимися с нечистой силой.

Нагие надеялись, что царь Федор либо умрет, либо будет свергнут и трон унаследует Дмитрий. Кажется, они готовы были пустить в ход те же средства, что и их враги, использовавшие услуги юрдовивой. Угличские рассыльщики, подчиненные дьяка, в своей челобитной привели предсмертные слова Битяговского: «Михайло Нагой велит убити (его, дьяка. — *Р.С.*) для того, что... добывает ведунов, и ведуны на государя и на государыню, а хочет портить».

Битяговский не успел послать донос в Москву. Но это сделала его вдова, знавшая обо всем с его слов. Однако ее версия несколько отличалась от версии мужа. В челобитной на имя царя женщина утверждала, что ее муж многократно бранился с Михаилом Нагим из-за того, что тот добывает ведунов и ведуний к царевичу. Тут не было прямой вины Нагих, пытавшихся с помощью колдунов вылечить мальчика. Хуже обстояло дело с ведуном Андрюшкой Мочаловым. Он жил на дворе у Нагих и по их приказу ворожил, сколько проживут царь Федор и его жена. Вдова ссылалась на то, что слышала все от мужа. Таким образом, дьяк не говорил ей, что Нагие хотели известить царскую семью.

После розыска правитель приказал схватить и доставить в столицу ведуна Андрюшу Мочалова.

Итак, во время последней перебранки у стен дворца Битяговский нехотая упомянул о ведунах, а Михаил Нагой услышал в его словах прямую для себя угрозу. Он понимал, что ему не избежать дыбы и кнута, если дьяк подаст донос насчет порчи царя.

После расправы над Битяговским Нагие выдвинули версию о его причастности к убийству Дмитрия. Но их версия не выдерживала критики. Вдова дьяка рассказала на допросе, что члены ее семьи обедали на своем дворе, когда позвонили в колокол. Гостем Битяговских был в тот день священник Богдан. Будучи духовником Григория Нагова, Богдан изо всех сил выгораживал царицу и ее братьев. Но он простодушно подтвердил перед комиссией Шуйского, что сидел за одним столом с дьяком и его сыном, когда ударили в набат. Таким образом, Битяговские имели стопроцентное алиби. Комиссия Шуйского установила это абсолютно точно.

В день кровавого самосуда погибли 15 человек. Их трупы были брошены в ров у крепостной стены. На третий день к вечеру в Углич прибыл отряд правительственных войск. Похмелье прошло, и Нагие поняли, что им придется держать ответ за убийство главного должностного лица, представлявшего в Угличе особу царя.

Накануне приезда комиссии Шуйского Михаил Нагой глубокой ночью собрал преданных людей и велел им раздобыть ножи. Городовой приказчик Раков пошел в Торговый ряд и взял два ножа у посадских людей. Григорий Нагой принес «ногайский» нож. На подворье Битяговского нашли «железную палицу». Когда оружие было собрано, подручные Нагова зарезали в чулане курицу. Они измазали «ножи и палицы кровью», нацеженной в таз, и отнесли оружие в ров к обезображенным трупам. Непосредственный исполнитель этой акции Раков заявил комиссии: «Михаило мне Нагой приказал клас-ти к Михаилу Битяговскому нож, сыну ево нож, Миките Качалову нож, Осипу Волохову палицу».

Распределение оружия точно соответствовало последней версии злодейского убийства.

Нагие заготовили подложные улики, чтобы сбить с толку следователей. Но обмануть комиссию им не удалось. Раков повинился перед Шуйским и поведал ему о ночной проделке Нагих. Михаил Нагой пытался запираться, но немедленно был изобличен. На очной ставке с Раковым слуга Нагова, резавший курицу в чулане, подтвердил показания приказчика. В отличие от Михаила Нагова его брат Григорий не стал лгать и признался, что достал «ногайский» нож у себя дома из-под замка и участвовал в изготовлении других «улик».

Допрос главных свидетелей привел к окончательному крушению версии о преднамеренном убийстве Дмитрия.

Царевич погиб при ярком полуденном солнце, на глазах у многих людей. Комиссия без труда установила имена непосредственных очевидцев происшествия. Перед Шуйским выступили, после боярыни-мамки, кормилица Арина Тучкова, постельница Марья Колобова и четверо «жильцов». По их свидетельству, царевич тешился игрой в тычку. Очевидцы кратко, но точно и живо описали то, что случилось на их глазах: «играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе и пришла на него болезнь — падучей недуг — и набросился на нож». Придавая исключительное значение показаниям ребят, следователи дважды сформулировали один и тот же вопрос. Сначала они спросили: «Хто в те поры за царевичем были?»

Мальчики ответили, что «были за царевичем в те поры только они — четыре человека жильцов да кормилица да постельница». Выслушав ответ, комиссия спросила в лоб: Осип Волохов и Данило Битяговский «в те поры за царевичем были ли»? На этот вопрос «робятки» ответили отрицательно.

Может быть, мальчики солгали в глаза царице? Может быть, они сочинили историю о болезни царевича в угоду Шуйскому, не убоившись гнева своей государыни? Такое предположение начисто опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое видных служителей царицына двора — подключники Ларионов, Иванов и Гнидин — показали следующее: когда царица села обедать, они стояли «в верху за поставцом, ажно деи бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился деи царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла деи на него немочь падучая... да в ту пору, как ево било, поколосся ножом, сам и оттого и умер».

Петрушка Колобов был старшим из мальчиков, игравших с царевичем. Перед Шуйским он держал ответ за всех своих товарищей. Колобов лишь повторил перед следственной комиссией то, что сказал дворовым служителям через несколько минут после гибели Дмитрия.

Показания Петрушки Колобова и его товарищей подтвердили взрослые, приглядывавшие за игравшими мальчиками.

Может быть, угличский «обыск» все же был хитроумной подделкой? «Во всяком случае версия о «самозаклании» царевича могла быть измышлена сразу после убийства Дмитрия с целью самосохранения лиц, находившихся во дворе вместе с ним» (А.А. Зимин).

О каком самосохранении могли думать дети, игравшие с Дмитрием, или же кормилица? Слова кормилицы Арины Тучковой отличались удивительной искренностью. В присутствии царицы и Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом поколосся...» Признание подобного рода таило в себе угрозу. За провинность, повлекшую гибель члена царской семьи, полагалась казнь. Но кор-

милица не думала об этом. Она была потрясена смертью вскормленного ею ребенка.

Для опровержения данных угличских следственных материалов нужны серьезные основания, а их нет.

Никак не менее шести человек, стоявших подле царевича на дворе, видели своими глазами его гибель. Позже перед комиссией предстал восьмой очевидец. Но он нашелся не сразу.

Допрашивая приказного Протопопова, комиссия установила, что он впервые услышал о смерти Дмитрия во всех подробностях от ключника Тулубеева. Призванный к ответу, Тулубеев сослался на стряпчего Юдина. Им устроили очную ставку, которая окончательно прояснила дело.

В полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и смотрел сквозь окно во внутренний дворик. Несчастье произошло у него на глазах. По словам Юдина, царевич играл во дворе в тычку и накололся на нож, «а он (Юдин. — *Р.С.*)... то видел».

Стряпчий поделился увиденным с приятелями. Но он знал, что царица толковала об убийстве, и счел благоразумным уклониться от дачи показаний перед следственной комиссией. В конце концов свидетеля обнаружили, правда, случайно.

Показания главных угличских свидетелей совпадают по существу и достаточно индивидуальны по словесному выражению. Это говорит в пользу их достоверности. Иное впечатление производят показания второстепенных свидетелей, число которых перевалило за сотню. Их показания назойливо стереотипны. Это давно смущает исследователей. Если несколько лиц пользуются одними и теми же речевыми оборотами, тотчас возникает подозрение в лжесвидетельстве. Однако появление штампов в следственном деле все же можно объяснить. Допрос основных свидетелей позволил нарисовать достаточно полную картину происшествия. Показания тех, кто знал о смерти Дмитрия с чужих слов, не прибавили ничего нового. Перед комиссией предстали в основном дворовые люди, в массе своей некультурные и косноязычные. Чтобы получить от них толковые ответы, надо было потратить массу времени. Но временем следователи не располагали, и потому комиссия фик-

сировала ответы второстепенных свидетелей с помощью стереотипа, заключенного в самом вопросе. В тогдашней приказной практике такой прием часто использовался.

А.А. Зимин поставил под сомнение выводы комиссии Шуйского и склонился «скорее к версии об убийстве, чем к версии о «самозаклании». Но первую версию доказывают лишь фальшивые улики и злонамеренные показания убийц Битяговского.

Версия нечаянной гибели царевича, опиравшаяся на показания главных свидетелей, заключала в себе два момента, каждый из которых может быть подвергнут всесторонней проверке.

Первый момент — болезнь Дмитрия, которую свидетели называли «черным недугом», «падучей», «немощью падучею». Судя по описаниям припадков и по их периодичности, царевич страдал эпилепсией. Как утверждали рассылщики, «и презже тово... на нем (царевиче. — *Р.С.*) была ж та болезнь по месяцам безпрестанно». Сильный припадок случился с Дмитрием в Великий пост, потом за месяц до гибели, перед самой Пасхой (в 1591 г. Пасху праздновали 4 апреля). Перед «великим днем», показала мамка Волохова, царевич в той болезни «объел руки Ондрееве дочке Нагова, едва у него... отнели». Андрей Нагой подтвердил это, сказав, что Дмитрий «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», а прежде «руки едал» и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича «как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье, за что попадетца». О том же говорила и вдова Битяговского: «многожды бывало, как ево (Дмитрия. — *Р.С.*) станет бити тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой и кормилица и боярони и он... им руки кусал или за что ухватит зубом, то отъест».

Последний приступ эпилепсии у царевича длился несколько дней. Он начался во вторник, на третий день царевичу «маленко стало полехче», и мать взяла его к обедне, потом отпустила на двор погулять. В субботу Дмитрий во второй раз вышел на прогулку, и тут у него внезапно возобновился приступ (показания мамки).

Буйство маленького эпилептика внушило такой страх его нянькам, что они не сразу подхватили его на руки, когда при-

падок случился в отсутствие царицы во дворе. Как иначе объяснить тот факт, что ребенка бросило оземь и «было его долго»? Факт этот засвидетельствовали очевидцы. Мальчик корчился на земле, а возле него кружились няньки и мамки. Когда кормилица подняла его с земли, было слишком поздно.

Второй момент — царевич играл в ножички. Его забаву свидетели описали подробнейшим образом: царевич «играл через черту ножом», «тыкал ножом», «ходил по двору, тешился сваею (остроконечным ножом. — Р.С.) в кольцо». Игра в тычки состояла в следующем: игравшие поочередно бросали нож в очерченный на земле круг, нож обычно брали с острия, метнуть его надо было так ловко, чтобы нож описал в воздухе круг и воткнулся в землю.

Жильцы, стоявшие около мальчика, сказали, что он «набросился на нож». Василиса Волохова описала происшедшее так: «...бросило его о землю, и тут Царевич сам себя ножом поколол в горло». Прочие очевидцы утверждали, что царевич покололся «бьючися» или «летячи» на землю. Никто не знал, в какой именно момент царевич нанес себе рану — при падении или когда бился в конвульсиях на земле. Достоверно знали лишь одно: эпилептик ранил себя в горло.

Могла ли небольшая горловая рана привести к гибели ребенка? На такой вопрос медицина дает недвусмысленный ответ. На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и яремная вена. Если мальчик проколол один из этих сосудов, смертельный исход был не только возможен, но неизбежен.

Почему взрослые не бросились к ребенку и не попытались остановить кровотечение? Такой вопрос вовсе не учитывает возможностей медицины XVI столетия. Даже если бы во дворе угличского дворца оказался лучший европейский медик, и он не спас бы мальчика.

Иногда высказывают мысль, что смерть царевича все же не была нечаянной, что в подходящий момент кто-то коварно вложил нож в его руку. Такое предположение беспочвенно, ибо оно не учитывает привычек и нравов знати, никогда не расстававшейся с оружием. Сабля и нож на бедре служили призна-

ком благородного происхождения. Сыновья знатных фамилий привыкали владеть оружием с ранних лет. Маленький Дмитрий бойко орудовал сабелькой, а с помощью маленькой железной палицы забивал насмерть кур и гусей. Ножичек не раз оказывался в его руке при эпилептических припадках. Где-то в марте месяце, показала Битяговская, «царевича изымал в комнате тот же недуг и он... мать свою царицу тогда сваею поколол». Об этом припадке, во время которого Дмитрий «поколол сваею матерь свою царицу Марью», вспомнила и мамка Волохова.

Можно ли упрекнуть следственную комиссию в том, что она не смогла отыскать главную улику — злополучный ножичек, которым покололся Дмитрий? Вряд ли.

Скорее всего Нагие, сфабриковав подложные улики, постарались уничтожить подлинную. Детская игрушка — ножичек царевича — очень мало напоминала орудие убийства, и Нагие подменили ее боевым оружием — «ногайским» ножом. Длинные окровавленные ножи, подброшенные в ров, должны были окончательно убедить следователей в том, что под окнами дворца орудовала шайка заправских убийц.

Следователи допрашивали главных свидетелей перед царицей, которая могла опротестовать любое ложное или путаное показание. Вместо этого она обратилась к помощнику Шуйского митрополиту Геласию со смиренной просьбой заступиться перед царем за «бедных червей» Михаила «с братею». «Как Михаила Битяговского с сыном и жильцов побили, — сказала царица «с великим прощением», — и то дело учинилось грешное, виноватое». Мария Нагая признала, что расправа с Битяговскими была делом преступным и незаконным, и больше не настаивала на том, что дьяк и жильцы убили ее сына.

Помимо угличского «обыска» Шуйского, сведения о гибели Дмитрия содержатся в записках иностранцев. Английский посланник Джером Горсей узнал о смерти Дмитрия, будучи в Ярославле, неподалеку от Углича. Полученную информацию он изложил в письме лорду Берли, датированном 10 июня 1591 г. Английский дипломат конфиденциально сообщил в Лондон о том, что 19 мая «случилось величайшее несчастье: юный князь

9-ти лет, сын прежнего императора и брат нынешнего, был жестоко и изменнически убит; его горло было пререзано в присутствии его дорогой матери, императрицы... После этого произошли мятежи и бесчинства».

Чтобы оценить достоверность английской информации, надо установить ее источники. Сделать это помогают записки Горсея, в которых ярославские впечатления автора получили более подробное отражение. На всю жизнь англичанин запомнил ночной эпизод, происшедший с ним в Ярославле в мае 1591 г. Глухой ночью кто-то громко постучал в его дом. Вооружившись пистолетами, Горсей выглянул на улицу и при свете луны узнал Афанасия Нагова, своего давнего знакомого. Он рассказал, что «царевич Дмитрий мертв, дьяки зарезали его около шести часов, один из слуг признался на пытке, что его послал Борис, царица отравлена и при смерти...». Очевидно, письмо Горсея от 10 июня 1591 г. лишь воспроизвело версию Нагих об убийстве Дмитрия людьми Годунова.

Говорят, что следствие не дало полной картины происшедшего: Шуйский не допросил царицу Марию, самого авторитетного свидетеля. Такой упрек основан на недоразумении. Боярин и его помощники не имели полномочий допрашивать вдову Грозного. Мария Нагая подала весть царю Федору о гибели сына, следовательно, розыск начат был по ее просьбе. Именно поэтому главных свидетелей комиссия допрашивала «перед царицей». Конечно, на всех допросах Нагая присутствовать не могла. От страшного нервного потрясения ей сильно нездоровилось. В мае ее дядя Афанасий сообщил англичанам, что царица при смерти (это было преувеличением), что у нее вылезли волосы. Он умолял оказать больной врачебную помощь. Англичане снабдили Нагова склянкой чистого салатного масла.

Часто говорят и пишут, что показания о начаянном самоубийстве Дмитрия были получены посредством угроз и насилия. Нагих заточили в тюрьму, вдову-царицу — в монастырь. В Угличе пролилась кровь многих людей.

Факт жестоких преследований угличан засвидетельствован многими источниками. Но эти гонения, как удается уста-

новить, имели место не в дни работы следственной комиссии Шуйского, а несколько месяцев спустя. Комиссия не преследовала своих свидетелей. Исключение составил случай, точно зафиксированный в следственных материалах. «У распросу на дворе перед князем Васильем» слуга Битяговского «изымал» царицына конюха Михаила Григорьева, обвинив его в краже вещей дьяка. Обвинения подтвердились. Писчик Углицкого приказа, присутствовавший при расправе, показал, что конюх начал бить Михаила Битяговского и избил до смерти Данилку Битяговского. Вдова дьяка сообщила в своей челобитной, что именно конюх с сыном убили ее мужа. В своих показаниях Григорьев уточнил, что приказ убить дьяка исходил от царицы и Михаила Нагова.

Григорьевых взяли под стражу. На этом репрессии против угличан в дни следствия закончились.

22 мая митрополит Геласий отслужил молебен и предал земле тело Дмитрия. Царского сына похоронили не в родовой усыпальнице московских государей в Кремле, а в той церкви, куда его внесли после роковой прогулки. Комиссия не дозволила переодеть мальчика: на нем оставили ту одежду, в которой он гулял перед смертью — рубаху с пояском, нижнюю белую рубашку, красные башмачки. По преданию, все восемь дней, пока тело лежало в храме, царица сидела подле него.

Смерть Дмитрия произвела в Москве сильное впечатление. Повсюду тайно шептались, что виновны во всем Годуновы. Слабоумный царь был испуган. При дворе ждали смуты.

Годуновы использовали московские события, чтобы навсегда избавиться от Нагих. 2 июня в Кремле собрались высшие духовные чины государства, и дьяк Щелкалов прочел им полный текст угличского «обыска». Как и во всех делах, касавшихся царской семьи, в угличском деле высшим судьей стала церковь. Устами патриарха Иова церковь выразила полное согласие с выводами комиссии о нечаянной смерти царевича, мимоходом упомянув, что «царевичю Дмитрию смерть учинилась Божьим судом».

У комиссии Шуйского не было необходимости прибегать к пыткам и казням. Воссозданная следствием картина гибели

Дмитрия отличалась редкой полнотой и достоверностью. Расследование не оставило места для неясных вопросов. Но наступило Смутное время, имя «царственного младенца» принял дерзкий авантюрист, овладевший московским тронном, и смерть Дмитрия превратилась в загадку.

При благоприятных обстоятельствах сын Марии занял бы трон под именем Дмитрия III или Дмитрия IV, но нелепая случайность оборвала его жизнь.

В роду Дмитрия Донского ни один из его потомков с именем Дмитрий не достиг высшей власти.

ЦАРЬ БОРИС

Царь Федор, сын Грозного, умер 6 января 1598 г., не оставив наследника. Династия Ивана Калиты, правившая Россией в течение трехсот лет, пресеклась. Так возникла почва для появления самозванцев.

Федор Иванович не оставил после себя завещания. Официальная версия Годуновых сводилась к тому, что Федор «учинил» после себя на троне жену Ирину, а Борису «приказал» царство и свою душу. В действительности умирающий наказал царице Ирине «принять иноческий образ».

Каждый из родственников государя имел свои причины негодовать на поведение Федора. В итоге государь умер в полном небрежении. «Освятованный» царь, прошедший жизнь в постах и молитве, не сподобился обряда пострижения.

Борис отказался исполнить волю царя относительно пострижения вдовы-царицы. Он попытался закрепить за сестрой трон, но потерпел неудачу. Царице Ирине пришлось принять иноческий чин и удалиться в Новодевичий монастырь.

Среди претендентов на трон современники называли Федора и Александра Никитичей Романовых, двоюродных братьев умершего царя, а также главу Боярской думы князя Федора Мстиславского.

Борьба за власть расколола Боярскую думу. Романовы считали свои позиции столь прочными, что выступили с откры-

тыми нападкамии на правителя. В столице толковали, будто Годунов отравил царя Федора. В Боярской думе старший из братьев Романовых якобы обвинил Бориса в убийстве царевича Дмитрия и пытался собственноручно покарать злодея.

Опасаясь за свою жизнь, Годунов перестал ездить в Боярскую думу и укрылся в стенах хорошо укрепленного Новодевичьего монастыря. Бегство Годунова из Кремля предвещало его немедленную отставку с поста правителя.

17 февраля истекло время траура по Федору, и Москва тотчас же приступила к выборам нового царя. Патриарх созвал на своем подворье родню и сторонников Бориса Годунова. Они единодушно решили избрать на трон Бориса. В это же время руководство думы созвало особое совещание в Кремле. Боярская дума была высшим органом государственной власти в России, и только этот орган мог решить вопрос о престолонаследии. Но в думе царил раздор. Не только Мстиславский и Романов, но и другие велико-родные бояре метили на трон. Спорам не было конца. Наконец бояре пришли к компромиссному решению. Лучший оратор думы дьяк Щелкалов вышел на Красное крыльцо и предложил народу присягнуть Боярской думе. Однако попытка ввести в стране боярское правление не встретила поддержки у населения.

Раскол в верхах привел к тому, что вопрос о престолонаследии был перенесен из думных и патриарших палат на площадь. Противоборствующие партии пускали в ход все возможные средства — от агитации до подкупа, — стараясь заручиться поддержкой столичного населения.

В феврале патриарху удалось организовать шествие в Новодевичий монастырь. Выйдя к толпе, Борис Годунов со слезами на глазах клялся, что и не мыслил посягнуть на «превысочайший царский чин». На следующий день, после всенощной, народ вновь двинулся на Новодевичье поле. Духовенство вынесло из храмов самые почитаемые иконы.

На этот раз Годунов, выйдя к народу, обернул шею тканым платком, давая понять, что скорее удавится, чем согласится принять корону. Выждав некоторое время, правитель сделал вид, что не может более противиться воле народа, и объявил о своем согласии. Без промедления он был отведен в ближайший собор и наречен патриархом на царство.

В апреле Борис переехал из Новодевичьего монастыря в Кремль. Дьяки Годунова изготовили грамоту о его избрании на трон, но члены Боярской думы отказались скрепить грамоту своими подписями.

Бояре поняли, что им не удастся остановить Годунова, если они не примут немедленных мер. Выступление боярской оппозиции возглавили Богдан Бельский и Романовы. Они попытались склонить Боярскую думу к тому, чтобы временно передать трон Симеону Бекбулатовичу. По прихоти Грозного хан некогда занимал московский трон. Цель оппозиции сводилась к тому, чтобы ввести боярское правление, на этот раз при помощи подставного лица.

Борис не осмелился возражать думе, но постарался помешать ее деятельности. Он объявил, что стране угрожает вторжение Крымской орды, и лично возглавил выступление на южную границу. На воеводские посты он назначил своих самых опасных противников. Бояре были поставлены перед выбором: либо занять высшие командные должности, либо отказаться от участия в обороне границ и навлечь на себя обвинения в измене. Они подчинились.

Отдав приказ о сборе под Москвой всего дворянского ополчения, Годунов в начале мая выехал в Серпухов. Армии не пришлось отражать нападение татар. На Оке православное воинство провело два месяца в пирах.

После похода Годунов венчался на царство в Успенском соборе Кремля. Патриарх Иов возложил на его голову шапку Мономаха. Новый государь дал пир на всю Москву. Торжества продолжались двенадцать дней. Служилые люди вновь получили денежное жалованье. Особых милостей удостоились Романовы и Бельские. Бояре получили гарантии против возобновления казней. Государь дал тайный обет не проливать крови в течение пяти лет. Обет не был ни для кого секретом.

Через полгода после коронации правительство созвало в столице новый Земский собор. Его участникам предложили подписать утвержденную грамоту об избрании Бориса царем.

Начало царствования Бориса было на редкость благополучным. На границах государства царил мир. Персидский посол, совершивший путешествие по Московии, писал, что в стране «нет ни нищих,

ни разбойников, потому что первым приказано давать пищу в изобилии, а других осуждают на вечное заключение». Польские послы в 1608 г. заявляли, что «мужиком черным за Бориса взвыше прежних господаров добре было, и они ему прямили».

При коронации Годунов поклялся, что в его царстве не будет нищих, но выполнить свое обещание он все же не смог.

В начале XVII в. на Россию обрушились стихийные бедствия, а затем началась Смута. В 1601—1603 гг. страшный голод охватил всю страну. Два года подряд дожди и ранние морозы начисто истребляли все крестьянские посевы. Население быстро исчерпало имевшиеся у него запасы зерна. Чтобы заглушить муки голода, люди ели лебеду и липовую кору. Смерть косила народ по всей стране. Современники считали, что за три года «вымерла треть царства Московского».

Когда в России начался голод, Борис открыл царские житницы и стал раздавать голодающим хлеб. Множество крестьян хлынуло в столицу, надеясь на царскую милостыню. Столичные запасы были быстро израсходованы, и тогда Годунов велел разыскивать запасы хлеба по всей стране и везти их в Москву. Однако эти меры не помогли. В Москве от голода погибло 120 000 человек.

Верно ли, что в 1603—1613 гг. в России произошёл взрыв классовой борьбы и разразилась первая Крестьянская война?

В 1602—1603 гг. власти отправили более двух десятков дворян на борьбу с разбойниками. Осенью 1603 г. один из воевод разбил крупный отряд разбойников во главе с Хлопком в окрестностях Москвы. Полагают, что «восстание Хлопка» охватило огромное пространство и переросло в Крестьянскую войну, потрясшую основы феодального строя.

Факты опровергают эту схему. Современники четко указывали на то, что шайки разбойников возглавляли холопы. Никаких доказательств массового участия крестьян в разбое в источниках нет. Дворян посылали для поимки разбойников на короткие сроки и в разное время — за год, за полгода до появления Хлопка. Никакого единого мощного восстания не было и в помине.

Бедствие привело к тому, что на дорогах появилось множество разбойничьих шаяк. Их действия усугубили голод в

Москве. Разбойники захватывали обозы с продовольствием, двигавшиеся в столицу, и тем самым обрекали на голодную смерть городскую бедноту и беженцев-крестьян, собравшихся в столицу из окрестных уездов.

Во время голода Годунов дважды, в 1601 и 1602 гг., издавал указы о временном возобновлении выхода крестьян в Юрьев день. Таким путем он надеялся уменьшить недовольство народа. Однако действие указа не распространялось на владения бояр и церкви, а также на столичный уезд. Указ Годунова вызвал негодование провинциальных помещиков, не желавших подчиниться воле царя и силой удерживавших своих крестьян. Считаясь с волей землевладельцев, Борис в 1603 г. отказался возобновить Юрьев день.

Социальная ломка, связанная с утверждением крепостного права, болезненно отозвалась на положении народа и стала одной из главных причин Смуты начала XVII в.

Крепостничество не могло окончательно восторжествовать в центре, пока существовали вольные окраины, служившие прибежищем для беглого населения. На протяжении нескольких десятилетий правительство добивалось подчинения казачьих земель. С этой целью оно строило остроги на Дону, Северском Донце, Волге, Тереке и Яике. Казаки всеми силами противились властям. Они отказывались выдавать беглых людей, не принимали воевод в свои городки, не давали проводить перепись их земель. Когда появился самозванный Лжедмитрий I, вольные казаки выступили на его стороне. Борису Годунову пришлось расплачиваться за политику подчинения вольных казачьих окраин.

ЯВЛЕНИЕ САМОЗВАНЦА

Гражданская война вспыхнула в России после вторжения в ее пределы Дмитрия самозванца с войском, набранным в Польше.

Одни историки исследовали вопрос о личности самозванца, которого считали орудием польской интриги. Другие сосредоточили внимание на остром общественном кризисе на-

чала XVII в., породившем самозванство. В Лжедмитрии стали видеть крестьянского царя, его успехи связывали с волной крестьянского движения или, во всяком случае, с появлением в крестьянской среде утопической веры в «доброе царя», с навивным монархизмом русских крестьян.

Веру в пришествие «хорошего» царя связывают с крестьянской утопией. Но монархические убеждения были широко распространены в Средние века среди всех слоев населения, так что в них не было ничего специфически крестьянского.

Иван Грозный пролил немало крови своих подданных. Он навлек на свою голову проклятие знати. Но ни казни, ни поражение в Ливонской войне не могли уничтожить популярность, приобретенную им в народе и служилой дворянской среде после «казанского взятия». В фольклоре Иван IV остался грозным, но справедливым царем. В глазах народа он был не только представителем старой, законной династии Ивана Калиты, но и последним царем, при котором крестьяне не утратили традиционной «воли» — права выхода в Юрьев день.

Бедствия, обрушившиеся на страну при Годунове в начале XVII в., придали особую устойчивость воспоминаниям о благоденствии России при «хорошем» царе Иване Васильевиче. Чем мрачнее становилось время, чем меньше оставалось места для надежд, тем пышнее расцветали всевозможные иллюзии.

Выбор имени «Дмитрий» определялся одним-единственным обстоятельством. Он был сыном Ивана Грозного. То, что он страдал «черным недугом», то есть, по понятиям людей того времени, был одержим бесами, как и то, что после смерти великого государя духовенство стало считать царевича незаконнорожденным, не имело никакого значения. Обо всем этом знал узкий круг лиц, близких ко двору. Десять лет спустя об этом вообще забыли.

Смерть Дмитрия вызвала многочисленные толки в народе. Но в Москве правил законный царь, и династический вопрос никого не занимал. О царевиче забыли очень скоро. Однако едва умер Федор, как в народе вновь заговорили о Дмитрии. Литовские лазутчики подслушали в Смоленске и записали толки, в которых можно было угадать все последующие

события Смутного времени. Одни говорили, будто в Смоленске были подобраны письма от Дмитрия, известившие жителей, что «он уже сделался великим князем» на Москве. Другие доказывали, что появился не царевич, а самозванец, «во всем очень похожий на покойного князя Дмитрия»; Борис будто бы хотел выдать самозванца за истинного царевича, чтобы добиться его избрания на трон, если не захотят избрать его самого.

Толки, подслушанные в Смоленске, носили недостоверный характер. Боярин Нагой, говоря о смерти Дмитрия, будто бы сослался на мнение своего соседа «астраханского тиуна» (?) Михаила Битяговского. «Тиуна» вызвали в Москву и четвертовали после того, как он под пыткой признался, будто сам убил Дмитрия.

Литовские лазутчики записали скорее всего молву просто-народя, имевшего самые смутные представления о том, что происходило в столичных верхах. Пересуды свидетельствовали о поразительном легковерии людей средневековой эпохи.

Как бы то ни было, слухи о царевиче порочили правителя Бориса Годунова и были проникнуты явным сочувствием к Романовым. Очевидно, их распускали люди, симпатизировавшие Романовым.

Имя Дмитрия оживила борьба за обладание троном и вызванные ею политические страсти. После избрания Бориса молва о самозваном «царевиче» лишилась почвы и умолкла сама собой.

Прошло два года, и весть о чудесном спасении сына Грозного вновь распространилась в народе. Служилый француз Яков Маржарет, прибывший в Москву в 1600 г., отметил в своих записках: «...прослышав в тысяча шестисотом году молву, что некоторые считают Дмитрия Ивановича живым, он (Борис. — Р.С.) с тех пор целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу».

Бояре Романовы подверглись опале как раз в 1600 г. Не они ли сеяли слухи о спасении Дмитрия? Это сомнительно. Романовы пытались заполучить корону как ближайшие родственники последнего законного царя Федора. К сыну Гроз-

ного от седьмого брака они относились резко отрицательно. Пересуды о наличии законного наследника Дмитрия могли лишь помешать осуществлению их планов. В 1600 г. у Романовых было не больше оснований готовить самозванца «Дмитрия», чем у Бориса Годунова в 1598 г.

Дмитрия вспомнили во время смертельной болезни Бориса Годунова. Его кончины ждали со дня на день. Страна оказалась на пороге нового династического кризиса.

Если бы слухи о царевиче распространял тот или иной боярский круг, покончить с ними Годунову было бы нетрудно. Трагизм положения заключался в том, что молва сделалась народной.

Самозванец объявился в пределах Речи Посполитой в 1602—1603 гг. Им немедленно заинтересовался Посольский приказ. Не позднее августа 1603 г. Борис обратился к покровителю самозванца князю Константину Острожскому с требованием выдать «вора». Но «вор» уже переселился в имение Адама Вишневецкого. В Москве продолжали следить за каждым шагом самозванца.

Неверно мнение, будто Годунов назвал самозванца первым попавшимся именем. Разоблачению предшествовало самое тщательное расследование, после которого в Москве объявили, что имя царевича принял беглый чернец Чудова монастыря Гришка, в миру носивший имя Юрия Отрепьева.

Московским властям нетрудно было выяснить историю беглого чудовского монаха. В Галиче жила вдова Варвара Отрепьева, мать Григория, а его родной дядя Смирной Отрепьев служил в Москве как выборный дворянин. Смирной преуспел при новой династии и выслужил чин стрелецкого головы. Накануне бегства племянника он был «на Низу голова стрельцов». Как только в ходе следствия всплыло имя Отрепьева, царь Борис вызвал Смирного в Москву. Власти использовали показания Смирного и прочей родни Отрепьева и при тайном расследовании, и при публичных обличениях «вора». Согласно Разрядным книгам, Борис посылал в Литву «в гонцах на обличенье тому вору Ростриге дядю ево родного галеченина Смирного Отрепьева». Современник Отрепьева троцкий мо-

нах Авраамий Палицын определенно знал, что Гришку обличали его мать, родные брат и дядя и, наконец, «род его галичане вси».

Московские власти сконцентрировали внимание на двух моментах биографии Отрепьева: его насильственном пострижении и соборном осуждении «вора» в московский период его жизни. Но в их объяснениях по этим пунктам были серьезные неувязки. Одна версия излагалась в документах, составленных для внутреннего пользования, другая — в дипломатических наказах, адресованных польскому двору. В дипломатических письмах значилось буквально следующее: Юшка Отрепьев, «як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слушал, впал в ересь и воровал, крал, играл в зерню и бражничал и бегал от отца многажды и заворовався, постригсе у чернцы...».

Нетрудно установить, с чьих слов составлен был этот убийственный отзыв о Юрии Отрепьеве. Незадолго до посылки наказа в Польшу в Москву вернулся Смирной Отрепьев, ездивший за рубеж по заданию Посольского приказа для свидания с Григорием-Юрием. Со слов Смирного, очевидно, и была составлена назидательная новелла о беспутном дворянском сынке.

Юшка отверг сначала родительский авторитет, а потом авторитет самого Бога. После пострижения он «отступил от Бога, впал в ересь и в чорнокнижье и призыване духов нечистых, и отречения от Бога у него выняли». Узнав об этих преступлениях, патриарх со всем Вселенским собором, по правилам святых отцов и по Соборному уложению, якобы приговорили сослать Гришку на Белоозеро в заточение на смерть.

Посольский приказ фальсифицировал биографию Отрепьева. Цели фальсификации предельно ясны. Властям важно было представить Отрепьева как одиночку, за спиной которого не было никаких серьезных сил, а заодно обосновать версию о соборном суде над преступником, чтобы иметь основание потребовать от поляков выдачи «вора».

С дружественным венским двором царь Борис поддерживал куда более доверительные отношения, чем с польским. Поэтому в письме австрийскому императору Годунов позволил себе некоторую откровенность по поводу Отрепьева. Русский

оригинал послания Бориса Рудольфу II (ноябрь 1604 г.) хранится в Венском архиве и до сих пор не опубликован. Приведем здесь полностью разъяснения Бориса по поводу личности Отрепьева. До своего пострижения, утверждал Борис, Юшка «был в холопех у дворенина нашего у Михаила Романова и, будучи у него, учал воровати, и Михаиле за его воровство велел его збити з двора, и тот страдник учал пуше прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертныя казни сбежал, постригся в дальних монастырех, а называли его в чернцах Григорием».

Почему царь Борис решился связать имя Отрепьева с именем Романовых? Быть может, он желал скомпрометировать своих противников? Но почему он не назвал тогда имена старших братьев — знаменитых бояр Федора и Александра Никитичей Романовых, — а указал на младшего брата Михаила, которого даже в России мало кто знал и который два года как умер в царской тюрьме?

В венском наказе видно то же настойчивое стремление, что и в польском. Царские дипломаты решительно опровергали самую возможность заговора и старались рассеять подозрения о том, что за спиной самозванца могли стоять влиятельные бояре. От поляков вовсе скрыли, что Отрепьев служил Романову. Австрийцев убеждали в том, что Романов не был пособником «вора», а, напротив, изгнал Юшку за его воровские проделки.

Внутри страны появление самозванца долго замалчивалось. Толки о нем пресекались беспощадным образом. Но когда Лжедмитрий вторгся в пределы страны и молчать стало невозможно, с обличением Отрепьева выступила церковь. Жизнеописание Отрепьева, составленное в патриаршей канцелярии, разительно отличалось от заявлений Посольского приказа.

Враг оказался гораздо опаснее, чем думали в Москве. Он терпел поражение в открытом бою, но посланная против него многочисленная армия не могла изгнать его из пределов страны. Попытки представить Отрепьева юным негодяем, которого пьянство и воровство довели до монастыря, мало кого могли убедить. Дипломатическая ложь рушилась сама собой. Патриаршие дьяки были вынуждены более строго следовать фак-

там. Патриарх Иов известил паству о том, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, от смертные казни постригся в чернцы и был по многим монастырям», позже побыл во дворе у него, патриарха, «а после того сбежал в Литву с товарищами своими с чудовскими чернцы».

Власти не настаивали на первоначальной версии, будто Отрепьева постригли из-за его безобразного поведения и восстания против родительской власти. Юшка заворовался, живя на дворе у Романовых. Как видно, патриарх умышленно не назвал имени окольного Михаила: он хотел бросить тень разом и на старших Романовых. Но подобные побуждения имели все же второстепенное значение. Царские опалы, казалось бы, навсегда покончили с могуществом Романовых: старший из них принял монашество и сидел под стражей в глухом монастыре, трое его братьев погибли в ссылке. Никто не мог предвидеть, что один из уцелевших Никитичей взойдет со временем на трон.

Посольский приказ старался скрыть от иностранцев определенную связь между пострижением Отрепьева и службой его у опальных Романовых, но в разъяснениях патриарха уже можно уловить намек на такую связь.

После смерти Годунова и гибели Лжедмитрия I царь Василий Шуйский произвел новое дознание по поводу самозванца. Его следователи имели одно важное преимущество перед Борисовыми — они видели самозванца своими глазами. Новый царь опубликовал результаты расследования с большими подробностями, чем Борис. Однако разъяснения при польском дворе отличались сдержанностью: любые неточности в пояснениях Москвы могли быть легко опровергнуты в Кракове. Между тем сам вопрос о самозванце приобрел государственное значение.

В инструкциях дипломатам Посольский приказ больше не скрывал факта службы Отрепьева у Романовых. Царь Василий IV позволил сообщать полякам даже больше того, о чем поведала патриаршая канцелярия. Юшка, писали дьяки, «был в холопах у бояр у Микитиных детей Романовича и у князя Бориса Черкаскова и, заворовався, постригся в чернцы...».

Выпад против Романовых и Черкасских носил политический характер. Едва приверженцы Шуйского выкрикнули на площади имя нового царя, как в боярской среде возник заговор. К нему примкнули Романовы, не оставившие надежду занять трон. Тогда на их голову посыпались удары. Филарет Романов, которого прочили в патриархи, лишился царской милости. Подозрение пало также на ближайших родственников Филарета, князей Черкасских.

Все это объясняет, почему Шуйский решился бросить тень не на одних Никитичей, но и на их шурина боярина Черкасского. Наказы Шуйского называют Отрепьева боярским холопом. Можно ли верить этому полемическому выпад против лжецаря?

Юрий Отрепьев поступил на службу к Михаилу Романову как добровольный слуга. Однако царское Уложение о холопах 1597 г. предписало всем господам в принудительном порядке составить кабальные грамоты на всех добровольных холопов, прослуживших у них не менее полугода. Боярин Черкасский стоял в боярской иерархии значительно выше молодого окольного Михаила Романова. Поэтому Отрепьев имел причины для перехода во двор к Черкасскому. Там он, возможно, и дал на себя кабальную запись. Поздние летописи предпочитали умалчивать о службе Отрепьева у Романовых и их родни. В царствование Романовых было небезопасно или, во всяком случае, неприлично вспоминать этот факт из биографии «вора» и богоотступника. Вследствие этого история пострижения Юрия Отрепьева получила совершенно превратное истолкование в летописных сочинениях. Автор «Иного сказания» сочинил романтическую сказку о том, как 14-летний Юшка случайно повстречал в Москве безвестного игумена с Вятки Трифона и под влиянием душевспасительной беседы с ним принял схиму.

Отзвук подлинных событий можно найти в одном компилятивном «Сказании», автор которого пользовался какими-то ранними источниками. В «Сказании» причины пострижения Юшки изложены следующим образом. Царь Борис воздвиг гонение на великих бояр, послал в заточение и на смерть Федора Никитича Романова и Бориса Камбулатовича Черкасского.

Юшка часто приходил в дом к Черкасскому и был у него в чести, «и тоя ради вины на него царь Борис негодова, той же лукав сый, вскоре избежав от царя, утаився во един монастырь и пострижеся...». В «Сказании» заметно старание смягчить неприятные Романовым факты. Автор умалчивает о том, что Юшка служил Михаилу Никитичу и его шурина Черкасскому. Юшка будто бы лишь бывал при дворе боярина Бориса Черкасского и в то же время от него «честь приобретал».

И все же в намеках «Сказания» проглядывает истина. Юшка не затерялся среди многочисленной холопской дворни, а сделал карьеру при дворе боярина Черкасского и вошел у него в честь. При боярских дворах дети боярские такого ранга и происхождения служили обычно дворецкими, конюшими, воеводами в боярских городках. После ареста Романовых и Черкасского их слуга Юрий Отрепьев, не желая разделить участь своих господ, постригся в монахи и принял имя Григория. За пострижением последовали скитания по монастырям. Этот эпизод из жизни чернеца Григория Отрепьева стал предметом всевозможных легенд.

Поздние летописи противоречат друг другу, едва только начинают перечислять обители, в которых побывал новоиспеченный монах. Современники не знали толком, где постригся Юшка Отрепьев. Близкий к Романовым автор «Нового летописца» откровенно признает, что Юшка «во младости пострижеся на Москве, не вем где». Даже Посольский приказ, расследовавший дело по свежим следам, не мог добиться истины. При Шуйском установили только, что постригал Юшку «с Вятки игумен Трифон». Обряд был совершен, как видно, в спешке, на каком-нибудь монастырском подворье.

Трифон более 20 лет жительствовавший в основанном им монастыре в Вятке. Заслуги Трифона получили признание — его возвели в сан архимандрита. Но после 1602 г. он лишился сана. Что было причиной отставки? Пострижение ли Отрепьева, дружба с опальными боярами или старость? Трудно сказать.

Посольский приказ был лучше всего осведомлен о столичном периоде жизни чернеца Григория. Тут его жизнь протекала у всех на глазах. Имея под рукой множество свидетелей, при-

каз уточнил обстоятельства пребывания чернеца в Кремлевском Чудовом монастыре. Отрепьев, значилось в посольской справке 1606 г., был «в Чудове монастыре в дияконех 3 год». Это известие следует признать единственной достоверной хронологической вехой в ранней биографии Отрепьева.

Если обратиться к сказаниям современников, то можно увидеть, какие любопытные метаморфозы претерпели в них сведения о чудовском периоде жизни Отрепьева. «Пискаревский летописец» утверждал, будто Гришка «пребываша и безмолвствоваше в Чудове года два». Те же данные приводит «История о первом патриархе Иове», составленная после 1652 г. Троицкий монах Авраамий Палицын считал, что чернец Григорий два лета стоял на клиросе в Чудовом монастыре, а потом служил во дворе у патриарха более года. Тенденция приведенных свидетельств очевидна. Летописцы продлили срок пребывания Отрепьева в столичном монастыре с одного года до двух лет.

Аналогичным образом современники описывали «житие» монаха Григория в провинциальных обителях. По свидетельству «Нового летописца», чернец Отрепьев жил год в Спасо-Ефимиевом монастыре и еще «двенадцать недель» в соседнем монастыре на Куксе. По словам другого летописца, Григорий прибыл «во обитель Живоначальные Троицы на Железный Борок ко Иякову святому и в том монастыре постригается, и пребыша ту три лета». Летописец ошибся, назвав монастырь на Железном Борку Троицким. На самом деле то был монастырь Иоанна Предтечи. Эта ошибка выдает малую осведомленность автора летописи.

Пребывание в провинциальных монастырях явилось в действительности лишь кратким эпизодом в жизни Григория Отрепьева. Посольская справка, составленная при Василии Шуйском, сообщала без особых подробностей о том, что «был он, Гришка, в чернцах в Суздале в Спаском в Еуфимьева монастыре, и в Галиче у Иоанна Предтечи, и по иным монастырем...».

Посольская справка 1606 г. не сообщает, сколько времени провел Отрепьев в провинциальных монастырях. Заполнить этот пробел биографии помогает хорошо осведомленный со-

временник Гришки — автор повести, приписываемой князю И.М. Катыреву-Ростовскому. Он категорически утверждает, что до водворения в столичном монастыре Григорий носил рясу очень недолго: «По мале же времени пострижения своего изыде той чернец во царствующий град Москву и тамо доиде пречистые обители архистратига Михаила». Обителью архистратига Михаила называли Чудов монастырь. Если верно то, что пишет названный автор, значит, Отрепьев не жительствова-вал в провинциальных монастырях, а бегал по ним.

Приведенные факты позволяют установить главные хронологические вехи в жизни Отрепьева. Чудовский монах отправился в Литву в феврале 1602 г., после того как пробыл год в Чудовом монастыре. Значит, он обосновался в Чудове в начале 1601 г. Поскольку Отрепьев прибыл в Москву «по мале... времени» после своего пострижения, значит, он постригся в конце 1600 г., т.е. именно тогда, когда Борис Годунов разгромил заговор бояр Романовых и Черкасских. Но в таком случае приведенные факты полностью подтверждают версию, согласно которой Отрепьев вынужден был уйти в монастырь в связи с гонениями на Романовых в ноябре 1600 г.

В то время Отрепьеву было примерно 20 лет. По понятиям XVI в., молодые люди достигали совершеннолетия и поступали на службу в 15 лет. Это значит, что до своего пострижения Григорий успел прослужить на боярских подворьях около пяти лет.

Установив эти факты, попробуем заполнить самые первые страницы биографии Отрепьева.

БЕГЛЫЙ МОНАХ

Юрий Богданович Отрепьев родился в небогатой дворянской семье. Предки Отрепьева приехали на Русь из Литвы. Прадед Юшки Матвей Третьяк служил в Боровском уезде и как дворовый сын боярский был записан в Дворовом списке в 1552 г. Между 1552 и 1566 гг. в тот же Дворовой список был занесен «Третьяков сын Замятня» — дед Юшки, в то время «новик». Прошло примерно 20 лет, и на службу поступили двое

сыновей Замятни: Смирной и Богдан. Как установил И.А. Голубцов, отец Юшки Богдан Отрепьев получил поместье в Коломенском уезде в феврале 1577 г. В Боярском списке он назван «новиком неслужилым». В то время Богдану было не более 15—16 лет. Его определили на службу одновременно со старшим братом Никитой Смирным. Сын Богдана, Юрий, не мог родиться ранее чем на рубеже 70—80-х годов XVI в., а это значит, что он был примерно одного возраста с царевичем Дмитрием. Юшка достиг совершеннолетия в самые последние годы царствования Федора.

Отец Юшки служил в стрелецких войсках, но выслужил только чин стрелецкого сотника. Он рано умер. Согласно посольской справке 1606 г., Богдана зарезал литвин на Москве в Немецкой слободе. Там, где иноземцы свободно торговали вином, нередко случались уличные драки. Московские летописцы помнили, что Юшка «остался после отца своего млад зело» и воспитанием его занималась мать. У нее мальчик научился читать Божественное Писание, «Часовник и Псалмы Давидовы». Как видно, возможности домашнего образования были быстро исчерпаны, и Юшку послали «к Москве на учение грамоте». Семья Отрепьевых имела прочные связи в столице: там обретался дед Юшки, там служили его родной дядя Смирной и «свояк» семьи — дьяк Семейка Ефимьев. Видимо, кто-то из приказных и выучил Юшку писать. В приказах ценили хороший почерк, и при них существовали школы, готовившие писцов-каллиграфов. Отрепьев усвоил изящный почерк, что позволило ему позже стать переписчиком книг на патриаршем дворе.

Только ранние посольские указы изображали юного Отрепьева беспутным негодяем. При Шуйском такие отзывы оказались забыты, а поздние писатели не скрывали удивления по поводу способностей Отрепьева. Правда, при этом они выражали благочестивые подозрения: не вступил ли Юшка в союз с нечистой силой, будучи еще подростком? Так, автор «Нового летописца» писал: «Грамота же ему дася не от Бога, но дияволу сосуд учинися...» Авраамий Палицын отмечал: «Сей юн еще навывче чернокнижию».

Учение, очевидно, давалось Отрепьеву очень легко. В не-продолжительное время Юшка стал «зело грамоте горазд». Но бедность и сиротство отнимали у способного ученика надежды на выдающуюся карьеру. На царской службе он едва ли мог надеяться выслужить воеводский чин. Честолюбивый провинциал искал более легких путей и поступил на службу к брату царя Михаилу Никитичу. В то время многие считали Никитичей единственными законными претендентами на царский трон, и служба при их дворе сулила массу выгод.

Выбор Юшки кажется случайным. Так ли это на самом деле? Отрепьевы издавна сидели целым гнездом на берегах Монзы, притока Костромы. Там же располагалась знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича — село Домнино. Родители Отрепьева жительствова­ли возле монастыря на Железном Борку. В десяти верстах от монастыря стоял романовский починок Кисели.

Все, что мы знаем о личности Отрепьева, заставляет предполагать, что за несколько лет службы у Никитичей он занял при их дворе достаточно высокое положение.

Взойдя на трон, Борис Годунов всеми силами стремился избежать столкновения с боярами Романовыми, двоюродными братьями царя Федора. Эти бояре были главными соперниками Бориса в дни царского избрания.

Старания Годунова не увенчались успехом. Раздор с боярами, прямо и косвенно, готовил почву для смуты.

Самым крупным политическим процессом времен Годунова стало дело об «измене» Романовых и Черкасских. Они стали жертвами колдовского процесса. Их обвинили в намерении «испортить» царскую семью с помощью волшебных корешков.

Из записей польского посольства следует, что отряд царских стрельцов совершил вооруженное нападение на подворье Романовых 26 октября 1600 г. Братья Романовы были арестованы. Боярская комиссия во главе с Салтыковым произвела обыск на захваченном подворье и обнаружила коренья. Суд признал Романовых виновными в покушении на жизнь царя и государственной измене. Наказанием за такое преступление могла быть только смертная казнь. Борис дол-

го колебался, не зная, как поступить с Романовыми. В конце концов Федор Никитич Романов был насильственно пострижен в монахи под именем Филарета, а его братья Александр, Михаил, Василий, Иван и зятья князья Черкасские и Сицкие отправлены в ссылку.

Причиной расправы с Романовыми и Черкасскими явился не столько «боярский заговор», сколько болезнь царя Бориса. Один из современников Бориса заметил, что тот находился на троне шесть лет, «не царствуя, а всегда болезнуя». К осени 1600 г. состояние здоровья Годунова резко ухудшилось. В Москве ждали его кончины со дня на день. В столице поднялась тревога. Тогда Борис распорядился отнести себя на носилках из дворца в Успенский собор, чтобы покончить со слухами о своей кончине. Романовы поспешили вызвать в Москву многочисленную вооруженную свиту. Они надеялись вскоре вновь вступить в борьбу за обладание короной. Малолетний наследник Бориса царевич Федор имел совсем мало шансов удержать трон после смерти отца. Новая династия не укоренилась, и у больного самодержца оставалось единственное средство ее спасения: он постарался избавиться от претендентов на трон и отдал приказ о штурме романовского подворья.

Вооруженная боярская свита оказала стрельцам отчаянное сопротивление. Под стенами романовского подворья произошло форменное сражение.

Опала на Романовых едва не погубила Юшку Отрепьева. Царь Иван поголовно истреблял дворню опальных бояр. Однако Годунов не хотел следовать его примеру. Он ограничился тем, что подверг пыткам и казни ближних слуг опальных Романовых. Подобная участь грозила и Юрию Отрепьеву. По словам патриарха, Отрепьев постригся в монахи, спасаясь «от смертные казни». Царь Борис выражался еще более определенно. Боярского слугу ждала виселица!

Не благочестивая беседа с вятским игуменом, а страх перед виселицей привел Отрепьева в монастырь. Двадцатилетнему дворянину, полному сил и надежд, пришлось покинуть свет и забыть свое мирское имя. Отныне он стал смиренным чернецом Григорием.

После пострижения Отрепьев побоялся остаться в столице и скрылся в провинции. Из посольской справки 1606 г. следует, что Отрепьев побывал в Суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре и в монастыре Иоанна Предтечи в Галиче. Оба монастыря лежат на одной прямой, связывавшей Москву с имением семьи Отрепьевых в Галичском уезде. Итак, чернец Отрепьев посетил названные монастыри не для жительства в них, а как места временного пристанища во время бегства из Москвы в свое имение.

Искал ли Отрепьев спасения в романовской вотчине близ Железного Борка? Или вернее будет другое предположение, что слуга опальных бояр искал спасения в родных краях?

Сохранились отрывочные сведения, будто во время пребывания Отрепьева в Суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре тамошний игумен, видя его «юна суща», отдал «под начал» духовному отцу. Жизнь «под началом» оказалась стеснительной, и чернец поспешил проститься со спасскими монахами. В прочих обителях Отрепьев задерживался и вовсе ненадолго.

Переход от жизни в боярских теремах к прозябанию в монашеских кельях был разительным. Очень скоро чернец Григорий решил вернуться в столицу. Как мог опальный инок попасть в аристократический кремлевский монастырь? Поступление в такую обитель обычно сопровождалось крупными денежными вкладами.

Дьяки Шуйского дознались, что при поступлении в Чудов монастырь Гришка Отрепьев воспользовался протекцией: «...бил челом об нем в Чюдове монастыре архимандриту Пафнотию... (что ныне Крутицкой митрополит, добавили от себя дьяки. — Р.С.) богородицкой протопоп Еуфимий, чтоб его велел взяти в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятни».

Дед Григория Елизарий Замятня был примечательной фигурой. Полгода спустя после коронации Бориса Годунова он получил самое ответственное в своей жизни поручение. Новый царь назначил его «объезжим головой» в Москве. Замятня должен был охранять порядок в «меньшой» половине Бе-

лого города — от Неглинной реки до Алексеевской башни. «Объезжими головами» в столице служили обычно дворяне, хорошо зарекомендовавшие себя по службе и лично известные государю. Вскоре после московской службы Замятня, по видимому по старости, удалился на покой в Чудов монастырь. Неизвестно, в каких отношениях находился Замятня с протопопом Кремлевского Успенского собора Евфимием. Но именно помощь Евфимия помогла Замятне определить внука Григория в Чудов.

Как свидетельствует посольская справка 1606 г., «архимандрит Пафнотий для бедности и сиротства взял его (Григория. — *Р.С.*) в Чудов монастырь».

Отрепьев недолго прожил под надзором деда. Архимандрит вскоре перевел его в свою келью. Там чернец, по его собственным словам, занялся литературным трудом. «Живучи-де в Чудове монастыре у архимандрита Пафнотия в келии, — рассказывал он знакомым монахам, — да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе». Пафнотий поспешил отличить инока, не достигшего 20 лет, и дал ему чин дьякона. «...По произволению тоя честныя лавры архимандрита Пафнотия, — писали летописцы, — (Отрепьев. — *Р.С.*) поставлен бысть во дьяконы рукоположением святейшаго Иова патриарха...»

История последующего взлета Отрепьева описана одинаково в самых различных источниках. Патриарх Иов в своих грамотах сообщал, что взял Отрепьева на патриарший двор «для книжного письма». На самом деле Иов заметил способного инока не только из-за его отличного почерка. Чернец вовсе не был простым переписчиком книг. Его ум и литературное дарование доставили ему более высокое положение при патриаршем дворе. У патриарха Григорий продолжал «сотворяти каноны святым».

Прошло совсем немного времени с тех пор, как Отрепьев являлся во дворец в свите окольничего Михаила Никитича, и перед ним вновь открылись двери кремлевских палат. В царскую думу и в совет князей церкви патриарх являлся с целым штатом писцов и помощников. Отрепьев оказался в их числе. Патриарх в письмах утверждал, что чернеца Отрепьева знают

и он сам, и епископы, и весь собор. По-видимому, так оно и было. Отрепьев, беседуя с приятелями, говорил им, что «патриарх-де, видя мое досужество, учал на царские думы вверх с собою водить и в славу-де есми вшол великую».

Фраза Отрепьева насчет «славы» не была простым хвастовством. Карьера его на поприще монашеской жизни казалась феерической. Сначала он был служкой у монаха Замятни, затем келейником архимандрита и дьяконом и, наконец, стал придворным патриарха. Чтобы сделать такую карьеру в течение одного только года, надо было обладать незаурядными способностями. Не подвиги аскетизма помогли выдвинуться юному честолюбцу, а необыкновенная восприимчивость к учению.

Природа щедро наделила юношу талантом перевоплощения. Но его успех невозможно объяснить одним лишь лицедейством. Его способность подчинять своему влиянию людей казалась почти мистической.

Достоинства чернеца были необычны для монашеской среды, в которую он попал нечаянно. В несколько месяцев он усваивал то, на что у других уходила вся жизнь. Примерно в 20 лет Отрепьев стал заниматься литературными трудами, которые доверяли обычно убежденным сединой подвижникам.

При царе Борисе Посольский приказ пустил в ход версию, будто чернец Григорий бежал от патриарха, будучи обличен в ереси. Церковные писатели охотно подхватили официальную выдумку. Согласно «Истории о первом патриархе Иове», Отрепьев «рассмотрен бысть» как еретик «от неких церковных» (имена их не уточнялись), и тогда патриарх отослал чернеца обратно в Чудов монастырь «в соблюдение до сыску» царя Бориса. Летописи снабдили описанный эпизод множеством подробностей. По «Пискаревскому летописцу», явление великого еретика предсказал Ростовский митрополит Варлаам. Автор «Нового летописца» вложил в уста Варлаама яркую обличительную речь. Но, сочинив суровое обличение, как нельзя лучше подходившее случаю, летописец не мог правильно назвать даже имени Ростовского митрополита. Он назвал Варлаама Ионой.

Последующая история осуждения Отрепьева сводилась к тому, что царь Борис поверил доносу митрополита и велел со-

слать чернеца под крепкое начало. Получив царское повеление, дьяк Смирной Васильев поручил дело дьяку Семейке Ефимьеву, но тот, будучи свояком Гришки, умолил Васильева отложить на некоторое время высылку Отрепьева. Прошло время, и Смирной будто бы забыл о царском указе. После объявления в Литве самозванца Борис призвал к ответу Смирного, но тот, «аки мертв, пред ним стояша и ничего не мог отвещати». Тогда царь велел забить Васильева до смерти на правеже. История, которую поведал «Новый летописец», вполне легендарна.

Предания об осуждении Отрепьева не выдерживают критики. Борисова версия (наказ 1604 г.) сводилась к тому, что патриарх, уведав воровство чернеца, «со всем вселенским собором, по правилом святых отец и по соборному уложению, приговорили сослати с товарищи его... на Белое озеро в заточенье на смерть». Однако уже при Шуйском власти сильно смягчили прежнюю версию. В новых посольских наказах весь эпизод изложен как бы скороговоркой в единственной строчке: злодей впал в еретичество, и его «с собору хотели сослать в заточенье на смерть». Тут нет и речи о формальном соборном суде и приговоре «по соборному уложению». Еретика хотели сослать, и не более того! Но одно дело — дипломатические разъяснения за рубежом, и другое дело — справки внутреннего назначения.

Сразу после переворота в пользу Шуйского посольские дьяки составили подборку документов, включавшую секретную переписку Лжедмитрия. Эту подборку они сопроводили следующей краткой справкой о самозванце: «...в лето 7110-го (1602 г. — *Р.С.*) убежал в Литву из обители архангела Михаила, яже ся нарицает Чудов, диакон черной Григорей Отрепьев, и в Киеве и в пределах его и там во иноцех дьяконствующу, и в чернокнижество обратися, и ангельский образ сверже и обруга, и по действу вражюю отступив зело от бога».

Итак, в документах, составленных для внутреннего использования, посольские дьяки вовсе отбросили ложную версию осуждения еретика. Отрепьев отступил от Бога и занялся чернокнижием после побега за рубеж, а следовательно, до побега

у патриарха и освященного собора попросту не было оснований для осуждения Отрепьева «на смерть».

Почему же московские епископы и при Шуйском продолжали писать в Польшу, будто Отрепьев перед ними на соборе был обличен и осужден на смерть? Отцы церкви грешили против истины. В их показания закралась неточность. Они в самом деле осудили и проклинали Отрепьева, но не в лицо, а заочно. Произошло это, когда в Польше объявился самозванец, которого в Москве называли именем Отрепьева.

ЛИТОВСКИЕ СКИТАНИЯ

На московском соборе выступили свидетели, «проводжавшие» Отрепьева за рубеж и общавшиеся с ним в Литве. Ими были бродячие монахи Пимен из Днепровского монастыря и Венедикт из Троице-Сергиева монастыря. Из их показаний следовало, что Отрепьев ушел в Литву не один, а в компании двух своих «товарищей» — попа Варлаама и крылошанина Мисаила. Пимен «познался» с Отрепьевым и его компанией в Спасском монастыре в Новгороде-Северском и сам проводил их в Стародуб, а оттуда за литовский рубеж до села Слободки. Монах Венедикт стал свидетелем метаморфозы Отрепьева в Литве. Он видел «вора» Гришку в Киево-Печерском монастыре, в Никольском монастыре и в дьяконах у князя Острожского. Как видно, он довольно точно назвал места скитаний Отрепьева в Литве. Но в самом важном пункте его показаний угадывается вымысел. Бродячий троцкий монах, сбежавший в Литву, явно сочинил историю о том, как он пытался изловить «вора» Гришку. По его словам, печерский игумен послал старцев, слуг и его, Венедикта, «имать» Гришку, но тот ушел к Адаму Вишневецкому, по воровскому умыслу которого и стал зваться князем Дмитрием.

Помимо старцев, перед собором выступил еще один беглец, вернувшийся из-за рубежа, — Степанко-иконник. Когда-то он жил на посаде в Ярославле, но затем ушел в Литву и завел лавочку в Киеве. Степанко сказал, что Гришка заходил в

его лавку, будучи в чернеческом платье, что он был в дьяконах в Печерском монастыре. Обо всем же остальном он знал, очевидно, с чужих слов.

Власти выступили с разоблачением самозванца как Гришки Отрепьева на основании показаний двух беглых монахов. Но бродяги, неизвестными путями попавшие из-за рубежа в руки властей, были ненадежными свидетелями. Если они и знали кремлевского дьякона, то плохо, в течение совсем недолгого времени. Монахи не внушали доверия никому, включая правительство, которое не церемонясь звало бродяг «ворами».

Нужны были более авторитетные свидетели, но они объявились в столице только через два года, когда произошел переворот, покончивший с властью и жизнью Лжедмитрия I. Новому царю Василию Шуйскому нужны были материалы, неопровержимо доказывавшие самозванство свергнутого «Дмитрия». В этот момент в Москве появился чернец Варлаам, подавший царю Василию «Извет» с обличением зловредного еретика Гришки. Продолжительное время историки считали сочинение Варлаама литературной мистификацией, предпринятой в угоду властям предрержащим. Но под влиянием новых находок эти сомнения в значительной мере рассеялись. Прежде всего в старинных описях архива Посольского приказа обнаружилось прямое указание на подлинное следствие по делу Варлаама: «Роспрос 113 (1605. — Р.С.) году старца Варлаама Ятцкого про Гришку ростригу, как он пошел с ним с Москвы и как был в Литве». Очевидно, Варлаам Яцкий именно в ходе «роспроса», или следствия, и подал властям знаменитую челобитную, которая получила не вполне точное наименование «Извет».

Со временем текст челобитной был включен в состав летописи, автор которой подверг его литературной обработке и снабдил обширными цитатами из грамот Лжедмитрия. Именно эти дополнения и побуждали исследователей считать «Извет» скорее любопытной сказкой, чем показанием достоверного свидетеля. Именно так оценивал «Извет» С.Ф. Платонов. Отношение к «Извету» решительно переменилось после того, как Е.Н. Кушева и И.А. Голубцов доказали, что «Извет» — под-

линная челобитная Варлаама, и обнаружили текст челобитной в списке ранней редакции.

Историки выражали крайнее удивление по поводу того, что Варлаам помнил точную дату выступления самозванца из Самбора в московский поход — «августа в пятый на десять день». На этом основании автора «Извета» подозревали в использовании документов и в литературной мистификации. Но точность Варлаама в этом случае легко объяснима. Старец не мог забыть день выступления самозванца из Самбора, так как именно в тот день за ним захлопнулись двери самборской тюрьмы.

В рассказе Варлаама можно обнаружить одну второстепенную деталь, которая позволяет окончательно опровергнуть предположение о том, что «Извет» — литературная мистификация. Речь идет о 5-месячном сроке заключения Варлаама в самборской тюрьме. Варлаам считал, что своим освобождением из тюрьмы после пяти месяцев заключения он был обязан доброте жены Мнишека. Тюремный сиделец не догадывался о подлинных причинах происшедшего. Самозванец выступил из Самбора в середине августа, а через пять месяцев потерпел сокрушительное поражение под Добрыничами. Его армия перестала существовать. Казалось, авантюре пришел конец. При таких обстоятельствах вопрос о безопасности самозванца перестал волновать Мнишеков, и они «выкинули» Варлаама из самборской тюрьмы. Таковы были подлинные причины освобождения московского монаха, оставшиеся неизвестными ему самому.

Варлаам оказался сущим кладом для московских судей, расследовавших историю самозванца. Выгораживая себя, Варлаам старался как можно точнее передать факты.

После перехода границы Отрепьев и его товарищи, по словам Варлаама, жили три недели в Печерском монастыре в Киеве, а затем «летовали» во владениях князя Константина Острожского в Остроге. Эти показания Варлаама подтверждаются неоспоримыми доказательствами. В свое время А. Добролюбовский обнаружил в книгохранилище Загоровского монастыря на Волини книгу, отпечатанную в типографии князя Острожского в Остроге в 1594 г., со следующей надписью:

«Лета от сотворения миру 7110-го, месяца августа в 14-й день, сию книгу Великого Василия дал нам, Григорию с братею с Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович, нареченный во святом крещении Василей, Божиею милостию пресветлое княже Острожское, воевода Киевский».

Примечательно, что дарственная надпись на книге была сделана не Острожским, не его людьми, а самими монахами. Со временем неизвестная рука дополнила «дарственную» надпись на книге Василия Великого: над словом «Григорию» появилась помета «царевичу Московскому». Поправка к надписи чрезвычайно интересна, но сама по себе не может помочь установлению тождества самозванца и Отрепьева. Скорее всего надпись по поводу «царевича» сделал один из трех бродячих монахов. Надпись на книге замечательна как подтверждение достоверности рассказа Варлаама о литовских скитаниях Отрепьева.

Рассказ Варлаама находит поразительную аналогию в «Исповеди» Лжедмитрия, записанной его покровителем Адамом Вишневецким в 1603 г. В «Исповеди» самозванца причудливо соединялись наивные вымыслы и реальные сведения биографического характера.

Поначалу самозванец именовал себя «царевич Московский». Но Вишневецкому он рассказывал, будто царь Иван назначил ему «во владение Углич, Дмитров, Городец». В неоконченном завещании Грозного в составе Угличского удельного княжества названы другие города.

«Царевич» знал очень многое из того, что касалось угличской трагедии и дворцовых дел в целом. Но едва он начинал излагать обстоятельства своего чудесного спасения, как его рассказ превращался в неискусную сказку. По словам «царевича», его спас некий воспитатель, имени которого он не называет. Проведав о планах жестокого убийства, воспитатель подменил царевича другим мальчиком того же возраста. Несчастный мальчик и был зарезан в постельке царевича. Когда мать-царица прибежала в спальню, она смотрела на свинцово-серое лицо убитого обливаясь слезами и не могла распознать подмены.

В момент, когда решалась судьба интриги, «царевич» должен был собрать воедино всё доказательство своего царского происхождения, какие у него только были. Однако оказалось, что доказательствами он не располагал. «Дмитрий» не мог назвать ни одного свидетеля. Он имел возможность сослаться на мнение убитых или заточенных Борисом бояр, которые не могли опровергнуть его вымысел, но он не сделал и этого. В его рассказе фигурируют двое безымянных воспитателей, заблаговременно умерших до его побега в Польшу, да такой же безымянный монах, который «узнал» в нем царевича по царственной осанке!

Самозванный «царевич» избегал называть какие бы то ни было точные факты и имена, которые могли быть опровергнуты в результате проверки. Он признавал, что его чудесное спасение осталось тайной для всех, включая его собственную мать, томившуюся в монастыре в России.

Знакомство с «Исповедью» самозванца обнаруживает тот поразительный факт, что он явился в Литву, не имея хорошо обдуманной и достаточно правдоподобной легенды. Как видно, на русской почве интрига не получила достаточного развития, а самозванец — достаточной подготовки. Его рассказы кажутся неловкой импровизацией. На родине ему успели подсказать одну только мысль о царственном происхождении.

В речах «царевича» были, конечно, и достоверные моменты. Он не мог скрыть некоторых фактов, не рискуя прослыть явным обманщиком. В частности, в Литве знали, что он явился туда в монашеской одежде, служил в киевских монастырях службу и наконец сбросил рясу. Расстрижение ставило «претендента» в очень щекотливое положение. Не имея возможности скрыть этот факт, он должен был как-то объяснить возвращение в мир. Прежде всего он сочинил сказку, будто Годунов убедил царя Федора сложить с себя государственные заботы и вести монашескую жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре и будто Федор сделал это тайно, без ведома опекунов. Таким образом, младший «брат» лишь шел по стопам старшего «брата». О своем пострижении «царевич» рассказал в самых неопределенных выражениях. Суть его рассказа сводилась к сле-

дующему. Перед смертью воспитатель вверил спасенного им мальчика попечению некоей дворянской семьи. «Верный друг» держал воспитанника в своем доме, но перед кончиной посоветовал ему, чтобы избежать опасности, войти в обитель и вести жизнь монашескую. Следуя благому совету, юноша принял монашеский образ жизни, и так им пройдена была почти вся Московия. Когда один монах опознал в нем царевича, юноша решил бежать в Польшу.

Можно констатировать совпадение биографических сведений, относящихся к Отрепьеву и самозванцу, почти по всем пунктам. Оба воспитывались в дворянской семье, оба приняли вынужденное пострижение, оба исходили Московию в монашеском платье.

Описывая свои литовские скитания, «царевич» упомянул о пребывании у князя Острожского в Остроге, о переходе сначала к пану Гавриле Хойскому в Гощу, а затем к Адаму Вишневецкому в Брачин. В имении Вишневецкого в 1603 г. и был записан его рассказ.

Замечательно, что спутник Отрепьева Варлаам, описывая странствия с ним в Литве, назвал те же самые места и даты. П. Пирлинг, впервые обнаруживший это знаменательное совпадение, увидел в нем бесспорное доказательство тождества Отрепьева и Лжедмитрия. В самом деле, с одной стороны, имеется полная возможность проследить за историей реального лица — Григория Отрепьева — вплоть до того момента, как он пересек границу. С другой стороны, хорошо известен путь Лжедмитрия от Брачина до Московского Кремля. Превращение бродячего монаха в царевича произошло на отрезке пути от границы до Брачина. По словам Варлаама, Григорий Отрепьев прошел через Киев, Острог, Гощу и Брачин, после чего объявил себя царевичем. Лжедмитрий подтвердил, что он после пересечения границы прошел те же самые пункты, в той же последовательности и в то же время. Возможность случайного совпадения исключается, как и возможность сговора между автором «Извета» и Лжедмитрием. Варлаам не мог знать содержания секретного доклада Вишневецкого королю, а самозванец не мог предвидеть того, что напишет Варлаам после его смерти.

По образному выражению В.О. Ключевского, Лжедмитрий «был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве».

Царь Борис нимало не сомневался в том, что самозванца подготовили крамольные бояре. Один из царских телохранителей, Конрад Буссов, передает, что Годунов при первых же известиях об успехах самозванца сказал в лицо своим боярам, что это их рук дело и задумано оно, чтобы свергнуть его, в чем он и не ошибся, добавил от себя Буссов.

Известный исследователь Смуты С.Ф. Платонов возлагал ответственность за самозванческую интригу на бояр Романовых и Черкасских. «...Подготовку самозванца, — писал он, — можно приписывать тем боярским домам, во дворах которых служивал Григорий Отрепьев». Мнение С.Ф. Платонова остается не более чем гипотезой. Отсутствуют какие бы то ни было данные о том, что Романовы непосредственно участвовали в подготовке Лжедмитрия. Однако следует иметь в виду, что именно на службе у Романовых и Черкасских Юрий Отрепьев получил весь запас политических взглядов и настроений. Именно от Никитичей и их родни Юшка усвоил взгляд на Бориса как на узурпатора и проникся ненавистью к «незаконной» династии Годуновых.

Множество признаков свидетельствует о том, что самозванческая интрига родилась не на подворье Романовых, а в стенах Чудова монастыря. В то время Отрепьев уже не пользовался покровительством могущественных бояр и мог рассчитывать только на свои силы.

Авторы сказаний и повестей о Смутном времени прямо указывали на то, что уже в Чудовом монастыре чернец Григорий «нача в сердце своем помышляти, како бы ему достигнути царскова престола», и сам сатана «обеща ему царствующий град поручити». Автор «Нового летописца» имел возможность беседовать с монахами Чудова монастыря, хорошо знавшими черного дьякона Отрепьева. С их слов летописец записал следующее: «Ото многих же чюдовских старцев слышав, яко (чернец Григорий. — Р.С.) в смехотворие глаголаше старцем, яко царь буду на Москве».

Кремлевский Чудов монастырь оказался подходящим местом для всевозможных интриг. Расположенный под окнами

царских теремов и правительственных учреждений, он давно попал в водоворот политических страстей. Благочестивый царь Иван IV желчно бранил чудовских старцев за то, что они только по одежде иноки, а творят все как миряне. Близость к высшим властям наложила особый отпечаток на жизнь чудовской братии. Как и в верхах, здесь царил раскол и было много противников новой династии, положение которой оставалось весьма шатким.

Со слов монахов, знавших Отрепьева, летописец записал любопытный рассказ о том, что в Чудовом монастыре «окаянный Гришка многих людей вопрошаше о убиении царевича Дмитрия и проведаша накрепко». Однако Отрепьев мог знать об угличских событиях не только из рассказов чудовских монахов. В Угличе жили близкие родственники Григория Отрепьева. При поступлении на службу братья Смирной и Богдан Отрепьевы поручились за своего родственника Андрея Игнатьевича Отрепьева. Против имени Андрея в дворянском списке было помечено: «Служит с Углича». Имеются данные о том, что угличские Отрепьевы владели двором в Угличе и что Борис Годунов купил себе место дворовое подле их усадьбы. В 1598 г. голова Тихон Отрепьев, родной дядя Гришки, привез в Соловецкий монастырь вклад Бориса Годунова на помин души царя Федора. Это поручение свидетельствовало о том, что Годунов лично знал Отрепьевых и доверял им. Таким образом, можно полагать, что Отрепьевы обладали некоторым запасом семейных преданий об угличской драме.

Зная традиционную систему мышления в Средние века, трудно представить, чтобы чернец, принятый в столичный монастырь «ради бедности и сиротства», дерзнул сам по себе выступить с претензией на царскую корону. Скорее всего он действовал по подсказке людей, остававшихся в тени.

В Польше Отрепьев наивно рассказал, как некий брат из монашеского сословия узнал в нем царского сына по осанке и «героическому нраву». Безыскусность рассказа служит известной порукой его достоверности. Современники записали слухи о том, что монах, подучивший Отрепьева, бежал с ним в Литву и оставался там при нем. Московские власти уже при Бори-

се объявили, что у Гришки Отрепьева «в совете» с самого начала были двое сообщников — Варлаам и Мисаил Повадьин. Из двух названных монахов Мисаил был, кажется, ближе к Отрепьеву. Оба жительствова­ли в Чудовом монастыре, оба числились крылошанами. Они договорились отправиться за рубеж, а Варлаам, по его собственным словам, лишь присоединился к ним.

Наибольшую осведомленность по поводу Мисаила проявил автор «Сказания и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве». «Сказание» — единственный источник, назвавший полное мирское имя Мисаила — Михаил Трофимович Повадьин, сын боярский из Серпейска. Автор «Сказания» несколькими штрихами рисует портрет Мисаила. Когда Отрепьев позвал его в Севершину, тот обрадовался, так как был «прост сый в разуме, не утвержден». Сказанное рассеивает миф, будто интригу мог затеять Мисаил. Чудовский чернец был первым простаком, поверившим в Отрепьева и испытавшим на себе его влияние.

Варлаам был человеком совсем иного склада, чем Мисаил. Его искусно составленный «Извет» обличает в нем изощренный ум. Варлаам, по его собственным словам, постригся «в немощи». Отсюда можно заключить, что он был много старше 20-летнего Отрепьева. Подобно Мисаилу Повадьину и Юрию Отрепьеву, Варлаам Яцкий происходил из провинциальных детей боярских. Яцкие служили по Малому Ярославцу и Коломне. Любопытно, что в Коломенской десятне 1577 г. против имен двух Яцких (Романа Васильева и Бажена Яковлева) были сделаны однотипные записи: «Бега­ет в разбое». Подлинные обстоятельства, заставившие Варлаама покинуть службу и постричься в монахи, неизвестны.

Официальное расследование в Москве позволило установить, что поп Варлаам Яцкий и крылошанин Мисаил Повадьин были «чудовскими чернцы». В своей челобитной Варлаам намекал на то, что был вхож в самые знатные боярские дома столицы. С чудовским монахом Мисаилом он встретился в доме князя Ивана Ивановича Шуйского, подвергшегося царской опале двумя годами ранее.

Рассказ Варлаама о том, что он впервые увидел Отрепьева на улице накануне отъезда в Литву и что последний назвался царевичем только в Брачине у Вишневецкого, выглядит как неловкая ложь. «Извет» буквально проникнут страхом автора за свою жизнь. Ожидание суровой расправы как нельзя лучше подтверждает предположение, что именно Варлаам подсказал Отрепьеву его роль.

Низшая монашеская братия, скитавшаяся по обителям, имела возможность первой оценить народную молву о том, что сын царя Ивана IV жив и от него следует ждать избавления от всех несчастий. Кремлевские иноки поддерживали тесные связи с боярами. В «Извете» царю Василию Шуйскому Варлаам, по понятным причинам, назвал лишь имя князя Ивана Шуйского. Кем были другие покровители Варлаама и кто из них инспирировал его действия, установить невозможно. Враждебная Борису знать готова была использовать любые средства, чтобы в случае смерти царя решить династический вопрос в свою пользу. Монахи оказались подходящим орудием, чтобы обратить народную молву в политическую интригу. Однако эти планы потерпели полное крушение при первых же попытках практического осуществления.

Когда Отрепьев пытался «открыть» свое царское имя со товарищам по монастырю, те отвечали откровенными издевательствами — «они же ему плеваху и на смех претворяху». В Москве претендент на «царство» не нашел ни сторонников, ни сильных покровителей. Отъезд его из столицы носил, по-видимому, вынужденный характер. Григория гнал из Москвы не только голод, но и страх разоблачения.

В своей челобитной Варлаам Яцкий старался убедить власти, будто он предпринял первую попытку изловить «вора» Отрепьева уже в Киево-Печерском монастыре. Но его рассказ не выдерживает критики. В книгах московского Разрядного приказа можно найти сведения о том, что в Киеве Отрепьев пытался открыть печерским монахам свое царское имя, но потерпел такую же неудачу, как и в Кремлевском Чудовом монастыре. Чернец будто бы прикинулся больным (разболелся «до умертвия») и на исповеди признался игумену Печерского мо-

настыря, что он — царский сын, «а ходит будто в ыскусе, не пострижен, избегаючи, укрываяся от царя Бориса...». Печерский игумен указал Отрепьеву и его спутникам на дверь.

В Киеве Отрепьев провел три недели в начале 1602 г. Будучи изгнанными из Печерского монастыря, бродячие монахи весной 1602 г. отправились в Острог «до князя Василя Острожского». Подобно властям православного Печерского монастыря, князь Острожский не преследовал самозванца, но велел прогнать его.

С момента бегства Отрепьева из Чудова монастыря его жизнь представляла собой цепь унижительных неудач. Самозванец далеко не сразу приноровился к избранной им роли. Оказавшись в непривычном для него кругу польской аристократии, он часто терялся, казался слишком неповоротливым, при каждом его движении «обнаруживалась тотчас вся его неловкость».

Будучи изгнанным из Острога, самозванец нашел прибежище в Гоще. Лжедмитрий не любил вспоминать о времени, проведенном в Остроге и Гоще. В беседе с Адамом Вишневецким он упомянул кратко и неопределенно, что он бежал к Острожскому и Хойскому и «молча там находился». Совсем иначе излагали дело иезуиты, заинтересовавшиеся делом «царевича». По их словам, «царевич» обращался за помощью к Острожскому-отцу, но тот якобы велел гайдукам вытолкать самозванца за ворота замка.

После того как самозванческая интрига вышла наружу, Острожский пытался уверить Годунова, а заодно и собственное правительство в том, что он ничего не знает о претенденте. Сын Острожского Януш был более откровенным в своих «объяснениях» с королем. 20 февраля (2 марта) 1604 г. он писал Сигизмунду III, что несколько лет знал москвитянина, который называл себя наследственным владельцем Московской земли: сначала он жил в монастыре отца в Дермане, затем у ариан. Письмо Януша Острожского не оставляет сомнений в том, что уже в Остроге и Дермане Отрепьев называл себя московским царевичем.

Самозванцу надо было порвать связь с прошлым, и поэтому он решил расстаться с двумя своими сообщниками, высту-

павшими главными свидетелями в пользу его «царского» происхождения. Побег из Дерманского монастыря объяснялся также тем, что Отрепьев изверился в возможности получить помощь от православных магнатов и православного духовенства Украины.

Покинув Дерманский монастырь, Отрепьев, по словам Варлаама, скинул с себя иноческое платье и «учинился» мирянином. Порвав с духовным сословием, он лишился куска хлеба. Иезуиты, интересовавшиеся первыми шагами самозванца в Литве, утверждали, что расстриженный дьякон, оказавшись в Гоше, вынужден был на первых порах прислуживать на кухне у пана Гаврилы Хойского.

Гоша была центром арианской ереси. Последователи Фауста Социна, гошинские ариане принадлежали к числу радикальных догматиков-антитринитариев. Местный магнат пан Хойский был новообращенным арианином. До 1600 г. он исповедовал православную веру. Отрепьев недолго пробыл на панской кухне — Хойский обратил внимание на московского беглеца. Из своих скитаний по монастырям Отрепьев вынес чувство раздражения и даже ненависти к православным ортодоксам — монахам. Проповеди антитринитариев, видимо, произвели на него потрясающее впечатление. По словам современников, расстриженный православный дьякон пристал к арианам и стал отправлять их обряды, чем сразу снискал их благосклонность.

В Гоше Отрепьев получил возможность брать уроки в арианской школе. По словам Варлаама, расстриженного дьякона учили «по-латынски и по-польски». Одним из учителей Отрепьева был русский монах Матвей Твердохлеб, известный проповедник арианства. Происки ариан вызвали гнев у католиков. Иезуиты с негодованием писали, что ариане старались снискать расположение «царевича» и даже «хотели совершенно обратить его в свою ересь, а потом, смотря по успеху, распространить ее и во всем Московском государстве». Те же иезуиты, не раз беседовавшие с Отрепьевым на богословские темы, признали, что арианам удалось отчасти заразить его ядом неверия, особенно в вопросах о происхождении Святого Духа и

обряде причащения, в которых взгляды ариан значительно ближе к православию, чем к католичеству.

По словам Варлаама, Отрепьев жил у еретиков в Гоще до марта — апреля 1603 г., а «после Велика дни [из] Гощи пропал». Судя по всему, самозванец нашел прибежище у запорожских казаков. По некоторым данным, Гришка будто бы бежал к запорожским казакам в роту старшины их Герасима Евангелика и был там с честью принят. Если приведенные сведения достоверны, то на основании их можно заключить, что связи с гощинскими арианами помогли Отрепьеву наладить связи с их запорожскими единомышленниками. Когда начался московский поход, в авангарде армии Лжедмитрия I шел небольшой отряд казаков во главе с арианином Яном Бучинским. Последний был ближайшим другом и советником самозванца до его последних дней.

Помощь ариан помогла Отрепьеву преодолеть последствия его разрыва с православным духовенством, но в то же время нанесла огромный ущерб его репутации. Православные люди, наслышанные о «царевиче», к великому своему смущению, убедились в том, что он пренебрегает обрядами православной церкви. Свидетель обвинения старец Венедикт, давший показания перед освященным собором в Москве, резко осуждал Отрепьева за то, что тот грубо нарушил пост. Примкнув к арианам, Отрепьев явно не предвидел последствий своего шага. В глазах русских людей «хороший» царь не мог исповедовать никакой иной религии, кроме православия. Для московских властей переход Отрепьева в арианскую веру был сущей находкой: Они навеки заклеили его как еретика.

Отрепьев не порвал с арианами. Ничто не мешало ему вернуться в Гощу и продолжать обучение в арианских школах. Однако самозванец должен был уразуметь, что он не имеет никаких шансов занять царский трон, будучи еретиком. Столкнувшись в первый раз с необходимостью уладить отношения с православным духовенством, «царевич» решил искать покровительства у Адама Вишневецкого — ревностного сторонника православия. «Новый летописец» подробно рассказывает, как Отрепьев прикинулся тяжелобольным в имении Вишневецкого и на исповеди открыл священнику свое царское происхождение.

ние. История о «болезни» самозванца, однако, слишком легендарна. В письме Вишневецкого нет никаких намеков на этот эпизод. Вишневецкий признал «царевича» не потому, что поверил его бессвязным и наивным басням. В затейной игре у князя Адама были свои цели. Вишневецкие враждовали с московским царем из-за земель. Приняв самозванца, князь Адам получил сильное средство нажима на русское правительство.

В конце XVI в. отец Адама князь Александр завладел обширными украинскими землями по реке Сула в Заднепровье. Сейм утвердил за ним его приобретения на праве собственности. Занятие порубежных мест, издавна тяготевших к Черниговщине, привело к столкновению между Александром Вишневецким и царем. Вишневецкие отстроили город Лубны, а затем поставили слободу на Прилуцком городище. Прибывшие из Чернигова головы прогнали их из Прилуцка, но вскоре сами подверглись нападению литовцев. Московские власти отдали приказ о прекращении военных действий, не желая провоцировать войну с Речью Посполитой.

После заключения русско-польского перемирия стороны вскоре приступили к уточнению линии границ. Размежевание рубежей сопровождалось многими спорами («задорами»). Работа по размежеванию началась в 1602 г. и в некоторых местах продолжалась в 1603 г. Разрядный приказ неоднократно направлял дворян с ратными людьми в Великие Луки, Торопец, Чернигов, Путивль и другие пограничные пункты. Московские дипломаты жаловались, что в ряде мест литовские судьи учинили при размежевании земель «кроворазлитие», «воинским обычаем» переходили рубеж «в нашу землю». В районе Белой, записал местный летописец, литовские люди «положили рубежи мимо договора... зашедши многие места московских городов». В свою очередь, литовские межевые судьи предъявили русской стороне аналогичные обвинения. Самые крупные инциденты произошли на Северщине из-за городков Прилуки и Снетино. Русские власти утверждали, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем господарстве в Северской земли Прилуцкое и Снетино городище осваивают». Дело закончилось тем, что в 1603 г. Борис Годунов велел сжечь спорные городки.

Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые.

Вооруженные стычки во владениях Вишневецкого могли привести к более крупному военному столкновению. Надежда на это и привела Отрепьева в Брачин. Самозванец рассчитывал, что Вишневецкий поможет ему втянуть в военные действия против России татар и запорожских казаков.

Борис Годунов обещал князю Адаму щедрую награду за выдачу «вора». Получив отказ, царь готов был прибегнуть к силе. Опасаясь этого, Вишневецкий увез Отрепьева подальше от границы, в Вишневец, где тот «летовал и зимовал».

Первыми домогательства самозванца признали армяне. Но их признание не принесло выгоды Отрепьеву, а, напротив, поставило его в затруднительное положение. В именин Адама Вишневецкого Отрепьев добился более прочного успеха. Магнат велел прислуге оказывать московскому «царевичу» полагавшиеся ему по чину почести. По свидетельству Варлаама, он «учинил его (Гришку. — Р.С.) на колестницах и на конех и людно». Князь Адам имел репутацию авантюриста, бражника и безумца, но он был известен также как рьяный поборник православия. Семья Вишневецких состояла в дальнем родстве с Иваном Грозным. Родня князя Адама — Дмитрий Вишневецкий — был троюродным братом московского царя. Признание со стороны Адама Вишневецкого имело для Отрепьева неоценимое значение. Оно устраняло все сомнения в приверженности «царевича» православной вере и обеспечивало ему важные преимущества. Вишневецкий признал безродного проходимца «своим» по родству с угасшей московской династией.

ПОДГОТОВКА МОСКОВСКОГО ПОХОДА

В конце XVI в. Речь Посполитая переживала острый внутренний кризис. В 1591 г. гетман Косинский руководил восстанием казаков, продолжавшимся два года. Летом 1594 г. Наливайко и Лобода возглавили новый мятеж. С Украины движение перебросилось на Белоруссию. Речи Посполитой при-

шлось собрать крупные военные силы, чтобы нанести решительное поражение казакам.

К 1602—1603 гг. брожение вновь охватило украинские земли. Наибольшее беспокойство властей вызывала Запорожская Сечь — центр казацкой вольницы. Запорожцы закупали оружие, вербовали добровольцев, запасались продовольствием. Самозванец рассчитывал использовать недовольство казаков в своих целях.

Польское правительство опасалось, как бы выступление запорожцев не стало сигналом к новому мятежу на Украине. 2 (12) декабря 1603 г. Сигизмунд III издал грозный универсал, воспрещавший под страхом смертной казни продавать казакам оружие и боеприпасы. Власти пытались затруднить приток добровольцев в Сечь. Однако запорожцы не обратили на королевский универсал никакого внимания.

Появление претендента на русский трон в пределах Речи Посполитой стало вскоре причиной ожесточенной политической борьбы. Наиболее дальновидные политики Польши во главе с коронным гетманом Яном Замойским оценили действия Адама Вишневецкого как авантюру. Замойский пользовался огромным авторитетом в государстве, и князь Адам был вынужден представить ему свои объяснения. В письме от 27 сентября (7 октября) 1603 г. Вишневецкий принес свои извинения за то, что с запозданием дал знать гетману о появлении московского «царевича». «Поскольку в мой дом, — писал князь Адам, — попал человек, который доверился мне, что он сын Ивана, этого тирана... и хочет попросить помощи [у короля]... прошу Вашего совета, что с этим делать». Оправдывая свои действия, Вишневецкий выдвинул на первый план два момента: получение из России новостей, благоприятных для претендента, и показания перебежчиков. «Причина того, — писал князь Адам, — что я не сразу оповестил Вас о нем, та, что я сам в этом весьма сомневался, а теперь, когда к нему прибежали совсем недавно более 20 москалей, признавшие, что царство по естественному праву принадлежит ему, то, воспринимая это как доказательство, посылаю Вашей милости новости из Московии».

Замойский немедленно посоветовал Вишневецкому известить обо всем короля, а затем отправить самого претендента либо к королю, либо к нему, гетману.

22 октября 1603 г. Сигизмунд III пригласил папского нунция Рангони и уведомил его о появлении в имени Адама Вишневецкого москвитянина, который называет себя царевичем Дмитрием и намеревается вернуть себе наследственный трон при помощи казаков и татар. Король приказал Вишневецкому привезти претендента в Краков и представить подробное донесение о его личности. Князь Адам переслал Сигизмунду III подробную запись рассказа Лжедмитрия. Однако переписка с Замойским убедила его в том, что правительство Речи Посполитой не склонно поддерживать самозванческую интригу, и поэтому он не спешил передать самозванца в руки официальных властей. Имеются сведения, что Вишневецкий уже в январе 1604 г. стал собирать армию для самозванца в пределах своей вотчины в Лубнах, на Суле. Собранных сил было слишком мало, чтобы помышлять о серьезном вторжении в Россию. Но Лжедмитрий и его покровитель рассчитывали найти союзников на Украине и за ее пределами. Особые надежды они возлагали на крымского хана.

Отношения между Россией и Крымом были неустойчивыми. В любой момент можно было ждать войны. Угроза татарского вторжения резко усилилась в 1604 г. В Москве уже весной получили известие о том, что крымский хан разорвал мир с царем и готовится идти на Русь.

Приступив к сбору армии в Лубнах, Вишневецкий планировал вторгнуться в пределы России в тот момент, когда ее воинские силы будут связаны борьбой с татарами или понесут серьезное поражение в этой борьбе. По-видимому, самозванец и его покровитель пытались завязать сношения с ханом. В 1604 г. крымский гонец сообщил царю, что Вишневецкий уведомил хана о прибытии к нему «царевича» и заявил, что он, в отличие от короля, не связан присягой о мире с Борисом и может действовать, не считаясь с мирным договором. Лубны находились на кратчайшем расстоянии от сожженных царскими воеводами Прилук. Вишневецкий вел свою особую войну с Борисом.

Однако его надежды на столкновение между Россией и Крымом не оправдались.

В значительной мере успех авантюры зависел от того, найдет ли идея «доброго царя» поддержку среди казацкой вольницы и православного населения Украины. Семья Вишневецких сохранила связи с казацкими старшинами и церковными православными иерархами. Эти связи были пущены в ход. Самозванец не жалел обещаний, чтобы привлечь на свою сторону запорожцев.

Однако вольные казаки не проявляли особого энтузиазма. Они предпочитали иметь дело с подлинным царем на Москве, откуда приходило государево жалованье. Отрепьев награждал их лишь на словах.

2 февраля 1604 г. годуновские агенты доносили с Украины, что «Дмитрий» вел переговоры с посланцами из Запорожья и «им имался у Путивли за их службы их жаловат, как, кажет, мене на Путивль насадите». Видимо, военные планы Вишневецкого и Отрепьева определились в конце 1603 г. Самозванец рассчитывал с помощью казаков занять Путивль. Однако его обращение к казацкой вольнице не имело успеха.

Лжедмитрий пытался втянуть в авантюру не только запорожских, но и донских казаков. Он обратился к ним в Раздоры с грамотой. Содержание грамоты подробно пересказано в ответном послании атаманов. Аутентичность казацкого письма и грамоты не вызывает сомнения, однако текст письма сохранился в испорченном польском переводе. Послание с Дона было составлено от имени «донского низового атамана Ивашки Степанова, и всех атаманов казацких, и всего войска». Упомянутого Ивана Степанова можно отождествить со Смагой Степановым Чертенским — главным атаманом войска в годы Смуты. В своих грамотах в Москву атаман именовал себя Смагой Чертенским, а в письме Лжедмитрию назвал свое подлинное имя — Иван.

Самозванец ссылался на авторитет своего мнимого отца и обещал казакам «полную волю». Атаманы процитировали его обращение в своем письме: «Писал ты до нас через запорожских казаков: святой памяти отца своего, а нашего государя

прирожденного царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и всего достоинства царского относительно полных вольных лет, что тебя, государя, Бог укрыл от неповинной смерти». Обещание полной воли произвело большое впечатление на донских казаков. С удивительной наивностью они адресовали свой ответ «по воле и благословению Бога дарованному государю царевичу, воскресшему, как Лазарь, из мертвых...». Донцы были готовы признать себя подданными законного царевича: «Мы, холопы твои или подданные твои, государя прирожденного, все радуемся такому долгожданному утешению и, выполняя волю Бога и твою, государеву... послали до тебя, государя, двух атаманов...» В Литву выехали атаманы Корела, Михаил Межаков и пять казаков. При них находилась войсковая грамота, датированная 15 ноября 1603 г.

Когда послы с вольного Дона появились в пределах Украины, князь Януш Острожский велел арестовать их. «Некоторые из них, — писал о захваченных казаках Острожский, — лица важные, именно: один — старший среди них; другой — который ездил к ним (донским казакам. — *Р.С.*) за союзом (конфедерацией); третий — который их туда (на Дон. — *Р.С.*) провожал...».

Обнаруженные у послов пакеты Острожский немедленно отослал Замойскому. 2 (12) января 1604 г. князь Януш извещал короля, что на Украине «ширяются волнения своевольных людей, которые собираются в Лубнах (резиденции Вишневецких за Днепром. — *Р.С.*) и желают возвести того москвитянина на московское княжество». 9 (19) февраля 1604 г. Острожский сообщил королю об отобранных у донских атаманов документах, сделав по этому поводу следующее пояснение: «...их, думаю, гетман переслал теперь к Вам... и Вы поэтому познакомились с содержанием союза (конфедерации), который он (Дмитрий. — *Р.С.*) имеет с низовцами». Письмо, которое везли послы, было составлено от имени «донских низовых атаманов». Очевидно, их и имел в виду Острожский, упоминая о «низовках». Рассчитывая на поддержку Замойского, Острожский предлагал королю принять срочные военные меры против казаков еще до того, как вскрыется лед на Днепре. Иначе, писал Острожский, произойдет «воровство», которое приведет к

тому, что казаки, соединившись, или вторгнутся в Московскую землю, или получат возможность произвести великие беспорядки на Украине. Однако письмо Острожского осталось без ответа. В правительственных кругах Речи Посполитой произошли серьезные изменения. Немногочисленные, но влиятельные сторонники войны с Россией взяли верх при королевском дворе.

Неожиданно для своих подданных Сигизмунд III приказал освободить послов с Дона и доставить их в Краков к Лжедмитрию. 13 марта 1604 г. король обратился к коронному гетману Яну Замоискому за советом, а фактически предложил ему возглавить поход на Москву. Гетман, возглавлявший оппозицию королю в Польше, решительно отклонил это предложение.

В письме от 14 (24) марта 1604 г. Замоиский отверг план похода в Россию как «противозаконный» и отметил, что силы предполагаемой экспедиции, имевшей целью водворить «Дмитрия» в Россию, невелики, а русское правительство уже осведомлено об этом плане, так что дело может закончиться только поражением; успех был бы возможен, если бы против Бориса выступили сами бояре, но и в таком случае успех проблематичен. Будучи дальновидным политиком, Замоиский подчеркивал, что авантюра не принесет никакой пользы Речи Посполитой: «Самое большее, на что может рассчитывать князек, что тамошние бояре свергнут московского князя» (Бориса). «Однако, — продолжал гетман, — давно мы имеем о том сведения, что Борис одних видных людей приказал казнить, других посадил» (в темницу), что он хорошо платит двору, при поддержке которого сел на трон и которому принадлежит «всей земли сила». Замоиский призвал короля трезво рассудить «о земле Московской, ее порядках и мощи ее князя».

Мир был настоящей необходимостью не только для Русского государства, но и для Польши. Польско-литовские войска вели трудную борьбу со шведами в Ливонии. Канцлер Ян Замоиский уже в конце 1602 г. предложил заключить союз с Россией и скрепить его браком короля с Ксенией Годуновой. Однако Сигизмунд III решительно отклонил предложения канцлера. Король подозревал, что Москва попытается доста-

вить шведскую корону своему ставленнику королевичу Густаву, сыну свергнутого шведского короля Эрика XIV. Подозрения были беспочвенными, поскольку в 1601 г. Густав был сослан из Москвы в Углич и подвергся царской опале. Следуя личным расчетам, Сигизмунд III постарался убедить сенат и шляхту, будто Россия угрожает Речи Посполитой и ее интересам в Ливонии.

Решительная позиция, занятая гетманом Замойским и другими сенаторами, оказала влияние на королевский двор. Сигизмунд III вынужден был отказаться от официальной поддержки самозванца и не предлагал более послать свою армию в Россию. В письмах к разным лицам король не скрывал тревоги по поводу возможной войны с царем. В то же время Сигизмунд III старался убедить сенаторов в том, что вмешательство в русские дела сулит короне огромные выгоды: «Этот важный случай послужит к добру, славе и увеличению Речи Посполитой, ибо, если бы этот Дмитрий при нашей помощи был посажен на царство, много бы выгод произошло из этого обстоятельства: и Швеция в таком случае могла быть освобождена, и инфлянты были бы успокоены...» Выдвигая на первый план заботу о Речи Посполитой, Сигизмунд III в действительности преследовал свои династические интересы. Он готов был помочь самозванцу, чтобы облегчить себе «возвращение» шведского трона.

Самым решительным сторонником немедленной войны с Россией выступил сенатор Юрий Мнишек. Гетман С. Жолковский, наблюдавший за интригами сторонников войны, писал, что Мнишек действовал посредством лести и лжи, но особенно важна была для него помощь его родственника кардинала Б. Мациевского, имевшего в то время большой вес при дворе короля. Мнишек помог самозванцу заручиться поддержкой литовского канцлера Льва Сапегы. Канцлер во всеуслышание заявил, что «Дмитрий» очень похож на покойного царя Федора, и позже пообещал снарядить и прислать в помощь «царевичу» 2000 всадников.

Перед тем как представить королю самозванца, покровители Отрепьева организовали неловкую инсценировку.

На службе у Сапеги в течение двух лет подвизался некий холоп Петрушка, московский беглец, по происхождению лифляндец, попавший пленником в Москву в детском возрасте. Тайно потворствуя интриге, Сапега объявил, что его слуга, которого теперь стали величать Юрием Петровским, хорошо знал царевича Дмитрия по Угличу. Петрушка («Петровский») был спешно отправлен к Вишневецкому, чтобы удостоверить личность претендента. Встреча произошла в Жаложницах, куда самозванца доставил зять Мнишека Константин Вишневецкий. По словам Мнишека, «Петровский» сразу признал москвитя за истинного царского сына, указав на знаки, «которые он на его теле видел». На самом деле встреча в Жаложницах едва не кончилась скандалом. При виде самозванца пан «Петровский» не нашелся что сказать. Тогда Отрепьев, спасая дело, громогласно заявил, что узнает бывшего слугу, и уверенно стал с ним беседовать. Холоп тут же «вызнал» царевича.

Встреча в Жаложницах имела место скорее всего в конце января либо в начале февраля 1604 г. Результаты были тотчас доложены королю. В письме от 4 (14) февраля 1604 г. Сигизмунд III известил об этом Замойского, отметив, что «инфлянт» («Петровский». — *Р.С.*) прислуживал царевичу Дмитрию и, более того, находился при нем, когда «совершили убийство истинного ли сына или подложного младенца».

Московские власти установили, что под именем «инфлянтца Петровского» скрывался беглый холоп Петрушка, в младенчестве увезенный сыном боярским И. Михневым из Ливонии и выросший в его тульском поместье. Когда Михнев ездил в Вильну в посольской свите, холоп бежал от него. Сапега взял Петрушку к себе взамен своего холопа, сбежавшего от него в Москве, и держал его в «худых людех». При Шуйском московские дипломаты в глаза обличали Льва Сапегу за неловкий обман. «Тебе, Льву, — говорили послы, — самому про него ведомо: служил он на Москве у сына боярского у Истомы Михнева, а звали его Петрушею, а не Юрием Петровским... а на Угличе он николи не бывал, и царевича Дмитрия не видал, и у нас таких страдников ко государским детем не припускают».

Из Жаложниц князь Константин, не теряя времени, отвез самозванца в Самбор. Там провели новые «смотрины», о которых Мнишек рассказал следующее: «В Самборе некоторый слуга господина воеводы (Юрия Мнишека. — *Р.С.*), который под Псковом пойман был и, несколько лет находясь в Москве в неволе, знал его (царевича Дмитрия. — *Р.С.*) еще в детстве и признал его (самозванца. — *Р.С.*) за того же».

При Шуйском произошло любопытное объяснение между царскими и королевскими послами. Изложив причины, побудившие короля поверить самозванцу, польские дипломаты отметили: «И для таковых всих мер, а не за свидетельством Петровского и двух чернцов (!) и хлопца пана воеводиного (Мнишека. — *Р.С.*) яко есте написали, склонившись веру дать тому» («Дмитрию». — *Р.С.*).

Несколько иначе очертил круг свидетелей старец Варлаам. Князя угличского, по его словам, узнали «пять братьев Хрипуновых, да Истомин человек Михнева Петрушка («Петровский». — *Р.С.*), да Ивашко, что вож, да мужики посадские киевляне». Братья Хрипуновы покинули Россию в 1603 г. Их измена и бегство не имели никакого отношения к самозванческой интриге. В Литве они были приняты на королевскую службу. После появления самозванца в Кракове Хрипуновы оказали услугу Сигизмунду III, «вызнав» в Отрепьеве царевича. По понятным причинам Варлаам не назвал в числе главных свидетелей «двух чернецов», каковыми были он сам и старец Мисаил. Показания двух бродячих монахов, двух холопов и нескольких изменников-дворян были двусмысленными и зыбкими. Но сторонники войны с Россией готовы были принять на веру любые свидетельства.

Юрий Мнишек пользовался дурной репутацией. Он снискал расположение слабого короля Сигизмунда II Августа, оказывая ему самые разные, подчас сомнительные, услуги. После смерти короля из дворца исчезли все его драгоценности. Ораторы сейма открыто обвинили в грабеже Юрия Мнишека. Последнему с трудом удалось избежать судебного разбирательства.

В сенате пан Юрий занимал самое высокое положение. По свидетельству Посольского приказа, Мнишек «в коруне

Польской пан-рада большой... четвертой человек». Сенатор носил титулы воеводы сандомирского и старосты львовского и самборского. Под его управлением находились доходные королевские имения в Червонной Руси.

Однако Мнишек распорядился королевскими доходами столь плохо, а его страсть к роскоши и расточительству была столь велика, что к концу жизни он совершенно запутался в своих финансовых делах и оказался на грани полного разорения. Постоянные задержки с уплатой сборов в казну привели к тому, что в 1603 г. королевские чиновники явились в Самбор, угрожая наложить арест на имущество Мнишека. Воеводе пришлось спешно продать одно из своих имений, чтобы уплатить неотложные долги. Но поправить дела ему не удалось, и Мнишек обратился со слезным прошением к Сигизмунду III, умоляя позволить ему на год задержать выплату королевских доходов с Самбора.

Современники утверждали, что разорившийся магнат оказал покровительство самозванцу из меркантильных побуждений, «ослепленный корыстолюбием и гордостью». Зная замыслы короля, Мнишек надеялся вернуть себе его милость и тем самым разрешить вопрос о недоимках и долгах.

Сенатор спешил взять интригу в свои руки. Он не только принял Отрепьева с царскими почестями, но и решил породниться с ним. Поощряемый Мнишеком, самозванец сделал предложение его дочери Марине. Отец встретил новость благосклонно, но объявил, что даст ответ после того, как «царевич» будет принят королем в Кракове.

Сватовство дало Мнишеку благовидный повод для обращения Отрепьева в свою веру. Будучи ревностным католиком, воевода не желал иметь православного зятя. Находившиеся в Самборе бернардинцы пришли ему на помощь. Отрепьеву волей-неволей пришлось участвовать в ученых диспутах с ними. Отрепьев защищал православие без всякого воодушевления и, более того, дал понять собеседникам, что за ним дело не станет и вопросы веры могут быть решены к общему удовольствию. В своей рискованной игре Мнишек добился бесспорного успеха. Воспитанник иезуитов, Сигизмунд III был ревностным

поборником католической контрреформации. Обещания Мнишека относительно перехода московского «царевича» в католичество усилили интерес короля к интриге.

Признание самозванца означало войну. Но король не мог начать военные действия без совета сенаторов и постановления сейма. К началу марта 1604 г., когда Мнишек привез Отрепьева в Краков, большинство сенаторов четко выразили свое мнение по поводу затеваемой авантюры. Польский канцлер Замоийский решительно высказался за необходимость соблюдения мирного договора с Россией. Его мнение разделяли лучшие из польских военачальников (Я. Ходкевич и С. Жолкевский) и многие другие сенаторы. Со всех сторон король получал настойчивые советы немедленно созвать сенат для рассмотрения вопроса. Партия сторонников войны не могла рассчитывать на поддержку в правительстве и сенате, и король прибегнул к методам тайной дипломатии, действуя вразрез с конституцией Речи Посполитой.

Поначалу Сигизмунд III пытался использовать для осуществления своих планов авторитет папского нунция Рангони и иезуитов. Король надеялся, что они, рассмотрев вопрос о московском «царевиче», признают его истинным сыном царя Ивана и объявят недействительным мирный договор с Борисом. Однако Ватикан занял осторожную позицию в деле православного «царевича». Папа Римский, получив донесение из Кракова, сделал на его полях скептическую помету с упоминанием о португальских самозванцах. Иначе повел себя кардинал Мациевский, двоюродный брат Мнишека. Он виделся с Отрепьевым и вручил ему книгу о соединении церквей, едва тот прибыл в Краков. Католикам не пришлось оказывать давление на самозванца. Он сам выражал нетерпение принять истинную, римско-католическую веру, признал Папу главой христианской церкви, обещал выстроить костелы в Москве, клялся, что пешком отправится на поклонение католическим святыням в Ченстохов. Наряду с краковским епископом покровительство самозванцу стали оказывать духовник короля и в особенности краковский воевода Николай Зебжидовский.

Сигизмунд III вел дело к войне, не имея на то согласия сенаторов и сейма и грубо попирая интересы страны. 5 марта 1604 г.

он велел арестовать московского «канцлера» дьяка А. Власьева, возвращавшегося из Дании в Россию через польские владения. Расчет состоял в том, чтобы осложнить русско-польские отношения. В тот же день Отрепьев получил частную аудиенцию в королевском замке в Вавеле.

Итальянец А. Чилли был очевидцем переговоров в Кракове. По его словам, папский нунций Рангони лишь делал вид, будто не имеет к самозванческой интриге никакого отношения. В действительности именно он передал самозванцу предложение о встрече и устроил ему аудиенцию во дворце. Претендент поцеловал руку короля, после чего, «дрожа всем телом, рассказал ему в кратких словах, за кого себя считает...». Выслушав сбивчивый рассказ, Сигизмунд III отослал самозванца и стал совещаться с глазу на глаз с Рангони. Затем Отрепьева повторно ввели в зал, и король обратился к нему с милостивой речью, обещая свое покровительство. Претендент не смог вымолвить ни слова в ответ и лишь угодливо кланялся.

Сигизмунд III согласился предоставить «царевичу» помощь на определенных условиях, зафиксированных в письменных «кондициях». С помощью самозванца Сигизмунд III рассчитывал перекроить русские границы и добиться от России значительных территориальных уступок, а кроме того, получить от Москвы военную помощь для овладения шведской короной.

Как доносил в Рим нунций Рангони, претендент взял на себя обязательство предоставить Сигизмунду III войска для борьбы со шведами. В случае необходимости «царевич» должен был лично повести войска на Стокгольм.

Позже в инструкции польскому послу в Риме королевские чиновники дали подробные разъяснения по поводу истинных планов Сигизмунда III на востоке. Посол должен был напомнить, что в свое время Ватикан выделил огромные пособия королю Стефану Баторию в связи с его намерением покорить Московию, а потом такое же намерение изъявил пресветлейший король Сигизмунд III «по другому случаю (в связи с появлением Лжедмитрия I. — *Р.С.*), который, можно сказать, был

дан свыше, и тем с большим жаром, что, кроме других величайших выгод для всего христианства, которые могут быть от покорения Московии, он (король. — *Р.С.*) предвидит отсюда отчасти возможность возвратить королевство Швецию не столько под свою власть, сколько во власть сего святого апостольского престола».

Перспективы победы католической контрреформации в Швеции и насаждения католичества в Московии встретили понимание в католических кругах Кракова и Рима. 9 марта 1604 г. папский нунций Рангони имел длительную беседу с Отрепьевым. Воспользовавшись поддержкой Рангони и иезуитов, Ю. Мнишек и краковский воевода Н. Зебжидовский быстро завершили обращение самозванца в католическую веру.

Противодействие Яна Замойского, самого влиятельного из польских политиков, поставило в трудное положение покровителей самозванца. Весной 1604 г. Юрий Мнишек засыпал Замойского письмами. Некоторые из них были составлены за подписью «царевича». Владелец Самбора откровенно пытался прельстить гетмана выгодами, которые ему сулило участие в интриге. «Царевич, — писал Мнишек, — богобоязненный (письмо было написано после обращения Отрепьева в католичество. — *Р.С.*), легко соглашающийся на то, что ему разумно указывают, склонный к заключению всяких договоров и трактатов...»

Тайный договор, подписанный самозванцем в Самборе 2 июня 1604 г., вполне раскрывает смысл слов Мнишека. Согласно королевским «кондициям», самозванец обязался уступить короне Чернигово-Северскую землю. Обязательство было затем подтверждено особым договором о передаче короне и Речи Посполитой шести городов в княжестве Северском (очевидно, Чернигова, Новгорода Северского, Путивля и др.) «со всем, что к оным принадлежит». Однако раньше, как можно догадаться, Отрепьев обещал передать Северскую землю Юрию Мнишеку: «То мы ему (Мнишеку. — *Р.С.*) обещаем и ручаем и, что уже мы однажды присягою подтвердили, то ныне ни в чем неотменно и ненарушимо подтверждаем». Оказавшись в трудном положении, Отрепьев решил любой ценой удовлетворить

обоих своих покровителей. Было выработано соглашение о разделе Северской земли между королем и Мнишеком. Беглый монах согласился передать Мнишеку в виде компенсации за северские города Смоленскую землю. Тогда Сигизмунд III в нарушение «кондиций» потребовал себе половину Смоленской земли.

Поскольку Мнишек находился ближе к самозванцу, чем король, он мог удовлетворить свою алчность в полной мере и должен был получить большую добычу при грядущем разделе России. «Царевич» подписал грамоту о передаче Мнишеку и его наследникам на вечные времена Северской земли (без шести городов), Смоленской земли, включая «самый замок с городом Смоленском и со всем, что к половине онаго принадлежит», а также смежных земель «из другова государства, близь Смоленской земли, еще много городов, городков, замков». На какие именно города претендовал еще Мнишек — неясно. Как видно, он старался компенсировать «уступленную» королю половину Смоленщины.

Одним из пунктов «кондиций» Сигизмунда III был брак самозванца. Речь шла не столько о позволении, сколько об обязательстве Лжедмитрия жениться на подданной короля. «Позволяем ему жениться в наших государствах, чтобы с королевой (так Сигизмунд III привычным для него словом назвал будущую московскую царицу. — *Р.С.*) на то дал присягу». Имя будущей царской невесты не было названо в «кондициях». У короля были свои замыслы, но в конце концов он дал самозванцу и Мнишеку «полную свободу располагать их личными делами», хотя втайне и выражал свое неудовольствие.

Соглашение в Кракове определило всю дальнейшую судьбу Марины Мнишек. По возвращении в Самбор Мнишек без помех довел дело до конца. Под страхом проклятия Лжедмитрий обязался жениться на панне Марине. «А не женюсь, — значилось в его записи от 15 (25) мая 1604 г., — яз проклятельство на себя даю». Условия брачного контракта сводились к следующему. Самозванец обязался выплатить Мнишеку миллион польских злотых из московской казны на уплату долгов и переезд в Москву. Марина в качестве царицы должна была по-

лучить на правах удельного княжества Новгородскую и Псковскую земли с думными людьми, дворянами, духовенством, с пригородами и селами, со всеми доходами. Самозванец торжественно обещал Мнишекам, что Новгород и Псков фактически будут выведены из-под управления Москвы. «А мне (царю. — *Р.С.*), — значилось в документе, — в тех обоих государствах, в Новгороде и во Пскове, ничем не владети и в них ни во что не вступаться». Удел закреплялся за Мариной «в веки». Царица получала право «приказати наместником своим (читай: родне. — *Р.С.*) владети ими (Новгородом и Псковом. — *Р.С.*) и судити», давать поместья и вотчины своим служилым людям с правом купли и продажи земли, строить католические монастыри и костелы, самой без помех исповедовать католическую веру.

В том, что касалось религии, набожные Мнишеки поставили беглому монаху самые строгие условия. Он должен был обратить все православное царство Московское в католическую веру за год. В случае несоблюдения срока Мнишек и его дочь получали право «развестися» с «царем», разумеется, сохранив при этом все земельные пожалования. Сandomирский воевода милостиво соглашался подождать обращения Московии в истинную веру «до другого году», но никак не позже. Таково содержание удивительного брачного контракта, подписанного самозванцем в Самборе 15 мая 1604 г. Осуществление контракта привело бы к расчленению России. Однако интересы собственного народа и государства мало заботили авантюриста. Подобно азартному игроку, он думал лишь о ближайшей выгоде.

Будучи в Самборе, чернец стал именовать себя так: «Мы, Дмитрий Иванович... царевич Великой Руси, Углетцкой, Дмитровский и иных князь от колена предков своих и всех государств Московских государь и дедич». В качестве удельного князя Угличского «царевич» не мог подписывать договоры о передаче Смоленска и других городов и земель полякам. Заклячая трактаты с беглым монахом, Мнишек, естественно, признал за будущим зятем права законного государя всей «Великой Руси». При этом титул «царевич» не был заменен титу-

лом «царь». Сигизмунд III именовал претендента «князь Московский», игнорируя царский титул. Это решало дело.

Еще осенью 1603 г. претендент сообщил своему покровителю князю Вишневецкому, что отец назначил ему «во владение Углич, Дмитров и Городец». Иван Грозный завещал возможному сыну от царицы Анны Колтовской обширное княжество с городами Углич, Малый Ярославец, Кашин и Верея. Дмитрий получил, по-видимому, не менее обширный удел. Но последнее завещание царя было уничтожено. Боярское правительство пренебрегло волей Грозного и передало царевичу один Углич, где вскоре водворился государев дьяк Битяговский. В 1603 г. Расстрига жил в имении Вишневецкого. Князья Вишневецкие доводились родней Ивану IV и были прекрасно осведомлены о делах московской династии. Не они ли подсказали Отрепьеву его удельный титул?

Благодаря своим способностям и обаянию Отрепьев сумел завоевать благорасположение монарха. Сигизмунд III на досуге занимался резьбой по камню. В знак особой милости он подарил «московскому царевичу» свой портрет, вырезанный собственноручно. Не позднее весны 1604 г. король заказал для своего протеже парадную утварь из серебра. На всех предметах сервиза были вырезаны московские гербы «молодого князя». По данным Посольского приказа, «вор» получил от монарха золотую цепь и несколько тысяч злотых.

После свидания с королем самозванец через своих покровителей заказал парадный портрет. Надпись к портрету была продиктована, по-видимому, им самим. Она гласила: «Дмитрий Иванович, великий князь Московии. 1604. В возрасте своем 23». Надпись доказывает, что Отрепьев не знал точного времени рождения Дмитрия Угличского, которому летом 1604 г. было бы менее 22 лет. Не указал ли самозванец в надписи к портрету собственный возраст?

На портрете изображен молодой человек с темными волосами и волевым лицом. Облик претендента несколько идеализирован по сравнению с гравированным портретом. Судя по сохранившимся словесным портретам и гравюрам, Отрепьев обладал характерной внешностью. Приземистый, гораздо ниже

среднего роста, он был непропорционально широк в плечах, почти без талии, с короткой шеей. Руки его отличались редкой силой и имели неодинаковую длину. В чертах лица сквозили грубость и сила. Признаком мужества русские почитали бороду. На круглом лице Отрепьева не росли ни усы, ни борода. Волосы у него были светлые с рыжиной, нос напоминал башмак, подле носа росли две большие бородавки. Тяжелый взгляд маленьких глаз дополнял гнетущее впечатление.

Во время переговоров с королевскими чиновниками в Кракове Отрепьев выразил пожелание, чтобы король приставил к нему своего сенатора (Мнишека) и позволил продолжать военные приготовления — собирать казаков и добровольцев из числа польских подданных. Столкнувшись с противодействием сенаторов и сейма, Сигизмунд III не смог использовать королевскую армию для войны с дружественным соседним государством. Как писали польские хронисты, Юрий Мнишек, Константин Вишневецкий и другие паны собрали войско для самозванца «на свой счет». Однако мнение, будто армию Лжедмитрия снарядили на частные средства, не вполне точно. Ни Сигизмунд III, ни член сената Речи Посполитой Ю. Мнишек не были частными лицами, а прямая поддержка короля имела решающее значение для успеха авантюры. Король обещал «царевичу» 40 000 флоринов. Из них Отрепьев получил на руки немного. Основная сумма была получена Мнишеком в счет доходов с королевских имений, находившихся под управлением сенатора. Полученные деньги были употреблены на найм солдат в войско самозванца. Об этом русские дипломаты напомнили полякам после гибели Лжедмитрия.

Военные приготовления в Самборе и Львове приобрели широкий размах. Коронный гетман Ян Замойский потребовал у Мнишека объяснений, почему тот собирает солдат без ведома его, гетмана, как высшего воинского начальника, «чего никогда не бывало». Замойский строго предупредил сенатора, что его своевольные действия могут нанести большой ущерб Речи Посполитой.

Незаконные действия Мнишека компрометировали короля, что не могло не вызвать тревогу при дворе. Стремясь успо-

коить Сигизмунда III, Мнишек писал ему 4 (14) июня 1604 г.: «Я смиренно прошу ваше величество быть уверенным в том, что я выполняю свои планы с такими предосторожностями, как будто я никогда не нарушал свой долг».

Самборская казна была постоянно пуста, и Мнишек не мог выделить Отрепьеву даже той небольшой суммы, которую король пожаловал «царевичу» на содержание. Тем не менее сенатору удалось получить кое-какие ссуды, и он приступил к формированию наемной армии. К середине августа 1604 г. покровители самозванца собрали в окрестностях Львова некоторое количество конницы и пехоты. Под знамена самозванца слетались наемники, оставшиеся без дела после прекращения боевых действий в Ливонии. Среди тех, кто готов был служить московскому «царевичу», можно было встретить и ветеранов Батория, и всякий сброд — мародеров и висельников. Ставки на наемных солдат были в Европе на очень высоком уровне, и Мнишеку трудно было оплачивать услуги наемного воинства. Не получая денег, «рыцарство» принялось грабить львовских мещан. Дело дошло до убийств.

Несмотря на заверения канцлера Льва Сапегы, самозванец не получил никакой помощи из Литвы. Не желая войны с Россией, литовские магнаты решительно отказались поддержать авантюру. Общее настроение повлияло даже на ревностного приверженца «Дмитрия» Льва Сапегу. Канцлер полностью отмежевался от его затей и заявил: «Царь извещен о готовящейся экспедиции (самозванца. — Р.С.) на Украину и готов в ответ послать войска на Литву».

Коронный гетман Ян Замойский не отвечал на обращения «царевича», но письменно предупредил Ю. Мнишека, что тот занимается противозаконным делом, за которое может быть призван к ответу. В последний момент даже главный покровитель Отрепьева предался малодушию. Януш Радзивилл, будучи подо Львовом, видел, как там собиралось войско самозванца. В своих письмах он живо описал столкновение между Мнишеком и наемниками. Когда Мнишек вдруг заколебался и был намерен отложить поход, писал Я. Радзивилл, собравшиеся для войны с Москвой шляхтичи прямо заявили, что в таком случае они размес-

тятся в его имениях на зимовку. В противовес знати мелкая шляхта с энтузиазмом поддержала планы войны с Россией. Обедневшие дворяне, находившиеся на грани разорения, надеялись поправить свои дела с помощью военной добычи и не желали слышать об отсрочке похода.

Московская дипломатическая переписка сохранила известия о том, что Сигизмунд III предпринимал попытки подтолкнуть к войне с Россией крымского хана. Не позднее лета 1604 г. крымский мурза А. Сулешев известил Москву, что король виделся с крымским гонцом Д. Черкашенином и пообещал уплатить Крыму казну за два года, если хан согласится помочь тому, кого Польша решила «возвышать», т.е. московскому «царевичу». По возвращении в Крым гонец доложил о предложении короля, и Казы-Гирей «на той думе был».

По сведениям, полученным в Москве, король велел передать хану, что он признал царевича Дмитрия, отпускает его с войной на царя Бориса и посылает с ним свою рать.

Секретное обращение короля не имело успеха, ибо не было подкреплено посылкой денег в Крым. Без согласия сейма Сигизмунд III не мог выполнить своих щедрых обещаний.

Политика Сигизмунда III была двуличной и лицемерной. На словах глава государства выступал за соблюдение мира с восточным соседом, а на деле — готовил войну. Пока наемное войско стояло во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Лишь спустя полторы недели после того, как Мнишек покинул Львов и выступил в поход, Сигизмунд III издал запоздалое распоряжение о роспуске собранной им армии. Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов.

Тем временем армия самозванца медленно приближалась к русским границам. Отряды проходили в день не более 2—3 миль. Сохранилась поденная записка похода, составленная неизвестным лицом из окружения Мнишека. Записка содержит полный перечень имений, в которых «рыцарство» останавливалось на постой. Мнишек владел селами в окрестностях Льво-

ва, но наемники отдыхали там не более одного дня. Значительно больше времени они провели во владениях князей К. Вишневецкого и Ружинского, киевского католического епископа и других лиц.

Самозванец щедро одаривал кредиторов долговыми расписками. Погасить их предполагалось за счет богатой московской казны. Пока же все тяготы по содержанию наемников должны были нести украинские крестьяне из тех имений, где останавливались солдаты.

Лжедмитрий рассчитывал на то, что в пути его войско пополнится вооруженными отрядами крупных магнатов — князей Вишневецких, Сапег, Ружинского и других, но его надежды не оправдались. Князь Ружинский письменно обязался присоединиться к Лжедмитрию с несколькими сотнями солдат. Пан Халецкий и пан Струсь обещали привести тысячу всадников. Однако выполнение своих обещаний они отложили на неопределенное время.

К концу первых двух недель похода самозванец оставался в пределах Львовщины. Во время остановки в Глинянах в начале сентября 1604 г. был проведен смотр. Рыцарство собралось в «коло» и произвело выборы командиров. В полном соответствии с волей Мнишека сам он был избран главнокомандующим, Адам Жулицкий и Адам Дворжецкий — полковниками, а сын Мнишека, Станислав, стал командиром гусарской роты. Таким образом, Мнишек, его ближайшие друзья и родственники сосредоточили в своих руках командование армией самозванца.

К началу сентября 1604 г. армия Мнишека насчитывала около 2500 человек. В нее входили 580 гусар, 500 человек пехоты, 1420 казаков и пятигорцев. К моменту перехода границы численность казаков увеличилась до 3000. В армию самозванца вступили некоторые «надворные» казаки, находившиеся на службе у магнатов. Таким образом, на долю украинцев приходилось две трети армии самозванца. Кроме православного украинского населения, вокруг самозванца начали собираться московские люди. Уже в конце 1603 г. А. Вишневецкий сообщил королю о прибытии к «царевичу» 20 москалей. Если

бы среди них были дворяне, покровитель самозванца непременно бы указал на это. Видимо, первые приверженцы «царевича» были выходцами из простолюдинов. Источники подтверждают подобное предположение. Один киевский житель, тайно служивший царю, жаловался черниговским воеводам в 1604 г., что не смеет возвращаться в Киев, где его разоблачил некий Васька, холоп сына боярского Чубарова. Холоп бежал в Литву из Монастыревского острога.

К началу похода в лагере самозванца собралось до 200 московитов, бежавших за рубеж «из разных городов». Польские источники называют по имени лишь одного из московских предводителей — Ивана Порошина. Семья Порошиных не принадлежала к Государеву двору. Но некий Ждан Порошин выслужил дьяческий чин в приказе Большого прихода в 1592—1597 гг. После воцарения Бориса Годунова его карьера оборвалась. Не из дьяческой ли семьи происходил Иван Порошин? Среди дворян, узнавших «царевича», самыми видными были братья Дубенские-Хрипуновы. В России они служили как выборные дворяне из Зубцова. Не позднее лета 1603 г. дьяки сделали помету в Боярском списке: «Иван, да Кирило, да Данило Путятины дети Хрипунова. Изменники». Хрипуновы бежали в Литву не потому, что решили поддержать Лжедмитрия, а потому, что были подкуплены канцлером Львом Сапегой. Они снабжали канцлера всякого рода секретной информацией, но были разоблачены и, спасая жизнь, бежали за рубеж. Измена Хрипуновых была щедро оплачена: пять братьев — Иван, Кирилл, Данила, Прокофий и Иван Меньшой — получили земельные владения и 1000 золотых на год.

Православная церковь третиговала католиков как худших врагов истинной веры. Поэтому православные люди, оказавшиеся в лагере Лжедмитрия, с тревогой наблюдали за появлением в его окружении иезуитов и прочих «латынчан». Неблагоприятные толки дошли до Юрия Мнишека, и он решил прибегнуть к строгостям, чтобы поставить московитов на место. Воспользовавшись доносом одного из русских, Мнишек велел схватить сына боярского Якова Пыхачева и без суда казнить его. Мнишек сам сообщил об этой казни папскому нунцию

Рангони в письме от 8 (18) сентября 1604 г. Согласно версии Мнишека, Пыхачев был подослан в Самбор Борисом Годуновым для убийства «царевича». Однако верить его утверждению трудно. Сандомирский воевода не упускал случая очернить тиранию Бориса, чтобы оправдать войну с ним. По словам Варлаама, Пыхачев пострадал из-за того, что называл «царевича» Гришкой Отрепьевым, иначе говоря, усомнился в его царственном происхождении.

Пособник самозванца Варлаам Яцкий поспешил в Самбор, привлеченный слухами о его успехе. Он рассчитывал пожать плоды затеянной интриги, но жестоко просчитался. Варлаам знал слишком много об Отрепьеве и его истинном происхождении, и тот решил отделаться от своего наставника. Уезжая из Самбора, самозванец приказал бросить Варлаама в тюрьму.

Соратники Лжедмитрия I из числа поляков скорее всего знали, с кем имеют дело, и, принимая участие в комедии, от самого «царевича» не скрывали, что вовсе не обманываются на его счет.

В действительности в Самборе была разыграна кровавая драма. «Вор» жестоко расправился со своим обличителем Пыхачевым и бросил в тюрьму благодетеля Варлаама. Клеймо самозванства не оставляло места для веселья.

Не позднее июля 1604 г. из Самбора на Дон выехал литвин Счастный Свирский с запорожцами. Он отвез казакам «царское» знамя — красное полотнище с черным двуглавым орлом посередине. Донцы снарядили в Польшу новых послов. Они явились в лагерь самозванца 25 августа 1604 г. В грамоте казаки вновь подтвердили свою готовность выступить на помощь своему «прирожденному государю».

Московские власти своевременно узнали о появлении «воровских» гонцов на Дону и попытались предотвратить мятеж. С этой целью они направили к казакам дворянина Петра Хрущева. Последний был хорошо известен на Дону. Прошло лишь 12 лет с тех пор, как правитель Борис Годунов предлагал донцам принять Хрущева в столице их войска Раздорах в качестве головы. В то время вольные казаки категорически отвергли предложения Москвы. В 1604 г. миссия Хрущева также за-

вершилась провалом. Казаки связали царского посланца и увезли в Польшу, где выдали Отрепьеву. Как выяснилось на допросах, Хрущев должен был склонить донцов к участию в войне с «царевичем».

Канцелярия Мнишека подвергла допросные речи Хрущева тенденциозной обработке, превратив их в памфлет. В Польше памфлет был немедленно использован для воздействия на общественное мнение. Авторы памфлета приписали Хрущеву басню о том, что вдова Федора царица Ирина признала «царевича» прирожденным государем, за что была убита своим братом Борисом Годуновым. В Москве царь приказал умертвить «двух главных господ» — Смирного Васильева и Меньшого Булгакова — только за то, что те пили у себя дома за здоровье царевича Дмитрия.

«Главные господа» действительно были царскими дьяками: Васильев служил в приказе Большого дворца, а Булгаков — в Казенном приказе, но оба благополучно пережили и Годунова, и самозванца. Примечательно, что Булгаков пользовался полным доверием царя Бориса до самой его смерти. 19 марта 1605 г. «подказначей» (так именовали дьяка англичане) Меньшой Булгаков привез английским послам царские подарки. Этот факт свидетельствует о лживости допросных речей Хрущева, составленных людьми Мнишека. Ни малейшего доверия не внушает воспроизведенная в памфлете запись разговора между Хрущевым и знатым воеводой Петром Шереметевым. «Трудно против прирожденного государя воевать», — якобы заявил Шереметев.

Небылицы насчет жестоких казней в Москве понадобились Мнишеку для того, чтобы изобразить Бориса тираном и оправдать вторжение в Россию, предпринятое будто бы в защиту справедливости, в интересах законного государя московского.

Противники войны с Россией (Ян Замойский и др.) не только протестовали против действий Мнишека, но и принимали практические меры, чтобы не допустить нарушения мирного договора с Москвой. Еще в мае 1604 г. Януш Острожский известил короля, что он употребит насилие, чтобы задержать продвижение отрядов самозванца к русской границе. У кра-

ковского кастеляна были собственные войска, и его поддерживали другие магнаты с Украины. Не позднее июня Острожский обратился к «царевичу» с предупреждением, что он не допустит его к Днепру. Острожский подкрепил свою угрозу тем, что собрал южнее Киева значительные воинские силы. Он действовал, видимо, в полном согласии с Замойским. Один из участников московского похода, служивший в «царской роте», записал в своем дневнике: «Идя к Киеву, мы боялись войска краковского кастеляна князя Острожского, которого было несколько тысяч и которое стерегло нас до самого Днепра, поэтому мы были очень осторожны, не спали по целым ночам и имели наготове лошадей».

Киевский воевода Василий Острожский и его сын Януш опасались, как бы соединение воинства самозванца с казаками не вызвало нового взрыва казацко-крестьянского восстания по всей Украине. Расположив свои войска к югу от Киева, князь Януш перерезал пути, которые вели через Запорожье на Дон. Военные меры Острожских преследовали и другие цели. Зная о насилиях наемников во Львове, они пытались предотвратить грабежи и бесчинства в Киеве и его округе. В своих письмах Януш Острожский не раз выражал опасения по поводу того, что «Дмитрий» втянет Речь Посполитую в войну с Москвой, а казацкие отряды, поддерживающие «царевича», затеют новый бунт на Украине. В посланиях королю Острожский предложил наказать «своевольников», нарушивших мир и спокойствие на Украине. Опасения вызвать гнев Сигизмунда III и присутствие сенатора Мнишека в армии самозванца помешали осуществлению этого намерения. Угроза не допустить Лжедмитрия к московской границе была выполнена лишь отчасти. Князь Януш Острожский велел угнать все суда и паромы с днепровских переправ под Киевом.

В течение нескольких дней войско «царевича» стояло на берегу Днепра, не зная, как поступить. Самозванца выручили те самые «киевские мужики» — православные жители Киева, которые еще раньше признали его истинным московским царем. В грамоте самозванца, подписанной им после переправы, значилось, что «для перевозу войска нашего через реку Днепр

тые же мещане киевские коштом и накладом своим перевоз зготоваше».

Прodelав за два месяца путь от Львова до Днепра, армия сенатора Мнишека собралась на берегах Десны, готовая к вторжению в пределы России.

ДВОРЯНЕ И СМУТА

Объединение земель вокруг Москвы оказало глубокое влияние на формирование дворянского сословия. Военная система, сложившаяся в период раздробленности, не отвечала потребностям вновь возникшего обширного государства. Подчиняя княжества, Москва принимала на службу княжий двор и местных бояр. Исключение было сделано лишь для новгородцев.

Новгородская республика не содержала войска, а местные бояре не имели навыков и опыта военной службы. Новгородцы цепко держались за свои традиции, и в их среде никогда не исчезала вражда к московским государям. Чтобы сокрушить республиканские порядки, Иван III вывел всех местных бояр из Новгорода, а их земли забрал в казну.

Новгородские экспроприации были тесно связаны с кризисом московской военной системы. Из-за дробления вотчин, из-за смуты второй четверти XV в. и непрекращавшихся войн низшее дворянство нищало и деградировало. Из состава старого боярства в XV в. выделился многочисленный слой детей боярских, отличительной чертой которого было малоземелье. Не будучи обеспечены землей, обедневшие дети боярские не могли нести службу в тяжеловооруженной коннице.

Покорение Новгорода повлекло за собой образование обширного фонда государственных земель, который был использован для обеспечения государственными имениями (поместьями) московских детей боярских, переселенных в Новгород. В отличие от вотчины (частная собственность) поместье было условным владением. Помещик владел им, пока нес службу в армии московского великого князя. Если он переставал слу-

жить и не мог определить на службу сына, земля подлежала перераспределению. Поместье не должно было выходить «из службы».

Дворянство оценило выгоды поместной системы, основанной на государственной собственности, и добилося ее утверждения по всей России. То был первый крупный успех нарождавшегося дворянского сословия. Благодаря поместной системе фундаментом всей военно-служилой системы России в XVI в. стала государственная земельная собственность.

В XVI в. наблюдалось усложнение московской иерархии, появились чины (думные, дворцовые чины, Государев двор, уездные дети боярские). Однако принцип обязательной службы с земли уравнивал все чины перед лицом монарха и положил начало консолидации дворянства в единое сословие. Старое боярство, пользовавшееся правом отъезда, превратилось в военно-служилое дворянство.

Широкую известность получила концепция закрепощения русских сословий сверху. Согласно этой концепции государство закрепостило дворян службой, а крестьян — крепостным правом. Такая схема дает основание заключить, что Русское государство сродни азиатским деспотиям, что это «деспотическое самодержавие». Этот термин можно встретить в академических исследованиях последних лет.

Азиатские деспотии строились на принципе подчинения и насилия, а для государств европейского типа характерен принцип общественного договора.

Действительно ли принцип обязательной службы дворян с земли был насильно навязан российскому дворянству сверху?

Объединение земель вокруг Москвы сопровождалось конфискациями владений местных бояр. К началу XVI в. образовался избыток экспроприированных земель, а в результате казна смогла наделить государственными именьями — поместьями не отдельных лиц, не отдельные группы, а все сословие московских служилых людей. Сложился порядок, при котором казна обеспечивала поместьями не только служилых людей, но и их детей и внуков, едва те достигали совершеннолетия и поступали на государеву службу. Этот порядок превратился в

традицию, не получив законодательного оформления, что было характерно для Московского царства и его юриспруденции.

Со времени реформ Ивана IV власти стали проводить периодические смотры дворян по всем уездам государства. На смотрах молодым детям боярским, начинавшим службу, назначали «оклады» в соответствии с «окладами» их отцов.

Принцип обязательной службы дворян с земли был введен в результате своего рода «общественного договора». Суть его была такова: казна брала на себя обязательство обеспечить дворян и их потомков в мужском колене поместьями, необходимыми для службы, а дворяне, со своей стороны, признали принцип обязательной службы с земли. В условиях постоянного дробления земельной собственности новый порядок был исключительно выгоден дворянам. Казалось, он избавлял дворян от кошмара обнищания.

По своему типу российское самодержавие не было ни деспотическим самодержавием, ни азиатской деспотией. Принудительное закрепощение дворян службой не более чем миф.

Распространение принципа обязательной службы на вотчины и наследование поместий (при условии службы) создали почву для сближения поместья и вотчины. Наследование поместья в нескольких поколениях вело к тому, что поместье, оставаясь казенной собственностью, уже в XVI в. стало приобретать черты наследственного частного владения, перерождаясь в частную собственность. Опричнина грубо прервала этот процесс, задержав его на целое столетие. В годы опричнины царь конфисковал поместья у тысяч дворян, исправно несших службу и не причастных ни к какой «измене». Надежды дворян на то, что им со временем удастся закрепить за собой в собственность полученные из казны имения, развеялись в прах. Опричные конфискации доказали всем, что реальным собственником всех поместных земель остается государство.

Казна не была лишь титульным, номинальным собственником поместных имений. Господство государственной собственности повлекло за собой решительную перестройку всей налоговой системы в XVI в. Будучи собственником колоссального фонда поместных земель, государство реализовало право

собственника, присваивая земельную ренту в виде высоких налогов. Царские подати непомерно выросли.

Господство государственной собственности породило первую «великую утопию» в истории России. При многодетности дворянских семей и отсутствии майората неизбежные разделы имения между сыновьями всегда грозили землевладельцу оскудением. Впервые в XVI в. государство взяло на себя обязательство обеспечить поместьями тех, кто несет государеву службу, на все обозримое будущее.

Созданная военно-служилая система не могла существовать без постоянных войн, без завоевания новых территорий. Так имперская политика получила необходимое обоснование. Фонд свободных земель внутри царства был исчерпан. Дворяне все чаще обращали взоры в сторону соседних государств. Устами Ивана Пересветова они требовали завоевания «подрайской землицы» — Казанского ханства. Казань была покорена, но распаханых земель там оказалось немного. Эти земли были тотчас же розданы московским помещикам. Завоевание Ливонии позволило Грозному приступить к раздаче поместий в Прибалтике. Однако война завершилась тягчайшим поражением. Попытка расширить фонд поместных земель на западе не удалась.

Опричнина Ивана Грозного расколола дворян. Позднее она уступила место «двору», благодаря чему раскол продолжался более двух десятилетий. Это обстоятельство, без всякого сомнения, замедлило процесс формирования дворянского сословия. Бывшие опричники и их сыновья не забыли о своих успехах на опричной службе, и многие из них оказались в стане самозванцев. Среди героев Смуты были Басмановы и их родственники Плещеевы, Бельские и Салтыковы.

Кризис дворянского сословия, разразившийся в конце XVI в., носил несравненно более разрушительный характер, чем в годы опричнины, так как повлек за собой разорение значительной части дворянского сословия.

Дворянские семьи были многодетными. Биологический процесс размножения далеко обгонял возможности наделения новых поколений казенными имениями — поместьями. Дис-

пропорция увеличилась в результате разрухи, воцарившейся в стране в конце правления Грозного, и трехлетний голод при царе Борисе. Поместный фонд в подавляющей своей части запустел.

Помещичьи крестьяне не в состоянии были платить военные налоги и бежали из поместий. Обедневшие дети боярские не могли купить боевого коня, кольчугу, шлем и запастись продовольствием на время похода.

Принцип государственного обеспечения и регулирования не мог приостановить процесс дробления и упадка поместий. Имения нищали, заброшенная пашня зарастала лесом. Поместья подвергались такому же дроблению, как вотчины.

Поддержание поместного фонда в цветущем состоянии требовало от государства непомерных расходов. Бремя государственной земельной собственности оказалось непосильным для разоренной страны.

В момент присоединения к Москве Новгородская вотчина и в целом Новгородский край находились в цветущем состоянии. Сто лет господства государственной собственности превратили Новгородскую землю в огромный пустырь. Кризис поместной системы привел к социальной деградации низшего слоя дворянства. В середине XVI в. на каждое новгородское поместье приходилось 20–25 дворов, столетие спустя — всего 6 дворов.

Явные признаки упадка военно-служилой поместной системы обозначились уже в 60-е годы XVI в. В письме к царю А. Курбский мрачными красками рисовал положение обнищавшего дворянства: «Воинской же чин строев ныне хуеишии строев обретеса, яко многим не имети не токмо коней, ко бранем уготовленных, или оружию ратных, но и дневныя пищи...»

Новгородские писцовые книги создают картину полного разорения поместных земель, составлявших ядро государственного фонда.

Столкнувшись с проблемой оскудения мелкопоместного дворянства, власти оказались перед выбором. Они могли субсидировать обедневших дворян, обеспечить их оружием и лошадьми, ссудить деньгами. Для этого потребовались бы огром-

ные средства, которых у казны не было. Но был и другой способ вернуть оскудевшего дворянина на военную службу.

Господство государственной земельной собственности изменило характер частной военной службы. В XV в. бояре владели вотчинами и держали боевых слуг на частной службе. В XVI в. землевладельцы и их боевые холопы жили в поместье — на государевой земле, помещики наделяли боевых холопов служней пашней. В таких условиях частная военная служба стала рассматриваться как государственная повинность.

В пору реформ в середине XVI в. военная служба холопов была регламентирована: каждый землевладелец был обязан выставить в поле по одному воину с каждых 100 четвертей земли. Такой порядок определил важнейшую особенность поместной армии — конного дворянского ополчения.

В 1601 г. Борис Годунов издал закон, согласно которому знать и дворяне должны были выставлять двух воинов со 100 четвертей земли. Удельный вес холопов в составе дворянского ополчения должен был существенно увеличиться. В руках многочисленной группы холопов оказалось огнестрельное оружие, что превратило их в серьезную боевую силу внутри ополчения.

Пересматривая нормы службы холопов с земли, власти пытались, избегая казенных трат, значительно увеличить численность вооруженных сил. Эта ближайшая цель была достигнута.

Возникла ситуация, при которой знать и дворяне испытывали острую нужду в военных слугах. Государство решительно стало на сторону богатых землевладельцев, жертвуя интересами мелкого дворянства. Оно узаконило практику обращения оскудевших детей боярских в холопство (рабство).

В годы реформ Грозного был издан указ, который подтверждал законность всех служилых кабал на сыновей детей боярских старше 15 лет, не находившихся на царской службе.

Беспоместные дети боярские, не имея возможности нести полковую службу, определялись во дворы крупных землевладельцев, которые могли вооружить их, предоставить боевого коня, запас продовольствия в поход, служную пашню. С помощью таких мер казна перекладывала на состоятельных зем-

левладельцев расходы по снаряжению в поход безземельных детей боярских.

В среднем сумма долга кабального редко превышала 5—6 рублей. Но кабальные слуги из детей боярских могли получить от господина имущество на более крупные суммы. Ограждая интересы знати, Судебник 1550 г. воспретил составлять служилые кабалы на сумму свыше 15 рублей. За выход из поместья крестьянин платил рубль пожилого, т.е. цену 140 пудов ржи. Холопа господин покупал за 2—3 рубля. Сумма в 15 рублей имела в виду не пашенных холопов-страдников, а воинов из детей боярских, нуждавшихся в оружии, боевом коне, припасах.

К концу XVI в. кабальная служба приобрела видимые черты холопства — рабства. По Уложению 1597 г. кабальный послужилец потерял право на освобождение при условии выплаты господину долга. Но власти не могли не считаться с интересами военных послужильцев. Уложение 1597 г. гарантировало кабальным холопам свободу после смерти господина. Холоп запродавался одному господину, и только имя владельца значилось в кабале. Смерть господина неизбежно вела к роспуску его вооруженной свиты, его военные слуги могли теперь перейти в государевы служилые люди либо запродаться в свиту к другому господину, который мог их содержать. Разоренная служилая мелкота, по нужде расставшаяся со своей свободой, получила возможность сменить господина или даже вернуться на царскую службу.

Реформа частной военной службы имела важные социальные последствия. Во все времена ядром поместного ополчения был Государев двор. Обычно двор изучают как институт, объединявший верхи дворянства. Но такой подход недостаточен.

По примерным подсчетам, 25-тысячное конное дворянское ополчение в XVI в. сопровождали не менее 20—30 тысяч боевых холопов. Государев двор был главной военной опорой трона. Но теперь половину дворянского ополчения составляли невольники. Результаты реформирования армии грозили взорвать вооруженные силы изнутри. Государев двор как военная

единица утратил свою социальную однородность и вместе с тем свою надежность. События гражданской войны начала XVII в. обнаружили это с полной очевидностью.

Военное дело перестало быть исключительной привилегией дворянского сословия. Внутри дворянского ополчения появился опасный двойник — холопское войско, вооруженное не только холодным, но и огнестрельным оружием.

Дворянский писатель Иван Пересветов решительно протестовал против порабощения воинов богатыми и знатными вельможами. «В котором царстве люди порабощены, — писал он, — и в том царстве люди не храбры...» Вельможи царя Константина порабощали «лучших людей» (очевидно, дворян), что ввергло в погибель Византийское царство.

Авраамий Палицын писал, что в условиях «великого разорения», наступившего после катастрофического поражения в Ливонской войне, многие обнищавшие помещики вынуждены были по нужде идти на службу к боярам и становились их холопами.

При царе Федоре, повествует Палицын, Борис Годунов и другие вельможи пускались во все тяжкие, чтобы заполучить к себе на службу обедневших дворян: «многих человек в неволю к себе введше служить», в том числе лиц из честных родов, издавна владевших селами и вотчинами, «наипаче же избранных меченосцов и крепких во оружии». Одни бояре добивались своей цели дарами и «ласканием», другие же, не имея крупных сумм на покупку кабальных, «в неволю порабощающе, с кого мощно и написание служивое (кабалу. — *Р.С.*) силой и муками емлюще».

Самыми искусными в воинском деле были «избранные меченосцы», издавна владевшие селами, — иначе говоря, кабальные слуги из дворян. Они составляли костяк боярских свит.

В период «великого» голода 1601—1603 гг. опалы на бояр и оскудение дворян привели к тому, что множество боевых холопов стали добывать средства к существованию разбоем. Разбойников ловили и вешали. Спасаясь от воинских команд, взбунтовавшиеся холопы толпами бежали на степные окраины.

Палицын был одним из самых наблюдательных и вдумчивых современников. Его «Сказание» заключает поразительное признание. В ходе гражданской войны поместное ополчение распалось, и та его часть, которую составляли вооруженные рабы-холопы, почти целиком оказалась в стане мятежников, «не вкупе», не в одном, но в разных местах, однако неизменно в «воровском» лагере: с Болотниковым в Калуге, с «царевичем Петром» в Туле.

Среди «гадов», решительно поддержавших самозванцев, одно из первых мест занимали кабальные холопы. В годы голода многие из них находили прибежище на Дону и Волге и становились казаками, а позже пополняли повстанческие армии.

Кризис низшего дворянства был одной из главных предпосылок Смуты. Удалось открыть новый социальный персонаж, никогда не привлекавший внимания исследователей. Дробление вотчин привело к образованию многочисленного слоя «детей боярских». Столетие спустя упадок поместья и деградация низшего дворянства привели к появлению слоя «детей боярских с пищалью».

Как следует из Разрядных книг, в конце XVI в. произошло разделение дворянской службы на «полковую службу», т.е. службу в коннице с рыцарским вооружением, и службу в пехоте «с пищалью».

Переход в пехоту не означал простой смены вооружения. В пехоте служили стрельцы и казаки, люди, принадлежавшие к низшим сословиям. Дети боярские «с пищалью» получали поместья, но их земельное обеспечение обычно было недостаточным, у них было мало крестьян или их вовсе не было. Им значительно урезали денежное жалованье. Разрядный приказ использовал детей боярских «с ружьем» для несения гарнизонной службы в пограничных крепостях и охраны засечных линий на южных границах.

В 1597 г. охрану засечной черты от Брянских лесов до Рязани несли 78 детей боярских полковой службы и 247 детей боярских «с пищалью». В южных степных крепостях детей боярских «с пищалью» было значительно больше, чем дворян конной полковой службы.

Власти насаждали поместную систему на степных окраинах, в окрестностях вновь построенных крепостей Белгорода, Валух, а также в Воронежском, Курском, Путивльском уездах. Для успешного развития поместного землевладения требовалось два неперенных условия: наличие распаханых земель и крестьянского населения. Но эти условия отсутствовали. Дети боярские низшего разряда должны были сами обрабатывать отведенную им землю. Почвы на юге были плодородными, но даже с помощью тяжелого плуга было трудно поднять целину — «разодрать» проросший корневищами кустов и ковыля слой почвы.

Власти не могли набрать достаточное количество детей боярских, согласных переселиться в степи, и им приходилось верстать в службу и наделять небольшими поместьями людей из самых различных чиновных групп — служилых казаков, посадских детей и прочих.

Правительству приходилось ежегодно завозить на плодородные черноземные земли в «диком поле» крупные партии хлеба. Стремясь избавить казну от лишнего бремени, Борис Годунов приказал завести во вновь присоединенных степных уездах государеву «десятинную пашню». Имеются точные и неопровержимые данные, что в некоторых степных городах детей боярских привлекали к отбыванию барщинных повинностей на государственной десятинной пашне.

Степные помещики сохраняли титул детей боярских, но не принадлежали к привилегированным высшим сословиям и сплошь и рядом были заняты тяжелым крестьянским трудом, отработывали барщину.

Нищенские условия жизни южных помещиков были причиной того, что мелкопоместное дворянство Юга России перестало быть надежной военной и социальной опорой московской власти.

Сословие дворян начала XVII в. не было классом в том значении, которое придал этому понятию Маркс. Мелкопоместные и беспоместные дети боярские не пользовались особыми привилегиями, а иногда их труд использовали на барщине. И дети боярские, и знать в челобитных обращались к царю со словами: «Мы, твои холопы». Эта формула этикета выросла из древней традиции. Во дворе у московских князей служили

«слуги вольные» — бояре и «слуги под дворским» — невольный люд. Не только слуги вольные, но и воины из холопов вошли в состав Государева двора. В начале XVI в. поместное ополчение получило новое пополнение за счет холопов. Испытывая недостаток в опытных воинах, власти наделили некоторых боярских боевых холопов государевыми поместьями в Новгороде. Практику такого рода продолжал Борис Годунов, жаловавший холопов — детей боярских за особые заслуги.

Дворянское сословие не было отделено от воинского холопского чина непроницаемой стеной.

Появление категории боевых холопов из дворян и детей боярских «с пищалью» знаменовало крушение всей военно-служилой системы России. Развал дворянского ополчения подорвал мощь вооруженных сил государства.

Важнейшей вехой в истории Московского царства было закрепощение крестьян. Как значилось в Уложении о крестьянах 1607 г., при царе Иване крестьяне выход имели вольный, а царь Федор, по наговору Бориса Годунова, выход крестьянам заказал (воспретил) и «у кого колико тогда крестьян где было, книги учинил» (велел провести перепись, закрепившую крестьян за землевладельцами-дворянами). Изложенная версия находит подтверждение в наиболее ранних и достоверных источниках. В 1595 г. старцы Пантелеймоновского новгородского монастыря сослались на указ Федора: «Ныне по нашему (царскому. — *Р.С.*) указу крестьяном и бобылем выходу нет».

Перепись, упомянутая в Уложении, была начата в Новгороде в 1582 г. Но валовое описание, охватившее всю страну, действительно имело место в царствование Федора Ивановича. Новгород был описан в первую очередь, потому что государственная собственность образовала тут громадный цельный массив, составлявший ядро всего поместного фонда страны. В Ярославском, Суздальском, Шуйском и Ростовском уездах до конца XVI в. сохранялось значительное число княжеских вотчин, а поместный фонд был ограниченным, поэтому в названных уездах описание не было проведено вообще. Установив этот факт, можно выявить наиболее характерную особенность валового описания конца XVI в.: власти проявляли заботу

прежде всего об уездах с наиболее развитым государственным землевладением.

При царе Федоре в стране был установлен режим «заповедных лет», распространявшийся на тяглое податное население деревни и города. То была система временных мер («до государевых выходных лет»), призванная обеспечить сбор налогов в казну. В городах эти меры не прижились. Но сельское дворянство оценило все выгоды прикрепления, и именно под давлением массы провинциального поместного дворянства власти ввели крепостной режим.

Мелкие дворяне, которым грозила нищенская сума, добились от государства осуществления своих требований. Отныне они могли удерживать крестьян в своих поместьях, что было для них вопросом жизни и смерти.

Все это ускорило формирование дворянства, которое все больше осознавало себя как сословие.

Но в начале XVII в. Россия пережила трехлетний голод. Власти дважды объявляли о временном восстановлении Юрьева дня. «И после от того, — значит в Уложении 1607 г., — начались многие вражды, крамолы и тяжи»; «чинятся в том великиа разпри и насилия». Землевладельцы пускались во все тяжкие, чтобы заполучить крестьян и удержать их на своих землях, не останавливаясь перед насилием. Множившиеся раздоры из-за крестьян затруднили консолидацию господствующего сословия и подготовили почву для Смуты.

Кризис военно-служилой системы и катастрофическое обнищание дворянского сословия стали главными предпосылками гражданской войны в России в начале XVII в.

ВТОРЖЕНИЕ

В 1604 г. на всех русских границах царил мир. Однако весной резко ухудшились отношения между Россией и Крымом. Русский посол в Крыму Ф. Барятинский 15 мая 1604 г. уведомил Бориса Годунова о том, что «крымский царь Казы-Гирей на своей правде, на чем шерть дал, не устоял, разорвал с

государем царем... вперед миру быть не хочет, а хочет идти на государевы... украины». Одновременно из южных пограничных городов поступили донесения о том, что «на поля ходят крымские татаровя и станичников и сторожей громят, а татаровя конны и цветны и ходят резвым делом о дву конь, и чают их от больших людей».

Тревога оказалась ложной. Тем не менее она определила расстановку русских военных сил летом 1604 г. В марте Разрядный приказ направил воеводу М.Б. Шеина с тремя полками в район Мценска, Новосиля и Орла. Царь Борис объявил о том, что он сам возглавит поход против татар, и произвел смотр артиллерии в Серпухове.

С наступлением лета воеводы П.Н. Шереметев и М.Г. Салтыков с отборными силами выступили в степи и заняли позиции в Ливнах, преградив путь татарскому вторжению. Военские люди были посланы к засекам на всем пространстве от Перемышля до Рязани. К осени военная тревога миновала. Служба в степных городах была утомительной. Командование не видело необходимости держать дальше армию на южных границах. Дворяне разъехались по своим поместьям.

С чисто военной точки зрения вторжение Лжедмитрия в пределы России имело мало шансов на успех. У самозванца не было ни осадной артиллерии, ни достаточного количества войск, чтобы принудить к сдаче хорошо укрепленные русские крепости. Планируя интервенцию, Мнишек и прочие покровители Отрепьева рассчитывали нанести удар России в тот момент, когда все ее военные силы будут скованы на южной границе крымским вторжением. Расчеты сторонников самозванца не оправдались. К тому же Мнишек не успел собрать к лету войско. Летнее время, наиболее удобное для начала военных действий, было безвозвратно упущено. Осенью шли дожди, и непролазная грязь затрудняла передвижение войск по дорогам.

В Москве знали о военных приготовлениях самозванца, но не придавали им значения, а кроме того, предполагали, что он не выступит в поход осенью. Московское командование всецело полагалось на свои пограничные крепости, укомплектованные гарнизонами и артиллерией. В Москве знали, что ве-

дущие политические деятели Речи Посполитой (Ян Замойский и др.) были категорически против войны с Россией. Борис Годунов не предвидел того, что сторонники интервенции возьмут верх при королевском дворе, и считал, что ему удастся избежать войны с помощью дипломатических средств.

В 1604 г. в Краков выехал стрелецкий голова Смирной Отрепьев, дядя самозванца. Он должен был собрать сведения о своем беглом племяннике, а затем публично изобличить его, добившись личной с ним встречи. Летом казаки захватили и выдали самозванцу царского воеводу Петра Хрущева. После этого Борис направил в Польшу гонца Постника Огарева. Гонец заявил протест по поводу пограничных инцидентов, вызванных действиями старосты Остра М. Ратомского. Он также передал требование освободить и отпустить на родину Петра Хрущева.

Царская грамота, составленная в сентябре 1604 г., не оставляет сомнения в том, что в то время в Москве не догадывались о близком вторжении самозванца. При любой угрозе нападения воеводы получали приказ делать засеки на дорогах. В конце лета 1604 г. Петр Хрущев на допросе у самозванца показал, что в Северной земле нет никаких засек: хотя в Москве и знают, что «царевич в Литве есть, но войска его в Северной земле не ждут». Черниговские воеводы, попавшие вскоре в руки Отрепьева, полностью подтвердили показания П. Хрущева.

Осенью 1604 г. московское командование не приняло никаких мер к усилению западных пограничных гарнизонов и не собрало полевую армию. Все это подтверждает вывод о том, что вторжение застало страну врасплох.

Самозванец был прекрасно осведомлен о положении дел на западной границе России. Он решил наступать на Москву не по кратчайшей дороге — через Смоленск, а кружным путем — через Чернигов. В Чернигово-Северской земле не было таких мощных крепостей, как Смоленская.

Наряду с военным фактором важное значение имели факторы социального характера. Правительство предпринимало настойчивые попытки насадить на юго-западной и южной ок-

районах государства поместную систему землевладения. Но подобные меры не оправдали себя. Власти рассматривали окраину как подходящее место для ссылки опальных. В конце Ливонской войны царь Иван приказал ссылать в Севск и Курск и «писать» там в казаки опальных холопов, наказанных за доносы на своих господ. Указ относился не столько к пашенным холопам, сколько к военным послужильцам, чем и объясняется необычность наказания: доносчиков записывали на государственную службу.

Объясняя успех самозванца, царские дипломаты указывали на то, что «в совете с тем вором с розстригою з Гришкою с Отрепьевым» были «воры — казаки и беглые холопы». Ссылный люд и беглые холопы действительно принадлежали к тем группам населения юго-запада России, которые наиболее энергично поддержали Лжедмитрия.

Во время голода 1601—1603 гг. многие из «разбоев», уцелевших от расправы, нашли убежище в северских и южных городах. По словам очевидцев, старые «воры», «иже на конех обыкше и к воинскому делу искусни» (боевые холопы), «отхождаху» в Северщину, где и выступили на стороне Лжедмитрия с оружием в руках: «за се же (за дело Дмитрия. — Р.С.) яшяся крепче вси они вышепомянутые бегуны, северских и польских градов жители, вечныя холопы московския...»

Свои первые решающие победы самозванец одержал на Северщине. В северских городах было некоторое количество русских помещиков, имелись воинские контингенты, присланные из Москвы. Кроме беглых и ссылных холопов, в северских городах осело немало беженцев из центральных уездов, пораженных голодом. В массе своей население Черниговщины было украинским.

В конце XVI в. власти Речи Посполитой подавили казачьи мятежи на Украине. Многие их участники бежали за Днепр в пределы России.

Появление православного «царевича» в пределах Литвы подало низам надежду на перемены к лучшему. Украинское население Северской земли поддерживало тесные торговые связи с Киевщиной. Поэтому слухи о пришествии «прирож-

денного» царя мгновенно распространились из Киева в северские города.

Говоря о причинах Смуты, русские власти заявляли, что с появлением Лжедмитрия I в пределах Северной земли «тутошные мужики — севрюки глупые — прельстились и поверили» ему. Севрюками называли украинцев, живших в пределах Чернигово-Северской земли. Говоря о мужиках-севрюках, московское правительство имело в виду низший слой местного населения. Объясняя сдачу северских городов, русские летописцы писали: «...сиверские мужики и всякие люди чаяли, что он прямой царевич Дмитрий...»

В течение многих месяцев самозванец употреблял все возможные средства, чтобы привлечь на свою сторону жителей Чернигова и его пригородов. Центром агитации стал замок Остер, стоявший на Десне против Нового Монастыревского острога. Местный староста Михаил Ратомский не раз засылал лазутчиков в Чернигов. По его приказу литвин Т. Дементьев привез в Монастыревский острог именное письмо «царевича» к тамошнему стрелецкому сотнику. Позже И. Лях и И. Билин из Остра подплыли к острогу и разбросали по берегу грамоты от «Дмитрия».

Агитация в пользу «доброго» царя принесла свои результаты. Обрушивавшиеся на страну бедствия приучили население винить во всех своих бедах царя Бориса. Упоывая на «Дмитрия», народ с нетерпением ждал его «исхода» из-за рубежа. На пути из Львова в Киев немало крестьян «показались» и вступили в войско самозванца. Киевские мужики помогли ему переправиться за Днепр. Точно так же встречало войско «царевича» украинское население Северщины.

Юрий Мнишек был изощренным политиком, не чужавшимся обмана. В письмах к населению Северщины он уверял, что король Сигизмунд и сенаторы признали «Дмитрия» и «стояти за него хотят всею Польшею и Литвою», из чего следовало, что восстание в пользу «Дмитрия» будет поддержано всею мощью Речи Посполитой. Заверения такого рода должны были произвести большое впечатление на народ, так как пробуждали надежды украинского населения Северщины на воссоединение с Правобережной Украиной.

13 октября 1604 г. войско Лжедмитрия, перейдя границу, стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости — Монастыревскому острогу. Предпринимая нападение на соседнее дружественное государство, главнокомандующий самозванца Ю. Мнишек сознавал, что не сможет в случае неудачи и пленения воспользоваться защитой Речи Посполитой. По этой причине он принимал всевозможные меры предосторожности.

Приказав атаману Белешко с казаками двигаться по дороге прямо к Монастыревскому острогу, Мнишек углубился в лес, раскинувшийся кругом на много верст. При нем находились самозванец, шляхта, отряды наемных солдат, экипажи и обозы. Сопровождавшие армию Мнишека иезуиты подтвердили в своих письмах, что шли к Монастыревскому острогу (Моровску) не по дороге, а «через леса и болота». Ротмистру С. Борше начало похода запомнилось тем, что его солдаты нашли в лесу множество вкусных ягод.

Атаман Белешко беспрепятственно подошел к Монастыревскому острогу и выслал гонца для переговоров. Казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича». На словах он сообщил, что следом идет сам «Дмитрий» с огромными силами. Застигнутые врасплох воеводы Б. Лодыгин и М. Толочанов пытались организовать сопротивление. Но в городке началось восстание. Жители связали воевод и выдали их казакам. Однако при всем своем усердии народ не смог немедленно сдать острог «Дмитрию». Войнство Мнишека забилося в леса и болота так глубоко, что ему понадобилось несколько дней, чтобы выбраться из чащи на дорогу и попасть в городок. 18 октября 1604 г. казаки донесли Мнишеку о своей победе. На другой день жители крепости доставили «царевичу» захваченных воевод, и лишь 21 октября в 7 часов вечера Лжедмитрий вместе со своим главнокомандующим принял острог из рук восставших.

Захлестнувшие Северщину слухи о скором появлении избавителя — «хорошего» царя — расчистили путь самозванцу. Мнимый сын Грозного был встречен ликующими возгласами: «Встает наше красное солнышко, ворочается к нам Дмитрий Иванович!»

Известие о сдаче Монастыревского острога и приближении «царевича» вызвало волнение в Чернигове. Простой народ требовал признать власть законного государя. Среди местных служилых людей царили разброд и шатания. Воевода князь И.А. Татев заперся со стрельцами в замке и приготовился к отражению неприятеля. Но он оставил посад в руках восставшего народа, что решило исход дела. Чтобы справиться с воеводой, черниговцы призвали на помощь прибывший в окрестности города казачий отряд атамана Белешко.

Русское командование использовало задержку самозванца на границе и проявило исключительную расторопность. На выручку к черниговским воеводам стремительно двигался окольный П.Ф. Басманов с отрядом стрельцов. Он находился в 15 верстах от города, когда там произошло восстание.

Призванные черниговцами, казаки Белешко бросились к замку, но были отбиты залпами стрельцов. Раздосадованные потерями казаки и прибывшие следом наемные солдаты самозванца воспользовались тем, что горожане открыли им ворота, и бросились грабить посад. Все воинские заслуги армии Мнишека при взятии Чернигова свелись к грабежу города. События в замке развивались своим чередом. Князь Татев не смог удержать в повиновении находившихся при нем казаков, стрельцов и служилых людей.

Русские и иностранные источники одинаково описывают обстоятельства падения Чернигова. По свидетельству «Нового летописца», И.А. Татев пытался оборонять крепость, но среди гарнизона открылась измена, «и приидоша ж вси ратные люди и ево поимаше, и сами здалися к Ростриге...». Согласно Разрядным книгам черниговцы захватили и выдали самозванцу воевод князя И.А. Татева, князя П.М. Шаховского и Н.С. Воронцова-Вельяминова. Автор «Сказания о Гришке Отрепьеве» обвинил в «смуте» прежде всего «черных людей» Чернигова: «...смутишася черные люди и перевязаша воевод...» Иезуиты, вступившие в Чернигов вместе с самозванцем, отметили, что восставшие черниговцы с ожесточением напали на воевод — кого-то ранили, кого-то повлекли в тюрьму. Среди дворян одни упорно сопротивлялись, другие тайком соглашались на сдачу.

Самозванец вступил в Чернигов на другой день после его сдачи. Он выразил гнев по поводу разграбления города, но не смог или не захотел заставить солдат и казаков вернуть награбленное. Уже в Чернигове обнаружилось, сколь различным было отношение к самозванцу со стороны верхов и низов русского общества. Народ приветствовал вновь обретенного «царевича», невзирая на свои несчастья. Знатный дворянин Н.С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать Расстригу своим государем. Отрепьев приказал убить его. Казнь устратила дворян, взятых в плен. Воеводы Татев, Шаховской и другие поспешили принести присягу Лжедмитрию.

Заняв Чернигов, Мнишек с самозванцем явно боялись углубляться на территорию России. Находившиеся при армии иезуиты писали 1 (11) ноября 1604 г.: «Два или три дня спустя войско двинется отсюда в глубь Московии, где, как говорят, путь будет идти миль на 30 лесами к Белгороду». Верный себе Мнишек вновь решил углубиться в леса и, обходя крепости, двигаться вдоль кромки русских земель к Белгороду, где можно было ждать помощь с Дона. Однако под влиянием благоприятных вестей Мнишек вскоре изменил свои планы и выступил к Новгороду-Северскому. В авангарде его армии шли две сотни казаков во главе с Я. Бучинским. Казаки пытались завязать переговоры с городскими жителями, грозили воеводам жестокой расправой в случае неповиновения. Но в Новгороде-Северском они не добились успеха.

Оборону города возглавил энергичный воевода П.Ф. Басманов. Не успев оказать помощь Чернигову, он отступил в Новгород-Северский и в течение недели подготовил крепость к обороне. Число местных служилых людей в городе было невелико: 104 сына боярских, 103 казака, 95 стрельцов и пушкарей. Басманов привел с собой небольшой отряд. Не довольствуясь имеющимися силами, он запросил подкрепление из близлежащих крепостей. Гарнизон Новгорода-Северского был пополнен за счет 59 дворян из Брянска, 363 московских стрельцов и 237 казаков из Кром, Белева и Трубчевска.

Власти успели перебросить в крепость «даточных людей», наспех собранных крестьян из дворцовой Комарицкой волос-

ти на Брянщине. Если верить поздним Разрядным записям, в Новгород-Северский были присланы пять голов «з даточными людьми: Ондрей Матвеев сын Воейков, Иван Петров сын Биркин, Ондрей Бунаков, Борис Угрюмов, Данило Яблочков, а с ними комаричан по пятьсот человек». И.И. Смирнов понял приведенную запись буквально и рассчитал, что в Комарицкой волости было собрано 2500 «даточных людей». Однако имеются основания считать, что в копии Разрядной книги допущено искажение. Согласно подлинному наградному списку Годунова, Борис Угрюмов и Данила Яблочков участвовали в обороне Новгорода-Северского, но первый числился сотником московских стрельцов, а второй — сотником белевских казаков. Андрей Бунаков в течение двух предыдущих лет служил головой в гарнизоне Рыльска, а Иван Биркин был в 1604 г. головой в Пронске. Вполне возможно, что они прибыли на Северщину с подчиненными им ратными людьми. Один Андрей Воейков с 1603 г. числился головой в Новгороде-Северском. Не он ли был послан в Комарицкую волость за «даточными людьми»? Всего Басманов успел собрать в Новгороде-Северском до 1000 ратников и, возможно, 500 «даточных людей».

Когда казаки из армии Мнишека подступили к городу, воевода П.Ф. Басманов приказал стрелять по ним и отогнал от стен крепости. Узнав о неудаче, Мнишек два дня не решался идти вперед. Его армия стояла обозом в поле. Наконец он преодолел замешательство. 11 ноября 1604 г. войско самозванца расположилось лагерем у Новгорода-Северского. Три дня спустя солдаты предприняли попытку штурма, но потеряли 50 человек и отступили. В ночь с 17 на 18 ноября последовал генеральный штурм. Басманов имел лазутчиков во вражеском лагере и успел хорошо подготовиться к отражению нападения. Солдаты использовали «примет», чтобы поджечь деревянные стены замка, но приступ не удался.

Никогда прежде Отрепьев не нюхал пороху, и первая же неудача повергла его в уныние. Он был близок к обмороку, проклинал наемных солдат. Поражение посеяло в его лагере страх и неуверенность. В войске назревал мятеж. После недолгих совещаний наемники решили немедленно отступить от города и

вернуться на родину. Однако они не успели осуществить свое решение, поскольку в тот самый момент в лагере стало известно о сдаче Путивля.

Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным северским городом, располагавшим каменной крепостью. Лишь овладев Путивлем, самозванец мог добиться подчинения Северской Украины. Кто владел Путивлем — тот владел Северщиной. Отрепьев понимал это, и уже его первые военные планы, составленные в 1603 г., предусматривали занятие Путивля как первоочередную задачу. Вторгшись в Россию, Лжедмитрий не посмел напасть на Путивль, поскольку у него не было ни многочисленной армии, ни осадной артиллерии.

Падение мощной крепости поразило современников. Некоторые из них подозревали, что Путивль был сдан вследствие измены воевод. Управляли Путивлем трое присланных из Москвы воевод — М.М. Салтыков, князь В.М. Мосальский и дьяк Б.И. Сутупов. Шведский резидент Петр Петрей записал сведения о том, что Борис Годунов поручил Мосальскому доставить в Путивль казну, а тот якобы отвез деньги в лагерь самозванца. Другой иностранный мемуарист — Исаак Масса — утверждал, что к Лжедмитрию бежал дьяк Сутупов, посланный с деньгами в Путивль. Записи Разрядного приказа позволяют уточнить картину. В Разряде, составленном не позднее лета 1604 (7112) г., против имени Б. Сутупова помечено: «Богдан послан з государевым денежным жалованьем в северские города». Итак, дьяк Сутупов прибыл в Путивль за несколько месяцев до вторжения самозванца и, следовательно, не мог по пути из Москвы заехать в его лагерь. Судя по Разрядам, В.М. Мосальский и Б.И. Сутупов прибыли к месту назначения раньше главного воеводы М.М. Салтыкова. Как значится в книгах Разрядного приказа, «в Путивль послал государь окольничего Михаила Михайловича Салтыкова, а там готовы князь Василей княж Михайлов сын Мосальской да дьяк Богдан Иванов».

Авторы русских сказаний давали разноречивые оценки поведению путивльских воевод. По словам автора «Нового летописца», «в Путивле окаянной князь Василей Рубец Масаль-

ской да дьяк Богдан Сутупов здумаеш так же (как черниговцы. — *Р.С.*)... послаша с повинною». В «Сказании о Гришке Отрепьеве» можно прочесть, что Мосальский примкнул к изменникам «черным людям» вместе с Сутуповым. Автор «Повести 1626 г.», напротив, считал, что Мосальский, как и Салтыков, противился мятежу и убеждал народ, что «Дмитрий» — это Гришка Отрепьев.

Письмо, написанное неизвестным поляком из-под Новгорода-Северского в дни мятежа в Путивле, не оставляет сомнения в достоверности второй версии. Поляк писал, что двое путивльских воевод (один из них сенатор и любимец Бориса) пытались противодействовать мятежу, но их связали и увезли в лагерь самозванца. Из письма следует, что только один воевода из трех примкнул к «черни» и добровольно встал на сторону Лжедмитрия. Этим воеводой был, очевидно, дьяк Сутупов, человек незнатного происхождения. Член Боярской думы М.М. Салтыков решительно отказался присягнуть самозванцу, чем навлек на себя гнев народа. Путивляне поволокли воеводу к «царевичу» на веревке, привязанной к его бороде.

Путивль был главным торговым центром Северской Украины и имел многочисленное посадское население. Однако в путивльском восстании участвовали не только посадские люди, но и местный гарнизон. Крупнейшим воинским соединением гарнизона был приказ из 500 конных пищальников, которых называли на украинский манер самопальниками. Приказ был сформирован лет за 10 до Смуты. Власти предполагали укомплектовать приказ за счет мелкопоместных детей боярских, но им удалось организовать лишь одну дворянскую сотню. Прочие самопальники были набраны из числа местных казаков (севрюков), выходцев с Правобережной Украины (черкас), стрельцов, пушкарей, посадских людей.

Путивльские служилые люди приняли участие в восстании, рассчитывая на то, что «прирожденный» царь облегчит их участь. Гарнизон Путивля встал на сторону восставшего народа. Верность Борису сохранили лишь московские стрельцы, присланные в город вместе с воеводами.

Самозванец узнал об аресте путивльских воевод 18 ноября 1604 г. День спустя жители города дали знать о «поимании 200 стрельцов московских». 21 ноября повстанцы выдали «царевичу» голову стрелецкого с сотниками. Приведенная запись из польского походного дневника дает основание предполагать, что посланные в Путивль московские стрельцы оказывали сопротивление восставшим в течение одного-двух дней.

Путивльские дворяне составляли малочисленную прослойку по сравнению с другими группами населения, но они были наилучшим образом вооружены и сохраняли значение ведущей политической силы. Московским воеводам, возможно, удалось бы подавить народные выступления, если бы они располагали поддержкой местных дворян. Однако имеется множество свидетельств о том, что путивльские дети боярские «всем городом» выступили на стороне «Дмитрия», и это определило исход восстания. Руководителями путивльского повстанческого лагеря стали местные дети боярские Ю. Беззубцев и С. Булгаков. По-видимому, они сыграли выдающуюся роль в перевороте, чем и объясняется их последующая карьера.

В Путивле в воеводской казне хранились крупные суммы денег, предназначенные для выплаты жалованья служилым людям. Во время восстания дьяк Богдан Сутупов уберег казну, а затем доставил ее в лагерь самозванца.

В наемной армии под Новгородом-Северским назревал мятеж. Восставшие путивляне спасли положение, снабдив самозванца деньгами. Последовав примеру черниговских воевод, В.М. Мосальский присягнул «царевичу». Довольно скоро Мосальский и Сутупов стали самыми деятельными помощниками Лжедмитрия.

Пять недель шла борьба за северские города, прежде чем восстание перебросилось из Северской Украины на смежные русские уезды. Расположенные поодаль от границы, русские города были затронуты агитацией самозванца значительно меньше, чем северские города. Тем не менее в них было много горючего материала. Из Путивля восстание перебросилось в Рыльск, Курск и далее на северо-восток. В самом начале кам-

пани московское командование перебросило в Рязань 300 московских стрельцов. Однако рязанский воевода А. Загряжский не сумел подавить восстание. Весть о событиях в Рязани была получена в лагере под Новгородом-Северским 25 ноября 1604 г., а 1 декабря восставшие привели к «царевичу» пять воевод из Рязани. В тот же день стало известно о восстании в Курске.

Летом 1604 г. Разрядный приказ назначил воеводой Курска князя Г.Б. Рошу-Долгорукого. Его помощником был голова Я. Змеев. Куряне связали воевод и доставили их к Лжедмитрию. Воеводам пришлось выбирать между милостями нового «государя» и тюрьмой, и они поспешили присоединиться к тем, кто согласился служить «вору». Прошло совсем немного времени, и Лжедмитрий назначил Г.Б. Долгорукого и Я. Змеева своими воеводами в Рязань.

Полагают, что «уже осенью 1604 г. лозунг борьбы «за царя Дмитрия» оказался тесно связанным с призывами к истреблению бояр и дворян...». Факты не подтверждают такой вывод. В ряде северских городов дети боярские «всем городом» переходили на сторону Лжедмитрия, что и определило легкость переворота. Восставший народ нападал на воевод, московских стрельцов и других лиц, выступавших против «доброго» царя, но принимал их в свою среду и даже подчинялся их авторитету, коль скоро те переходили на сторону Лжедмитрия.

Источники сохранили мало данных о настроениях и действиях крестьян. Однако следует подчеркнуть один существенный момент. К осени 1604 г. деревня еще не преодолела последствий трехлетнего неурожая и голода.

В архивах Новодевичьего монастыря сохранились материалы, живо характеризующие положение крестьян в монастырских вотчинах на юге страны. Крестьяне Оболенских сел жаловались, что многие из них «пашен своих ко 112-му (1604. — Р.С.) году не сеяли, потому что хлеба на семена взяти негде». Проверка подтвердила, что пашня в Оболенских селах в 1604 г. продолжала сокращаться, что крестьяне терпят нужду: «у иного корова да кляча есть, а у иного нет, а хлебом добре нужны». Власти богатого столичного монастыря решили сложить с сел денежный об-

рок, чтобы «крестьяне в Оболенских селех скрепились и не разбежались». Однако казна продолжала неукоснительно взыскивать с разоренной деревни царские подати. Между тем оболенские крестьяне в своих челобитных 1604 г. жаловались на непосильные государевы поборы и повинности. Власти «правили» на них «ямским охотником подмоги хлебные и денежные», привлекали к трудовой повинности по строительству острога в Серпухове. С началом войны на деревню были возложены новые обременительные обязанности. За счет принудительных наборов среди крестьян были укомплектованы отряды «даточных людей» и многотысячная «посошная» рать, перевозившая войсковые обозы и артиллерию.

Положение на Брянщине и Орловщине мало чем отличалось от положения в Серпуховском округе, где находились Оболенские села.

Плодородные земли Северской Украины были затронуты неурожаем и голодом в меньшей мере. Но именно поэтому казна отказывала местным крестьянам в каких бы то ни было податных льготах, стремясь компенсировать огромные недоимки в других уездах. Из-за осенней распутицы власти не имели возможности своевременно набрать «даточных» и «посошных» людей в отдаленных уездах государства, и поэтому тяжесть этой повинности испытали на себе прежде всего крестьяне юго-западных районов, ближе всего расположенных к театру военных действий.

Первой крестьянской волостью, примкнувшей к восстанию в пользу Лжедмитрия, явилась обширная Комарицкая волость на Брянщине. 25 ноября (5 декабря) 1604 г. автор поденной записки похода самозванца пометил в своем дневнике: «...из Комарицкой волости люди приехали с объявлением о подданстве и двух воевод привели». Борьба в волости продолжалась по крайней мере пять дней. 1 (11) декабря в дневнике появилась запись о том, что комаричи привели еще двух воевод «из Комарицкой волости».

Объясняя причины бунта в Комарицкой волости, историки высказали предположение, что еще при царе Федоре эта волость была передана во владение Борису Годунову, а тот оли-

цетворял собой и боярина-феодала, и главу крепостнического государства. Однако документы не оставляют сомнения в том, что при царе Борисе Комарицкая волость была дворцовой. Дворцовые крестьяне находились в лучшем положении, нежели закрепощенные частновладельческие крестьяне. По словам Исаака Массы, Комарицкая волость была населена богатыми мужиками. Русские источники подтверждают это известие. Трехлетний неурожай сказался на положении и этой богатой волости, но все же комаричи не испытали тех бедствий, которые выпали на долю населения многих других районов, массово умиравшего от голода.

Для управления обширной дворцовой волостью власти еще в 1603 г. направили к комаричам голову: «во Брянском уезде в Комарицкой волости голова Иван Нарматцкой». Боярские списки подтверждают его назначение. Нармацкий ранее служил дьяком в приказе, а потому имел опыт, необходимый дворцовому приказчику.

Невзирая на неурожай, комаричи должны были выплатить Казне и Дворцу подати и оброки. Еще более тяжелыми оказались натуральные повинности. Когда И. Нармацкий обязал волостных людей выставить для войны с «Дмитрием» 500 человек «даточных людей», негодование крестьян достигло предела. Какой бы обширной ни была Комарицкая волость, там не могло быть четырех воевод. Очевидно, автор польского походного дневника именует «воеводами» приказных людей детей боярских, захваченных в Комарицкой и в соседних волостях.

Характерно, что в 1603 г. одновременно с посылкой И. Нармацкого в Комарицкую волость власти назначили сына боярского У.А. Матова в Сомовскую волость, располагавшуюся на Орловщине, в 30 верстах от Карачева. Осенью 1604 г. воевода А.Р. Плещеев получил приказ спешно идти в Карачев и в Комарицкую волость. С ним были несколько десятков жильцов, «да конюхи, да псари». Необычный состав отряда позволяет высказать предположение, что Плещеев возглавлял карательные силы, предназначенные для подавления мятежа в карачевских и брянских волостях. Сомовская волость находилась в 40 верстах к северу от Комарицкой.

3 декабря 1604 г. в лагере Лжедмитрия стало известно, что «волость Кромы поддалась». Службу в Кромах несли в 1603—1604 гг. осадный голова Иван Матов и городовые приказчики Осип Виденьев и Иван Грудинов. Власти не ждали нападения на Кромы и ослабили и без того малочисленный гарнизон. Дело дошло до того, что Матову пришлось отослать в действующую армию четырех своих конных боевых слуг. Согласно польскому походному дневнику, на сторону «Дмитрия» перешла «волость Кромы». Иначе говоря, восстание в небольшой крепости было поддержано населением сельской округи.

Уцелевший фрагмент разрядных документов, посвященный военным действиям в районе Кром и Орла, показывает, какую роль играло сельское население в распространении восстания от уезда к уезду. В конце 1604 г. власти города Орла донесли в Москву, что пришли «на орловские места войною Околенские волости мужики и кромчане».

Кромы располагались к югу от Орла, на дороге Курск — Орел. Околенки — центр Околенской волости — находились к западу от Орла, на расстоянии 42 верст от Карачева. Через Околенки проходила прямая дорога из Орла на Карачев. Восстание в Околенской волости создало угрозу для Карачева. На помощь местному гарнизону был послан отряд правительственных войск: «В Карачев послан Алексей Романов сын Плещеев, а с ним посланы жильцы, да конюхи, да псари».

Восставшие «мужики» из Околенской волости действовали очень энергично. Они объединились с отрядами из Кромской волости и попытались поднять против царя Бориса население Орла. Если бы кромчанам удалось «смутить» Орел, это открыло бы восставшим прямой путь на Москву. Оценив опасность, командование перебросило в Орел голов Г. Микулина и И. Михнева с дворянскими сотнями. Из-за недостатка сил в Орел были вызваны дворяне и дети боярские из Козельска, Белева и Мещовска, несшие годовую службу в Белгороде.

Царь Борис доверял Г. Микулину и в 1600 г. направлял его послом в Лондон. Микулин не допустил восстания в Орле, поскольку имел возможность опереться на сильные дворянские

отряды. Высланная из города дворянская сотня наголову разгромила «мужиков» и отбросила их от Орла.

Несмотря на неудачу повстанцев под Орлом, восстание на Брянщине и Орловщине существенно изменило ситуацию на театре военных действий. Теперь самозванец имел обеспеченный тыл и возможность пополнить свои ресурсы.

Вести об успехах «истинного» царя проникли в осажденный Новгород-Северский и посеяли там семена смуты. Воеводе П.Ф. Басманову с трудом удалось справиться с кризисом.

После отступления Лжедмитрия власти щедро наградили всех участников обороны крепости. Не были забыты ни стрельческие дети, ни бортники, ни монахи, ни слепой старец, ходивший лазутчиком в «воровской» стан, однако среди награжденных не было посадских людей и «даточных» — комаричей. С.Ф. Платонов склонен был объяснить этот факт отсутствием сколько-нибудь значительного посада в Новгороде-Северском. Однако с таким объяснением трудно согласиться. Современники отмечали, что Басманов, прибыв в город, приказал сжечь примыкавший к крепости посад, а жителей загнал в острог. Запись дневника участника осады дает ключ к отмеченному С.Ф. Платоновым парадоксу. 28 ноября (8 декабря) 1604 г., записал автор поденной записки, «передалось Москвы из замка 80». Как видно, среди населения Новгорода-Северского произошли волнения. Сторонники «царевича» пытались поднять мятеж, но потерпели неудачу и бежали из крепости.

Начиная с 1 декабря 1604 г. осаждавшие стали обстреливать Новгород-Северский из тяжелых орудий, привезенных из Путивля. Канонада не прекращалась ни днем, ни ночью. Гарнизон нес большие потери. После недельного обстрела враги «разбиша град до обвалу земного».

Чтобы выиграть время, П.Ф. Басманов начал переговоры с Лжедмитрием и просил о предоставлении ему двухнедельного перемирия, будто бы необходимого для принятия решения о сдаче крепости. Мнишек и самозванец согласились на просьбу воеводы. Басманов использовал перемирие, чтобы получить подкрепления из городов, сохранивших верность Годунову. Отряд правительственных войск, действовавших

неподалеку от Новгорода-Северского, предпринял успешную попытку прорваться в осажденную крепость. 14 (24) декабря, отметил автор польского походного дневника, «москвы 100 вошло в замок». Автор дневника называл «московью» всех русских ратников — и местных, и присланных из Москвы.

Не располагая крупными силами, московское командование было вынуждено посылать против Лжедмитрия и его сторонников разрозненные отряды. Вслед за П.Ф. Басмановым «в Северу» выступил воевода М.Б. Шеин. В Орел на помощь тамошним головам прибыл воевода Ф.И. Шереметев, вскоре переброшенный под Кромь. По словам Я. Запорского, осада Кром продолжалась в общей сложности 23 недели, иначе говоря, она началась в первых числах декабря 1604 г. В росписи главной армии 1604 г. дяки включили списки, озаглавленные «Да в большом же полку з бояры и воеводами жильцов и дворян выборных из городов, которые были с воеводою с Федором Шереметевым...». Поименованные дворяне из отряда Шереметева не были учтены в итоговых цифрах росписи, составленной к концу ноября 1604 г. Это значит, что список шереметевских дворян был включен в общую роспись в декабре, во всяком случае до 21 декабря, поскольку некоторые из этих дворян участвовали в неудачной битве под Новгородом-Северским. Воевода Ф.И. Шереметев лишился даже собственной вооруженной свиты: еще до выступления в поход 60 его боевых холопов были отряжены в главную армию. Не располагая достаточными силами, Шереметев был вынужден прервать на время осаду Кром.

Борис Годунов объявил о мобилизации всего дворянского ополчения после того, как узнал о первых успехах самозванца. Разрядный приказ получил распоряжение собрать полки в течение двух недель. Царское повеление было повторено трижды, но выполнить его не удалось. Потребовалось не менее двух месяцев, чтобы вызвать дворян из их сельских усадеб в места формирования армии. Осенняя распутица затрудняла мобилизацию.

В октябре 1604 г. Разрядный приказ составил две росписи. Согласно первой князь Д.И. Шуйский с тремя полками дол-

жен был выступить к Чернигову, согласно второй — к Брянску. Однако даже армию из трех полков удалось укомплектовать лишь в ноябре. Д.И. Шуйский начал поход «на Северу» только 12 ноября, «на Дмитриев день». Участник похода Конрад Буссов называет ту же дату. По его словам, Борис сурово наказал тех, кто уклонялся от службы: некоторых доставили к месту службы под стражей, у других отписали поместья, третьих наказали батогами. Дворяне собрались в Москве ко дню св. Мартина, т.е. к 12 ноября. В Брянске армия сделала длительную остановку, ожидая пополнений. Туда прибыл главнокомандующий князь Ф.И. Мстиславский. Собранная в Брянске армия была разделена на пять полков.

Анализируя первые распоряжения Годунова, С.Ф. Платонов сделал вывод, что его ошибки весьма способствовали успеху самозванца. Опасаясь вторжения войск самозванца со стороны Орши, царь назначил сборным пунктом для главной армии Брянск, одинаково близкий к Смоленску и к Орше, вследствие чего воеводы потеряли много времени. По-видимому, это не совсем верно. Брянск был выбран местом сосредоточения по той простой причине, что через этот город проходила большая дорога, издавна связывавшая Москву с Северной землей.

Несмотря на все старания Разрядного приказа, главные силы русской армии смогли войти в соприкосновение с войском Мнишека лишь через два месяца после начала гражданской войны. Царские воеводы действовали вяло и нерешительно. Они прибыли в окрестности осажденного Новгорода-Северского 18 декабря 1604 г. и провели три дня в полном бездействии. 20 декабря войска выстроились друг против друга в поле, но дело ограничилось мелкими стычками. Самозванец старался оттянуть битву переговорами, и это ему отчасти удалось. Мстиславский ждал подкреплений и не спешил с битвой.

В архивах сохранилась Разрядная роспись полков Ф.И. Мстиславского с точными данными о численности царской армии. В росписи имеются пометы о гибели дворян, убитых в сражении с войсками самозванца. По мнению издателей росписи, эти пометы относились к битве под Добрыничами 21 января 1605 г. Но скорее всего их следует отнести к битве под Новгородом-

Северским в декабре 1604 г., поскольку разгром и бегство армии самозванца в битве под Добрыничами исключали возможность пленения годуновских дворян. После 21 декабря 1604 г. роспись, по-видимому, не пополнялась новыми данными. Именно поэтому в нее не попали сведения о прибытии в армию в январе 1605 г. значительных подкреплений из Москвы во главе с боярином князем В.И. Шуйским, занявшим пост второго воеводы.

Боевой состав царской армии, по росписи, составлял 25 336 человек. Яков Маржарет считал, что у Мстиславского было до 40 000—50 000 человек. Видимо, в это число входили боевые холопы, «посошные люди» при обозе и пр.

По данным А. Гиршберга, армия самозванца насчитывала 38 000 человек. Указанная цифра лишена достоверности. Без сомнения, войско Мнишека в количественном отношении сильно уступало армии Мстиславского. Самозванец оказался в трудном положении, имея в тылу осажденную крепость, а перед фронтом — превосходящие силы неприятеля. Накануне битвы Басманов велел палить из всех пушек и делал частые вылазки, вследствие чего Мнишек отрядил против крепости часть казацкого войска.

Между тем Мстиславский не сумел использовать всех выгод своего положения. Мнишек перехватил инициативу. 21 декабря 1604 г. польские гусарские роты стремительно атаковали правый фланг армии Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил, увлекая за собой соседние отряды. Среди общего смятения одна из гусарских рот, следуя за отступавшими русскими, повернула вправо и неожиданно оказалась позади расположения большого полка, подле ставки Мстиславского. Там стоял большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Гусары подрубили древко и захватили стяг. Они сбили с коня Мстиславского и нанесли ему несколько ударов в голову. Безрассудно храбрый налет не мог дать больших результатов. Подоспели стрельцы. Те из гусар, кто успел вовремя поворотить коня, спаслись. Прочие же, вместе с капитаном Домарацким, попали в плен.

Царские воеводы имели возможность использовать свое численное превосходство, но они так и не ввели в дело главные силы. Ранение главнокомандующего вызвало растерянность. В.В. Голицын, А.А. Телятевский и другие воеводы поспешили отвести свои полки и полностью очистили поле боя.

Самозванец мог праздновать победу. По утверждению его соратников, поляки потеряли убитыми около 120 человек, тогда как русских полегло до 4 тысяч. Данные о русских потерях были сильно преувеличены. Кроме того, надо иметь в виду, что поляки считали всех убитых русских вместе — и государевых ратников, и «воровских» людей. Хорошили их без разбору в трех больших могилах. Опытный солдат Яков Маржарет, участвовавший в битве, отметил, что обе армии после двух-трехчасовой стычки разошлись без особых потерь. Его слова подтверждаются малочисленными пометами об убитых дворянах в упомянутой выше росписи русской армии.

Успех Мнишека носил частный, преходящий характер. Общее положение на театре военных действий не изменилось. Мнишеку предстояло продолжить утомительную и бесплодную осаду Новгорода-Северского и ждать нового натиска многочисленной царской рати.

Самым неотложным для самозванца вопросом было безденежье. Одержав верх над Мстиславским, наемники немедленно потребовали у «царевича» плату. Казна, привезенная из Путивля, была почти вся истрачена. Но «рыцарство» не желало слышать ни о каких отсрочках. Чтобы успокоить недовольных, Лжедмитрий тайно раздал деньги роте, заслужившей его особую милость. Об этом немедленно узнали другие роты. 1 января 1605 г. в лагере вспыхнул открытый мятеж. Наемники бросились грабить обозы. Они хватали все, что попадало им под руки, — запасы продовольствия, снаряжение, всякого рода скарб. Мнишек пытался прекратить грабеж, но добился немногого. Следующей ночью мятеж возобновился с новой силой. Тщетно самозванец ездил между солдатских палаток, падал на колени перед рыцарством и умолял не оставлять его. Наемники вырвали у него знамя, а под конец сорвали с него соболью

ферязь. Отрепьева осыпали площадной бранью. Кто-то крикнул ему вдогонку: «Ей-ей, быть тебе на колу!»

Наемная армия стала распадаться. Большая часть солдат, по словам очевидцев, покинула лагерь и 2 января 1605 г. отправилась к границе. В тот же день самозванец сжег лагерь и отступил из-под Новгорода-Северского по направлению к Путивлю. Мнишек, еще недавно уговаривавший солдат остаться на «царской» службе, внезапно сам объявил об отъезде из армии. 4 января главнокомандующий и его люди «разъехались с его милостию царевичем». Престарелый магнат не желал более испытывать судьбу. Его отъезд в Польшу придал новое направление самозванческой интриге. До поры до времени Отрепьев оставался не более чем куклой в руках польских покровителей. Теперь интрига стала ускользать из-под контроля Мнишека и тех, кто стоял за его спиной.

Отъезд Мнишека был связан не только с распадом собранной им наемной армии. В чисто военном отношении прибывшее сильное запорожское войско вполне компенсировало потерю наемников. Мнишека не устраивало другое. Его пугало то, что «царевича» поддерживали простонародье и мелкие служилые люди. Надежды на восстание недовольных Годуновым бояр не оправдались. Главные московские бояре прислали в лагерь под Новгород-Северский грамоты, адресованные лично Мнишеку и полные угроз. Королевский сенатор чувствовал себя неуютно среди восставшей русской черни. Он утратил надежду склонить на сторону «царевича» начальных бояр. Посольский приказ так прокомментировал отъезд гетмана из «воровского» войска: «Отошел воевода сендомирский от того вора собою после того, как ему был бой с бояры, а отходил для помочи тому вору, а не за королевским повелением, и староста остринский Михаил Ратомской, и Тышкевич, и ротмистры остались».

При отъезде Мнишек уверял нареченного зятя, что на сейме, на котором ему надлежит быть, он будет защищать дело «царевича», пришлет ему подкрепления и пр. Вместе с гетманом Юрием Мнишеком, его главным полковником Адамом Жулицким, ротмистрами Станиславом Мнишеком

и Фредрой за рубеж ушли около 800 солдат. Лжедмитрию удалось удержать при себе пана Тышкевича, Михаила Ратомского и некоторых ротмистров. Немалую помощь ему оказали иезуиты, находившиеся в войске. На развилке дорог они последовали не за Мнишеком, а за «царевичем». Их пример подействовал на многих колеблющихся солдат. Благодаря помощи ротмистров и капелланов Отрепьев удержал при себе от 1500 до 2000 солдат.

С отъездом Мнишека в окружении Лжедмитрия возобладали сторонники решительных действий. Покинув лагерь под Новгородом-Северским, самозванец мог затвориться в каменной крепости Путивля или уйти в Чернигов, поближе к польской границе. Вместо этого он двинулся в глубь России.

В начале января 1605 г. Лжедмитрий беспрепятственно занял Севск, располагавшийся в центре Комарицкой волости. Восставшая волость предоставила войску самозванца не только теплые квартиры, продовольствие и фураж, но и воинские контингенты. По словам Якова Маржарета, под Севском он «набрал доброе число крестьян, которые приучались к оружию». Данные о потерях в битве под Добрыничами показывают, что повстанческая армия достигла наибольшей численности как раз во время пребывания Лжедмитрия в Комарицкой волости. В ее составе было по крайней мере 4000 запорожцев, несколько сот донских казаков. Еще более многочисленными были повстанческие отряды, сформированные из мужиков и жителей восставших городов.

Армия Лжедмитрия была вновь готова к бою. По своему облику она заметно отличалась от армии Мнишека. Впервые в ее состав вошло значительное число крестьян. Однако руководили воинством самозванца те же силы, что и прежде. Наемные роты возглавляли польские шляхтичи. Отряды детей боярских из Путивля и других северских городов имели своих предводителей.

После неудачного столкновения под Новгородом-Северским царь Борис не только не объявил опалу Мстиславскому, но, напротив, пожаловал князя — «велел о здравии спросить» и прислал придворного врача для его излечения. Вособом

послании Годунов поблагодарил боярина за то, что тот, помня Бога и присягу, пролил свою кровь. Борис оказал честь всем ратным людям, участвовавшим в битве, повелев здравствовать их.

Прошел месяц, прежде чем Мстиславский оправился от ран. Разрядный приказ использовал затянувшуюся паузу для того, чтобы пополнить таявшую армию свежими силами. В январе 1605 г. на помощь Мстиславскому прибыл князь Василий Шуйский с царскими стольниками, стряпчими и «большими» московскими дворянами. Первостатейная столичная знать должна была разделить с уездным дворянством тяготы зимней походной службы. 20 января Мстиславский разбил свой лагерь в большом комарицком селе Добрыничи, неподалеку от Чемлыжского острожка, где находилась ставка Лжедмитрия.

Узнав о появлении царской рати, самозванец созвал военный совет. Наемные командиры предлагали не спешить с битвой, а начать переговоры с боярами. Но в повстанческой армии их голос уже не имел прежнего значения. Ротмистр С. Борша записал, что «царевич» перед битвой долго советовался, в особенности же с казаками, «потому что в них полагал всю надежду». Атаманы высказались за то, чтобы немедленно атаковать воевод, не вступая с ними ни в какие переговоры.

Повстанцы вели войну своими способами. С наступлением ночи комарицкие мужики только им известными тропами провели ратников Лжедмитрия к селу Добрыничи. Восставшие намеревались поджечь село с разных сторон и вызвать панику в царских полках накануне решающей битвы. Однако стража обнаружила их на подступах к селу.

Рано утром 21 января 1605 г. армии сблизились и завязался бой. Гетман Дворжецкий решил в точности повторить маневр, который обеспечил успех самозванцу под Новгородом-Северским. Гусары должны были опрокинуть правый фланг русских, а пехота, оставленная в тылу, довершить победу. Перед запорожской конницей стояла задача сковать силы русских в центре. Пешие казаки прикрывали пушки, стоявшие позади фронта.

Следя за передвижениями противника, Мстиславский выдвинул вперед полк правой руки во главе с Шуйским, а также отряды Маржарета и Розена, составленные из служилых иностранцев. Гетман Дворжецкий немедленно атаковал Шуйского, собрав воедино свою немногочисленную конницу. В атаке участвовало около 10 конных отрядов: 200 гусар, 7 рот конных копейщиков, отряд шляхты из Белоруссии и отряд русских всадников. Не выдержав яростной атаки, Шуйский дрогнул и стал отступать. Расчистив себе путь, конница Дворжецкого повернула к селу, на окраине которого стояла русская пехота с пушками. Тут она была встречена мощными орудийными и ружейными залпами и повернула назад. Отступление завершилось паническим бегством.

Взаимная ненависть и недоверие шляхты и вольных запорожцев раздирали армию самозванца изнутри. Ротмистры утверждали, что виновниками катастрофы были запорожцы. Когда ветер принес со стороны русского лагеря клубы дыма, писал С. Борша, запорожцы будто бы испугались и кинулись бежать, а гусары бросились вслед, убеждая их вернуться. По словам Г. Паэрле, казаки изменили и побежали, потому что были подкуплены Борисом, что открылось уже после битвы. Сам Лжедмитрий, пытаясь скрыть от своих покровителей личное участие в неудачной битве, в письме Рангони от 8 (18) апреля 1605 г. утверждал, будто недавно узнал о причинах прискорбного бегства к крепости Севск (в Комарицкой волости) третьей экспедиции под командованием стольника И. Папроцкого, которое «произошло из-за того, что запорожская пехота без всякой причины оставила поле боя... и бежала в смятении».

На самом деле в поражении повинны были не казаки. Свидетельство участника боя Маржарета позволяет точно определить, кто первым побегал с поля битвы. Залп из 10—12 тысяч ружейных стволов, писал Маржарет, поверг атаковую польскую конницу в ужас, и она в полном смятении обратилась в бегство. Участники атаки единодушно утверждали, что пальба сама по себе причинила немного вреда нападавшим: было убито менее десятка всадников. Однако поляки хорошо помнили, чем кончилась безрассудно лихая атака капитана До-

марацкого под Новгородом-Северским. На поддержку запорожцев они не рассчитывали, не доверяя им. По словам Маржарета, оставшиеся у самозванца конница и пехота пытались поддержать атаку гусар и с редким проворством двинулись им на помощь, думая, что дело выиграно. Однако, столкнувшись с отступавшими в полном беспорядке гусарами, казаки повернули вспять.

Вопреки утверждению самозванца, именно казаки предотвратили полное истребление его войска. Преследуя гусар, русские натолкнулись на батарею, которую прикрывала пехота. По признанию Борши, казаки, оставленные при орудиях, хорошо держались против русских. Брошенные на произвол судьбы, они почти все погибли на поле боя.

Самозванец потерял почти всю свою пехоту. Конница понесла меньшие потери, чем отряды казаков и мужиков. Поляки исчисляли свои потери 3 тыс. человек. Маржарет считал, что у противника было 5—6 тыс. убитых. В официальных отчетах воевод фигурировала еще большая цифра. Согласно Разрядной записи, на поле боя было найдено и предано земле 11,5 тыс. трупов. Большинство из них (7 тыс.) составляли «черкасы» (украинцы). В руки победителей попали 15 знамен и штандартов и вся артиллерия — 30 пушек.

Лжедмитрий возглавлял атаку гусар вместе со своим гетманом Дворжецким. Первая и последняя в его жизни атака закончилась позорным бегством. Во время отступления под ним была ранена лошадь, и он чудом избежал плена. Самозванец сначала укрылся на Чемлыже, а затем тайно покинул лагерь и ускакал в Рыльск. Запорожцы, узнав о его бегстве, пустились по его следам, «но под стенами Рыльска их встретили ружейной пальбой и поносными словами как предателей государя Дмитрия Ивановича». Некоторые русские источники подтверждают польскую версию о том, что запорожцы хотели расправиться с самозванцем и отомстить за своих погибших товарищей.

Дворянские полки устроили повстанцам кровавую бойню на поле боя. Но этим дело не ограничилось. В руки воевод попало множество пленных. Их разделили на две неравные части. Полякам была дарована жизнь, и их вскоре увезли в Моск-

ву. Всех прочих пленных — детей боярских, стрельцов, казаков, комаричей — повесили посреди лагеря.

Воеводы не удовольствовались казнью «воров», захваченных с оружием в руках. Как поведал Буссов, царские дворяне, заняв Комарицкую волость, «стали чинить над бедными крестьянами, присягнувшими Дмитрию, ужасающую беспощадную расправу». По словам того же автора, экзекуции подверглось несколько тысяч крестьян, их жен и детей. Несчастных вешали за ноги на ветвях деревьев, а затем «стреляли в них из луков и пищалей, так что на это было прискорбно и жалостно смотреть».

Конрад Буссов возлагает ответственность за казни на русских вообще и ничего не пишет о приказе, исходившем от Годунова. Исаак Масса, будучи обличителем Бориса, обвиняет в кровопролитии именно его. По словам Массы, Годунов призвал к себе касимовского царя Симеона Бекбулатовича и велел ему истребить Комарицкую волость. Степень достоверности его рассказа, однако, невелика. Полуслепой Симеон жил в своем тверском селе и не участвовал в войне с самозванцем. Масса записал слухи, циркулировавшие в Москве. Достоверным в них было, по-видимому, лишь указание на участие в экзекуциях отрядов из Касимова. Согласно Разрядной росписи, в полку Мстиславского находилось «татар касимовских, царева двора Исеитова полку старых и «нови́ков» 450 человек». После разгрома Лжедмитрия воеводы отдали им на разграбление мятежную крестьянскую волость.

Слухи о погроме в Комарицкой волости распространились по всей России. Автор «Иного сказания» записал, что царь приказал опустошить Комарицкую волость и в ярости убивал «не токмо мужей, но и жен и безлюбивых младенцев, ссущих млека, и поби от человек до скота». Волость была разграблена: «И имения их расхищены быша и доmove до конца разорены быша и огнем пожжены быша, вся в прах преврати».

То был первый случай в истории Смуты, когда мужики подняли оружие против властей, пренебрегли присягой московскому царю, взяли под стражу его воевод и приказных людей. Власти проявили неслыханную жестокость при подавлении мужицкого бунта.

Мятеж на Брянщине можно считать первым массовым бунтом крестьян в Смутное время. Он охватил не одну, а несколько волостей. Но, вопреки мнению авторитетных исследователей, то не была вспышка крестьянской войны, точно так же как поход самозванца не был формой интервенции «польских феодалов». Польское вмешательство послужило внешним толчком к гражданской войне в России. Королевская армия в войне не участвовала.

Даже на первом этапе, в особенности после отъезда Мнишека в Польшу, силы вторжения играли ограниченную роль. После поражения под Севском остатки иноземных наемных отрядов бежали за пределы России.

Разгром Комарицкой волости и прекращение внешнего вмешательства неизбежно сказались на дальнейшей истории Смуты. Единодушие московских дворян, выступивших против иноземного вторжения, пришел конец.

МЯТЕЖ В ЮЖНЫХ КРЕПОСТЯХ

Воеводы Мстиславский и Шуйский одержали победу над самозванцем, но не осмелились преследовать его армию и довершить ее уничтожение. Иезуиты Чижевский и Лавицкий, находившиеся в лагере Лжедмитрия под Севском, записали в своем дневнике: «Враг мог гнаться за нами, догнать, перебить и сжечь лагерь, но он остановился от нас, не дойдя мили, и не решился воспользоваться своей удачей». Причиной медлительности явилось не предательство, а, скорее, бездарность бояр. Князь Мстиславский, князь Василий и Дмитрий Шуйские были представителями самых родовитых семей, но они не обладали никакими воинскими доблестями.

Воеводы могли двинуться к границе, чтобы изгнать самозванца из пределов страны. Но, оставаясь под впечатлением одержанной победы, бояре считали, что самозванцу не удастся собрать новое войско и что война практически закончена.

Мстиславский прибыл в окрестности Рыльска на другой день после бегства оттуда Отрепьева. Лишившись армии,

Лжедмитрий не мог укрепить гарнизон Рыльска сколько-нибудь значительными силами. Покидая город, он поручил его оборону местному воеводе князю Г.Б. Долгорукому. В распоряжении Долгорукого было несколько казачьих и стрелецких сотен. Имея несколько десятков тысяч человек, бояре рассчитывали быстро покончить с сопротивлением Рыльска. Но они ошиблись. В обороне города участвовало все население Рыльска. Горожане знали, что им нечего ждать пощады, и сражались с исключительной стойкостью. На все предложения о сдаче они отвечали, что стоят «за прирожденного государя». В течение двух недель царские воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Однако выстрелы пушек с городских стен не позволили им придвинуться вплотную к городу. Общий штурм крепости не удался, и на другой день после приступа Мстиславский снялся с лагеря и отступил к Севску.

После того как воеводы покинули окрестности Рыльска, жители города произвели вылазку и разгромили русский арьергард, который должен был оставить лагерь в последнюю очередь. В их руки попало немало имущества, которое воеводы не успели вывезти из лагеря. Самозванец поспешил распустить слух о том, что Мстиславский понес серьезное поражение, потеряв до 1000 убитыми и 200 пленными.

Дворянское ополчение не привыкло вести войну в зимних условиях, среди заснеженных лесов и полей. Трудности усугублялись тем, что армии приходилось действовать в местности, охваченной восстанием, среди враждебно настроенного населения. Находясь в окрестностях Рыльска, армия не имела надежных коммуникаций. Она оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. Сторонники Лжедмитрия удерживали в своих руках на севере — Кромы, на юге — Путивль, на западе — Чернигов. Они отбивали обозы с продовольствием, чинили помехи заготовке провианта и фуража.

После утомительной зимней кампании царские полки стали таять. Не спрашивая «отпуска» у воевод, дворяне толпами разъезжались по своим поместьям. В таких условиях главные воеводы — Мстиславский, Шуйские и Голицын — приняли ре-

шение вывести армию из восставшей местности и распустить ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Отступление воевод от Рыльска вызвало гнев царя Бориса. Не теряя времени, царь направил в полки окольников П.Н. Шереметева и главного дьяка А. Власьева с наказом сделать выговор воеводам: «...пенять и расспрашивать, для чего от Рыльска отошли». Годунов строжайше запретил боярам распускать ратных людей, что вызвало открытый ропот в армии.

Царские воеводы разгромили плохо вооруженную армию Лжедмитрия в открытом полевом сражении. Но все их попытки занять восставшие крепости неизменно терпели неудачу. То, что произошло под Рыльском, повторилось под Кромами.

В мирное время гарнизон Кром не превышал нескольких сотен ратных людей. В первые недели войны власти отозвали сотню кромских казаков для обороны Новгорода-Северского. К моменту восстания в Кромах было совсем немного ратных людей.

После нападения повстанцев из Кром на Орел московское командование решило направить туда воеводу Ф.И. Шереметева с отдельным корпусом. Однако Шереметев не смог своевременно ввести в дело свой отряд. Назревало столкновение под Новгородом-Северским, и Разрядный приказ, отобрав у Шереметева часть подчиненных ему сил, передал их Мстиславскому.

В Кромах засел видный дворянин Григорий Акинфиев. Подобно рыльскому воеводе Долгорукому, он успел доказать преданность самозванцу. Силы кромского гарнизона были невелики, пока на помощь ему не прибыли донские казаки. Если верить Конраду Буссову, атаман Корела с 400—500 донскими казаками отступил под Кромы после битвы под Добрыничами (21 декабря 1604 г.). Приведенное известие вызывает сомнения. После поражения Лжедмитрий намеревался бежать в Польшу, считая свое дело проигранным. В такой ситуации Корела едва ли стал бы искать убежища в крепости, располагавшейся вдали от границы. Кромы могли легко превратиться для него в мышеловку. По данным Исаака Массы, Кореле пришлось пробиваться в Кромы через осадный лагерь царских воевод. По-видимому, Лжедмитрий направил казаков в Кромы

сразу после перехода из-под Новгорода-Северского в Комарицкую волость.

Кромы превратились в форпост повстанческих сил задолго до битвы под Добрыничами. Правительственные войска осаждали эту крепость в течение многих недель, теряя людей. В январе 1605 г. Разрядный приказ распорядился доставить в лагерь под Кромы осадную артиллерию. Отряду Ф.И. Шереметева были приданы две мортиры — «верховые пищали» и пушка «Лев Слободской». Из Мценска на помощь Шереметеву прибыл воевода князь И.Г. Щербатый. В феврале Ф.И. Мстиславский направил под Кромы стольника В.И. Бутурлина с сотнями из всех полков. Однако подкрепления оказались недостаточными. В ходе длительной осады отряд Шереметева понес большие потери, и его положение стало критическим. В таких условиях московское командование направило к Кромам армию Мстиславского.

Отвод главной армии из-под Рыльска к Кромам был связан не столько с поражением отряда Шереметева, сколько с неблагоприятным положением, постепенно складывавшимся на южной окраине государства. На начальном этапе гражданской войны главным очагом повстанческого движения стали Северская Украина и прилегающие к ней брянские земли. С юго-запада восстание распространилось не на центральные уезды, где основную массу населения составляли помещичьи крепостные крестьяне и многочисленный посадский люд, а на южные степные уезды с незначительным крестьянским и посадским населением.

Политика освоения «дикого поля» принесла к началу XVII в. свои плоды. С основанием крепостей Воронеж, Ливны (1585—1586), Елец (1592), Белгород, Оскол, Валуйки (1593) и Царев-Борисов (1599) границы государства были отодвинуты далеко на юг. Началось заселение крестьянами района старых засечных линий. Однако в районе новопостроенных крепостей крестьянские поселения отсутствовали, и их место занимали редкие заимки вольных казаков. После основания Царева-Борисова царские писцы провели первую перепись казацких «юртов» на Осколе и Северском Донце и вменили в обязанность

станичникам несение сторожевой службы. Вольные казаки не примирились с новыми для них порядками. Брожение в их среде подготовило почву для восстания на южных окраинах.

Южные города отличались от северских по составу своего населения. Лишь Воронеж имел более или менее значительное посадское население. Небольшие посады были в Ельце и Белгороде. Прочие южные крепости были типичными военными городками с крупными гарнизонами и с малочисленным городским населением. В степных гарнизонах, наспех сформированных в конце XVI в., преобладали стрельцы и казаки. Через год после основания Ельца в его гарнизоне числилось 150 детей боярских, 200 стрельцов и 600 казаков.

Стрелецкие и казачьи контингенты набирались из низших сословий. По указу 1592 г. елецкие воеводы получили разрешение вербовать на службу помещичьих крестьян (если те могли оставить замену на своем пашенном наделе), вольных людей с посадов, вольных казаков, казачьих и стрелецких детей. Помещики южных уездов завалили жалобами Москву. Тогда власти уточнили предыдущий указ и предписали воеводам брать на службу «из вольных людей». Эти люди, недавно поступившие на государеву службу, приняли самое активное участие в мятеже на южных окраинах.

Из-за нехватки ратных людей в южных крепостях Разрядный приказ периодически посылал туда стрельцов из других городов. Они несли службу с весны до осени, после чего возвращались домой. Такие посылки надолго отрывали стрельцов от их промыслов и семей, вследствие чего в их среде неизбежно возникало недовольство.

Не только провинциальные, но и столичный гарнизон должен был периодически направлять контингенты для службы в пограничных крепостях. Один из столичных стрелецких приказов (около 500 человек) нес службу в Царево-Борисове.

Московские стрельцы жили отдельными слободами, держали торг и промыслы. Они пользовались значительно большими привилегиями, нежели городовые стрельцы. Неудивительно, что посылку вглубь с «дикого поля», во вновь постро-

енную крепость, они рассматривали как наказание. Негодование стрельцов на Бориса усилилось, когда власти вынуждены были задержать их в Цареве-Борисове на неопределенное время. Появившийся в Северной земле «прирожденный государь» должен был помочь им вернуться к своим семьям и промыслам, брошенным в столице. Дворовые стрельцы, служившие Годунову верой и правдой в Москве, примкнули к мятежу в надежде вернуть себе утраченные привилегии.

Сколько бы многочисленными ни были контингенты стрельцов и казаков в степных крепостях, ядро их гарнизонов составляли дворянские отряды. По данным, относящимся к первому десятилетию после Смуты, 627 детей боярских несли службу в Ельце, 431 — в Ливнах, 221 — в Воронеже, 164 — в Белгороде, 155 — в Осколе. Значительное число детей боярских служило в Цареве-Борисове, располагавшем одним из самых крупных гарнизонов.

Правительство пыталось форсировать развитие поместной системы в южных уездах, но дворяне неохотно переселялись в степи. Власти проводили наборы и отправляли «на житье» в южные уезды детей боярских из мелкопоместных семей: «от отцов — детей, от братии — братьев, от дядей — племянников».

Условия службы в степных крепостях были исключительно тяжелыми, и присланные туда служилые люди покидали гарнизоны при первой возможности, не получая «отпуска» у воевод. Разрядный приказ пытался пресечь их побег с помощью строгих наказаний. В 1595 г. в Ливны было прислано следующее предписание: «А которые дети боярские и казаки, не дождався перемены, с поля збежат, и вы б тех воров велели искать и, бив их кнутием, велели сажать в тюрьму до нашего указа, да о том к нам писали, и мы тех воров велим казнить смертною казнию».

Южные помещики были обеспечены землей так же плохо, как северские. Агитация сторонников Лжедмитрия нашла живой отклик в их среде. Официальные источники не могли сослаться на то, что мятеж в степных крепостях учинили мужики, «чернь», поскольку в Цареве-Борисове и ряде других южных крепостей почти вовсе не было посадского населения. Раз-

рядные записи кратко сообщали о том, что «польские» (выстроенные в «диком поле») города «смутились» и целовали крест «вору». По-видимому, мелкие помещики «польских» городов повели себя так же, как путивльские дети боярские, перейдя на сторону Лжедмитрия «всем городом».

Самые ранние и достоверные сведения о восстании на юге заключены в письмах иезуитов Чижевского и Лавицкого, написанных в феврале — марте 1605 г. Названные лица, входившие в ближайшее окружение самозванца, сообщили в письме от 26 февраля (8 марта), что в Путивль приведены побежденные из пяти крепостей, сдавших ся светлейшему князю: из Оскола, Валук, Воронежа, Борисовграда и Белгорода. Города Воронеж, Царев-Борисов, Белгород разделены были большим расстоянием. Чтобы собрать воедино пленных воевод из пяти отдаленных крепостей и доставить их в Путивль по территории, занятой правительственными войсками, требовалось много недель. Следовательно, восстание охватило южную «украину» не в момент написания письма 26 февраля, а значительно раньше — в январе или начале февраля 1605 г.

Разрядные записи подтверждают известие о том, что захваченные в степных крепостях воеводы были отведены в Путивль. «Польские» города, значит, в Разрядах, принесли присягу самозванцу и «воевод к нему в Путивль отвели: из Белгорода князя Бориса Михайловича Лыкова да голов, из Царева Нового города князя Бориса Петровича Татеева да князя Дмитрия Васильевича Туренина».

Приведенная Разрядная запись требует некоторых уточнений. Князь Д.В. Туренин служил воеводой не в Цареве-Борисове, а в Валуйках. Во время мятежа он был арестован вместе с головой А. Поводовым. В Осколе служили воевода Б.С. Сабуров и голова И.И. Загряжский; в Белгороде — князь Б.М. Лыков, головы князь Ф. Волконский, П. Извольский, М. Зиновьев; в Цареве-Борисове — князь Б.П. Татеев, головы И.Н. Ржевский, И.В. Левашов, М.Б. Зыбин; в Воронеже — князь Б.Н. Приимков-Ростовский и голова Ф. Лодыженский. Пленение полутора десятка знатных воевод и дворянских голов само по себе

свидетельствует о масштабах событий, разыгравшихся в степных уездах.

Успеху восстания на юге способствовало то, что к началу 1605 г. часть воинских людей была отозвана из южных гарнизонов в действующую армию. Впрочем, эти меры затронули преимущественно тыловые крепости — Воронеж, Елец, Ливны. Из Воронежа командование отрядило в полки 100 стрельцов, из Ливен 200 конных казаков, из Ельца — 100 стрельцов и 400 конных казаков с пищальями. Одновременно власти усилили гарнизон Царева-Борисова. Из Белгорода в Царев-Борисов были переведены «для польской посылки» (действий против мятежников «в поле») воевода А. Измайлов и дворянский голова Б. Хрущев.

Царев-Борисов служил форпостом московской обороны на Юге, и командование постоянно держало там крупные военные силы. Падение крепости поразило Бориса как гром среди ясного неба. Годунов возлагал особые надежды на приказ дворовых стрельцов, находившийся в Цареве-Борисове. Но стрельцы сами приняли участие в мятеже и после ареста воевод немедленно покинули Царев-Борисов. По свидетельству очевидцев, дворовые стрельцы, носившие красные кафтаны, явились в Путивль и присягнули там на верность Лжедмитрию.

При Борисе Годунове южные пограничные города были связаны между собой единой системой обороны. Переход в руки повстанцев Курска создал опасность для засечной черты в районе Воронежа и Оскола. Мятеж в Кромах и поражение отряда Шереметева в ходе осады этой крепости поставили под угрозу оборонительные линии в районе Ливен и Ельца. Польские источники позволяют установить, что восстание в Ельце и Ливнах запоздало по сравнению с восстанием в дальних степных крепостях по крайней мере на одну-две недели. 7 (17) марта 1605 г. Чижевский и Лавицкий сообщили своим корреспондентам свежую новость о том, что власть «Дмитрия» признали крепости Елец и Ливны. От себя иезуиты добавили, что Ливны не уступают по размерам Путивлю и что значение этого города в военное время исключительно велико.

В Разрядных книгах есть известие о том, что во время мятежа в Ливнах повстанцы захватили воеводу князя Д.М. Барятинского и отправили его к «вору» в Путивль. В действительности Д.М. Барятинский служил в сторожевом полку у Мстиславского и попал пленником в Путивль после неудачной стычки под Новгородом-Северским. В Ливнах и Ельце в момент мятежа служили воеводы князя С.А. Татев и А.В. Хилков, головы князь М.П. Волконский и Б. Селиверстов.

Если бы воеводы южных крепостей могли опереться на поддержку городских детей боярских, мятеж неизбежно привел бы к большому кровопролитию. В действительности воеводы оказались в изоляции и не смогли помешать быстрому распространению восстания по всей территории степных уездов. Данные о казнях воевод, сохранивших верность Борису Годунову, отсутствуют. Жертвами народного гнева стали лишь некоторые из дворян, активно пытавшихся противодействовать мятежу. В дворянских родословцах можно обнаружить сведения о том, что в дни восстания в Белгороде был убит дворянин Д.Е. Хитрово «за то, что вору Разстриге креста не целовал».

Восстание в южных крепостях изменило всю военную ситуацию, смешав планы московского командования. Ввиду распространения смуты на южную «украину», воеводы так и не смогли осадить лагерь Лжедмитрия в Путивле. Из-под Кром Шереметев слал в Москву отчаянные призывы о помощи. Русское командование вовремя оценило опасность. В случае окончательного поражения Шереметева и снятия осады с Кром возникла бы угроза слияния двух очагов восстания — в Северщине и в южных крепостях «на поле».

4 марта 1605 г. армия Мстиславского разбила лагерь в районе Кром. Воевода князь И.М. Барятинский, находившийся в Карачеве, получил приказ везти всю осадную артиллерию к Кромам, чтобы соединиться с главными воеводами, «не доходя Кром версты за три или четыре, где пригоже». Позиция под Кромами имела большие преимущества. Путь через Орел и Тулу надежно связывал главную армию с Москвой, откуда можно было беспрепятственно получать подкрепления и провиант. Армия Мстиславского имела возможность прикрыть

подступы к Москве в том случае, если бы восстание перебралось из района Ливен и Ельца еще дальше на север.

Кромы были небольшой крепостью. Ее стены были выстроены из дуба за 10 лет до осады. Главное преимущество городка состояло в его исключительно выгодном положении на местности. Крепость стояла на вершине холма подле реки, и ее со всех сторон окружали болота и камыши. Наверх вела единственная узкая тропа. С наступлением весны топи вокруг Кром становились непроходимыми.

Следуя приказу из Москвы, воеводы Мстиславский и Шуйские предприняли попытку штурма Кром еще до того, как была введена в дело вся тяжелая артиллерия. По свидетельству летописи, деревянные стены Кром были подожжены не огнем артиллерии, а пехотой. Ночью боярские холопы, казаки и стрельцы подобрались к стенам крепости и «зажогши град». Атаман Корела с донскими казаками принуждены были покинуть горящий город и отступили в острог. Ратные люди заняли вал с обрушившейся стеной. Но закрепиться на пожарище им не удалось. Вал и посад простреливались с цитадели. Штурмующие несли огромные потери.

Боярин М.Г. Салтыков, руководивший штурмом, не стал дожидаться приказа главных воевод и свел людей с вала, чтобы спасти отряд от полного истребления. Летописец подозревал, что Салтыков «норовил» окаянному вору Гришке Отрепьеву. Однако подлинные причины неудачи были другими. Кромы занимали столь выгодное положение, что Мстиславский и Шуйские были лишены возможности использовать все находившиеся в их распоряжении громадные силы. В армии Мстиславского М.Г. Салтыков был вторым воеводой передового полка. А это значит, что в штурме участвовали лишь отряды из состава передового полка.

Неудача повлияла на дальнейший ход осады. Воеводы устроили батареи, придвинули пушки к городу и стали бомбардировать Кромы изо дня в день, не жалея пороха. Никто не спешил повторить опыт Салтыкова и предпринять новый кровопролитный штурм.

В Кромах сгорело все, что могло гореть. Цитадель была разрушена до самого основания. На месте, где проходил пояс ук-

реплений, осталась одна земляная осыпь. Но донские казаки решили не даваться живыми в руки воевод и сражались с яростью обреченных. Они углубили рвы и вырыли лабиринт окопов. С помощью глубоких лазов они могли теперь незаметно покидать крепость и возвращаться внутрь. Свои жилища — «норы земные» — казаки устроили под внутренним обводом вала. Во время обстрела они отсиживались в лазах, а затем проворно бежали в окопы и встречали атакующих градом пуль.

В ходе боев не только осаждавшие, но и осажденные несли большие потери. Атаман Корела предупредил Лжедмитрия, что ему придется сдать крепость, если он не получит подкреплений. Руководители повстанческих сил в Путивле уяснили значение Кром и не побоялись пойти на риск. Собрав как можно больше ратных людей, они отправили их на помощь Кромам. Главный центр восстания — Путивль — остался почти без воинских сил, необходимых для его собственной обороны. Лжедмитрий назначил командовать отрядом путивльского сотника Юрия Беззубцева.

В лагерь Мстиславского, занимавший огромное пространство, постоянно прибывали подкрепления. Караулы приняли казаков Беззубцева за своих, и отряд беспрепятственно проскользнул в крепость, проведя обозы с продовольствием. Бои под Кромами продолжались несколько недель, но затем атаман Корела был ранен, и осажденные прекратили вылазки. Со своей стороны, воеводы отказались от попыток возобновить штурм. В военных действиях наступило затишье.

Власти использовали все возможные средства, чтобы удержать дворян в лагере под Кромами. Сохранились сведения, что в 1605 г. под Кромами воевода князь М. Кашин по приказу из Москвы «верстал» дворян деньгами и землями. Некоторые служилые люди получили значительные прибавки к поместьям. Так, «во 113 году за кромскую службу» Д.В. Хвостов получил к поместью в 350 четвертей дополнительно 100 четвертей. И.Н. Ушакову «за кромскую службу» было придано 150 четвертей.

Но приказ царя Бориса, воспретивший Мстиславскому распустить дворян на отдых, вызвал в полках такое возмущение, что никакие милости и пожалования не могли исправить по-

ложение. Дворяне роптали. Вместо долгожданного отдыха им предстояли бои посреди болотистой местности, в пору весенних дождей и половодья. Весной в лагере вспыхнула эпидемия дизентерии («мыта»). Невзирая на грозные приказы из Москвы, дворяне покидали полки и разъезжались по домам. Рано или поздно в столице должны были понять, что власти Годуновых грозили не столько отряды самозванца, запертые в Путивле и Кромах, сколько восстания населения и гарнизонов в южных уездах. Держать огромные силы под стенами крохотной крепости было явно нецелесообразно, и с марта 1605 г. Разрядный приказ начал рассылать воевод и голов с сотнями (преимущественно из армии Мстиславского) для укрепления гарнизонов в таких городах, как Данков, Епифань, Новосиль, Одоев, Тула и др. Всего власти произвели назначения воевод и голов не менее чем в 16 крепостей.

Охваченные восстанием южные города давно уже превратились в главный театр военных действий. Однако война шла не только в пределах России, но и на Северном Кавказе, где войско воеводы И.М. Бутурлина понесло тяжелое поражение. Внешнеполитические затруднения осложнили внутренний кризис.

В «ВОРОВСКОМ» ЛАГЕРЕ

После битвы под Добрыничами Лжедмитрий намеревался бежать из России вслед за своим наемным воинством. Самозванец подвергся такому разгрому, что, «говоря собственными его словами, — свидетельствовал А. Чилли, — он ни о чем более не помышлял, как о спасении жизни, и не воображал, что мог когда-либо собрать какое-нибудь войско». В феврале 1605 г. Отрепьев неоднократно спрашивал совета у иезуитов, не следует ли ему прекратить войну и укрыться в Польше.

Жители Путивля помешали осуществлению его планов. Они «со слезами» просили «царевича» остаться, говорили, что не желают разделить участь комаричей, претерпевших «лютые и горькие муки» за поддержку, оказанную ими «царевичу».

Лжедмитрий не внял их просьбам. Тогда повстанцы пригрозили, что силой задержат его в Путивле, чтобы «добить челом, а тобою заплатить вину свою». Самозванец подчинился, опасаясь, что путивляне выполнят свою угрозу и выдадут его правительству.

Восставший народ заявил о своей готовности продолжать борьбу. Путивляне заверили Лжедмитрия, что готовы служить «царевичу» с оружием в руках: «Пойдем мы с тобой все своими головами». Торговые люди, по словам летописцев, откликнулись на призыв о добровольном пожертвовании средств. Некоторые якобы принесли по сто и даже по тысяче рублей.

Можно установить имена главных руководителей повстанческих сил в Путивле. Ими были путивльские дети боярские Сулеш Булгаков и Юрий Беззубцев, владевшие небольшими поместьями. Лжедмитрий в критической для него ситуации послал Сулеша Булгакова за помощью в Польшу, а Юрию Беззубцеву приказал идти на выручку гарнизона Кром.

Отрепьев был далек от понимания того, что только народное восстание может помочь ему одолеть Бориса Годунова. В Путивле самозванец вернулся к своим старым планам, суть которых сводилась к тому, чтобы поднять против России Крымскую орду и Речь Посполитую.

Столкновение России с Османской империей на Северном Кавказе подало Лжедмитрию надежду на то, что ему удастся подтолкнуть Крым к нападению на Русское государство. В конце апреля 1605 г. посланцы Отрепьева повезли дары крымскому хану. Еще раньше его гонцы выехали к князю Иштереку в Большую Ногайскую орду.

Борис Годунов поддерживал распри внутри Ногайской орды, чтобы не допустить ее усиления. Он велел доставить из России в орду Янарослана-мурзу — главного соперника Иштерека — и обязал соперников жить в мире и кочевать вместе. Опасаясь за свою власть, Иштерек принял путивльского гонца и принес присягу на верность Лжедмитрию. Самозванец приказал ногайцам перенести свои кочевья к Цареву-Борисову, с тем чтобы использовать их конницу для наступления на Москву. Русские хронографы отметили, что

Иштерек, признав власть Лжедмитрия, намеревался при-
слать ему в помощь войска.

Будучи в Путивле, Отрепьев предпринимал отчаянные уси-
лия, чтобы добиться вмешательства Речи Посполитой в рус-
ские дела. Он послал к королю Сигизмунду III путивльского
сына боярского Сулеша Булгакова в качестве представителя
восставшей Северной земли. Позже польские власти напо-
нили московским дипломатам, что при «царе Дмитрие» к ко-
ролю приезжал посол «ото городов и мест, яко от Путивля и
иных, от духовных и свецких людей московских Шулеш Бул-
гаков з грамотою».

Текст письма от имени северских городов сохранился в ко-
пии. В конце письма имеется помета: «Из Путивля лета 7113,
месяца января 21 дня». Публикуя грамоту, А. Гишберг выра-
зил сомнение насчет аутентичности указанной в тексте даты.
По его предположению, дата на письме была искажена при ко-
пировании русского оригинала: переписчик прочел 27 января
как 21 января из-за сходства в написании единицы и семерки.
Однако Гишберг не учел, что русские употребляли буквен-
ную систему цифр, в которой единица несколько не напоми-
няет семерку.

Представляется, что самозванец сознательно обозначил в
письме неверную дату. 21 января 1605 г., в день неудачной бит-
вы под Добрыничами, Лжедмитрий находился не в Путивле, а
под Севском. Подлог был связан с ложной версией, согласно
которой битву под Добрыничами проиграли люди самозванца
в его отсутствие. Очевидно одно: письмо было составлено в
момент наибольших неудач Отрепьева, когда он прибыл в Пу-
тивль, потеряв всю свою армию. Грамота заканчивалась при-
зывом к королю, чтобы «соизволил как можно быстрее дать
помощь нам (городам Северной земли. — Р.С.) и государю
нашему».

Текст письма был составлен от имени «жителей земли Се-
верской и иных замков, которые ему («царевичу». — Р.С.) по-
клонились». Однако жители Путивля и прочих восставших го-
родов ничего не знали о тайном договоре Лжедмитрия с Си-
гизмундом III, и для них смысл обращения был совсем иным,

чем для Расстриги. В грамоте к королю «убogie сироты и природные холопы государя Дмитрия Ивановича» просили с плачем, покорностью и уничижением, чтобы король смиловался над ними и взял их, убогих, «под крыло и защиту свою королевскую». Письмо жителей заканчивалось словами: «При том сами себя и убогие службы наши под ноги вашего королевского величества отдаем». Самозванец был связан с королем обязательством о передаче под власть короны главных северских городов. Теперь он давал понять королю, что готов выполнить свое обязательство. Авантюрист сознательно старался разжечь конфликт между Россией и Польшей. В случае если бы Сигизмунд III принял под свое покровительство отвоеванные Лжедмитрием города, конфликт между Речью Посполитой и Русским государством стал бы неизбежен.

Вторжение самозванца, поддержанное королем, закончилось полным крахом. Это смешало все планы и расчеты военной партии при королевском дворе. Не только Мнишек, но и Сигизмунд III оказался в двусмысленном положении. Опозоренный Мнишек подвергался нападкам с разных сторон. Доверившиеся его обещаниям кредиторы жалели о деньгах, потраченных на самозванца. Ведущие политические деятели спешили напомнить о своих предостережениях против участия в аванюре, повлекшего за собой нарушение мирного договора с Россией.

В таких условиях Сигизмунд III не осмелился использовать благоприятную ситуацию и на основании тайного договора присоединить к коронным владениям северские города.

Лжедмитрий направил в Варшаву для переговоров с Сигизмундом III и членами сейма князя Ивана Татеева. Однако посла демонстративно задержали на границе до окончания сейма.

Польский сейм, открывшийся 10 января 1605 г., решительно высказался за сохранение мира с Россией. Канцлер Замойский резко осудил авантюру Лжедмитрия. Этот враждебный набег на Московию, говорил он, губителен для блага Речи Посполитой. Самозванца канцлер осыпал язвительными насмешками: «...тот, кто выдает себя за сына царя Ивана, говорит, что

вместо него погубили кого-то другого. Помилуй Бог, это комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли дело, велеть кого-то убить, а потом не посмотреть, тот ли убит... Если так, то можно было подготовить для этого козла или барана».

Литовский канцлер Лев Сапега поддержал Замойского. Он осудил затею Мнишека и заявил, что не верит в царское происхождение «Дмитрия», ибо законный наследник царя Ивана нашел бы иные средства для восстановления своих прав. Воевода Януш Острожский требовал, чтобы сейм наказал виновных.

Подготовленный сеймом проект предусматривал наказание тех, кто нарушает мир с соседями. Но король не утвердил проект. Московский посол П. Огарев потребовал объяснений по поводу очевидного нарушения польской стороной договора о перемирии с Россией. Отвечая ему, литовский канцлер Лев Сапега сказал совсем не то, что говорил перед членами сейма. Согласно заявлению Сапеги, король не помогал «Дмитрию», а лишь хотел выведать о его намерениях и сообщить о них в Москву; из королевских владений «Дмитрий» бежал к запорожским казакам, и королю неизвестно, совершал ли он с ними набеги на русские земли. Сапега мистифицировал русского посла, пользуясь тем, что тот покинул Россию в сентябре 1604 г. и содержался в Польше в строжайшей изоляции, не получая никаких вестей с родины.

Из-за противодействия сейма Сигизмунд III не мог принять предложения самозванца и оказать ему прямую военную поддержку. Гонец с письмом от города Путивля был принят при дворе, но его миссия закончилась безрезультатно.

Как бы то ни было, эмиссары Лжедмитрия имели возможность свободно действовать в пределах Речи Посполитой. В то самое время, когда литовский канцлер объяснялся с русским послом, в Польшу прибыли из Путивля ротмистры С. Борша и Е. Бялоскорский. Самозванец поручил им возобновить вербовку наемников. Ротмистрам удалось убедить некоторых участников московского похода вернуться на службу к «царевичу». Но число их было невелико.

Отрепьев предпринимал настойчивые попытки втянуть Речь Посполитую в военные действия против России. С этой

целью он направил в Краков Яна Бучинского. Свидание «секретаря» с королем состоялось не ранее 14 мая 1605 г. В этот день король составил письмо Мнишеку с известием о прибытии гонца от московского царя. Гонец проделал путь из России в Польшу за две-три недели или более того. Очевидно, самозванец отрядил гонца Бучинского к королю в апреле, когда сам еще находился в Путивле.

Секретарь самозванца своей рукой сделал приписку на обороте королевского письма Мнишеку. Для верного истолкования приписки надо иметь в виду, что известие о мятеже под Кромами еще не достигло Речи Посполитой.

Запись Бучинского является своего рода финансовой ведомостью. Она зафиксировала, кому и сколько пообещал Лжедмитрий I за немедленную военную помощь. На первом месте стоит «его милость король». В свое время Сигизмунд III пообещал самозванцу 40 000. Отрепьев желал превзойти его щедростью и обещал 80 000 злотых. Необходимо было склонить польское общественное мнение к войне. «На общество» самозванец посулил 55 000. Лишь на третьем месте стояло обязательство «царя» по отношению к невесте — деньги на ее приданое.

Из записи Бучинского следует, что Отрепьев возобновил сватовство в Польше уже весной 1605 г., может быть, после смерти Бориса Годунова. Та же запись раскрывает мотивы его поступков. За пометой о приданом следовали строки, посвященные найму польских войск. Жолнерам «царь» обещал по 100 злотых, гайдукам — по 50 в квартал (три месяца). Отдельно была помещена статья «страва» — по всей видимости, корм для солдат в размере 20 злотых на человека.

Запись была слишком откровенной, и секретарю пришлось заменить слово «жолнерам» на слово «приятелям». Невеста должна была явиться на собственную свадьбу не с солдатами, а с «приятелями», или дружками (свадебный чин). Как видно, мысль вызвать из Самбора вместе с невестой наемное войско возникла у самозванца уже весной 1605 г.

Предложенная наемникам плата была фантастически велика. Невеста должна была получить в счет приданого 100 000 злотых, или 30 000 рублей. Гусарам («приятелям») предлага-

ли оклад 30 рублей в квартал, а это значит, что всего за три месяца службы на содержание лишь одного гусарского отряда в 1000 всадников ушло бы 30 000 рублей, и еще столько же — на отряд из 2000 гайдуков.

Переговоры в королевском дворце сопровождались торгом. В результате запись была пополнена двумя пунктами. Бучинский от имени царя обязался выплатить для покрытия долгов более 100 000 злотых. Имя Юрия Мнишека в записи не упоминалось, но главным кредитором Отрепьева был именно он.

Король имел основания печься о долгах своего сенатора. Хозяева Самбора задолжали королевской казне огромную сумму. Деньги, обещанные Мнишеку, должны были тут же перейти в королевскую казну.

Последним аккордом было обязательство Лжедмитрия уплатить Его Королевской Милости еще 50 000 на «веселье», по случаю его намечавшейся свадьбы.

Запись Бучинского явилась, по существу, первой черновой сметой грядущих расходов «царя Дмитрия». Предполагалось потратить 500 000 злотых на единовременные выплаты королю, семье Мнишеков и «обществу». Наем польского войска должен был повлечь за собой еще большие затраты — никак не менее миллиона злотых, коль скоро речь шла о найме войска на год. Такие расходы не соответствовали возможностям московской казны.

Из Кракова Бучинский уехал в Самбор, откуда летом 1605 г. был отпущен Юрием Мнишеком с письмами и поручениями к «царю».

Отрепьев находился в Путивле и едва сводил концы с концами. Обещание миллионов было с его стороны обычной мистификацией.

Попытка подкупа короля и «общества» не удалась. Польша не желала ввязываться в войну с Москвой.

Не осложненная вмешательством извне, гражданская война с весны 1605 г. вступила в новую фазу. Восставшие жители Путивля, Курска и других городов помогли самозванцу развернуть агитацию по всей южной окраине. Гонцы с письмами

Лжедмитрия появлялись в казачьих станицах, пограничных городах и даже в столице.

В «прелестных» письмах Лжедмитрия трудно уловить какие-то социальные мотивы. Всех подданных, без различия чина и состояния, «Дмитрий» обещал пожаловать «по своему царскому милосердному обычаю, и наипаче свыше, и в чести держати и все православное христианство в тишине и в покое и во благоденственном житии учинить». Тяжесть царских податей и натуральных повинностей, трехлетний голод и разорение породили в народе глубокое недовольство, а потому люди воспринимали обличения самозванца против злодея-царя, сидевшего в Москве, как откровение. Вчерашний боярин Борис Годунов был, как утверждал «царевич», изменником и убийцей, желавшим предать «злой смерти» их законного, «прирожденного государя».

Уставшее от бедствий население охотно верило посулам Лжедмитрия и связывало с именем «законного» царя надежды на перемены к лучшему.

Участие в восстании принесло определенные материальные выгоды податному населению. Сбор государственных податей был сорван по всей Северной земле. С наступлением весны казаки северских и южных степных городов перестали пахать государеву десятинную пашню. Отрепьев раздавал самые щедрые обещания дворянам и детям боярским, оказавшимся в его лагере.

Самозванец обладал редкими способностями, но не получил достаточного образования. В дни своего недолгого монашества он успел выучить Новый завет и некоторые другие священные книги. В других областях его познания были отрывочными и путанными. Пользуясь досугом в Путивле, «царевич» решил заняться своим образованием. 10 апреля 1605 г. он вызвал в избу своих тайных духовников-иезуитов и объявил им, что намерен брать у них уроки. С утра час отводился изучению философии, вечером наступала очередь грамматики и литературы. Во время занятий Отрепьев стоял с непокрытой головой, прилежно повторяя урок, слово в слово, за своими учителями. Лжедмитрию хватило терпения и прилежания на три дня, после чего он распростился со школой раз и навсегда.

После трапезы Отрепьев охотно проводил время в обществе польских «товарищей» и капелланов. Чаще всего он обсуждал с ними две темы. Первой было невежество, праздность и беспутная жизнь русских монахов, о которых он не мог говорить без отвращения. Второй темой являлась необходимость просвещения. В России, говорил самозванец, следует насадить школы и академии, для чего он выпишет в Москву множество учителей, а заодно и учеников. Русских молодых людей он отправит для обучения за границу и пр.

Лжедмитрий вел двойную жизнь, рассчитывая обмануть всех разом. При русских он прилежно играл роль ревнителя православия, при поляках — столь же усердно поклонялся католическим святыням, пил за здоровье генерала Ордена иезуитов.

Еще будучи в Севске, самозванец в письмах к своим покровителям в Польшу сетовал на то, что среди русских распространился слух о его отречении от православия. Чтобы прекратить неблагоприятные для него толки, Лжедмитрий в Путивле стал выказывать особое почтение православным святыням. Когда из Курска в Путивль привезли икону Божьей Матери, он вышел навстречу к ней и велел устроить крестный ход. Затем он поместил эту икону в своих покоях.

Между тем московскому правительству удалось заслать в путивльский лагерь лазутчиков. Сведения об этом эпизоде можно обнаружить в письмах иезуитов из Путивля и записках Г. Паэрле.

В письме от 7 (17) марта 1605 г. иезуиты Чижевский и Лавицкий сообщали о том, что неделю назад, т.е. 1 марта, в Путивль явились три монаха, подсланные Годуновым. Они доставили грамоты от царя и патриарха. Иов грозил путивлянам проклятием за поддержку беглого Расстриги. Борис Годунов обещал им полное прощение и милость, если они убьют «вора» и окружавших его ляхов или выдадут его в цепях законным властям.

Однако монахи были арестованы еще до того, как успели обнародовать привезенные грамоты. Лжедмитрий велел пытать их, и они во всем сознались.

Г. Паэрле, использовавший рассказы находившихся в Путивле поляков, воспроизвел более подробную версию происшедшего. По его словам, Борис прислал в Путивль трех монахов Кремлевского Чудова монастыря, хорошо знавших Отрепьева. Монахи должны были обличить перед населением беглого дьякона. После ареста два монаха были подвергнуты пытке, но ни в чем не признались. Третий лазутчик, чтобы избежать пытки, донес, что его сотоварищи имели поручение отравить «царевича». Монахи якобы успели втянуть в свой заговор двух придворных самозванца. Последний велел выдать избличенных изменников — «бояр» — на расправу народу. Их привязали к столбу посредине рыночной площади, и путивляне расстреляли их из луков и пищалей.

О казнях в Путивле упоминают как иностранные, так и русские источники. По данным А. Поссевино, «царевич» передал на суд народу одного из находившихся при нем москвитов, который в секретном письме к Борису просил дать ему войско и обещал живьем захватить самозванца. Путивляне убили его. В русских источниках можно обнаружить данные о том, что в 1605 г. в Путивле был казнен тульский дворянин Петр Хрущев. Он попал в плен к самозванцу еще в сентябре 1604 г. и тогда же признал его царевичем. Таким путем он попал в число придворных Лжедмитрия. Подлинные обстоятельства его гибели, однако, неизвестны.

В Самборе Мнишек велел обезглавить сына боярского Пыхачева, обвинив его в покушении на жизнь «царевича». В Путивле Отрепьев действовал так же жестоко и вероломно. Он велел казнить своего «придворного», чтобы терроризировать тех, кто знал правду о его происхождении и тайном обращении в католичество.

Отрепьев понимал, что одни жестокости и преследования не помогут ему рассеять неблагоприятные для него слухи. Поэтому он прибегнул к новой мистификации. Будучи в Путивле, Отрепьев попытался отделаться от своего подлинного имени с помощью двойника. 26 февраля (8 марта) 1605 г. иезуиты, бывшие с Лжедмитрием в Путивле, записали: «Сюда привели Гришку Отрепьева, известного по всей Московии чародея и

распутника... и ясно стало для русских людей, что Дмитрий Иванович совсем не то, что Гришка Отрепьев».

Факт появления Лжеотрепьева был широко известен современникам. Польские дипломаты в переговорах с Василием Шуйским не раз ссылались на то, что подлинного Отрепьева ставили в Путивле «перед всеми, явно обличаячи в том неправду Борисову». Появление «Отрепьева» в лагере самозванца стало еще одной загадкой в истории Лжедмитрия. Французский историк де Ту отметил, что знаменитого чародея Гришку Отрепьева захватили в Лихвине и оттуда привели в Путивль. Но француз писал с чужих слов. А очевидцы происшествия иезуиты, близкие к особе самозванца, предпочли выразиться неопределенно: Отрепьева привели невесть откуда.

Появление Лжеотрепьева при особе самозванца на время прекратило нежелательные для Лжедмитрия толки. Капитан Маржарет, служивший позже телохранителем при «царе» Дмитрие, писал: «...дознано и доказано, что Разстриге было от 35 до 38 лет; Дмитрий же вступил в Россию юношею и привел с собой Разстригу, которого всяк мог видеть...» Как видно, инициаторы фарса не позаботились о том, чтобы придать инсценировке хотя бы внешнее правдоподобие. Отец истинного Отрепьева был всего лишь на восемь лет старше Лжеотрепьева. В конце концов истинный Отрепьев решил упрятать своего двойника в путивльскую тюрьму, чтобы лучше укрыть обман. Со временем московские власти дознались, что под личиной Лжеотрепьева скрывался некий старец-бродяга Леонид.

Самозванец позаботился и о том, чтобы о появлении «истинного» Отрепьева стало известно в Москве. Наконец он нанес последний удар властителю Кремля. Прощенные им монахи написали письмо Борису и патриарху Иову о том, что «Дмитрий есть настоящий наследник и московский князь и поэтому Борис пусть перестанет восставать против правды и справедливости». Мистификация с Лжеотрепьевым произвела огромное впечатление на народ. Но она привела в замешательство также и Годуновых. Официальная пропаганда с ее неизменно повторявшимися обличениями против Расстриги

оказалась парализованной. В борьбе за умы самозванец одержал новую победу над земской династией.

Отрепьев овладел северскими городами благодаря восстанию низов и местных служилых людей. Однако его нисколько не привлекала роль народного вождя. При первой же возможности он стал формировать свою «Боярскую думу» и «двор» из захваченных в плен дворян. Не следует представлять себе дело так, будто народ бил и вязал воевод, тащил их к самозванцу, а последний тут же возвращал им воеводские должности, жаловал в бояре и пр. Не все пленные дворяне сделали карьеру при «дворе» Лжедмитрия, а некоторые из них были казнены за отказ присягнуть «истинному государю». Среди пленников Отрепьева только один М.М. Салтыков имел думный чин окольничего и далеко продвинулся по службе. Он рано попал в руки «воровских» людей, но не оказал самозванцу никаких услуг и не удостоился его милостей.

В Путивле Лжедмитрий пытался опереться на людей, которые были всецело обязаны ему своей карьерой. Самой видной фигурой при его «дворе» стал князь Мосальский. В отличие от высокородного Салтыкова Мосальские, несмотря на свой княжеский титул, не принадлежали к первостатейной знати. Они давно были из думы, и при Грозном лишь один из них выслужил чин земского казначея. Заместничавший с ним опричник заявил в то время, что не ведает, «почему Мосальские князи и кто они». Казначей стерпел обиду и ответил, что «своего родства Мосальских князей не помнит». При дворе царя Федора князь В.В. Мосальский служил стряпчим с платьем. Царь Борис послал его на самую глухую сибирскую окраину, приказав выстроить городок в Мангазее.

Про Мосальского говорили, будто он спас самозванца, отдав ему своего коня во время бегства из-под Севска. Скорее всего этот рассказ является легендой. Беседа с Конрадом Бусовым и другими наемниками, Лжедмитрий I признался, что в битве под Севском едва не попал в плен, но раненый конь вынес его с поля сражения. По приказу самозванца конь был затем вылечен и приведен в Москву. Так или иначе, Мосальский не покинул Лжедмитрия после разгрома. Лжедмитрий оценил

это, тем более что при нем осталось совсем немного старых советников. Мосальский едва ли не первым получил от «вора» чин ближнего боярина.

Дьяк Богдан Сутупов занимал самое скромное положение в московской приказной иерархии. В 1600—1603 гг. он служил помощником у дворянских голов, поддерживавших порядок в столице. Сутупов добровольно перешел в «воровской» лагерь, за что был удостоен неслыханной чести. Отрепьев сделал его своим «канцлером» — главным дьяком и хранителем «царской» печати.

Благодаря подобным пожалованиям дворяне, различными путями попавшие в Путивль, вполне оценили возможности, которые открывала перед ними служба у новоявленного «царя».

Воевода князь Г.Б. Роща-Долгорукий был арестован народом в Курске. После присяги самозванцу его направили на воеводство в Рыльск. По приказу царя Бориса бояре вешали всех изменников, поступивших на службу к «вору». Страхась опалы и казни, Долгорукий упорно оборонял Рыльск. За это самозванец пожаловал его в окольничие. Козельский дворянин князь Г.П. Шаховской в начале войны собирал детей боярских в Курске. Вероятно, там он и попал в плен к повстанцам. К моменту восстания в Белгороде Шаховской успел прослужить Лжедмитрию несколько месяцев. Самозванец пожаловал Шаховскому чин воеводы и послал управлять Белгородом. Знатный дворянин чашник князь Б.М. Лыков и головы А. Измайлов и Г. Микулин, захваченные в Белгороде, после присяги были оставлены Лжедмитрием в Путивле. Со временем они также получили от самозванца думные или воеводские чины.

К началу XVII в. знать сохраняла прочные позиции в государстве. Борис Годунов должен был считаться с этим фактом. Его крестьянская политика ограждала интересы боярской аристократии и дворянских верхов, удовлетворяла нужды состоятельных землевладельцев в ущерб интересам низших слоев господствующего класса — мелкопоместных городских детей боярских. Гражданская война расколола дворянское сословие. Пока Борис Годунов занимал престол и положение династии оставалось достаточно прочным, боярская аристократия и Го-

сударев двор служили верной опорой трона. Напротив, мелкопоместные дети боярские из южных уездов вскоре оказались вовлеченными в восстания против Годуновых. Случаи измены представителей боярских семей и членов Государева двора носили единичный характер. Большинство дворян, получивших от Лжедмитрия думные и придворные чины, попали в повстанческий лагерь как пленники.

Если в первые месяцы войны Отрепьев именовал себя царевичем и великим князем всея Руси, то в Путивле он присвоил себе титул царя. Именно этот титул употреблен в письме Лжедмитрия Сигизмунду III, написанном из Путивля в конце января 1605 г.

Первые достоверные разряды путивльского «государя», содержащие сведения о пожаловании думных чинов, датируются концом мая — июнем 1605 г. Пленные воеводы из южных крепостей были привезены в Путивль не ранее второй половины марта 1605 г. Если большинство из этих пленников (князя Б.М. Лыков, Б.П. Татев и Д.В. Туренин, голова А. Измайлов) получили от самозванца думные чины два месяца спустя, то на это были свои причины.

Весной 1605 г. политическая ситуация в государстве претерпела разительные перемены. Борис Годунов умер, и знать подняла голову. Многие бояре, прежде поневоле терпевшие худородного царя, стали искать способ избавиться от выборной земской династии. Лжедмитрий сумел использовать наметившийся поворот. Спешно формируя свою «думу» из знатных московских пленников, он старался расчистить себе путь к соглашению с правящим московским боярством.

СМЕРТЬ БОРИСА

В течение 20 лет Годунов управлял Россией — сначала как правитель, а затем как самодержец. В последние годы его жизни все большую роль в делах государства играл «Тайный совет» — Ближняя дума. После смерти конюшего Дмитрия Ивановича главой Ближней думы фактически стал Семен Ни-

китич, руководитель Сысского ведомства. В Москве он слыл крайне жестоким человеком.

Польские послы, побывавшие в России в дни суда над Романовыми, писали, что у Бориса среди подданных много недоброжелателей, строгости по отношению к ним растут с каждым днем, так что москвитянин шагу не сделает, чтобы за ним не следили два-три соглядата.

Власти старались держать в тайне все, что творилось на Пыточном дворе. Но их старания приводили к обратным результатам. По стране распространялись самые преувеличенные слухи о жестокостях Годуновых.

По уверениям Исаака Массы, стоило человеку произнести имя Дмитрия, как царские слуги хватали его и предавали ужасной смерти вместе с женой и детьми: «и вот день и ночь не делали ничего иного, как только пытали, жгли и прижигали каленым железом и спускали людей в воду, под лед». Яков Маржарет обвинял Бориса в том, что после появления «Дмитрия» тот «целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу», «тайно множество людей были подвергнуты пытке, отправлены в ссылку, отравлены в дороге и бесконечное число утоплены».

Некогда Годунов снискал симпатии земщины, положив конец опрично-дворовой политике. В обстановке начавшейся гражданской войны он поневоле должен был возродить репрессивный режим. Для судьбы его династии это имело роковые последствия.

Вдумчивый наблюдатель дьяк Иван Тимофеев отметил, что к концу жизни Бориса всем надоело его притеснительное, с лестью, кровожадное царство, и не из-за податных тягот, а из-за пролития крови многих невинных.

После расправы над атаманом разбойников Хлопком в 1603 г. пытки и казни превратились в повседневное явление. Взбунтовавшиеся холопы, посадские люди, крестьяне не могли рассчитывать на снисхождение. Государство старалось виселицами оградить себя от мятежников. В наиболее жестоких формах террор применялся в отношении низов. Власть вполне оценили опасность, когда в лагере самозванца появились ко-

марицкие мужики. В наказание за «воровство» Комарицкая волость была подвергнута неслыханному погрому.

Преследования дворян были менее жестокими. И московский самодержец, и самозванец понимали, что верх возьмет тот, кто сможет привлечь на свою сторону дворянское сословие.

Крайние меры применялись лишь к перебежчикам и к посланцам «вора», подстрекавшим народ к мятежу. Их вешали без суда на первом попавшемся дереве.

Сыскное ведомство вновь выдвинулось на авансцену. Его глава Семен Годунов, как толковали, настаивал на казни заподозренных в измене членов Боярской думы. Но Борис отверг его советы.

Борис безмерно возвысил род Годуновых. Но этот род не дал государству талантливых и популярных деятелей, кроме самого Бориса. В критический момент сын Бориса не смог найти помощи и опоры у многочисленных Годуновых, носивших высокие титулы и занимавших почетные места в Боярской думе.

Прежде деятельный и энергичный, царь Борис в конце жизни все чаще устранился от дел. Он почти не покидал дворец, и никто не мог его видеть. Прошло время, когда правитель охотно благотворил сирым и убогим, помогал им найти справедливость, давал управу на сильных. Теперь он лишь по великим праздникам показывался народу, а когда челобитчики пытались вручить ему свои жалобы, их разгоняли палками.

Фатальные неудачи порождали в царе подозрительность, столь чуждую ему в лучшие времена. Круг лиц, всю жизнь поддерживавших его своими советами и помощью, стремительно сужался. Годунов «полон чар и без чародеек ничего не предпринимает, даже самого малого, живет их советами и наукой, их слушает...» — писал в 1600 г. польский дипломат из Москвы. Однажды Борис пригласил астролога из Ливонии. В небе тогда появилась яркая комета, и царь просил колдуна составить ему гороскоп. Звездочет посоветовал ему «хорошенько открыть глаза и поглядеть, кому же он оказывает доверие, крепко стережь рубежи».

Годунов велел привести во дворец знаменитую в столице юродивую Алену. Та предсказала ему близкую кончину. Дру-

гая ведунья, Дарьица, уже после смерти Бориса призналась, что ворожила ему во дворце. Прорицательница, по ее собственным словам, нагадала, что «Борису Федоровичу быти на царстве немногое время».

Польские послы записали молву об одном из предсказаний волхвов. Пугая царя близким падением, колдуны советовали ему на время покинуть государство: «коли б на час сступил з земли Московской, а сын его Федор царем ся имел, тогда б под титлом его то царство здержалось...» Поверив кудесникам, Годунов велел объявить повсюду о своей смерти. Предварительно он опоил зельем двойника и выставил его гроб на всеобщее обозрение. Вслед за тем Борис взял много золота и «дорогих чепей» и уплыл в Англию под видом торгового человека. Даже дети царя не догадывались об обмане.

Члены английского посольства, видевшие Годунова в последние месяцы его жизни, отметили некоторые странности в его характере. Будучи обладателем несметных сокровищ, царь стал выказывать скупость и даже скардность в мелочах.

Живя отшельником в Кремлевском дворце, он временами покидал хоромы, чтобы лично осмотреть, заперты и запечатаны ли входы в дворцовые погреба и в кладовые со съестными припасами. Скупость, по наблюдению англичан, стала одной, притом не самой последней, из причин его падения.

Многие признаки в поведении Бориса указывали на его преждевременно наступившее одряхление. Принимая посла английского короля Якова I, царь впал в слезливый тон, когда речь зашла об умершей королеве Елизавете I.

Государь тревожился за будущее сына и держал его при себе неотступно, «при каждом случае хотел иметь его у себя перед глазами и крайне неохотно отказывался от его присутствия». Придворные из числа ученых иноземцев пытались убедить Годунова, что ради долголетия царевича и просвещения ума ему надо предоставлять некоторую самостоятельность в занятиях. Однако монарх неизменно отклонял такие советы, «говоря, что «один сын — все равно что ни одного сына», и он не может и на миг расстаться с ним».

В конце жизни Годунова томили воспоминания об угличской драме. Твердо зная, что младший сын Грозного мертв, он по временам впадал в сомнение, «почти лишился рассудка и не знал, верить ли тому, что Дмитрий жив или что он умер».

Терзаемый страхом перед самозванцем, Годунов не раз засылал в его лагерь тайных убийц. Позже он приказал привезти в Москву мать Дмитрия и выпытывал у нее правду: жив ли царевич или его давно нет на свете?

Предчувствуя близкий конец, Борис мучительно размышлял над тем, может ли он рассчитывать на спасение в будущей жизни. За разрешением своих сомнений он обращался то к православным богословам, то к ученым иноземцам. Царь просил, чтобы они, невзирая на различие веры, «за него молились, да сподобится он вечного блаженства». После таких бесед государь нередко приходил к мысли, что для него «в будущей жизни нет блаженства».

Под влиянием неудач и тяжелой болезни Годунов все чаще погружался в состояние апатии и уныния. Физические и умственные силы его быстро угасали.

13 апреля 1605 г. царь Борис скончался. Недруги распространяли всякого рода небылицы по поводу его смерти.

Согласно одной версии, Борис будто бы принял яд ввиду безвыходности своего положения. По другой версии, он упал с трона во время посольского приема.

Осведомленные современники описывали кончину монарха совсем иначе: «...царю Борису вставши из-за стола после кушанья, и внезапно прииде на него болезнь люта, и едва успе поновиться и постричи, в два часа в той же болезни и скончась». Согласно «Хронографу», Годунов умер после обеда: «по отшествии стола того, мало времени минувшу, царь же в постельной храмине сидящу, и внезапно случися ему смерть». Самодержец умер скоропостижно, и монахи лишь «успели запасными дарами причастити» умирающего.

Члены английского посольства описали последние часы Бориса со слов лечивших его медиков. По обыкновению, врачи находились при царской особе в течение всего обеда. Годунов любил плотно поесть и допускал излишества в еде. Докто-

ра посчитали его хороший аппетит признаком улучшения здоровья и разъехались из дворца. Но через два часа после обеда царь внезапно почувствовал дурноту. Перейдя в спальные хоромы, он лег в постель и велел позвать врачей. Доктора не успели на вызов. До их приезда у Бориса отнялся язык, и он умер.

Стоявшие подле умирающего бояре спросили, не желает ли он, чтобы дума в его присутствии присягнула наследнику. Царь, дрожа всем телом, успел промолвить: «Как Богу угодно и всему народу». Видимо, Борис Годунов понимал, что без соборного избрания его несовершеннолетний сын не удержит корону на голове.

Близкий к царскому двору Яков Маржарет передает, что Годунов скончался от апоплексического удара.

Смерть монарха дала новый импульс гражданской войне в России.

МЯТЕЖ ПОД КРОМАМИ

Бояре и духовенство нарекли царевича Федора Борисовича на царство через три дня после кончины Бориса. Записи в книгах Разрядного приказа наводят на мысль о том, что в этом акте участвовали все чины, обычно входившие в состав Земского собора. «Того же месяца апреля, — значит в Разрядах, — патриарх Иев Московский и всеа Руси, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и со всем освященным собором вселенским, да бояре и окольничие, и дворяне и стольники и стряпчие, и князи, и дети боярские, и дьяки и гости, и торговые люди, и все ратные и черные люди всем Московским царством и всеми городами, опричь Чернигова и Путивля, нарекли на Московское государство государем царевича князя Федора Борисовича всеа Руси».

Разрядные записи находят аналогию в епископских посланиях, разосланных по городам сразу после наречения Федора. Отцы церкви подробно описывали, как патриарх с Освященным собором, весь царский синклит — Боярская дума, гости и

торговые люди и «всенародное множество Российского государства» просили царицу Марию Григорьевну, чтобы она «была на царстве по-прежнему», а сына великого государя царевича князя Федора благословила «быти царем и самодержцем всей Русской земли». Царевич не презрел «слез и моления» чинов и по благословению и приказу отца «произволил» быть царем.

В действительности наречению царевича Федора не предшествовали ни «моления» чинов Земского собора, ни шествия «всенародного множества».

После своего избрания Борис Годунов сделал сына соправителем и приказал именовать его государем царевичем «всеа Руси». Царевич самостоятельно сносился с иноземными дворами. Очевидно, сам Борис позаботился о том, чтобы заблаговременно подготовить всю процедуру передачи власти наследнику. В обращении патриарха к народу было сказано, что царь Борис, умирая, после себя приказал на царство сына и благословил его крестами, которыми «венчаютца на царство», после чего Федор Борисович «з божьей помощью на своих государствах сел». Патриарх с освященным собором благословили нового царя, а члены Боярской думы, дворяне, дети боярские, приказные люди, гости и всех сотен торговые люди в присутствии патриарха принесли присягу на верность Федору Борисовичу.

Очевидцы свидетельствуют, что именно так все и произошло. Бояре, дворяне, купцы и простой народ были вызваны в Кремль и приведены там к присяге.

Вслед за тем царица Мария и царь Федор Борисович разослали в города наказ, повелев созвать в церкви дворян, служилых людей, посадских людей, пашенных крестьян и всяких «черных» людей и привести их к присяге по специальной записи. Приказные люди записывали имена присягнувших в особые книги, которые надлежало затем отправить в Москву.

В главных городах — Новгороде, Пскове, Казани, Астрахани, в городах Замосковья, Поморья и Сибири присяга прошла без затруднений. Составленные там книги были спешно присланы в столицу. В царском архиве хранилась «свяска, а в ней

записи целовальные... после царя Бориса царице Марье и царевичу Федору всяким людем по чином, и записи шертовальные по чином иноземцом». Православные целовали крест, иноверцев приводили к шерти.

Текст подкрестной записи царя Федора полностью повторял текст, составленный при воцарении Бориса Годунова. Он содержал непомерно длинный перечень обязательств, ограждавших безопасность царской семьи. Подданные обещали над царицей и ее детьми «в еде и питье, ни в платье, ни в ином чем лиха никакого не учинить и [их] не испортить, и зелья лихого и коренья не давать»; «и людей своих с ведовством и со всяким лихим зельем и с кореньев не посылать, и ведунов не добывать на [царское] лихо»; когда государь куда пойдет, «на следу [его] всяким ведовским мечтанием не испортить и ведовством по ветру никакого лиха не насылатъ».

Проекты возведения на трон Симеона Бекбулатовича давно утратили актуальность. Тем не менее советники Федора упомянули его имя в тексте присяги, запретив подданным всякие сношения с ним. Реальная угроза династии исходила от самозванца. Но пояснения насчет самозванца в «целовальной записи» были краткими и маловразумительными. Подданные клятвенно обязывались «к вору, который называется князем Дмитрием Углицким, не приставать и с ним и с его советники ни с кем не ссылатись ни на какое лихо и не изменити и не отъехати...».

Текст присяги отразил замешательство, царившее среди властителей Кремля. Длительное время церковь предавала анафеме зловерного еретика Гришку Отрепьева. Затем все узнали, что в Путивле «царевич» выставил на всеобщее обозрение колдуна Гришку Отрепьева. Чудовские монахи, посланные для обличения Расстриги перед жителями Путивля, прислали царю Борису письмо, подтверждавшее истинность сына Грозного. В Москве не могли сразу разобраться в новых мистификациях самозванца и не знали, что думать. Вместо того чтобы следовать раз принятой линии обличения «вора», царица и ее советники решили вовсе не упоминать в «записи» имени Отрепьева. Составители присяги сделали худшее, что могли. Они свели на нет все достиже-

ния официальной пропаганды. Присяга не только не внесла успокоения в умы, а усилила брожение.

Династия Годуновых имела мало шансов на то, чтобы уцелеть в обстановке кризиса и гражданской войны. Федор получил превосходное для своего времени образование, но в 16 лет ему недоставало политической опытности и самостоятельности. Царица Мария Григорьевна была фигурой крайне непопулярной. Знать и население столицы не забыли массовых избиений и казней, в свое время организованных ее отцом — опричным палачом Малютой Скуратовым. По Москве ходила молва о крайней жестокости царицы.

Борис наводнил Боярскую думу своими родственниками. Но к началу 1605 г. все наиболее значительные деятели из рода Годуновых сошли со сцены, а оставшиеся не пользовались никаким авторитетом, несмотря на свои блистательные титулы. В трудный час подле Федора не оказалось никого, кто мог бы твердой рукой поддержать пошатнувшуюся власть.

Прошло несколько дней после присяги, и бессилие правительства перед началом глубокого кризиса обнаружилось с полной очевидностью. Крушению власти немало способствовало то, что в решающий момент у царя не оказалось достаточных военных сил: в течение многих месяцев царь Борис отправлял в действующую армию всех способных носить оружие, включая стольников, жильцов (дворцовую охрану), конюхов и псарей.

Еще при жизни царь Борис стал жертвой политической клеветы. Его обвиняли в убийстве последних членов законной династии, включая царя Ивана, царя Федора и царевича Дмитрия. Клевета подготовила почву для торжества сторонников Лжедмитрия. По Москве распространялись самые невероятные слухи. Упорно толковали, будто Борис сам наложил на себя руки в страхе перед «сыном Грозного».

Волнения в Москве нарастали с каждым днем. Следуя традиции, новый царь объявил о прощении всех преступников и опальных. Однако амнистия не распространялась на политических противников Годунова. Столица не желала мириться с такой несправедливостью. Как записал очевидец, «народ становился все бесчинней, большими толпами сбегался ко двор-

цу, крича о знатных боярах, бывших при Борисе в немилости и ссылке, другие кричали о матери Дмитрия, старой царице, что ее надобно посадить у городских ворот, дабы каждый мог услышать от нее, жив ли еще ее сын или нет». Власти были вынуждены уступить требованиям народа. Они вернули в столицу Б.Я. Бельского, находившегося в ссылке в деревне, удельного князя И.М. Воротынского, бывшего в опале и изгнании, и других лиц. В лице Бельского династия приобрела опаснейшего противника, великого мастера политических интриг, озлобленного преследованиями со стороны царя Бориса.

Правительство могло бы использовать старицу Марфу (Марию) Угличскую для обличения самозванца. Но царица Мария Годунова и слышать не желала о ее возвращении в Москву.

Воеводы расставили заставы на всех дорогах и отдали приказ вешать гонцов Лжедмитрия без промедления. Тем не менее лазутчики продолжали проникать в столицу и доставлять «преlestные» листы.

Царь Федор предпринимал отчаянные усилия, чтобы удерживать контроль за положением в столице. Казна раздала населению огромные суммы на помин души Бориса, на самом же деле — чтобы успокоить народ. Но щедрая милостыня не достигла цели.

Не видя иного выхода, царица Мария и ее сын срочно вызвали из армии в Москву руководителей Боярской думы Ф.И. Мстиславского и братьев Шуйских, чтобы прекратить беспорядки в столице. «...Князь Мстиславский был отозван из стана в Москву помочь молодому царю решать и вершить дела правления...» — полагал Конрад Буссов. За боярами под Кромой был послан жилец К. Карамышев. Подобная мера казалась вполне оправданной. Страх перед назревавшим выступлением низов побуждал бояр заботиться о порядке в столице и действовать в интересах династии, невзирая на собственные политические симпатии.

Когда толпа в очередной раз заполнила площадь перед Кремлевским дворцом, князь В.И. Шуйский вышел на крыльцо и долго увещевал народ одуматься и не требовать перемен,

которые приведут к распаду царства и ниспровержению православия. Боярин поклялся самыми страшными клятвами, что царевича Дмитрия давно нет на свете, что он своими руками положил его в гроб в Угличе, а путивльский «вор» — это беглый монах и расстрига Отрепьев, подученный дьяволом и посланный в наказание за грехи.

Возвращение главных бояр в Москву и речи Шуйского внесли успокоение в умы. Волнения в столице на время утихли.

Почти сразу после смерти Бориса правительство осуществило смену высшего командования в армии под Кромами. Среди Годуновых и их родни не оказалось никого, кто мог бы взять на себя руководство военными действиями, и царь Федор поневоле должен был верить свою судьбу людям, ничем не связанным с династией, кроме милостей умершего царя. Новым главнокомандующим в армию был назначен князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский, его помощником — боярин Петр Федорович Басманов.

М.П. Катырев получил боярство одним из первых, сразу после коронации Бориса. Катырев ничем не успел проявить себя на военном поприще, и его назначение было продиктовано формальными местническими соображениями. До опричнины Катыревы-Ростовские занимали высокое положение в думе. На этом основании М.П. Катырев, получив боярство, пытался местничать с главой думы Ф.И. Мстиславским.

Наибольшие надежды Годуновы возлагали на П.Ф. Басманова. В столице Басманова знали как первого щеголя среди дворян и человека, популярного в народе. По словам современников-англичан, простой народ «считал его единственным своим защитником». Басманов сделал карьеру в считанные месяцы благодаря успешной обороне Новгорода-Северского. Царь Борис вызвал его ко двору, столица чествовала Басманова как героя. Из-за ран воевода не мог ехать верхом, и Борис выслал ему навстречу свой выезд. В царских санях Басманов проследовал через всю столицу в Кремль. Годунов пожаловал Басманову боярский чин, земли, 2000 рублей денег и множество подарков.

Старшим воеводой в Новгороде-Северском был боярин князь Н.Р. Трубецкой. Однако больше всего наград за оборону города получил не он, а Басманов. Услуги, оказанные Басмановым Годунову, носили особый характер. Старший воевода осуществлял общее военное руководство обороной крепости. Заслуга же Басманова состояла в том, что он своевременно обнаружил измену в гарнизоне Новгорода-Северского и железной рукой подавил мятеж.

После возвращения в Москву Басманов неоднократно просил царя отправить его в действующую армию. Но Борис неизменно отказывал ему, ссылаясь на то, что воевода еще не оправился от тяжелых ран. Невзирая на болезнь, Годунов надеялся сам возглавить летнюю кампанию против самозванца и обещал дать Басманову назначение в своей армии. Исаак Масса утверждал, что правительство решило послать Басманова в лагерь под Кромь еще при жизни Бориса, когда последний увидел, что измена ширится день ото дня, и заподозрил в предательстве самого Мстиславского. Басманов будто бы поклялся, что захватит «вора» или сам сложит голову.

По своему местническому положению Басманов никак не мог претендовать на руководство главными силами русской армии. Бояре, находившиеся в полках, были много старше его по рангу и службам. Правительство имело немало соглядатаев в лагере и своевременно получало сведения о «шатости» в людях. Басманову отводилась та же роль, которую он уже сыграл однажды при обороне Новгорода-Северского.

Явившись в лагерь под Кромь, Катырев и Басманов привели полки к присяге. Патриарх Иов по немощи не мог покинуть Москву, и поэтому церемонией присяги руководил Новгородский митрополит Исидор — второе в церковной иерархии лицо. Никто не оказал воеводам открытого неповиновения. Но, по свидетельству русских летописей, некоторые ратные люди в общей сутолоке уклонились от церемонии крестоцелования. В Москве церковное руководство оказало немалую помощь новому царю, но на действующую армию влияние духовенства не распространялось. Бояре поспешили

выпроводить Исидора из лагеря под Кромами, едва закончилась присяга.

После смерти Бориса вопрос о единстве в думе и высшем военном командовании приобрел первостепенное политическое значение. В свое время Годунов, питавший особое доверие к бывшему опричнику князю Андрею Телятевскому, представил его к Мстиславскому в качестве помощника. Попытка подчинить большой полк Телятевскому вызвала негодование многих воевод. После того как царевич Федор отозвал в Москву Ф.И. Мстиславского и В.И. Шуйского, большой полк фактически перешел в распоряжение Телятевского: «...воем же начальницы оставшася князь Ондрей Телятевской...».

Вмешательство Семена Годунова, главы Сысканого ведомства, в дела Разрядного приказа привело к полной неразберихе в полках. После отъезда П.Ф. Басманова под Кромы Семен Годунов настоял на назначении князя А.А. Телятевского главным воеводой сторожевого полка, что доставило тому большие местнические преимущества. Новый главнокомандующий князь М.П. Катырев привез под Кромы одну роспись, а через три дня в лагерь прибыл гонец с новым Разрядом, не согласованным ни с Катыревым, ни с Басмановым. Разрядные дьяки утверждали, будто новый государь ничего не знал о втором Разряде. По их словам, «тое-де роспис, как бояром и воеводам велено быть по полком, послал Семен Годунов для зятя своего князя Ондreja Телятевского, а царевич-де князь Федор Борисович тое росписи не ведает».

Вмешательство Сысканого ведомства посеяло раздор среди воевод, на которых династия возлагала наибольшие надежды. П.Ф. Басманов с головой погрузился в местническую тяжбу с А.А. Телятевским. Воевода полка левой руки З.И. Сабуров отказался подчиняться М.П. Катыреву и отослал ему полковые списки «для того, не хотечи быть менши князя Ондreja Телятевского». К тому же второй воевода полка правой руки князь М.Ф. Кашин-Оболенский «бил челом на Петра Басманова в отечестве, и на съезд не ездил, и списков не взял».

В армии назревал заговор, и местнические распри способствовали его успеху. Душой заговора были братья Голицыны.

Свой род князья Голицыны вели от литовской великокняжеской династии. По знатности они превосходили главу Боярской думы Ф.И. Мстиславского — потомка младшей линии литовской династии. Но к концу XVI в. местническое положение Голицыных пошатнулось. Попытки тягаться с Трубецкими и Шуйскими закончились для них полной неудачей. После смерти царя Федора Ивановича Голицыных не было среди претендентов на трон. Кончина Бориса Годунова пробудила в них честолюбивые надежды. Положение династии стало непрочным, и Голицыны первыми из бояр покинули ряды ее сторонников.

Некоторые летописи причисляли к числу организаторов заговора воеводу боярина М.Г. Салтыкова. Однако очевидец мятежа Яков Маржарет утверждал, что М.Г. Салтыков был захвачен изменниками. Слова Маржарета находят подтверждение в Разрядных книгах пространной редакции. Другой осведомленный современник — Петр Петрей также писал, что заговорщики захватили М.Г. Салтыкова и жестоко терзали его.

Выдающуюся роль в организации мятежа сыграли Прокофий Ляпунов и его братья. Ляпуновы занимали видное положение среди выборных рязанских дворян. Они обладали неукротимым нравом, и летописцы не прочь были подчеркнуть их склонность к авантюрам.

После смерти Грозного Ляпуновы вместе с другими рязанцами участвовали в московских беспорядках, едва не погубивших правителя Бориса Годунова. За год до войны с самозванцем царь Борис велел наказать Захара Ляпунова кнутом за посылку заповедных товаров к вольным казакам на Дон. Мятежные алексинские дворяне выдвинули из своей среды Захара Бибикова. Он числился выборным дворянином от Алексина и имел оклад в 500 четвертей земли. После переворота Лжедмитрий I пожаловал ему за особые заслуги рязанское поместье в 200 четвертей, взятое у И.П. Вельяминова.

Возникновению заговора в годуновской армии способствовали многие обстоятельства, но два из них имели решающее значение. Первым было появление знати в путивльском лагере, вторым — смерть Бориса. Конрад Буссов записал слухи о

том, что изменники Бориса затеяли переписку с самозванцем сразу после его поражения под Севском. Они советовали «царевичу» не отступаться от своего и обещали тайную поддержку. Достоверность этих слухов сомнительна. Скорее всего заговорщики установили связь с Путивлем позднее. Лжедмитрий многократно посылал листы к царским воеводам, но последние откликнулись на них лишь после того, как обращения самозванца поддерживали хорошо известные им лица.

Родовитая знать не смирилась со своим поражением в период династического кризиса, и ей не всегда удавалось скрыть свое истинное отношение к выборному земскому царю Борису. За два-три года до вторжения самозванца власти получили донос о том, что князь Борис Михайлович Лыков, «сходясь с Голицыными да с князем Борисом Татевым, про него, царя Бориса, разсуждает и умышляет всякое зло». Названные лица были связаны тесной дружбой, а отчасти и родственными отношениями.

В силу превратностей гражданской войны одни члены этого кружка оказались заброшенными в путивльский лагерь, где их обласкал самозванец, другие же остались в царских полках. В былые времена злые речи Голицыных и их друзей против царя Бориса не были подкреплены никакими практическими шагами, а потому Годунов не придавал доносу никакого значения. После смерти Бориса ничто не помешало им претворить помыслы в действие.

Князя Борис Петрович Татев и Борис Михайлович Лыков, как видно, оказали Лжедмитрию исключительные услуги, поскольку первый вскоре получил боярство, а второй стал кравчим самозванца. Вероятно, Лыков поддерживал наиболее тесные связи с заговорщиками, поскольку именно ему Лжедмитрий поручил организовать присягу в сдавшихся царских полках.

Следует отметить, что князь Б.П. Татев владел крупным поместьем в Рязани. Рязанское дворянство было охвачено брожением и сыграло особую роль в событиях под Кромами. В отличие от детей боярских южных городов, дети дворян рязанских городов несли службу в Государевом дворе. Участни-

ки боярского заговора Ляпуновы и Измайловы принадлежали к высшему и наиболее влиятельному слою землевладельцев Рязани. За Прокофием Ляпуновым числилось 550 четвертей пашни в поместье и небольшая вотчина. Измайловы владели обширными родовыми вотчинами в Рязанском уезде. В числе других лиц в южных городах был захвачен Артемий Измайлов. За считанные недели этот рязанский дворянин из пленника превратился в дворецкого, думного дворянина и ближнего человека «царевича». Измайлов был приятелем Ляпунова. Многие родственники Измайлова служили в армии Мстиславского. Скорее всего именно Артемий Измайлов помог организовать заговор среди рязанских дворян, за что и был удостоен исключительных милостей. Переговоры между путивльскими «советниками» самозванца и заговорщиками в армии под Кромами были окружены глубочайшей тайной. Но некоторые подробности все же стали известны в Польше. Некто Петр Арсудий, подвизавшийся в Польше в качестве доверенного лица Ватикана по делам восточной церкви, получил подробные сведения о секретных переговорах «царевича» с боярами от виленского епископа Войны. На начальном этапе организации самозванческой интриги покровители Лжедмитрия попытались заручиться поддержкой Войны. Епископ занял двусмысленную позицию. Королю он советовал известить Годунова об экспедиции как «частном предприятии своевольных людей», но одновременно считал необходимым послать гонца к «царевичу, чтобы таким известием не был нарушен его покой». С тех пор Война имел возможность получать доверительную информацию от лиц, окружавших «царевича».

По словам епископа, заговорщики обещали «истинному» Дмитрию престол на следующих условиях: православная вера остается нерушимой, самодержавная власть сохраняется, и Дмитрий будет пользоваться теми же правами, что и его отец Иван IV; царь не может жаловать боярский чин иноземцам и назначать их в Боярскую думу, но волен принимать их на службу ко двору и дать им право приобретать земли и другую собственность в Русском государстве; принятые на службу иноземцы могут строить себе костелы на русской земле.

По-видимому, соглашение о будущем устройстве Русского государства было в основных чертах выработано в результате переговоров между членами «воровской» Боярской думы и польскими советниками самозванца. Вместе с Мнишеком лагерь Отрепьева покинула почти вся польская знать, принимавшая участие в аванюре. Это обстоятельство должно было облегчить сговор. Московская знать, оказавшаяся в Путивле, заботилась о сохранении своих привилегий. Немногие польские советники (Бучинский, Дворжецкий, Иваницкий), оставшиеся при особе «царевича» в Путивле, старались выговорить себе право служить при царском дворе, владеть вотчинами и поместьями, а также строить церкви по своему вероисповеданию. Самозванец постоянно совещался с находившимися при нем иезуитами.

В последних числах апреля 1605 г. к самозванцу в Путивль из-под Кром прискакал сын боярский арзамасец Абрам Бахметов и сообщил, что царь Борис умер, что Петр Басманов прибыл под Кромы и 19 апреля привел полки к присяге. Войско Отрепьева получило аналогичное известие из Кром. Казаки сообщили, что они сделали вылазку из крепости и захватили языков, от которых узнали, что «Бориса не стало и что в войске их великое смятение: одни держатся стороны Борисова сына, а другие — нашей».

Положение в царском лагере стало критическим к началу мая.

Когда П.Ф. Басманов прибыл под Кромы, он горячо убеждал войско служить Федору Годунову. Одновременно он начал охоту за тайными приверженцами Лжедмитрия. Что ни день, воевода рассылал «по всему лагерю людей, которые подслушивали, что там говорили, и доносили обо всем ему, так что открылось, что больше людей на стороне Дмитрия, чем на стороне московитов». Сведения Басманова полностью совпали с показаниями языков, захваченных казаками Корелы. Воеводе предстояло железной рукой покарать сторонников Лжедмитрия в интересах Годуновых. Но положение династии было шатким.

Сохранив верность Годуновым, Басманов должен был пролить потоки крови. В числе первых ему пришлось бы аресто-

вать воевод князей Голицыных — истинных вдохновителей заговора. Однако по матери Голицыны доводились братьями Басманову, и он издавна привык считаться с авторитетом старшей по знатности родни. Все это не могло не повлиять на исход дела.

Голицыны понимали, что рискуют головой, и не жалели сил, чтобы втянуть Басманова в заговор. Кроме милостей Бориса, ничто не привязывало Басманова к правящей династии. Переход власти к царице Марии Скуратовой и Семену Годунову не мог не поколебать его верность трону. Между родом Бельских и родом Басмановых существовала кровная вражда. Именно отец царицы Малюта Скуратов положил конец блестящей карьере Басмановых в опричнине. По его навету инициатор опричнины А.Д. Басманов был казнен, а его сын Ф.А. Басманов умерщвлен в тюрьме. П.Ф. Басманов не имел оснований щадить дочь Малюты и его внука царевича Федора Борисовича. Получив предложение примкнуть к заговору, он недолго колебался. Сын знаменитого опричника, Басманов был всецело поглощен собственной карьерой и плохо помнил благодеяния. После взлета в опричнине Плещеевы-Басмановы надолго сошли со сцены, и воеводе предстояла жестокая борьба, чтобы возродить былую «честь» фамилии. Разрядная роспись, присланная в полки после присяги, нанесла удар по честолюбивым надеждам П.Ф. Басманова. Когда дьяк огласил роспись в присутствии бояр и воевод, Басманов, «патчи на стол, плакал с час, лежа на столе, а встав с стола, евяля и бил челом боярам и воеводам всем: "Отец, государи мои, Федор Алексеевич точма был дважды больши деда князя Ондреева... а ныне Семен Годунов выдает меня зятю своему в холопи князю Ондрею Телятевскому, и я не хочу жив быти, смерть прииму лутче тово позору"».

Басманов не мог смириться с «потерькой» семейной чести. Но вернее будет предположить, что он искал благовидный предлог для предательства. Примкнув к заговорщикам, Басманов быстро привел дело к решительной развязке.

Силы заговорщиков были невелики. Большинство дворян принесли присягу царевичу Федору и сохраняли верность ди-

настии. Мятеж кучки заговорщиков посреди вооруженного лагеря мог быть легко подавлен. И тем не менее заговор в лагере имел успех.

После трех месяцев, прошедших в бесполезной осаде Кром, в правительственной армии произошли большие перемены. Дисциплина в ней держалась, пока дворянское ополчение громило «воров» — казаков и комарицких мужиков. Неудача под Кромами и бездеятельность деморализовали полки.

Дворяне осуждали приказ Бориса, воспретившего воеводам распустить ратных людей на отдых. Они не понимали, зачем царю понадобилось держать 50-тысячную армию под стенами крохотной крепости, для осады которой было достаточно небольшого отряда.

Мелкие помещики не успели оправиться от последствий трехлетнего голода. Многие опасались, что из-за их длительного отсутствия дела в их поместьях придут в полное расстройство. С наступлением весны бегство землевладельцев из армии усилилось. Немало столичных дворян использовали смерть Бориса в качестве предлога для отъезда в Москву «на царское погребенье».

В то время как дворянское ополчение таяло, число «даточных людей» и «посошных» мужиков в лагере росло. Под Кромы был доставлен огромный артиллерийский парк, большие запасы пороха и ядер. Лагерь оказался наводнен «посошными людьми», занятыми перевозкой пушек, подвозом боеприпасов и пр.

Поначалу северские города получили от правительства льготу. Их освободили от обязанности выставлять в поле ратных людей. Однако ко времени осады Кром Борис отменил эту льготу.

Начиная с февраля 1605 г., писал Масса, через Москву ежедневно проходило много ратников, отправлявшихся на помощь войску Мстиславского. Многочисленные отряды снарядили города Тотьма, Устюг Великий, Вычегда и др. Монастыри набирали отряды «даточных людей» из крестьян и служек. При военном лагере возникло торжище. Каждый день окрестные и дальние крестьяне везли на продажу продукты питания и разные товары. Вместе с ними на торг беспрепятственно про-

никали лазутчики из Путивля с «воровскими» листами. Чем больше ратники в сермягах заполняли лагерь, тем успешнее шла агитация в пользу «истинного царя» Дмитрия.

При Василии Шуйском Посольский приказ объяснил происшедшее под Кромами следующим образом: многие бояре и дворяне разъехались из-под Кром, остались же там «немногие бояре и воеводы, а с ними только ратные люди северских и украинских городов — стрельцы и казаки и черные люди; и те люди... смуту в полках учинили». В предназначенных для поляков объяснениях дьяки намеренно исказили картину, отрицая причастность некоторых бояр и дворян к мятежу. Но они довольно точно уловили роль мелких служилых людей, «посохи» и «мужиков» в последовавшем перевороте.

Отрепьев не имел ни сил, ни решимости, чтобы отважиться на новое сражение с воеводами. Тем не менее он оценил важность полученных из Кром сообщений и в начале мая отдал приказ о выступлении в поход. Участник похода С. Борша писал: «Мы... не дождавшись из Польши на помощь ни одного человека, пошли с царевичем против того войска». Уже после выступления армии хорунжие привели из Путивля подкрепление: около 500 конных шляхтичей — «пятигорцев».

Русские официальные представители отметили прибытие к самозванцу значительных подкреплений из Польши. Они припомнили полякам, как в Путивль к «вору» пришел Ратомский со многими людьми. Отвечая на этот упрек, польские послы заявили, что «Ратомский, отъехавши от него (Лжедмитрия. — Р.С.), долгий час при нем не был» и вернулся к нему в Путивль, когда «ему вже вси люди московские здавались». Вся миссия Ратомского и вновь прибывших войск свелась якобы к тому, что они «проводили» Лжедмитрия до Москвы.

До прибытия Ратомского численность наемных солдат в путивльском лагере не превышала 300 человек. Несмотря на настойчивые просьбы Корелы и Беззубцева о помощи, Лжедмитрий смог послать к Кромам лишь небольшой отряд Яна Запорского. В письмах из Путивля иезуиты сообщали, что перед походом Запорский принял у них благословение и что вместе с ним выступили 200 рейтар с конями и 100 пеших поля-

ков. Поляки имели самое приблизительное представление о численности повстанческих отрядов. По их словам, к отряду Запорского присоединилось то ли 10 тыс., то ли 3 тыс. москочитов. Однако сам Ян Запорский в письме из-под Кром сообщал, что с ним было всего 200 конных копейщиков и 800 донских казаков.

На пути к Кромам Запорский получил подтверждение относительно смерти Бориса. 30 апреля 1605 г. он направил донесение об этом гетману А. Дворжецкому. В начале мая Запорский ждал удобного случая, чтобы прорваться в Кромы и соединиться с казаками. Ради достижения этой цели он послал в Кромы трех «шпиков» с письмами, в которых сообщал, что он ведет на выручку 20 тыс. копейщиков и 20 тыс. казаков при 300 орудиях. Вскоре Запорский имел стычку с отрядом татар, несшим сторожевую службу на подступах к Кромам. Поляки разогнали отряд и взяли в плен 150 человек.

Запорский считал, что именно его хитрость и победа вынудили правительственные войска сложить оружие и принести присягу Лжедмитрию. Его оценку приняли С. Борша и Г. Пэрле. В действительности и письма Запорского, и стычка с татарами оказали небольшое влияние на события, происходившие в лагере под Кромами.

Как повествуют русские источники, «в полках под Кромами, немного время погода после крестного целованья, рязанцы Прокофей Лепунов з братьею и с советники своими и иных заречных городов втайне вору крест целовали... и, собрався, приехали к разрядному шатру, где бояре и воеводы сидели...». Итак, заговорщики приняли решение о выступлении сразу после завершения церемонии присяги в полках. Тогда же они вошли в тайный сговор с Корелой в Кромах. Весть о приближении войска самозванца укрепила их решимость.

Записи Разрядного приказа не оставляют сомнения в том, что дворяне и дети боярские Рязани и ее пригородов, Тулы, Алексина, Каширы и ряда других заокских уездов выступили на стороне Лжедмитрия «всем городом», т.е. так же, как ранее выступили дети боярские Путивля и южных степных уездов. Различие заключалось в том, что, во-первых, в Рязани сохра-

нялось крупное вотчинное и поместное землевладение и «лучшие» рязанские дворяне издавна несли службу в составе Государева двора; во-вторых, рязанское и тульское дворянство было значительно многочисленнее, чем мелкое поместное дворянство Юга. В Разрядных книгах можно обнаружить следующую запись: «И украинных городов дворяне и дети боярские резанцы, туленя, коширения, олексинцы и всех украинных городов, удумав и сослався с крамчаны, вору Ростриге крест втайне целовали и бояр и воевод на съезде переимали...» В Разрядных записях пространной редакции сведения об участниках мятежа дополнены некоторыми подробностями: Голицыны и Петр Басманов «подговорили князей и дворян и детей боярских Северских и Резанских всех городов до одного человека; да новгородских помещиков и псковских и лутцких князей и детей боярских... немногих, и крест Ростриге целовали...».

Исаак Масса, многократно ссылавшийся на свои беседы с немцами-наемниками, описал события под Кромами с их слов. Заговорщики, писал Масса, подняли мятеж 7 мая до рассвета. По условному сигналу казаки из Кром произвели нападение на лагерь. Вслед за тем Басманов приказал связать по рукам и ногам всех начальников и отправил их с «дмитровцами».

Судя по Разрядам, П.Ф. Басманов в самом деле предполагал, используя свои прерогативы, созвать всех воевод в шатре главнокомандующего и «переимать» их на съезде. Но его план не удался.

Наибольшего успеха заговорщики добились в передовом полку, где им удалось захватить и связать дядю нового царя И.И. Годунова, а также воеводу боярина М.Г. Салтыкова. Этот успех нетрудно объяснить. Во-первых, в течение всей кампании против самозванца передовым полком командовал глава заговора князь В.В. Голицын. Полк был передан И.И. Годунову за несколько дней до переворота. Во-вторых, в отряде, непосредственно подчиненном Голицыну, с начала войны числилось 1,5 тыс. дворян и детей боярских, но из них 1 тыс. приходилась на долю рязанцев и более 200 человек на долю алексинцев. В отряде М.Г. Салтыкова служили четыре сотни рязанских детей боярских.

Братьям Ляпуновым удалось увлечь за собой служилых людей из Рязани и Тулы. По Разрядам, 700 тульских детей боярских служили в полку левой руки. Главным воеводой в полку был преданный династии З.И. Сабуров. Мятужникам не надо было вязать его, потому что он лежал «конешно (тяжело. — Р.С.) болен». Второй воевода полка, князь Л.О. Щербатый, видимо, примкнул к заговору, ибо самозванец вскоре дал ему более высокий воеводский пост.

В полку правой руки, который В.В. Голицын незадолго до того принял от Д.И. Шуйского, дела шли намного хуже. Второй воевода полка князь М.Ф. Кашин-Оболенский решительно отказался поддержать планы мятужников. Служившие в полку дети боярские из Суздаля, Нижнего Новгорода и других городов также сохраняли верность присяге. Среди дворян и воевод, оставшихся верными царю Федору Борисовичу, автор «Иного сказания» особо упоминает Семена Чемоданова. Последний, как можно установить, был самым видным из выборных дворян по Суздалю.

Опасаясь провала мятежа, В.В. Голицын на всякий случай велел слугам связать себя, чтобы в дальнейшем избежать каких бы то ни было обвинений в измене.

В большом полку события развивались совсем не так, как рассчитывали Басманов и Голицын. С начала кампании в полку служили 300 детей боярских из Каширы. Подобно служилым людям из соседних «заречных» (заокских) городов, они приняли участие в «воровстве» все поголовно. Но в большом полку несли службу также сотни новгородских и псковских помещиков. Из них заговорщиков поддержали лишь отдельные лица. Автор «Иного сказания» утверждал, будто к заговорщикам присоединились «многие дети боярские новгородские». Однако его свидетельство решительно расходится с показаниями всех остальных источников.

Басманову не удалось арестовать главнокомандующего князя М.П. Катырева-Ростовского. Окольничий В.П. Морозов был смещен Борисом с поста главного воеводы полка левой руки и переведен «в ряд» в большой полк. Обида на Годунова, однако, не поколебала его верности присяге. Морозов

поддержал Катыврева. Главному воеводе непосредственно подчинялся начальник артиллерии воевода «у наряда» В.Б. Сукин, имевший чин думного дворянина. Он сопротивлялся мятежникам до последнего момента, как и главный воевода сторожевого полка князь А.А. Телятевский. Под командой последнего служили дети боярские из Владимира, Переяславля, Можайска, Углича, не участвовавшие в заговоре. Князь Телятевский, повествует Масса, «до последней возможности оставался у пушек, крича: “Стойте твердо и не изменяйте своему государю!”»

Мятеж в расположении многотысячной армии казался безрассудной авантюрой. Верные воеводы без труда раздавили бы его, если бы армия не вышла у них из повиновения. События в лагере развивались с той же неумолимой последовательностью, что и в Северщине.

Интенсивный процесс дробления поместья в уездах рязанской и тульской «украин» привел к тому, что земельное обеспечение уездных детей боярских стало ухудшаться. Симптомы кризиса дворянского сословия приобрели в южных уездах наиболее резкую форму. Заговорщикам удалось привлечь на свою сторону многих детей боярских из Рязани, Тулы и северских городов.

В Москве, Новгороде, замосковных городах кризис поместной системы не достиг такой остроты, как в южных уездах. Поэтому местные дворяне поддерживали царское правительство в борьбе с мятежниками.

Действия верных династии воевод были парализованы тем, что на стороне заговорщиков выступила лагерная «чернь» — многочисленные «посошные» мужики, холопы, казаки и пр. Большая часть армии, по-видимому, оставалась на стороне Годуновых, но верные присяге отряды оказались разобщены и дезорганизованы в обстановке хаоса, воцарившегося в лагере в момент восстания. Рязанские дворяне и прочие заговорщики первыми бросили клич: «Да здравствует царь Дмитрий!» Клич был тут же подхвачен «посохой», «даточными людьми», казаками, частью стрельцов. Заговорщики сделали все, чтобы посеять в полках панику. Их люди подожгли лагерные пост-

ройки в нескольких местах. Ратные люди выбегали из палаток и землянок, не успев как следует одеться. Поднялась страшная суматоха. Как говорили Массе очевидцы, никто «не мог уразуметь, как и каким образом это случилось, и не знали, кто враг и кто друг, и метались, подобно пыли, ветром вздымаемой». Одни кричали: «Да хранит Бог Дмитрия!», другие: «Да хранит Бог нашего Федора Борисовича!» По свидетельству Петра Петрея, «те, которые кричали «Дмитрий», вставали на одну сторону, а те, которые кричали «Федор», — на другую...» Очень многие старались как можно быстрее покинуть лагерь. Они бросали оружие, оставляли повозки и телеги, выпрягали лошадей, чтобы бежать.

Ляпуновы позаботились о том, чтобы захватить наплавной мост через реку Крому и соединиться с войском, выступавшим из Кром. Вскоре на мосту собралось так много народа, что он стал тонуть. Много людей оказалось в воде. Конные пытались переправиться за реку вплавь.

Среди общего хаоса одни немцы-наемники сохраняли некоторый порядок. В большом полку с начала кампании числилось до тысячи иноземцев. Они выстроились под знаменем и приготовились к отпору. Басманов послал свой шишак со значками капитану иноземцев Вальтеру фон Розену и потребовал, чтобы он присягнул «законному» государю. Немцы, бежавшие в Москву, рассказывали, что капитан не хотел подчиняться приказу Басманова, но, «когда его много раз призывали к тому, он передался вместе с другими». Однако поляки утверждали иное. По их словам, Басманов и Голицын вели переговоры с Розеном накануне переворота. Розен не сразу поверил воеводам и заподозрил, что те желают испытать его верность. Убедившись в обратном, он будто бы дал свое согласие.

В день переворота немцы колебались и выжидали, прежде чем перешли на сторону Лжедмитрия. Верные воеводы не сумели использовать их сомнения. Басманов оказался расторопнее их.

Воеводы А.А. Телятевский и В.Б. Сукин распоряжались на батареях. Они могли пустить в ход пушки, разбить наплавной мост, рассеять собравшуюся на нем толпу и помешать соеди-

нению мятежников с гарнизоном Кром. Однако Телятевский не решился начать кровопролитие.

По молчаливому согласию обе стороны, по-видимому, так и не пустили в ход оружие. Переворот был бескровным. Мятежники беспрепятственно переправились за реку Кром и соединились с кромчанами, «даша им путь скрозь войско свое».

Пропустив нестройную толпу ратников, Корела с донскими и путивльскими казаками и «с кромляны» ворвался в лагерь и «на достальную силу московскую ударишася». По совету заговорщиков казаки «напали на тех воинских людей, у которых была артиллерия и которые размещались по левую сторону от крепости, ибо там были самые ярые противники Гришки».

Даже после соединения восставших отрядов с кромским гарнизоном численное превосходство оставалось на стороне верных правительству войск. По словам современников, мятежников было полторы сотни на тысячу. Однако нападение казаков усугубило панику в полках и помешало Катыреву, Телятевскому и другим воеводам организовать сопротивление и удержать лагерь за собой. Характерно, что Корела отдал приказ не применять оружия. Деморализованные изменой ратники «плещи даша и побегоша», донцы же «гоняще их, сетчи же их щадяху», «в сечи же и убиства место плетми бьюще их и, гоняще, глаголюще: “Да потом на бой не ходите противу нас!”» Как отметил Петрей, казаки выбили воевод из лагеря, воспользовавшись возникшей там смутой и суматохой.

Воеводы М.П. Катырев, А.А. Телятевский, В.П. Морозов, М.Ф. Кашин, В.Б. Сукин бежали в Москву. Вместе с ними лагерь покинули много тысяч дворян, детей боярских и прочих ратных людей. В течение трех дней беглецы шли через Москву расстроенными толпами, возвращаясь в замосковные и северские города. Когда бояре спрашивали их, почему они так поспешно бежали из-под Кром, они «не умели ничего ответить».

Руководители мятежа предпринимали энергичные усилия для того, чтобы удержать инициативу в своих руках. Без армии династия Годуновых была обречена на гибель. Голицыны и Басманов сделали все, чтобы ускорить ход событий в Моск-

ве. Они отправили в столицу с тайной миссией к столичным боярам — противникам Годуновых — нескольких знатных лиц, чтобы привлечь думу и население на свою сторону.

Голицыны убедили захваченного в плен М.Г. Салтыкова присоединиться к ним, после чего тот был освобожден из-под стражи. Кажется, им удалось привлечь на свою сторону Ф.И. Шереметева, находившегося с ратными людьми в Орле, и князя И.С. Куракина, бывшего главным воеводой в Туле. Оба названных воеводы вскоре присоединились к Лжедмитрию.

Выступление дворянских заговорщиков под Кромами, по существу, привело в действие тот же механизм, который позволил сторонникам Лжедмитрия поднять мятеж и одержать победу в Путивле и других южных крепостях. В событиях под Кромами новым было то, что против годуновской династии впервые выступили «всем городом» дворяне и дети боярские целых уездов, таких как Рязань, Тула, Кашира и Алексин. Наряду с провинциальными детьми боярскими службу в этих городах несли «большие дворяне» из состава Государева двора. Раскол двора имел роковые последствия для земской выборной династии.

ПОБЕДНОЕ ШЕСТВИЕ

Главные вожди переворота не спешили на поклон к самозванцу. Располагая многотысячной армией, они имели все основания считать себя хозяевами положения. Самозванец сознавал это и сделал все, чтобы не попасть в западню. Как отметил С. Борша, в походе на Москву «царевич», не доверяя «тому войску (бояр Голицыных и Басманова. — Р.С.), приказывал ставить его в полумиле от себя, иногда на расстоянии мили, около царевича при остановках и в пути до самой столицы были мы — поляки; ночью мы ставили караул по 100 человек».

Настроения в лагере под Кромами были неопределенными и изменчивыми. В первый день в лагере толковали, будто «царевич» находится совсем близко: то ли в Курске, то ли в Рыльске. Затем узнали, что он еще не покинул Путивля. Через несколько

дней в лагере произошло брожение. Многие говорили, что «Дмитрий» бежал в Польшу, что он «не истинный [Дмитрий], злой дух, смутивший всю землю». После пира наступило похмелье. Многие ратники не скрывали сожаления о том, что им не удалось уйти из лагеря в Москву. Трудно сказать, от кого исходили неблагоприятные для самозванца слухи. Голицын и прочие бояре, унимая ратников, были весьма немногословны. «Дождитесь конца, — будто бы говорили они, — до тех пор молчите».

На пятый день после переворота в Путивль прибыл брат В.В. Голицына князь Иван. Он не имел думного чина и по своему положению в полках далеко уступал прочим руководителям заговора. С Голицыным прибыло несколько сот дворян, стольников и «всяких чинов людей», представлявших дворян разных «поветов» — уездов и городов.

В Путивле И.В. Голицын проявил крайнюю угодливость перед самозванцем, стремясь завоевать его доверие. Оправдывая свое предательство, он ссылался на двусмысленность присяги, данной им и другими воеводами царевичу Федору Годунову. Прежде и патриарх, и царь Борис неизменно называли «царевича» Отрепьевым. В присяге это имя вовсе не было названо. Если «царевич» — не Гришка, то почему он не может быть настоящим сыном царя Ивана Васильевича? Голицын клеймил Бориса Годунова самыми бранными словами, клялся в вечной верности «прирожденному» государю и умолял немедленно идти в Москву и занять престол.

Отрепьев, как видно, не слишком доверял словам Голицына и принял все меры предосторожности, прежде чем выехать в Кромь. Через несколько дней после переворота он прислал в русский лагерь посланца князя Б.М. Лыкова, который привел к присяге полки и объявил милостивый указ «царя Дмитрия». Отрепьев сделал то, чего ждали от него уставшие ратники. Он приказал немедленно распустить на отдых (на три-четыре недели) всех дворян и детей боярских, у которых были земли «по эту сторону от Москвы». Иначе говоря, роспуску подлежали прежде всего дворяне из заокских городов — Рязани, Тулы, Алексина, Каширы и пр. Именно эти дворяне были главной опорой заговора в полках.

Лжедмитрий распустил из лагеря также многих стрельцов и казаков, что имело самые губительные последствия для Годуновых: «А стрельцов и казаков, приветчи к крестному целованью, отпустили по городом и от того в городех учинилась большая смута».

Теперь хозяином положения был самозванец, а не бояре-заговорщики, поскольку половина их армии была распущена по домам, а оставшаяся часть отправлена из лагеря на Орел и далее на Тулу. Названные города были заняты без всякого сопротивления, и их воеводы присягнули на верность Лжедмитрию.

Отрепьев покинул Путивль 16 мая 1605 г., на девятый день после мятежа. 19 мая он прибыл в лагерь под Кромами, где уже не было никаких войск. Сопровождавший самозванца капитан С. Борша утверждал, будто в войске у «царевича было 2000 поляков копейщиков и могло быть около 10 тыс. русских». В своих записках Борша стремился доказать, что именно поляки сыграли решающую роль в московском походе, и потому преувеличивал цифры. На самом деле силы Отрепьева были весьма невелики. При нем находилось не более 600—700 польских всадников, 800 донских казаков и некоторое количество других ратных людей. Я. Маржарет утверждал, что «царь Дмитрий» держал при себе поляков и казаков и лишь «немного» русских, так что общая численность его войск не превышала 2000 человек.

Самозванца окружали его «думные» люди, которые, однако, не занимали никаких постов в его польско-казацком войске. Согласно «воровским» разрядам, при нем были «бояре» князя Б. Татев, В. Мосальский и Б. Лыков, окольный князь Д. Туренин, думные дворяне А. Измайлов и Г. Микулин.

Что касается бояр-заговорщиков, то они присоединились к свите Лжедмитрия где-то на пути между Путивлем и Орлом. Первыми явились к самозванцу бояре П.Ф. Басманов и М.Г. Салтыков, имевшие при себе 200 дворян. Орловский воевода Ф.И. Шереметев и боярин В.В. Голицын встретили Лжедмитрия скорее всего под Орлом.

В Кромах самозванец оставался несколько дней. Его спутники с удивлением разглядывали лагерные укрепления, мно-

жество палаток и брошенные русскими пушки. Лжедмитрию досталось 70 больших орудий, крупные запасы пороха и ядер, войсковая казна, много лошадей и прочее имущество. Во время остановки в Кромах к самозванцу привели «из достальных (северских и украинных. — *Р.С.*) городов воевод и осадных голов и приказных людей».

В рязанском городе Шацке воеводой служил стольник князь Ю.П. Ушатый. Очевидно, после сдачи Шацка Ушатый получил воеводский чин от Лжедмитрия. Окольничий М.Б. Шеин сдал самозванцу Новгород-Северский, Я.П. Барятинский — крепость Новосиль.

Воеводы дальних городов появились в лагере, когда Отрепьев сделал остановку в Орле. По свидетельству родословцев, в числе других в лагерь Лжедмитрия были приведены воеводы и головы из Поволжья: «Во 112 (1604. — *Р.С.*) году послан был Наум Плещеев на службу в Царицын город, и как вор Растрига пришел в Путивль во 113 (1605. — *Р.С.*) году, в низовых городах Растриге крест целовали, и в те поры Наума Плещеева царицынские казаки, связав, привели к Растриге под Орел, как Растриг шол под Москву...»

Будучи под Орлом, Отрепьев устроил судилище над теми из воевод, которые, попав в плен, отказались ему присягать: «...приидоша ж под Орел и, кои стояху за правду, не хотяху на дьявольскую прелесть прельститися, оне же ему оклеветанны быша, тех же повеле переимати и разослати по темницам». Среди прочих в тюрьму был отправлен боярин И.И. Годунов.

На всем пути до Орла бесчисленное множество людей всех сословий и званий собирались большими толпами, чтобы увидеть новообращенного государя.

Затевая заговор под Кромами, В.В. Голицын установил тесные связи со своими сторонниками в Москве. Эти последние стали теперь действовать почти открыто.

Среди «торговых мужиков» Москвы наибольшим доверием самозванца пользовался Федор Андронов. Видимо, он переметнулся на сторону «вора» раньше других.

Имеются сведения о том, что первая делегация от москвичей явилась к Отрепьеву уже во время его остановки в Орле.

Посланцы из Москвы заявили, что столица готова признать своего «прирожденного государя».

Миновав Орел, Отрепьев сделал остановку недалеко от Тулы, в Крапивне. По русским известиям, именно из Крапивны «с реки Плавы» он решил послать в Москву своих гонцов с обращением к московской думе и чинам.

Посылка грамоты в Москву была сопряжена с большим риском. За опасное поручение взялся дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин. В начале войны с самозванцем он был послан в Белгород в помощники князю Б.М. Лыкову. Оттуда его пленником привезли в Путивль. Русские разряды и летописи подчеркивали, что Г.Г. Пушкин сам напросился («назвался») на «воровство»: «...над царицею Марьею и над царевичем Федором промышлять, и московских людей прельщать, и на ростригино имя их крестному целованью Москву подводить».

Лжедмитрий поручил Пушкину доставить в Москву грамоту, в которой он требовал от москвичей покорности и старался убедить их, что провинция уже прекратила всякое сопротивление. «А поволжские города нам, великому государю, — писал самозванец в 20-х числах мая 1605 г., — добили ж челом и воевод к нам привели, и астраханских воевод Михаила Сабурова с товарищи к нашему царскому величеству ведут, ныне они в дороге в Воронеже».

Заявления Отрепьева не соответствовали истине. Положение на Нижней Волге оставалось неопределенным. Весной 1605 г. казаки пытались захватить Астрахань, но были отбиты. Воевода М. Сабуров продолжал оборонять город от повстанцев. Чтобы подтвердить ложь, Лжедмитрий послал вместе с Г. Пушкиным захваченного царицынского воеводу Н. Плещеева, велел ему «на Москве объявить, что ему («Дмитрию». — Р.С.) низовые города добили челом».

Между тем отряды самозванца попытались из Тулы продвинуться к Серпухову. В распоряжении правительства оставалось несколько тысяч дворовых стрельцов. Царь Федор отпустил их на Оку и приказал им занять все переправы. 28 мая 1605 г. стрельцы дали бой отрядам Лжедмитрия и отбили все их попытки перейти Оку. По словам очевидцев, москов-

ские стрельцы, «пребывая верными до конца, сражались за Москву».

Приведенные из-под Кром войска обнаружили полную небоеспособность. Войскам самозванца, выступившим на завоевание Москвы, пришлось выдержать одно сражение, но и его они проиграли.

ПЕРЕВОРОТ

Власти ждали волнений в столице со времени великого голода. Начавшаяся в стране гражданская война и смерть Бориса Годунова ускорили развязку. Весной 1605 г. в Москве сложилась опасная ситуация. Народ оказывал прямое неповиновение властям. 30 мая в столице вспыхнула внезапная паника. Поводом послужила весть о приближении к городу неприятельского войска. Толпа москвичей, собравшаяся подле Серпуховских ворот, внезапно обратилась в бегство, увлекая встречных: «всяк бежал своим путем, полагая, что враг гонится за ним по пятам, и Москва загудела, как пчелиный улей». Царевич Федор Годунов и его мать царица Мария долго не могли узнать толком, что происходит в городе. Наконец они выслали ближних бояр к народу на Красную площадь. После долгих увещаний толпа нехотя разошлась по домам.

Неприятель, которого ждали 30 мая, появился в окрестностях столицы на следующий день. Казачий отряд атамана Корелы обошел заслоны правительственных войск на Оке и 31 мая разбил лагерь в 6 милях от города.

Если бы у стен Москвы появились полки Басманова и братьев Голицыных, они не произвели бы такого переполоха, какой вызвали казаки. Само имя Корелы было ненавистно начальным боярам и столичному дворянству, пережившим много трудных месяцев в лагере под Кромами. Власть имущие имели все основания опасаться того, что вступление казаков в город послужит толчком к общему восстанию. Как только «лучшие» люди узнали о появлении Корелы, они тотчас начали прятать имущество, зарывать в погребках деньги и драгоценно-

сти. Правительство удвоило усилия, чтобы как следует подготовить столицу к обороне. Как отметили очевидцы, в городе проводились демонстративные военные приготовления, «для того чтобы обуздать народ, ибо чрезвычайно страшились простого народа, который был нищ и наг и сильно желал пограбить московских купцов, всех господ и некоторых богатых людей в Москве...».

Фактически столица была переведена на военное положение. Царские посыльные объезжали Пушечный двор и оружейные кладовые в поисках пригодных к бою пушек. Весь день 31 мая москвичи наблюдали за тем, как ратные люди свозили отовсюду пушки и устанавливали их на крепостных стенах.

С некоторой долей наивности Исаак Масса повествует о том, как 1 июня 1605 г. в столицу смело въехали два гонца Лжедмитрия, что «поистине было дерзким предприятием». На площади гонцы огласили грамоту самозванца, после чего толпа пала ниц и признала его своим царем. Совершенно так же описывают события русские летописцы, назвавшие по именам гонцов Лжедмитрия. По их утверждению, Москву «смутили» дворяне Г. Пушкин и Н. Плещеев, которые привезли и зачитали народу «прелестные» грамоты «вора».

Приведенный рассказ превратился в историографическую легенду. Лжедмитрий не раз посылал своих гонцов в Москву, но все они неизменно оказывались в тюрьме или на виселице. Что же позволило Пушкину пройти через стрелецкие заслоны на Оке, проникнуть внутрь крепостных сооружений столицы и добиться успеха? Чтобы ответить на этот вопрос, надо установить последовательность основных событий. 31 мая 1605 г. в окрестности Москвы прибыл отряд Корелы. На другой день утром Пушкин вошел в город. Очевидно, эти события находились в неразрывной связи между собой. Именно казаки доставили посланцев Отрепьева в Москву, что и позволило тем избежать расправы в городе, напоминавшем вооруженный лагерь. Многие вопросы получают объяснение, если предположить, что самозванец, задумав «смутить» столицу, поручил дело Пушкину вместе с казаками Корелы.

Пушкин и Плещеев прибыли в Подмоскowie из района Орла и Тулы. Но в столицу они вошли не по Серпуховской или Рязанской дороге, а по Ярославской, из района Красного села, которое располагалось за рекой Яuzzой, к северо-востоку от Москвы. Отмеченный факт можно напрямую связать с действиями отряда Корелы. По свидетельству Якова Маржарета, «Дмитрий» послал войско к столице, чтобы «отрезать съестные припасы от города Москвы». Заокские города были охвачены смутой, и столица не могла рассчитывать на подвоз хлеба с юга. Зато замосковные города сохраняли верность династии, так что обозы шли оттуда непрерывным потоком. Особенно оживленной была дорога из Ярославля, проходившая через Красное село. Чтобы выполнить приказ Лжедмитрия, Корела должен был перерезать прежде всего эту дорогу. По видимому, он так и сделал.

По некоторым сведениям, Лжедмитрий обратился к жителям Красного села с особым посланием. Самозванец писал, что не раз посылал своих гонцов к ним, в село, и в Москву, но все они были убиты. В конце он требовал, чтобы красносельцы явились к нему «с повинной», и грозил в случае сопротивления истребить их всех, включая детей во чреве матери.

Присутствие казаков Корелы спасло Пушкина и Плещеева от участи предыдущих гонцов. Красносельцы, повествует Конрад Буссов, с уважением выслушали послание «Дмитрия» и решили собрать народ, чтобы проводить его гонцов в столицу. Как значится в Разрядных записях, Пушкин и Плещеев приехали «с прелестными грамотами сперва в Красное село и, собравшись с мужики, пошли в город...». По русским летописям, гонцы Лжедмитрия «стали в Красном селе и почали грамоты Ростригины честь... что он прямой царевич, и иные многие воровские статьи». Обращение «прирожденного государя» привело к тому, что «красносельцы, смутясь сами, и привели их (гонцов. — Р.С.) к Москве на Лобное место с теми воровскими грамотами».

Каким бы ни было Красное село, население его по столичным масштабам было невелико. Возникает вопрос: как удалось горстке селян провести Гаврилу Пушкина через тройное коль-

цо крепостных сооружений Москвы, пройти через трое ворот (Земляного и Белого города и, наконец, Китай-города), охранявшихся стражей?

В Москве власть оставалась в руках Федора Годунова. В его распоряжении находилось несколько тысяч верных дворян и стрельцов. Власти заблаговременно подготовились к отражению казаков. В день восстания Годуновых своевременно известили о том, что красносельские «мужики изменили и хотяху быти в городе» (Москве). Тем не менее посланные в Красное село дворяне не дошли до села, «испужався, назад воротиться». Невероятно, чтобы воевод испугала горстка красносельских мужиков, вооруженных чем попало. Остается предположить, что они столкнулись с войском Корелы, силу которого они испытали под Кромами.

На столичных улицах к красносельцам «пристал народ многой». Однако следует учитывать, что массовое восстание москвичей началось позже, уже после оглашения письма Лжедмитрия на Красной площади. До того посланцам «вора» надо было прорваться через усиленно охраняемые городские укрепления. Без казаков Корелы они бы не добились успеха.

Прошло три недели с тех пор, как Корела со своими казаками ворвался в лагерь под Кромами и с помощью заговорщиков, а также «посошных» мужиков и прочего люда принудил к бегству главного воеводу и верных присяге дворян, не пустив в ход оружие. Возникает вопрос: не повторили ли казаки в Москве то, что ранее проделали под Кромами? Не они ли, смешавшись с толпой мужиков-красносельцев, провели эмиссаров самозванца на Красную площадь, разогнав по пути стражу у крепостных ворот и опрокинув заслоны, выставленные московскими воеводами?

Казаки доставили Пушкина и Плещеева на Красную площадь около 9 часов утра.

С Лобного места Гаврила Пушкин огласил послание «истинного» царя. Письмо было адресовано Мстиславскому, Шуйским и прочим боярам, дворянам московским и городовым, дьякам, гостям, торговым «лучшим» людям, а также и всему народу — «средним и всяким черным людям». Самозванец

клеймил Бориса Годунова как изменника и возлагал на его сына вину за происшедшее «кроворазлитие». Стремясь привлечь на свою сторону бояр, Отрепьев снимал с них всякую ответственность за разорение северских земель и разгром его войска. Все то, писал Лжедмитрий, бояре делали по незнанию («неведомостью») и боясь казни. Царица Мария и ее сын Федька не жалели о земле, «да и жалети им было нечево, потому что чужим владели».

Самозванец напоминал боярам, какое «утеснение» претерпели они от Бориса; какие «разорение и ссылки и муки нестерпимые» были от него дворянам и детям боярским; каким поборам подвергал он купцов, лишая их «вольности» в торговле и забирая в счет пошлин «треть животов ваших, а мало не все иманы». Обещания Лжедмитрия были рассчитаны главным образом на власть имущих. Боярам было обещано не трогать их прежних вотчин, а также учинить им «честь и повышение»; дворянам и приказным самозванец посулил царскую милость, торговым людям — льготы и снижение пошлин и податей.

Что касается народа, то ему Лжедмитрий кратко и неопределенно обещал «тишину», «покой» и «благоденственное житье».

Щедрые посулы в письме самозванца перемежались с угрозами. Непокорным «вор» грозил тем, что им «нигде не избыть» наказания от его «царские руки».

Толпа, собравшаяся на Красной площади, жадно слушала обличения Годуновых и верила, что «прирожденный государь» избавит страну от междоусобиц, чрезвычайных поборов,ременительной военной службы. Вскоре у Лобного места собралось «Московского государства всяких чинов людей многое множество»: «Пожар полон людей и у Троицы на рву (церкви Василия Блаженного. — Р.С.), и по лавкам и до Кремля города и до Фроловских ворот...».

В Кремле с утра находились не только ближние люди («Тайный совет»), но и вся Боярская дума. Узнав о появлении толпы на площади, бояре поспешили к патриарху и известили его о «злом совете московских людей». Престарелый Иов со слезами на глазах умолял их сохранить верность присяге, но «ничего не успеваю».

Источники сохранили несколько версий относительно позиции Боярской думы в день переворота. По одной версии, народ ворвался в Кремль («миром же приидоша во град») и, захватив бояр, привел их на Лобное место.

Разрядные записи содержат известие, согласно которому сигнал к мятежу подал окольный Богдан Бельский. Он будто бы поднялся на Лобное место и «учал говорить в мир: "Яз за царя Иванову милость ублюю царевича Дмитрия, за то я и терпел от царя Бориса"». Это свидетельство, однако, не находит подтверждения в записках очевидцев и современников.

Конрад Буссов, находившийся в Москве, писал, что царица Мария Григорьевна сама выслала на площадь бояр, сохранивших верность ее сыну. Чтобы пресечь агитацию посланцев «Дмитрия», бояре пригласили их в Кремль. Однако толпа помешала попытке убрать Пушкина и Плещеева с площади.

Ни русские летописи, ни иностранные авторы (К. Буссов, Я. Маржарет, И. Масса) не упоминают о переходе на сторону восставшего народа кого-нибудь из бояр. По словам Якова Маржарета, «Мстиславский, Шуйский, Бельский и другие были посланы (на площадь к народу. — *Р.С.*), чтобы усмирить волнения». Несмотря на появление бояр, письмо «Дмитрия» было оглашено и вызвало мятеж.

Записки Буссова позволяют установить происхождение ошибки в русских Разрядных записях. Окольный Богдан Бельский в самом деле выходил к народу на Лобное место и, поцеловав крест, поклялся, что государь — прирожденный сын царя Ивана Васильевича, говоря, что «он сам укрывал его на своей груди до сего дня...». Однако эта сцена, описанная очевидцем, имела место не в момент появления в Москве Гаврилы Пушкина, а три недели спустя, когда в Кремль прибыл сам Лжедмитрий. Авторы Разрядов перепутали последовательность событий.

Подробные сведения о московском восстании заключает в себе опубликованное в 1605 г. английское сочинение, созданное на основе записей и рассказов членов английского посольства, только что вернувшегося из Москвы. Суть этих сведений сводится к следующему.

Народ, собравшийся на Красной площади, потребовал к ответу думных бояр, особенно же бояр Годуновых. Поначалу царевич Федор им отказал, но затем некоторые из бояр все же выехали из Кремля на площадь, так как простой народ грозил привести их насильно. На Лобное место взошел дьяк Афанасий Власьев — лучший в Москве оратор. Он спросил у москвичей о причине необычного сборища. Затем бояре просили толпу разойтись, указывали на то, что в государстве объявлен траур. Они обещали разобрать любые просьбы и ходатайства народа после коронации царевича Федора. Англичане отметили, что речи бояр были двуличными. Сановники говорили таким безразличным тоном, «что видно было, что при этом участвует один язык». На самом деле бояре, и так не отличавшиеся красноречием, лишились дара речи при виде разбушевавшегося народа.

Англичане подробно описали инцидент, послуживший толчком к восстанию. Гаврила Пушкин не успел прочесть грамоту Лжедмитрия и до половины, когда москвичи доставили на площадь двух прежних «воровских» гонцов, вызволенных ими из тюрьмы.

Свидетельство англичан позволяет объяснить один непонятный факт, сообщенный Буссовым. По его словам, в письме к москвичам «Дмитрий» требовал ответа на вопрос, куда они дели его предыдущих посланцев: убили ли их сами, или это сделали тайком господа Годуновы и пр. Парадокс состоит в том, что в подлинной грамоте самозванца не говорилось ни слова ни о каких гонцах. Очевидно, в памяти Буссова события сместились, и он стал приписывать освобождение заключенных воле Лжедмитрия.

Дополнительные сведения о роли тюремных сидельцев в восстании можно обнаружить в польских источниках. Иезуит А. Лавицкий, прибывший в Москву в свите самозванца, сообщает, что в день восстания народ открыл тюрьмы, благодаря чему «наши поляки, взятые в плен во время боя под Новгородом-Северским и заключенные в оковы Борисом, избавились от темничных оков и даже оказали содействие народу против изменников».

Приведенные факты имеют решающее значение для реконструкции событий, послуживших непосредственным толчком к выступлению народа в столице. Согласно английскому источнику, тюремных сидельцев освободили еще до того, как Пушкин дочитал грамоту Лжедмитрия и собравшийся на площади народ взялся за оружие. Отсюда следует, что восстание в Москве началось с разгрома тюрем. Кому принадлежал почин в этом деле? На этот вопрос источники не дают прямого ответа.

Можно предположить, что нападение на тюрьмы осуществили те же люди, которые опрокинули охрану в городских воротах и провели Пушкина на Красную площадь, т.е. атаман Корела с донскими казаками. В московских тюрьмах к лету 1605 г. собралось огромное число «воров» из просто-народея, а также пленных поляков и других лиц, захваченных на поле боя. Освобожденные от оков, они немедленно присоединились к казакам. Их появление на площади произвело на толпу огромное впечатление. «Воры», подвергавшиеся избиению и пыткам в царских застенках, стали живым обличием годинуновской тирании. Недаром англичане писали, что появление узников на площади явилось как бы искрой, брошенной в порох.

В московском восстании участвовали представители самых различных социальных слоев: «чернь вся, и дворяня, и дети боярские, и всякие люди москвичи». С военной точки зрения, участие хорошо вооруженных служилых людей оказало существенное влияние на исход выступления. Пушкин, Плещеев, другие дворяне, перешедшие на сторону самозванца, сыграли немалую роль в московских событиях. Но подлинными героями восстания были все же не они, а атаман вольных казаков Корела и его сподвижники.

Годуновы могли затвориться в Кремле. Крепость была заранее подготовлена к осаде. Но атаман Корела оказался расторопнее Годуновых.

Мятежный отряд, вступивший в столицу, был невелик в количественном отношении. Тем не менее его действия обеспечили успех восстанию.

Взявшись за оружие, восставшее население Москвы действовало с большой решимостью. Собравшаяся на площади толпа разделилась надвое: «одни учали Годуновых дворы грабить, а другие воры с миром (все вместе. — *Р.С.*) пошли в город (Кремль. — *Р.С.*), и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицыны пограбили».

Согласно летописям, восставшие захватили во дворце царевича Федора и его мать царицу Марию, отвели их на старый двор Бориса Годунова и приставили к ним стражу.

Однако более достоверным следует признать свидетельство англичан. По их словам, царица Мария воспользовалась суматохой и в самом начале мятежа покинула дворец, укрывшись в безопасном месте. По пути с нее сорвали жемчужное ожерелье. Этим и ограничились ее злоключения в день восстания. Федору Борисовичу, совещавшемуся с думой, помогли укрыться его рабы, т.е. дворцовые служители.

Низложенный царевич и его семья подверглись аресту, по видимому, не в самый день восстания, а позже.

Дворцовая стража разбежалась, не оказав нападавшим сопротивления. Толпа ворвалась в опустевший дворец и принялась в ярости крушить «храмины» и уничтожать все, что попадалось под руку. В прощальной грамоте патриарх Иов с особым возмущением писал о том, что москвичи, в числе других вещей, захватили во дворце и разодрали в мелкие клочки златотканую материю, подготовленную на «господню плащаницу», и лоскуты, «на копыя и на рогатины встыкая, по граду и по торжищу носяху». Народ разгромил не только дворец, но и старое подворье Бориса Годунова. Не обнаружив нигде царскую семью, восставшие бросились в вотчины Годуновых, находившиеся в окрестностях столицы. Там они «не токмо животы пограбили, но и хоромы разломаша и в селах их и в поместьях и в вотчинах также пограбиша».

Вслед за тем толпа напала на дворы, принадлежавшие боярам Годуновым. Тесно связанные с династией, бояре Годуновы олицетворяли в глазах народа власть и богатство. Труднее объяснить нападение на Сабуровых и Вельяминовых. К моменту восстания никто из них не входил в Боярскую думу и не

принадлежал к высшему правительственному кругу. В грамоте к московскому населению Лжедмитрий обличал одних Годуновых и не называл имени ни Сабуровых, ни Вельяминовых. Вся их вина заключалась в отдаленном родстве с низложенной династией. Погрому подверглись не только подворья Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых, но и многие другие богатые дворы, вовсе не принадлежавшие родне Годуновых. Как записали дьяки Разрядного приказа, люди «миром, всем народом грабили на Москве многие дворы боярские, и дворянские, и дьячьи, а Сабуровых и Вельяминовых всех грабили».

Сколь бы малочисленными ни были казачьи сотни Корелы, они не затерялись в массе восставшего московского населения. Участие «черного» посадского населения, «меньших людей», а также холопов, с одной стороны, и повстанческого казачьего отряда — с другой, привело к тому, что движение сразу же приобрело яркую социальную окраску. Как писали англичане в своем отчете, «весь город был объят бунтом: и дома, и погреба, и канцелярии думных бояр, начиная с Годуновых, были преданы разгрому»; «московская чернь, без сомнения, сделала все возможное»; «толпа сделала, что только могла и хотела; особенно досталось наиболее сильным мира, которые, правда, и были наиболее недостойными»; «более зажиточные подвергались истязанию, жалкая голь и нищета торжествовала»; с «богатых срывали даже одежду».

Во время других восстаний народ, доведенный до отчаяния притеснениями, требовал выдачи ненавистных ему чиновников и расправлялся с ними. Переворот 1605 г. имел свои отличительные черты. Несмотря на все обличения самозванца, у народа было собственное представление о правлении Годуновых. Как видно, столичное население не считало их ни жестокими угнетателями, ни кровопийцами. По этой причине в день восстания никого не убивали и не казнили. Правительство, со своей стороны, не сделало никаких попыток к вооруженному подавлению мятежа. И все же в день переворота не обошлось без жертв.

Добравшись до виновных погребов, люди разбивали бочки и черпали вино кто шапкой, кто башмаком, кто ладонью.

«На дворах в погребях, — записал летописец, — вина опились многие люди и померли...» Исаак Масса, любивший всякого рода подсчеты, сообщал, что после мятежа в подвалах и на улицах нашли около 50 человек, упившихся до смерти. Англичане утверждали, что после бунта в Москве было не менее 100 умерших и помешавшихся от пьянства людей. Внезапно вспыхнув, восстание так же внезапно улеглось после полудня того же дня. На улицах появились бояре, старавшиеся навести порядок.

Восстание в Москве стало важной вехой в политическом развитии Русского государства. Царевич Федор Годунов и царица Мария были низложены и взяты под стражу. Первая выборная земская династия рухнула под напором народных выступлений, охвативших южную окраину, а затем перебросившихся в столицу.

Всего семь лет минуло с того времени, как «всенародное множество» — столичный народ — помогло Борису Годунову взойти на трон. Что изменилось с тех пор? Вступая на престол, Борис обещал, что покончит с нищетой, будет править по справедливости, будет искать «всем — всего народа людям — полезная», чтобы все его подданные имели «изобиливание, житие немятежное и неповредимый покой у всех ровно». Годунов был первым царем, обещавшим благоденствие всему народу. Но голод рассеял в прах иллюзии, навеянные его обещаниями. Проекты искоренения бедности и нищеты оказались неисполнимыми. Страна не имела достаточных запасов хлеба, и власти, истощив казну, отказались от попыток спасти голодающий народ. Случилось так, что при Годунове население пережило бедствия, затмившие все его прежние несчастья. Вслед за неурожаем страна испытала ужасы гражданской войны, в итоге которой Годуновы окончательно лишились поддержки народа.

И все же выборная земская династия не стала предметом ненависти «всенародного множества». По этой причине бунт 1605 г. в Москве оказался самым бескровным из всех московских восстаний «бунташного века».

БОЯРЕ И САМОЗВАНЕЦ

В день восстания Москва оказалась в руках народа, который не знал, что делать с властью, а потому и утратил ее очень скоро. Поскольку москвичи взяли за оружие во имя царя Дмитрия, власть подхватили люди, которые стали вершить дела его именем.

После смерти Бориса Годунова его вдова царица Мария Годунова-Скуратова вернула в Москву своего двоюродного брата Богдана Бельского. По словам очевидцев, Бельский в качестве опального сразу оказался «в большой чести у простого народа, и ему, поскольку он больше всех других преследовал Годуновых (в момент восстания. — *Р.С.*), поручили управление в Кремле от имени Дмитрия».

Прошло 20 лет с тех пор, как народ сверг Бельского, видя в нем ненавистного опричного правителя. Теперь любимец Грозного вернулся в Кремль и заявил о своем праве на власть в качестве бывшего опекуна Дмитрия. Бельский позаботился о том, чтобы затворить ворота и выставить караулы по всему Кремлю. Распоряжения оказались нелишними. Посреди ночи в городе ударили в набат, и толпа вновь собралась у ворот Кремля. Распространился слух, будто сторонники Годуновых приготовили 400 лошадей, чтобы увезти из столицы царскую семью. Убедившись в том, что никто не собирается похищать низложенного царя, толпа разошлась.

Автор русского «Хронографа» считал, что Боярская дума принесла присягу Лжедмитрию в день восстания: «...бояре и всяких чинов люди крест ему целовали, иные волею и иные неволею, бояся смертного убийства».

В действительности дело обстояло значительно сложнее. В день переворота противники династии исподтишка направляли ярость народа на Годуновых, их родню и приверженцев. Уже на другой день утром стало ясно: с земской выборной династией покончено раз и навсегда. Наступило короткое междоцарствие.

Прошло два дня, прежде чем Боярская дума приняла решение направить своих представителей к «царевичу». Никто

из старших и наиболее влиятельных бояр не захотел ехать на поклон к нему. Со времени избрания Бориса Годунова Боярская дума во второй раз должна была согласиться на передачу трона неугодному и, более того, неприемлемому для нее кандидату. Как и в 1598 г., вопрос о престолонаследии был перенесен из дворца на площадь. Но передача власти из рук в руки была осложнена кровопролитной гражданской войной.

Борису Годунову помогли шестивия «всенародного множества» на Новодевичьем поле. Лжедмитрия привели к власти восстания на южных границах и в столице. Годунов не смог добиться присяги от бояр после наречения на царство в Новодевичьем монастыре. Отрепьев пересилил бояр и заставил их явиться к нему в лагерь. Английские источники довольно точно очертили круг лиц, добившихся от думы признания самозванца. Соответствующее решение, по словам англичан, было принято внезапно, «благодаря тому что члену Боярской думы Богдану Бельскому с некоторыми другими частным образом стало известно об отъезде Дмитрия из лагеря». Видимо, именно Бельский поддерживал тайные связи с боярами, перешедшими на сторону Лжедмитрия. У Бельского было мало приверженцев в годуновской думе. Тем не менее ему удалось запугать членов думы известием о наступлении Лжедмитрия на Москву.

Наученный бегством из-под Севска, Отрепьев старался держаться подальше от своих полков, продвигавшихся к Москве. Лишь получив новость о перевороте в столице, Отрепьев 5 июня 1605 г. перешел в Тулу. Там его встречали духовенство с крестами, воеводы, дворяне и народ. Прежде Лжедмитрию преподносили хлеб-соль. В Туле его поздравляли как признанного на Москве царя и, по обычаю, вручали драгоценные подарки.

Самозванец поручил командование авангардом П.Ф. Басманову и Я. Запорскому. По словам последнего, в их полках, кроме поляков, было 30 000 «москвы» и донских казаков. По свидетельству Разрядов, самозванец «как пришел на Тулу и с Тулы послал в Серпухов воевод по полкам: в большом полку боярин и воевода Петр Федорович Басманов, в передовом пол-

ку князь Василий Григорьевич Долгорукий Чертенюк, в сторожевом полку воевода князь Алексей Григорьевич Долгорукой же Чертенюк». Приведенный Разряд не оставляет сомнений в том, что в подчинении П.Ф. Басманова находилось немного воинских людей. За несколько лет до войны с самозванцем главный помощник Басманова В.Г. Долгорукий служил вместе с Гаврилой Пушкиным в крохотной сибирской крепости Пелыме. Его брат А.Г. Долгорукий вообще не имел воеводского чина.

Разрядные данные подтверждают известие современников о том, что Лжедмитрий, будучи в Туле, «распустил по домам много войска». Поражение на переправах под Серпуховом убедило Отрепьева, что сдавшиеся под Кромами войска деморализованы и не способны вести боевые действия в обстановке гражданской войны.

Лжедмитрий потребовал, чтобы Ф.И. Мстиславский и прочие бояре немедленно ехали к нему в лагерь. Дума постановила послать в Тулу князя И.М. Воротынского, бывшего 20 лет не у дел, и таких второстепенных бояр и окольничих, как князь Трубецкой, князь А.А. Телятевский, Ф.И. Шереметев, а также думного дьяка А. Власьева и представителей других чинов — дворян, приказных и гостей.

3 июня делегация из Москвы выехала в Серпухов. Вместе с представителями столичных «чинов» туда отправились все Сабуровы и Вельяминовы, чтобы вымолить себе прощение Лжедмитрия. П.Ф. Басманов, распоряжавшийся в Серпухове именем своего государя, не пропустил родню Годуновых в Тулу. Несмотря на то что Сабуровы и Вельяминовы целовали крест Лжедмитрию, их «недруг» Басманов велел взять их под стражу, «потому что, — поясняют Разряды, — Петру Басманову у Растриги время было». Басманов заслужил милость у самозванца тем же способом, что и у Годунова. Он повсюду искал изменников и беспощадно карал их. По его навету Сабуровы и Вельяминовы (всего 37 человек) были ограблены и брошены в тюрьму. Этот факт, отмеченный Разрядными росписями, находит подтверждение в челобитных грамотах Вельяминовых, поданных правительству после Смуты. «И нас, —

писали Вельяминовы, — Рострига, пограбя, сослал на Низ, а поместья наши роздал в роздачу».

Между тем П.Ф. Басманов был отозван из Серпухова в Тулу. Там ему представился случай расправиться с другим своим недругом — А.А. Телятевским.

Отрепьев был взбешен тем, что главные бояре отказались подчиниться его приказу и прислали в Тулу второстепенных лиц.

На поклон к Лжедмитрию в начале июня приехал с Дона атаман вольных казаков Смага Чертенский. Чтобы унижить посланцев Боярской думы, самозванец допустил к руке донцов раньше, чем бояр. Проходя мимо бояр, казаки ругали и позорили их. «Царь» обратился к Чертенскому с милостивым словом, а допущенных следом Воротынского с товарищами «наказываше и лаяше, яко же прямой царский сын».

Боярина А.А. Телятевского фактически выдали казакам на расправу. Казаки жестоко избили его, а затем едва живого отвели в тюрьму. Сцена, разыгравшаяся в Туле, была последним отголоском того периода самозванщины, когда поддержка восставшего народа и донцов имела для «вора» решающее значение.

Из Тулы Лжедмитрий выступил в Серпухов. Дворовыми воеводами при нем числились князь И.В. Голицын и М.Г. Салтыков; ближними людьми — боярин князь В.М. Мосальский и окольный князь Г.Б. Долгорукий; главными боярами в полках — князь В.В. Голицын, его родня князь И.С. Куракин, Ф.И. Шереметев, князя Б.П. Татев и Б.М. Лыков. Навстречу Лжедмитрию в Серпухов выехали князь Ф.И. Мстиславский, князь Д.И. Шуйский, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и столичные купцы — гости.

Московские верхи сделали все, чтобы облегчить соглашение с путивльским «вором», которого они в течение семи месяцев безуспешно пытались уничтожить. Бояре велели извлечь на свет Божий огромные шатры, в которых Борис потчевал дворян в дни серпуховского похода накануне своей коронации. Шатры имели вид крепости с башнями и были весьма вместительными. Изнутри стены главного шатра были расшиты золотом. В Серпухов заблаговременно прибыли служители Сы-

тенного и Кормового дворцов, многочисленные повара и прислуга с запасами. Бояре и московские чины дали пир Лжедмитрию. По словам очевидцев, на пиру присутствовали разом 500 человек.

Пир и приемы были не более чем декорацией, скрывавшей от посторонних глаз переговоры между самозванцем и боярами. Переговоры завершились соглашением. По некоторым сведениям, была составлена запись, скрепленная подписями 12 «послов» Лжедмитрия (6 москвитов и 6 поляков) и советом всех бояр. Степень достоверности польского источника, сообщающего подробности об этом соглашении, не слишком велика.

Прибытие в Тулу главного дьяка А. Власьева и других приказных людей привело к тому, что управление текущими государственными делами начало переходить в руки самозванца. Получив от А. Власьева полную информацию о последних дипломатических переговорах, Лжедмитрий распорядился задержать английских послов, готовившихся покинуть Россию. Агент Московской компании Джон Мерик был вызван самозванцем в Серпухов. «Царь» предложил возобновить союз, некогда заключенный его мнимым отцом с королевой Елизаветой. Грамота была подписана в Туле 8 июня 1605 г.

Находясь в Туле, Лжедмитрий известил страну о своем восшествии на престол. Рассчитывая на неосведомленность дальних городов, Отрепьев утверждал, будто его «узнали» как прирожденного государя патриарх Московский Иов, весь освященный собор, дума и прочие чины. 11 июня 1605 г. Лжедмитрий был еще в Туле, но на своей грамоте пометил: «Писана на Москве». Вместе с окружной грамотой самозванец разослал по городам текст присяги. Она представляла собой сокращенный вариант присяги, составленной при воцарении Бориса Годунова и Федора Борисовича. Самозванец повторил прием, к которому прибег Борис Годунов, а затем его сын. Добиваясь трона, Борис велел сразу после смерти Федора Ивановича принести присягу на имя вдовы царицы Ирины и на свое имя. Федор Борисович поставил на первое место имя вдовы-царицы Марии Годуновой, когда потребовал присяги от думы и народа.

Ни в Самборе, ни в Путивле самозванец не ссылался на возможное свидетельство «матери», заточенной в глухом северном монастыре. После переворота в Москве он решил использовать авторитет вдовы Грозного, чтобы навязать свою власть стране. Присяга на имя вдовы Грозного была еще одной попыткой самозванца мистифицировать страну. После смерти Федора Ивановича Борис Годунов пытался править страной от имени вдовы-царицы. Пострижение царицы Ирины положило конец ее карьере как правительницы. Равным образом не могла царствовать и старица Марфа Нагая — вдова царя Ивана.

Отрепьев знал о вражде старицы Марфы к Годуновым и не без основания рассчитывал на ее помощь. Готовясь к неизбежной встрече с мнимой «матерью», самозванец приблизил первого же ее родственника, попавшего к нему в руки. В Туле он пожаловал чин постельничего дворянину Семену Ивановичу Шапкину потому, «что он Нагим племя».

Дьяки самозванца исключили из текста присяги запреты добывать ведунов на государя, портить его «на следу всяким ведовским мечтанием», насылать лихо «ведовством по ветру» и пр. Подданные кратко обещали не «испортить» царя и не давать ему «зелье и коренье лихое». Вместо пункта о Симеоне Бекбулатовиче и «воре», назвавшемся Дмитрием Углицким, в тексте присяги появился пункт о «Федьке Годунове». Подданные обещали «не подыскивать царство под государями» «и с изменники их, с Федькою Борисовым сыном Годуновым и с его матерью и с их родством, и с советники не ссылатся письмом никакими мерами».

Членам низложенной царской семьи удалось спастись в день восстания. Но вскоре их убежище было открыто, и тогда Боярская дума распорядилась заключить их под домашний арест. «Царицу же и царевича и царевну, — записал летописец, — поймаша и сведоша их на старой двор царя Бориса и даша их за приставы».

Московская знать, презиравшая худородного Бориса, пожелала посмертно лишить его царских почестей. Свежая могила Годунова в Архангельском соборе была раскопана, тело

умершего вынесено из церкви. Очевидец событий Яков Маржарет засвидетельствовал, что все это сделано было «по просьбе вельмож». По словам «хранителя» царских гробов в Архангельском соборе, произошло это 5 июня 1605 г. Очевидец события епископ Архангельского собора Арсений отметил, что тело Бориса вынули из гроба «ради поругания». Автор «Нового летописца» говорит о том же: «...яко же и мертвенное тело поругано бысть». И лишь поздний «Морозовский летописец» сообщает подробности: «Царя Бориса извергоша из храма архистратига Михаила и повелеша извлечь на сонмище с великим поруганием: и камение на него метати, и ногами пхати тело его, поверженное и на земле лежащее».

Руководители думы надеялись заслужить милость самозванца. Фактически же их действия развязали руки Отрепьеву.

По словам Конрада Буссова, в Серпухове «царь Дмитрий» объявил, что он не приедет в Москву, «прежде чем не будут уничтожены те, кто его предал, все до единого, и раз уж большинство из них уничтожено, то пусть уберут с дороги также и молодого Федора Борисовича с матерью, только тогда он приедет и будет им милостивым государем».

Известие Буссова находит неожиданное подтверждение в английском сочинении 1605 г. Автор сочинения весьма неловко скомпоновал черновые записки, полученные им от членов английского посольства. Поэтому сведения о письме самозванца оказались некстати включенными в рассказ о прибытии в Москву Г. Пушкина. По словам англичан, в письме «царя Дмитрия» значилось, что он отправил к москвичам «лиц знатного происхождения, как-то: князя Федора Ивановича Мстиславского и князя Дмитрия Ивановича Шуйского — и поручил им лишить его врагов занимаемых ими мест и заключить в неволю Годуновых и иных, пока он не объявит дальнейшей своей воли, с тем чтобы истребить этих чудовищ кровопийц и изменников...».

Ф.И. Мстиславский и Д.И. Шуйский были как раз теми боярами, которые ездили в Серпухов. Английский автор попытался смягчить смысл приказа «Дмитрия», которого он всячески восхвалял. Однако рассказ Буссова доказывает, что в

письме из Серпухова самозванец требовал казни низложенного царя и прочих Годуновых (требовать их «заклучения в неволю» не имело смысла, потому что все они уже находились под стражей).

Взявшись выполнить поручение Лжедмитрия, руководители думы фактически санкционировали расправу над царской семьей.

Первыми эмиссарами самозванца в Москве были Гаврила Пушкин и атаман Корела. Но у Пушкина не было думного чина, а Корела не располагал достаточными силами, чтобы принудить к подчинению высший орган государства — думу.

Завершив переговоры с Ф.И. Мстиславским, Лжедмитрий отправил в столицу особую боярскую комиссию. Формально ее возглавлял князь В.В. Голицын, обладавший необходимым чином. Фактически же главными доверенными лицами самозванца в московской комиссии стали члены путивльской «воровской» думы В.М. Мосальский и дьяк Б. Сутупов. Вместе с комиссией в Москву был направлен П.Ф. Басманов.

В «Сказании о Гришке Отрепьеве» упоминается о том, что посланцы Отрепьева явились в Москву «со многими людьми служивыми и с казаками». «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства» уточняет, что Лжедмитрий вскоре «с ратию посла Петра Басманова». В «Новом летописце» тот же текст читается иначе: «вор» отрядил в Москву «на злое свое умышление» Голицына и двух других лиц, «а с ратию посла Петра Басманова».

По «Новому летописцу», миссия Басманова заключалась в том, чтобы навести страх на столицу и искоренить там измену.

Голицын и Басманов привезли в Москву обращение Лжедмитрия к освященному собору, Боярской думе и «всему народу великой Москвы». Послание касалось судеб низложенной царской семьи и, по словам очевидцев, «было исполнено яда».

Прибыв в Москву, боярская комиссия тотчас выполнила приказ самозванца. Экзекуцией непосредственно руководили дворяне М. Молчанов и А. Шерефединов из бывших опричников. Они явились на старое подворье Бориса Годунова в сопровождении отряда стрельцов, захватили царицу и ее детей и

развели «по храминам порознь». Царица Мария Годунова-Скуратова обмерла от страха и не оказала палачам никакого сопротивления. Федор Годунов отчаянно сопротивлялся — стрельцы долго не могли с ним справиться. После казни боярин В.В. Голицын велел созвать перед домом народ и, выйдя на крыльцо, объявил «миру», что «царица и царевич со страстей испиша зелья и помроша, царевна же едва оживе». Новые власти сделали все, чтобы утвердить официальную версию смерти царя Федора и его матери. Но столичное население не поверило им. Когда два простых гроба с убитыми были выставлены на общее обозрение, народ нескончаемой толпой двинулся на подворье Годуновых. Как записал шведский агент Петр Петрей, он видел собственными глазами вместе со многими тысячами людей следы от веревок, которыми были задушены царица Мария и царь Федор Годуновы.

Следуя версии о самоубийстве, бояре запретили традиционный погребальный обряд. Труп вдовы-царицы Марии Годуновой отвезли в женский Варсонофьев монастырь на Сретенке и там зарыли вне стен церкви, внутри монастырской ограды. В одну яму с ней были брошены тела Бориса и Федора Годуновых.

Распоряжавшийся в Кремле Б.Я. Бельский не принимал непосредственного участия в расправе над царицей Марией, которая приходилась ему двоюродной сестрой. Басманов тоже оставался в стороне. Но именно эти лица довершили разгром Годуновых, их родни и приверженцев в Москве.

Имущество Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых было отобрано в казну. Бояре Годуновых отправили в ссылку в Сибирь и в Нижнее Поволжье. Исключение было сделано лишь для недавнего правителя С.М. Годунова. Его отправили в Переяславль-Залесский с князем Ю. Приимковым-Ростовским. Пристав имел приказ умертвить его в тюрьме. По некоторым сведениям, С.М. Годунова умили голодом. По свидетельству Разрядных книг, в тюрьме был умерщвлен и старший из Годуновых — Степан Васильевич, который ранее в чине дворецкого возглавлял Дворцовый приказ.

15—16 июня 1605 г. в Серпухове был получен приказ везти арестованных Сабуровых и Вельяминовых в Казанский и

Астраханский край. Спустя четыре дня из Москвы повезли жен и детей опальных. Семьи должны были присоединиться к своим родным в местах ссылки.

Самозванец не мог занять трон, не добившись покорности от Боярской думы и церковного руководства. Между тем патриарх Иов не желал идти ни на какие соглашения со сторонниками Лжедмитрия. Неразборчивый в средствах, Отрепьев пытался вести двойную игру: провинцию он желал убедить в том, что Иов уже «узнал» в нем прирожденного государя, а в столице готовил почву для расправы с непокорным патриархом.

Одна из провинциальных летописей сохранила тексты двух грамот «вора» к церковникам. По словам автора летописи, одну из этих грамот, адресованную патриарху, привез в Москву князь В.В. Голицын. Содержание послания наводит на мысль, что оно не могло быть написано в тульский период, к которому относится посылка В.В. Голицына в Москву. Во-первых, в грамоте нет и намек на происшедший в Москве переворот. О восшествии на трон самозванец упоминает как о неопределенном будущем. Во-вторых, Лжедмитрий именoval Иова «первым всеа Руси изменником», нелепым советником (« совеща-телем»), искоренителем «царского корени» и пр. и вместе с ним, не выбирая слов, бранил весь московский освященный собор. Патриарх, писал он, желал «нас лишити проклятием своим и ложным собором нашего праотеческого царьского престола, еще на нас... богоненавистным своим собором вооружился еси проклятию вдати нас...».

Приведенное послание Отрепьева скорее всего явилось ответом на прежние грамоты Иова и постановления освященного собора, обличавшие «вора». Оно было составлено, вероятно, до московского восстания и привезено в столицу с запозданием.

Свое второе послание Лжедмитрий адресовал рязанскому архиепископу Игнатию. Едва П. Ляпунов и прочие мятежники вернулись в Рязань из лагеря под Кромами, Игнатий немедленно примкнул к победившей стороне. Он первым из иерархов признал «царя Дмитрия» и поспешил на поклон к

нему в Тулу. В письме Лжедмитрий благодарил его за службу: «...твоими молитвами и благословеньем Рязань и Кошира и все иные города нашему величеству доби́ли челом...»

Патриарх Иов сохранял верность Годуновым до последнего момента и потому должен был разделить их участь. В прощальной грамоте 1607 г. Иов живо описал свои злоключения в день переворота 1 июня. «...Множество народа царствующего града Москвы, — писал он, — внидоша во святую соборную и апостольскую церковь (Успенский собор. — *Р.С.*) с оружием и дреколием во время святого и божественного пения... и внидоша во святой олтарь и меня, Иова патриарха, из олтаря взяша и во церкви и по площади таская, позориша многими позоры...»

С красочными подробностями описывает расправу «История о первом патриархе». Когда Иова притащили на Лобное место, повествует автор «Истории», «мнози» в толпе «плакаху и рыдаху», тогда как другие ругали и били пленника; те, кто хотел убить Иова, стали одолевать тех, кто плакал, но тут на площадь прибежали «воры», побывавшие на патриаршем дворе; они кричали: «Богат, богат, богат Иов патриарх, идем и разграбим имения его!» Толпа бросилась грабить патриаршие палаты, и жизнь Иова была спасена.

Достоверность приведенного рассказа невелика, поскольку первая биография («Житие») Иова была составлена позднее (после 1652 г.), и в ней, как отметил С.Ф. Платонов, невозможно обнаружить непосредственных впечатлений очевидца и современника Смуты.

Можно предположить, что сторонники Лжедмитрия, захватив патриарха в Успенском соборе, в дальнейшем постарались изолировать его, для чего заключили под домашний арест, как и семью низложенного Федора Годунова. Получив весть о перевороте в Москве, Лжедмитрий решил окончательно избавиться от Иова, предварительно использовав авторитет его имени. 5 (15) июня 1605 г. иезуит А. Лавицкий, близкий к особе самозванца, писал в письме следующее: «Теперь новость: московский патриарх признает светлейшего Дмитрия наследственным государем и молит о прощении себе, но москвитяне

так на него распалились, что упрямому старцу ничего, кроме смерти, не оставалось...»

Известие насчет признания «Дмитрия» патриархом Иовом было ложью, обычной в устах Отрепьева. Эта ложь предназначалась прежде всего зарубежным корреспондентам самозванца, а также уездным городам России. Пустив в ход версию, будто москвичи едва не убили Иова, самозванец желал подготовить умы к расправе с главой церкви. Он действовал, не заботясь о формальностях. Судьба патриарха решилась, когда Лжедмитрий был в 10 милях от столицы.

Самозванец поручил дело Иова той самой боярской комиссии, которая должна была произвести казнь Федора Годунова. Церемония низложения Иова как две капли воды походила на церемонию низложения митрополита Филиппа Колычева царем Иваном и его опричниками. Боярин П.Ф. Басманов препроводил Иова в Успенский собор и там проклял его перед всем народом, назвав Иудой и виновником «предательства» Бориса по отношению к «прирожденному государю Дмитрию». Вслед за тем стражники содрали с патриарха святительское платье и «положили» на него «черное платье». Престарелый Иов долго плакал, прежде чем позволил снять с себя панагию. Местом заточения Иова был избран Успенский монастырь в Старице, где некогда он начал свою карьеру в качестве игумена опричной обители.

Казнь низложенного царя Федора Годунова и изгнание из Москвы главы церкви расчистили самозванцу путь в столицу. По дороге из Тулы в Москву путивльский «вор» окончательно преобразился в великого государя. В Серпухове его ждали царские экипажи и 200 лошадей с Конюшенного двора. На пути к Коломенскому бояре привезли Отрепьеву «весь царский чин»: кое-какие регалии и пышные одеяния, сшитые по мерке в кремлевских мастерских.

В окрестностях Москвы Лжедмитрий пробыл три дня. Он постарался сделать все, чтобы обеспечить себе безопасность в столице и выработать окончательное соглашение с думой.

В московском манифесте Лжедмитрий обязался пожаловать бояр и окольных их «прежними отчинами». Это обяза-

тельство составило основу соглашения между самозванцем и думой. Другие пункты соглашения касались состава думы. Самозванцу пришлось удовлетвориться изгнанием Годуновых. Зато он получил возможность пополнить думу своими ближними людьми.

Гражданская война принесла с собой чрезвычайные потрясения. Возникла особая атмосфера, способствовавшая распространению всевозможных слухов.

Невзирая на двукратные похороны Бориса, страну захлестнули слухи о его чудесном спасении. Толковали, будто Годунов жив, а вместо него в могилу положили его двойника. На улицах люди клятвенно утверждали, будто своими глазами видели старого царя в подвале на подворье у Годуновых; будто Годунов бежал то ли в Англию, то ли в Швецию, то ли к татарам.

Толки о спасении Бориса достигли Тулы. Самозванцу они едва ли внушали тревогу. Подлинную опасность для него представляли иные слухи.

Обличения зловредного Расстриги, утратившие влияние на умы в форме правительственных обращений, неожиданно возродились после падения Годуновых. За время пребывания в Кремлевском Чудовом монастыре Отрепьев успел обратить на себя внимание не только своими редкими способностями, но и своей запоминающейся внешностью. Некоторые из чудовских монахов якобы сразу же узнали его. Масса отметил в своих записках, что уже при вступлении в Кремль «царевич» приметил изумленные взгляды некоторых кремлевских монахов и «может быть, хорошо их зная, на другой день велел их тайно умертвить и бросить в реку».

Согласно свидетельству «Повести 1626 г.», Лжедмитрий после низложения патриарха Иова «мнихов многих» из Чудова монастыря «в расточение посылает, понеже знаем ими бывате...». Чудов монастырь был личным монастырем патриарха, и гонениям подверглись чудовские монахи, известные своей особой близостью к Иову. Когда «вор» вступил в Москву, повествуют летописцы, некоторые из москвичей «его узнали, что он не царский сын, а прямой вор Гришка Отрепьев рострига...».

Оценивая известия об опознании самозванца, надо иметь в виду, что все они были составлены задним числом, уже после гибели Лжедмитрия I.

Опасность разоблачения в наибольшей мере угрожала Отрепьеву в Путивле. Там он жил в небольшом городке, у всех на глазах, не имея возможности отгородиться от людей дворцовыми стенами. Там его преследовали поражения и неудачи. Можно установить, что уже в Путивле самозванец столкнулся лицом к лицу с некоторыми дворянами, хорошо его знавшими. Но это не имело и не могло иметь никаких последствий.

В росписи армии Ф.И. Мстиславского против имени дворянина И.Р. Безобразова имеется помета: «В полоң взят». Пленный под Новгородом-Северским Безобразов неожиданно для себя столкнулся лицом к лицу с бывшим товарищем детских игр. Со слов Безобразова поляк Я. Собеский записал в своем дневнике следующее: «Дом отца и деда Отрепьева был в Москве рядом с домом Безобразова — об этом говорил сам Безобразов. Ежедневно Гришка ходил в дом Безобразова, и всегда они вместе играли в детские годы, и так они вместе росли». Если бы Безобразов попытался обличить своего давнего приятеля, его мгновенно бы уничтожили. Но он не помышлял о раскрытии обмана и сделал превосходную карьеру при дворе Лжедмитрия.

Утверждение летописцев, будто москвичи, опознав Отрепьева после его водворения в Кремле, горько плакали о своем прегрешении, не соответствует истине. Напротив, в столице после переворота преобладала атмосфера общей экзальтации по поводу обретения истинного государя. Народ мог лицезреть его лишь издалека.

Впрочем, даже среди общего ликования ничто не могло заглушить убийственную для Лжедмитрия молву. Эта молва возродилась не потому, что кто-то «вызнал» в царе беглого чудовского дьякона. Причина заключалась совсем в другом. В борьбу включились могущественные силы, стремившиеся помешать Лжедмитрию занять трон. Бояре не для того избавились от «худородных» Годуновых, чтобы передать власть тем-

ному проходимцу. Отрепьев понимал, что в думе и среди столичных дворян у него больше врагов, чем сторонников. Опасаясь попасть в западню, он три дня стоял у ворот Москвы.

Наконец 20 июня 1605 г. самозванец вступил в Москву. Во время движения стража внимательно осматривала путь, чтобы предотвратить покушение. Гонцы поминутно обгоняли «царский» кортеж, а затем возвращались с донесениями. Самым знатным боярам Отрепьев велел быть подле себя. Впереди и позади «царского» поезда следовали польские роты в боевом порядке. Очевидцы утверждали, будто кругом «царя» ехало несколько тысяч поляков и казаков. Боярам не дозволено было иметь при себе вооруженную свиту. Дворяне и войска растянулись в хвосте колонны. По приказу самозванца строй московских дворян и ратников был распущен, едва кортеж стал приближаться к Кремлю.

Узкие городские улицы были забиты жителями. Чтобы лучше разглядеть процессию, люди забирались на заборы, крыши домов и даже на колокольни. При появлении самозванца толпа потрясала воздух криками: «Дай Господи, государь, тебе здоровья!» Колокольный звон и приветствия москвичей катились за царской каретой подобно волне. Как писал один из участников процессии, люди оглохли от колокольного звона и воплей.

На Красной площади возле Лобного места Лжедмитрия встретило все высшее московское духовенство. Архиереи отслужили молебен посреди площади и благословили самозванца иконой. По словам Массы, «царь» приложился к иконе будто бы не по православному обычаю, что вызвало среди русских явное замешательство.

Приведенное свидетельство сомнительно. Будучи протестантом, Масса не слишком разбирался в тонкостях православной службы и не понял того, что произошло на его глазах. Архиепископ Арсений, лично участвовавший во встрече, удостоверял, что все совершилось без каких бы то ни было отступлений от православного обряда. Возмущение москвичей вызвали бесчинства, но не «государя», а поляков. Едва православные священнослужители запели псалмы, музыканты из польского

отряда заиграли на трубах и ударили в литавры. Под аккомпанемент веселой польской музыки самозванец прошел с Красной площади в Успенский собор. Русские священники, писал иезуит А. Лавицкий, подвели «царя» к их главному собору, но «в это время происходила столь сильная игра на литаврах, что я, присутствуя здесь, едва не оглох». Музыканты старались произвести как можно больше шума, радуясь замешательству москвичей. Вопреки легендам никаких речей при встрече Лжедмитрия сказано не было. Лишь в Архангельском соборе Отрепьев собрался с духом и произнес несколько слов, которых от него все ждали. Приблизившись к гробу Ивана Грозного, он сказал, «что отец его — царь Иоанн, а брат его — царь Федор!»

Православных немало смутило то, что новый царь привел «во церковь многих ляхов» и те «во церкви божий ставши с ним».

Отрепьев опасался расставаться с телохранителями даже в соборах. Из церкви самозванец отправился в Тронный зал дворца и торжественно уселся на царский престол. Польские роты стояли в строю с развернутыми знаменами под окнами дворца.

На Красной площади собралось все столичное население. Толпа не желала расходиться. Самозванец был обеспокоен этим и выслал на площадь Б.Я. Бельского с несколькими другими членами думы. Бельский напомнил, что именно его царь Иван назначил опекуном при своих детях, и тут же поклялся, что укрывал царевича Дмитрия «на своей груди». Бельский призвал народ служить верой и правдой своему прирожденному государю. Москвичи встретили его слова криками одобрения.

Опасаясь за свою безопасность, самозванец немедленно сменил всю кремлевскую стражу. Как записал Масса, «казаки и ратники были расставлены в Кремле с заряженными пищалями, и они даже вельможам отвечали грубо, так как были дерзки и ничего не боялись».

В истории гражданской войны в России наступил, быть может, самый знаменательный момент. Повстанческие силы,

сформированные в ходе восстаний в Северной земле и состоявшие из вольных казаков, ратных людей Путивля и других мятежных гарнизонов, холопов, посадских людей, мужиков и пр., заняли Кремль и взяли под контроль другие ключевые пункты столицы. Они привели в Москву своего царя, а потому чувствовали себя полными хозяевами положения.

РАСПРАВА С ШУЙСКИМИ

Отрепьев знал, какую власть над умами имеет духовенство, и спешил сменить церковное руководство. Не доверяя русским иерархам, самозванец решил поставить во главе церкви грека Игнатия. Выходец с Кипра, Игнатий прибыл в Россию в 1595 г. Грек сумел завоевать доверие Бориса Годунова и патриарха Иова. В 1602 г. он получил в управление Рязанское архиепископство. И русские писатели, и находившиеся в Москве иностранцы с крайним осуждением отзывались о личных качествах Игнатия. Игнатий первым из церковных иерархов предал Годуновых и признал путивльского «вора». В награду за это Лжедмитрий сделал его патриархом.

На другой день после переезда во дворец самозванец велел собрать освященный собор, чтобы объявить о переменах в церковном руководстве. Низложение первого русского патриарха было актом вопиющего произвола и беззакония. Собравшись в Успенском соборе, сподвижники и ученики Иова постановили: «Пусть будет снова патриархом святейший патриарх господин Иов». Восстановление Иова в сане патриарха понадобилось собору, чтобы придать процедуре вид законности. Следуя воле Отрепьева, отцы церкви далее постановили отставить от патриаршества Иова, потому что он «великий старец и слепец» и не в силах пасти многочисленную паству, а на его место избрать Игнатия. Участник собора грек Арсений подчеркивал, что Игнатий был избран законно и единогласно. Никто из иерархов не осмелился протестовать против произвола царя.

Арсений не отметил точную дату избрания Игнатия. Но он знал, что «Дмитрий» созвал епископов на другой день пос-

ле прибытия в Кремль, а поставление Игнатия совершилось в воскресенье. Аналогичные сведения сообщает автор «Иного сказания». Согласно «Сказанию», избрание Игнатия произошло в первое воскресенье после прибытия «вора» в Москву, «в неделю июня, в 24 день». Автор «Сказания» допустил небольшую неточность: первое воскресенье после 20 июня приходилось не на 24, а на 23 июня 1605 г.

В начале московского похода Отрепьев, будучи во Львове, слушал проповеди иезуита Адриана Радзиминьского и клялся ему в своей преданности Папе Римскому и Ордену иезуитов. Львовский епископ Гедеон и перемышльский епископ Михаил сообщили об этом патриарху в Москву. Но после переворота львовское православное братство отправило ему в Москву Библию вместе с просьбой о вспомоществовании. Прошение было удовлетворено, во Львов послано 300 рублей.

Среди московского духовенства одним из первых примеру Игнатия последовал Терентий. Будучи протопопом семейного храма царя, он был близок к особе Бориса Годунова, что не мешало ему переметнуться на сторону Лжедмитрия I. Московское духовенство живо помнило о споре, «больше есть священство царства» или наоборот. Грозный положил конец прениям такого рода. Но идеи первенства «священства» не умерли в духовной среде. Поп Терентий напомнил о них, подав челобитную «Дмитрию». Челобитная начиналась с цитаты из Юстиниана относительно того, что священство имеет попечение о Божественном, а «царство» — о человеческом. Что выше — Божеское или человеческое, — было ясно всем. Величая Игнатия «державы отцом, о Господе исходатаем к Богу», Терентий все же ставил на первое место «преяснейшего торжественника и украсителя премудрейшего» царя Дмитрия Ивановича.

Рвение протопопа не было оценено, и он оказался в опале. Терентий поспешил подать «государю» новую челобитную с просьбой о помиловании.

В беседе с папским послом самозванец горделиво утверждал: «...у меня подведены под мою руку патрярх, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и бояре, все де миня и весь мир слушают — что велю зделать... зделают скоро».

Поставив во главе церкви своего приспешника Игнатия, Лжедмитрий произвел перемены в высшем боярском руководстве. Наибольшим влиянием в думе пользовались князь Василий Шуйский и его братья. На их головы и обрушился удар. Поводов для расправы с Василием Шуйским было более чем достаточно. Доносы поступили к самозванцу через П.Ф. Басманова, польских секретарей и телохранителей.

Василий Шуйский некогда расследовал обстоятельства смерти царевича Дмитрия. Поэтому к нему постоянно обращались, с тех пор как в Литве объявился самозванец. В кругу доверенных лиц князь Василий допускал откровенность даже после того, как Лжедмитрий сел на трон. Однажды на двор к князю Василию явились некоторые из московских купцов и горожан, чтобы поздравить его с царской милостью. Шуйский будто бы проехал по улицам столицы с «царем» в его экипаже. В ответ на поздравление одного купца, пользовавшегося полным доверием хозяина, Шуйский в сердцах сказал про нового государя: «Черт это, а не настоящий царевич; вы сами знаете, что настоящего царевича Борис Годунов приказал убить. Не царевич это, а расстрига и изменник наш». Стоявший поодаль купец подслушал разговор и поспешил донести о нем. Русские источники называют имена купцов и посадских людей, с которыми Шуйский вел неосторожные разговоры. Самым влиятельным из них был Федор Савельевич Конь — крупнейший архитектор и строитель своего времени. В поздних русских сказаниях дело представлено так, будто великий поборник православия князь Василий призвал к себе Федора Коня и другого известного московского человека — Костю Лекаря и сказал им, что государь — злой враг, богоотступник и еретик Гришка Отрепьев. Шуйский якобы сам наказал Коню: «Поведайте тайно в мире с рассуждением, чтобы христиане... еретика познали». Федор Конь и Костя Лекарь поведали «про еретика без рассуду многим людям», после чего о крамоле узнал Петр Басманов.

Получив донос от Басманова, Лжедмитрий приказал без промедления арестовать трех братьев Шуйских. Приставами, или тюремщиками, Шуйских стали бояре П.Ф. Басманов и

М.Г. Салтыков. При Борисе Годунове М.Г. Салтыков руководил розыском о заговоре Романовых, при самозванце расследовал заговор Шуйских. Боярин усердствовал, чтобы доказать свою преданность новому государю. Но главным инициатором розыска был все же не он, а боярин П.Ф. Басманов.

Шуйским было предъявлено обвинение в государственной измене. Однако официальная версия их дела заключала в себе слишком много неясного. Даже близкие к особе Лжедмитрия люди по-разному излагали вину знатного боярина. Шуйского обвиняли то ли в распространении слухов, порочивших «государя», то ли в организации форменного заговора с участием многих тысяч лиц.

В письме из Москвы от 4 (14) июля 1605 г. иезуит А. Лавицкий сообщал, что Шуйского судили за то, что он называл «Дмитрия» врагом и разрушителем истинной православной веры, орудием в руках поляков. Один из секретарей самозванца, поляк С. Слонский, рассказывал, что он передал государю донос одного московского купца, подслушавшего, как Шуйский называл царя расстригой и изменником. Яков Маржарет, ставший одним из главных телохранителей Лжедмитрия, писал, что Шуйского обвинили в «преступлении оскорбления величества».

Другую версию изложили командиры польского наемного войска С. Борша и Я. Вислоух, находившиеся в Москве в момент суда над Шуйскими. В июле 1605 г. Я. Вислоух сообщил в письме к брату, что в Москве открылась измена: Шуйские начали убеждать народ, что «Дмитрий» — не истинный царь, а польский королевич, который хочет православную веру разрушить, а лютеранскую ввести; заговорщики хотели истребить поляков и уговорили для этого 10 000 детей боярских; поляков должны были сжечь с дворами (трактирами) и перебить, но поляки узнали об этом и известили «царя». Ротмистр С. Борша воспроизвел ту же версию, но в более кратком варианте. По его словам, Шуйские разработали план переворота, в котором должен был участвовать народ, — они задумали «ночью зажечь Москву и учинить над царем и над нами (польскими солдатами. — *Р.С.*) предательство».

Опираясь на преданные Лжедмитрию казачьи и польские отряды, П.Ф. Басманов арестовал множество лиц, которых подозревали в заговоре с Шуйскими. Розыск проводился с применением изощренных пыток. Свидетельства современников о результатах расследования расходятся в самом существенном пункте. Телохранитель самозванца Буссов утверждал, будто бы многие духовные лица и стрельцы, взятые к пытке, подтвердили измену боярина Шуйского. Совсем иначе изложил дело Масса. По его словам, никто из предполагаемых сообщников боярина не мог привести надежных доказательств его вины. Некоторые из арестованных под пытками признались в преступлении — прочие же все отрицали. Согласно русским источникам, из страха москвичи «друг на друга клеветаху», Расстрига же «многих поймав и разными пытками пытаху: иные же, не стерпев пыток, на себя говоряху, а иные же крепяху, а иные и впрямь ево, ростригу, облицаху».

В конце концов инициаторы розыска отказались от намерения организовать крупный политический процесс с участием многих видных лиц. Лжедмитрий распорядился привлечь к суду вместе с Шуйскими лишь нескольких второстепенных лиц. В их числе были Петр Тургенев, Федор Калачник и некоторые другие купцы. Род Тургеневых пользовался известностью в Москве. До опричнины дядя Петра Тургенева служил ясельничим в дворцовом ведомстве у царя Ивана Грозного. Петр Никитич служил головой в дворянских сотнях. Он так и не получил воеводского чина, но имел один из высших поместных окладов — 500 четвертей земли — и числился «выборным» дворянином из Воротынска. Федор Калачник, судя по прозвищу, был пекарем.

Чтобы устроить столичное население, Отрепьев велел предать названных лиц публичной казни. Дворянина Петра Тургенева вывели на пустырь (Пожар) и там обезглавили. Сообщение о казни Тургенева имеет документальное подтверждение. В подлинной челобитной Дениса Петровича Тургенева подчеркнуто, что отца челобитчика, Петра Тургенева, убил «вор-рострига». Автор «Нового летописца» ни словом не упоминает о мученичестве Тургенева. Лишь монах Авраамий Па-

лицын называет его мучеником и обличителем «вора». Сохранилось предание, что торговый человек Федор Калачник, идя на казнь, во все горло кричал, что новый царь — антихрист и все, кто поклоняется этому посланцу сатаны, «от него же погибнут».

Лжедмитрий и его окружение не желали раздражать дворянство. Зато с простонародьем они не церемонились. В первые же дни правления нового царя, записал Масса, пострадало много простых людей в Москве, так что ночью и втайне только и делали, что пытали и убивали людей.

Автор «Иного сказания» утверждал, что князь Василий Шуйский и его братья были арестованы на третий день после вступления Лжедмитрия в Москву, а 25 июня 1605 г. их передали в руки палача. Приведенная дата ошибочна. Достоверно известно, что казнь Шуйских была назначена на воскресенье, 30 июня. Как бы то ни было, очевидцы единодушно подтверждают, что суд над Шуйскими занял несколько дней.

Установив хронологию заговора Шуйских, С.Ф. Платонов писал: «Трудно понять причины той торопливости, с какою они постарались отделаться от нового царя»; «...Шуйские необыкновенно спешили и... все их «дело» заняло не более десяти дней. Очевидно, они мечтали не допустить «розстригу» до Москвы, не дать ему сесть на царство». С.Ф. Платонов принял на веру официальную версию заговора Шуйских. Между тем эта версия заключает в себе слишком много неясного и едва ли заслуживает доверия.

В массе своей московское население приветствовало нового царя. На его стороне была военная сила. Лжедмитрий находился на вершине успеха. Планировать в таких условиях переворот было безумием. Шуйские же всегда были трезвыми и осторожными политиками. Спешили не столько Шуйские, сколько Лжедмитрий. Даже если заговора не было и в помине, ему надо было выдумать таковой.

В Польше коронный гетман Ян Замойский, выступая перед сеймом в начале 1605 г., резко высмеял рассказы самозванца и заявил, что если уж поляки хлопочут о возведении на московский трон старой династии, то им надо иметь в виду,

что законным наследником Московского княжества «был род Владимирских князей, по прекращении которого права наследства переходят на род князей Шуйских». О речи гетмана говорили по всей Польше, и самозванец не мог не знать о ней.

Из начальных бояр только один Василий Шуйский отказался подчиниться приказу Лжедмитрия и не явился в Серпухов. Это усилило подозрения самозванца, который имел все основания беспокоиться, что князь Василий предъявит претензии на трон при первом же подходящем случае.

Отрепьев мог расправиться с Шуйским тем же способом, что и с Федором Годуновым. Но с некоторых пор он был связан договором с Боярской думой. Следуя традиции, Лжедмитрий объявил о созыве собора для суда над великим боярином.

Историки возражают против отнесения июньских событий 1605 г. к разряду Земских соборов. Скорее то был акт политической расправы, облеченный в форму соборного приговора. По существу, такая оценка представляется вполне верной. Нет данных, которые бы позволили реконструировать состав соборного суда. Однако имеющиеся свидетельства принадлежат непосредственным очевидцам и могут быть подвергнуты взаимной проверке.

Находившийся в те дни в Кремле поляк А. Лавицкий писал, что Шуйских судили на большом (многочисленном) соборе, состоявшем из сенаторов, духовенства и других сословий. Капитан Маржарет, перешедший на службу к Лжедмитрию, утверждал, что Шуйские подверглись суду «в присутствии лиц, избранных от всех сословий». Следуя рассказам поляков из окружения самозванца, Г. Паэрле записал, что в суде участвовали как «сенат» («дума»), так и народ.

Свидетельства иностранцев полностью совпадают с данными русских источников. Как подчеркнул автор «Нового летописца», Лжедмитрий «повеле собрати собор» с приглашением духовных «властей», бояр и лиц «ис простых людей».

Самозванец пришел к власти на волне народных восстаний. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в первые дни своего пребывания в Москве он продолжал видеть в восставшем народе союзника. Представители столичного населе-

ния были приглашены на соборный суд, чтобы нейтрализовать возможные выступления приверженцев Шуйских. В высшем государственном органе — Боярской думе — Шуйские имели много сторонников, и самозванец опасался их происков.

С обвинениями против Шуйских на соборе выступил сам Лжедмитрий. По «Новому летописцу», он объявил членам собора: «...умышляют сии на меня». С. Немоевский записал со слов секретаря Лжедмитрия обширную обвинительную речь «государя». Род князей Шуйских, утверждал самозванец, всегда был изменническим по отношению к московской династии: блаженной памяти отец Иван семь раз приказывал казнить своих изменников Шуйских, а брат Федор за то же казнил дядю Василия Шуйского. Фактически Лжедмитрий отказался от версии о наличии разветвленного заговора. Трое братьев Шуйских, заключил он, намеревались осуществить переворот своими силами: «...подстерегали, как бы нас, заставши врасплох, в покое убить, на что имеются несомненные доводы».

«Царь» утверждал, что имеет несомненные доказательства заговора Шуйских, а потому на соборном суде не было никакого разбирательства с допросом свидетелей и другими формальностями. Авраамий Палицын отметил, что Василия Шуйского осудили тотчас после публичной казни Петра Тургенева и Федора Калачника.

Под впечатлением убийств и казней даже близкие к Шуйским члены «думы» и освященного собора не посмели выступить в их защиту. Инициатива полностью перешла в руки «угодников» Лжедмитрия — патриарха Игнатия, бояр Б.Я. Бельского, П.Ф. Басманова, М.Г. Салтыкова, новоиспеченных думных людей из путивльской «думы». Как с горечью отметил автор «Нового летописца», «на том же соборе ни власти, ни из бояр, ни из простых людей никто же им (Шуйским. — Р.С.) пособствующе, все на них кричаху».

Опытному царедворцу Василию Шуйскому удалось пережить грозу в правление Бориса Годунова, которая едва не стоила ему головы. Он знал, чем можно заслужить снисхождение, и повинился во всех преступлениях, которые ему приписыва-

ли. «Виноват я тебе... царь государь: все это (о Расстриге и пр. — *Р.С.*) я говорил, но смилуйся надо мной, прости глупость мою!» — будто бы сказал Шуйский. В заключение князь Василий смиренно просил патриарха и бояр сжалиться над ним, страдником, и просить за него «рыцаря». По словам поляков, Василий признался во всем в самом начале розыска, «боясь быть на пытке».

Собор осудил Василия Шуйского на смерть, а его братьев на заключение в тюрьму и ссылку. Лжедмитрий спешил с казнью и назначил экзекуцию на следующий день. Все было готово для казни. По существу, самозванец ввел в столице осадное положение: «...по всему городу уготовлены быша все стрельцы, вооружены во всем оружии, яко на битву» (по словам Массы, стрельцов было 8 тыс.).

На Пожаре распоряжался новый глава Стрелецкого приказа — боярин П.Ф. Басманов. Несколько тысяч стрельцов оцепили всю площадь полукругом. Преданные самозванцу казачьи отряды и поляки с копьями и саблями заняли Кремль и все ключевые пункты города. Были приняты все меры безопасности против возможных волнений. Выехав на середину площади, Басманов прочел приговор думы и собора о преступлениях Шуйского. Вслед за тем палач сорвал с осужденного одежду и подвел его к плахе, в которую был воткнут топор. Сообщение Массы, будто Василий Шуйский продолжал обличать еретика Гришку, будучи на эшафоте, а московский народ рыдал, слушая его речь, относится к числу вымыслов. На площади осужденный вел себя совершенно так же, как и на суде. Стоя подле плахи, он с плачем молил о пощаде. «...От глупости выступил против пресветлейшего великого князя, истинного наследника и прирожденного государя своего», просите «за меня — помилует меня от казни, которую заслужил...» — взывал князь Василий к народу.

Во время казни Петра Тургенева и Федора Калачника москвичи «ругахуся» на них. Из толпы кричали, что суд им «поделом» был. Шуйские пользовались популярностью в народе, и их осуждение вызвало среди москвичей разные толки. По свидетельству поляков, даже сторонники Шуйских боялись об-

наружить свои чувства, чтобы не попасть под подозрение. По словам же Массы, народ выражал явное недовольство. С казнью медлили. Отмена казни не входила в расчеты П.Ф. Басманова, и он проявлял видимое нетерпение. Дело кончилось тем, что из Кремля на площадь прискакал один из телохранителей «царя», остановивший казнь, а следом за ним появился дьяк, огласивший указ о помиловании.

В Москве много говорили о том, что прощения Шуйскому добились вдова Грозного старица Марфа Нагая, поляки братья Бучинские, Слонский и др.

Отрепьев впервые увидел в глаза свою мнимую мать 18 июля 1605 г., когда ее привезли в Москву. Очевидно, Нагая просила за Василия Шуйского не при первом, а при втором его помиловании, когда Лжедмитрий вернул Шуйских из ссылки.

Секретарь самозванца Бучинский был решительным противником Шуйских и, в отличие от Нагой, категорически возражал против освобождения их из ссылки. В собственноручном письме Лжедмитрию Бучинский напомнил: «Коли яз бил челом вашей царской милости о Шуйских, чтоб их не выпускал и не высвобождал, потому как их выпустить, и от них будет страх... и вы мне то отказали, что наперед всего Богу ты обещал того ся беречи, чтоб ни одной хрестьянской крови не пролилося».

Авторы записок и сказаний воспроизвели обнародованную Лжедмитрием версию помилования Шуйского, соответствовавшую определенному политическому расчету. Самозванец желал подтвердить свое родство с вдовой Грозного еще до ее приезда. Он также стремился закрепить за польскими советниками репутацию боярских заступников.

Сподвижник Лжедмитрия С. Борша точнее других объяснил причины помилования Василия Шуйского. «Царь даровал ему жизнь, — писал он, — по ходатайству некоторых сенаторов». Бояре не посмели открыто перечить «царю» на соборе. Но после собора они сделали все, чтобы не допустить казни князя Василия. Ни один из предшественников Лжедмитрия на троне не решал дела без участия Боярской думы. Самозва-

нец, заняв престол, должен был следовать традиции. Отмена казни Шуйского явилась первым успехом думы.

Имущество Шуйских, их вотчины и дворы подверглись конфискации. Князь Василий и его братья Дмитрий и Иван были заключены в тюрьму в галицких пригородах. Круг советников, настаивавших на жестких мерах в отношении бояр-«заговорщиков», потерпел поражение. Поборник опричных методов Богдан Бельский должен был отступить в тень. Лжедмитрий вознаградил усердие Бельского, произведя его в бояре, но вскоре отослал из Москвы в Новгород.

КОРОНАЦИЯ

Еще будучи в Туле, Отрепьев послал гонца в «казанские города» за Нагими. Мятеж в Угличе, инспирированный Нагими, положил конец их карьере. Ближайшие родственники вдовы царицы Нагой лишились имущества и много лет провели в тюрьме и ссылке. Лишь после коронации Бориса Годунова о них вспомнили и вернули на службу. М.Ф. Нагой стал воеводой в захолустном городке Санчурске, А.А. Нагой — в Арске, М.А. Нагой — на Уфе. Самозванец вызвал Нагих в столицу и «подовал им боярство и вотчины великие и дворы Годуновых и з животы». Нагие лучше всех других знали, что царевич Дмитрий мертв. Но они охотно «вызнали» в Отрепьеве внучатого племянника, открыв себе путь к почестям и богатству.

Монах поневоле, Филарет Романов не оставлял надежд на возвращение в мир. От странников-богомольцев он знал об успехах самозванца и уже в начале февраля 1605 г. грозил посохом своим тюремщикам-монахам, говоря: «...увидят они, каков он вперед будет». Филарет перестал жить «по монастырскому чину», часто смеялся «неведомо чему» и постоянно вспоминал «про мирское житье, про птицы ловчие и про собаки, как он в миру жил».

В свое время Отрепьев служил в свите у окольного М.Н. Романова, а затем у боярина Б.К. Черкасского. Оба умерли в опале, и бывший кабальный слуга не опасался разоблаче-

ния. Уцелевшие Романовы и Черкасские были освобождены из ссылки.

Находясь в Туле, самозванец приказал вернуть в Москву всех Головиных. Казначей Петр Головин окончил дни в тюрьме в правление Бориса. Его сына В.П. Головина держали на воеводстве в Сибири, а затем в Уржуме. Лжедмитрий вызвал В.П. Головина в столицу вместе с его братом П. Головиным и сделал их окольными. Такой же чин получил опальный дьяк В.Я. Щелкалов.

При царе Борисе наибольшим влиянием в думе пользовались Годуновы и Шуйские. Обе эти группировки были разгромлены и удалены из столицы. Думу пополнили «воровские» бояре, получившие чин в Путивле, а также опальные бояре и дворяне. Обновив состав Боярской думы, Лжедмитрий добился послушания бояр и стал готовиться к коронации.

Самозванец пожелал дожидаться возвращения в Москву старицы Марфы Нагой. Его расчет был безошибочным. Признание со стороны мнимой матери должно было покончить с сомнениями тех, кто все еще не уверовал в его царское происхождение.

Сохранилось предание, что из Москвы Лжедмитрий «наперед» послал на Белоозеро в монастырь к Нагой «постельничего своего Семена Шапкина, чтоб его назвала сыном своим царевичем Дмитрием... да и грозить ей велел: не скажет — и быть ей убитой». Никто не знает, о чем говорили между собой опальная вдова Грозного и ее родственник Шапкин. «Тово же убо не ведяше никто же, — писал автор «Нового летописца», — яко страха ли ради смертнаво, или для своего хотения назва себе ево, Гришку, прямым сыном своим, царевичем Дмитрием».

Однако совершенно очевидно, что Шапкину достаточно было поговорить с опальной монашкой по-родственному. Обещания неслыханных милостей подействовали на вдову сильнее любых угроз. После убийства самозванца Нагая, спасая свое доброе имя, объявила, будто Отрепьев ее «устрашил смертью»: «...коли он с ней говорил, и он ее заклиал и под смертью приказал, чтоб она того никому не сказывала».

В середине июля 1605 г. Марфу Нагую привезли в село Тайнинское. Отрепьев отправил навстречу ей племянника опаль-

ных Шуйских князя Михаила Скопина, чтобы отвести подозрение насчет сговора. 17 июля Лжедмитрий выехал в Тайнинское под охраной отряда польских наемников. Его сопровождали бояре. Местом встречи стало поле у села Тайнинского. Устроители комедии позаботились о том, чтобы заблаговременно собрать многочисленную толпу. Обливаясь слезами, вдова Грозного и беглый монах обняли друг друга. Простой народ, наблюдавший сцену издали, был тронут зрелищем и выражал свое сочувствие криками и рыданиями. После 15-минутной беседы Нагая села в экипаж и не спеша двинулась в путь. Карету окружала огромная свита. Сам «царь» шел некоторое время подле повозки пешком, с непокрытой головой. Стало смеркаться, и всей компании пришлось остановиться на ночлег в предместьях столицы.

18 июля Марфа Нагая прибыла в Москву. Отрепьев ехал верхом возле кареты. Праздничная толпа заполнила Красную площадь. По всему городу звонили колокола. Отслужив службу в Успенском соборе, мать с «сыном» роздали нищим милостыню и скрылись во дворце. Коронация Отрепьева состоялась через три дня после возвращения в Москву вдовы Грозного.

К услугам Лжедмитрия были царские регалии — «четыре короны, а именно, три императорские и четвертая — та, в которой короновались некогда великие князья», шапка Мономаха. Самозванец избрал новую корону Бориса Годунова, созданную в глубокой тайне венскими мастерами и привезенную Афанасием Власьевым в 1604 г. Венец был изготовлен по образцу императорской короны Габсбургов. Царь Борис планировал построить храм «Святая Святых» — новый Иерусалимский храм, средоточие мирового православия. Не думал ли он принять титул императора?

На золотой монете, изготовленной в Москве, Лжедмитрий I изображен в высокой шапке, похожей на корону Габсбургов. В «высокой короне» Отрепьев сидел на троне во время коронации Марины Мнишек. Завладев императорской короной, Отрепьев надумал присвоить себе титул императора.

Воцарение «вора» сопровождалось пышными праздниками. Кремлевский дворец был разукрашен, а путь через площадь

в Успенский собор устлан златотканым бархатом. Оказавшись в соборе подле алтаря, Отрепьев допустил отступление от ритуала. Он повторил затверженную речь о своем чудесном спасении. Патриарх Игнатий надел на голову самозванца венец Бориса Годунова, бояре поднесли скипетр и державу.

Самозванец старался внушить всем мысль, что его венчание означает возрождение законной династии. Поэтому он приказал короновать себя дважды: один раз — императорской короной Бориса Годунова в Успенском соборе, а другой — великокняжеским венцом у гробов «предков» в Архангельском соборе. Облобызав надгробия всех великих князей, самозванец вышел в придел, где находились могилы Ивана IV и Федора. Там его ждал архиепископ Архангельского собора Арсений. Он возложил на голову Лжедмитрия шапку Мономаха. По выходе из собора бояре осыпали нового государя золотыми монетами.

Со временем Отрепьев позаботился о сооружении нового трона, достойного императорского титула. Поляк Немоевский весьма точно определил идею, воплощенную в новых символах власти: «В целом этот трон — подобие Соломонова трона, как его описывают в Библии».

Кресло было сделано из серебра с позолотой. Над балдахином высился золотой орел с распростертыми крыльями. Два серебряных льва с позолотой, служившие опорой для колонн, держали в лапах подсвечники. (На ступеньках трона Соломона стояло 12 пар львов.) Перекрытие балдахина поддерживали грифоны. Внутри балдахина висели Распятие и икона Божьей Матери. К трону вели несколько ступенек, застланных парчой. По оценке ювелиров, трон стоил не менее 50 000 рублей.

РОСПУСК ВОЙСКА

Коронация Лжедмитрия не могла быть осуществлена без согласия Боярской думы. Это согласие, по-видимому, было связано с рядом условий.

Бояре стремились к тому, чтобы как можно скорее вернуться к традиционным методам управления страной. Главной по-

мехой на пути к этому были повстанческие отряды и наемные роты, приведенные самозванцем в Москву. Пока чужеземные солдаты и «воры»-казаки охраняли царскую особу и несли караулы в Кремле, бояре не чувствовали себя в безопасности.

Отрепьев долго не решался расстаться со своей наемной гвардией. Но обстоятельства оказались сильнее его. Ставки на наемных солдат были в Западной Европе весьма высоки. Гусарам и жолнерам надо было платить полновесной монетой. Однако золота в царской казне было немного.

Принимая на службу иноземцев, русское правительство обычно наделяло их поместьями. Этот традиционный для России способ обеспечения служилых людей оказался неприемлемым для наемников. Ветераны московского похода считали себя хозяевами положения и желали сами диктовать условия. Со своей стороны, бояре были весьма далеки от того, чтобы предлагать полякам вотчины и поместья. Они желали как можно быстрее расформировать наемные роты и выпроводить их за рубеж.

Лжедмитрий осыпал своих ротмистров щедрыми милостями. Некоторым из них он пожаловал русское дворянство. Ветеран московского похода Станислав Борша именовал себя «ротмистром и дворянином великого князя московского Дмитрия Ивановича». Дворянский титул, однако, не сделал Боршу московским землевладельцем. Не желая раздражать русскую знать и дворянство, Отрепьев отказался от намерения пожаловать земли своим польским соратникам.

Иноземные наемные войска не раз проявляли ненадежность в критической обстановке. Солдаты грозили «царьку» расправой, когда он не мог заплатить им заслуженные деньги. В Москве Лжедмитрий мог сформировать из польских рот придворную гвардию. Но набранные в Польше наемники не слишком подходили на роль преторианцев.

Ветеран похода Ян Бучинский, которого трудно заподозрить в предвзятости, живо описал времяпровождение своих товарищей в Москве. Наемники пропивали и проигрывали полученные деньги. У кого прежде не было и двух челядинцев, набрали себе больше десятка, раздели их в камчатое платье.

Будучи во Львове, «рыцари» Лжедмитрия не щадили подданных своего короля, чинили грабежи и насилия. Вступив в Москву в качестве победителей, они обращались с москвичами совершенно так же. Но то, что терпели львовские мещане, не оставалось безнаказанным в русской столице. Прошло два месяца с тех пор, как москвичи с оружием в руках поднялись против правительства Годунова. В ходе восстания народ осознал свою силу. Дух возмущения продолжал витать над столицей. Поводов к столкновениям между «рыцарством» и москвичами было более чем достаточно. Негодование населения достигло критической точки и в любой момент могло привести к новым волнениям.

Вскоре после коронации Лжедмитрия произошел инцидент, который привел к настоящему взрыву. Московские власти арестовали шляхтича Липского. В глазах других наемников его преступление было «маловажным». Но суд следовал действующим в государстве законам и вынес решение подвергнуть шляхтича торговой казни. Липского вывели на улицу и стали бить батогами. Наемники бросились на выручку к своему товарищу и пустили в ход оружие. Толпа москвичей устремилась на помощь приставам. Началась драка, которая вскоре переросла в побоище. «В этой свалке, — писал участник драки С. Борша, — многие легли на месте и очень многие были ранены». Хорошо вооруженные наемники поначалу без труда потеснили толпу, но затем им пришлось укрыться в своих казармах на Посольском дворе. Весть о кровопролитии подняла на ноги всю Москву. Борша утверждал, что на прилегающих улицах собралось несколько десятков тысяч москвичей, угрожавших полякам расправой.

Лжедмитрий знал, как трудно справиться с разбушевавшейся народной стихией. К тому же инцидент произошел тотчас после коронации, а царь избегал всего, что могло нанести ущерб его популярности. Москвичи считали «Дмитрия» своим царем, и ему нельзя было не считаться с народными настроениями. По всей Москве был оглашен царский указ о наказании шляхтичей, виновных в избиении народа. Государь объявил, что пришлет к Посольскому двору пушки и снесет двор

со всеми наемниками, если те окажут сопротивление. Обращение царя носило демагогический характер, но столичное население ликовало. Отрепьеву надо было удержать москвичей от штурма Посольского двора и предотвратить восстание в столице. И он достиг своей цели.

Как всегда, самозванец вел двойную игру. Успокоив народ, он тут же прислал к наемникам доверенных лиц и просил, «*пусть они окажут повиновение для того, чтобы успокоить русских*». Солдат заверили, что им не будет сделано ничего дурного, хотя они и совершили кровавое преступление. «*Рыцарство*» было удовлетворено обещаниями царя и выдало его посланцам трех шляхтичей, отличившихся в расправе с толпой. В течение суток их держали под стражей в тюремной башне, а затем освободили втайне от народа. Волнения в Москве помогли боярам добиться роспуска иностранных наемных рот. В письме от января 1606 г. Ян Бучинский упомянул о том, что жолнеры жили «*на Москве без службы полгода*». Отсюда следует, что Лжедмитрий рассчитал наемное войско в июле 1605 г., иначе говоря, сразу после волнений в Москве. Казенный приказ взял на себя оплату всех расходов, сделанных Лжедмитрием в ходе войны с московскими войсками.

В мае 1605 г. Михаил Ратомский привел на помощь самозванцу несколько сот «*пятигорцев*» — мелких белорусских шляхтичей. Фактически они не принимали участия в боях, и для них поход на Москву был не более чем увеселительной прогулкой. «*Пятигорцы*» прослужили десять с небольшим недель, за что получили из казны по 37 злотых, или по 12 московских рублей. Знатные русские дворяне получали столько же за год службы.

Ратомский «вборзе» уехал из Москвы в Польшу, где подал жалобу на «царя» Сигизмунду III. Оправдывая высылку Ратомского, Лжедмитрий подробно перечислял обиды «людям своим (москвичам. — *Р.С.*) от Ратомского». Король велел проинвестировать «обыск» по поводу взаимных обид Лжедмитрия и Ратомского.

Гусарам Казенный приказ платил восемь раз по 40 злотых, более 100 рублей на коня. По общему правилу, гусары имели

по два коня, а некоторые по три-четыре. Они получали такое жалованье, какое в России платили лишь советникам царя и членам Боярской думы.

Из-за недостатка денег казначеи прибегли к традиционному в России способу оплаты. В счет денег наемники получали пушнину. Всем им был назначен обильный «корм», включавший разного рода натуральное обеспечение. Солдаты могли пользоваться пайком в течение всего времени пребывания в Москве. По словам Яна Бучинского, он сам видел и слышал от других, что те паны, которые не старались завести как можно больше челядинцев и вели скромную жизнь, за полгода выручили от продажи «корма» до 1000 злотых.

Одновременно с иноземцами Лжедмитрий велел рассчитывать находившиеся в Москве отряды вольных казаков. Многие московские дворяне участвовали в осаде Кром. Казачьи сотни, отразившие многотысячную царскую рать, внушали им страх и ненависть. Поэтому казакам Корелы недолго пришлось нести караулы в Кремле. Боярская дума использовала коронацию Лжедмитрия I, чтобы добиться роспуска всех прибывших в Москву казачьих войск. По словам очевидцев, все казаки были щедро одарены и распущены, но даже награды не могли заглушить их ропот.

Отрепьев не захотел расстаться лишь с верным Корелой. Он пожаловал донскому атаману чины и деньги. Вместе с ним остались в Москве казаки его станицы, вынесшие все тяготы обороны Кром.

Корела был выдающимся предводителем повстанцев. Во главе восставшего населения он чувствовал себя на своем месте. Зато в толпе царедворцев он оказался чужаком. Тут у него было слишком много врагов, и они делали все, чтобы изгнать донского атамана из Кремля. Корела невысоко ценил доставшиеся на его долю почести. В московских кабаках, среди черни он находил себе больше друзей, чем в парадных залах дворца.

Вольные атаманы сделали свое дело, и их карьера должна была оборваться рано или поздно. Корела без счета тратил в кабаках полученные от казны деньги и в конце концов спился.

Другой вождь казацкого войска — Постник Лунев — покинул дворец по иным причинам. Послушав совета монахов, он принял пострижение и удалился на покой в Соловецкий монастырь.

С роспуском казачьих отрядов вооруженные силы, возникшие в ходе массовых антиправительственных восстаний на юго-западных и южных окраинах Русского государства, были окончательно расформированы.

ДУМА

Полагают, что Лжедмитрий провел реформу управления, преобразовав Боярскую думу в «сенат». В доказательство ссылаются на список «сената», написанный рукой Бучинского весной 1606 г. В подлинном польском тексте дума названа «Радой», а ее члены — не сенаторами, а боярами. И лишь на обороте документа имеется помета: «Роспись московским сенаторам».

Дума цепко держалась за старину. Но бояре согласились на учреждение новой должности по польскому образцу. Чин «мечника великого» был пожалован юному князю Михаилу Скопину.

Самозванец значительно расширил состав думы. При Грозном дума насчитывала немногим более 30 членов, при царе Федоре — до 50, при Борисе — 40. По списку «сенаторов» в думе Лжедмитрия числилось 59 членов, а вместе с не названными в этом документе лицами — более 70 человек.

По словам Якова Маржарета, число членов царской думы было неопределенно: при «Дмитрии» оно доходило до 32. Капитан мушкетеров своими глазами наблюдал за деятельностью думы, и не верить ему нет оснований. Видимое противоречие объясняется тем, что добрая половина членов думы служила на воеводстве в городѣх и на полковой службе. Но и из тех, кто находился в столице, монарх приглашал на заседание не всех. Традиционный состав думы при Грозном немногим превышал 30 человек. Власти следовали традиции.

Дьяк Иван Тимофеев упрекал Расстригу за то, что тот не по достоинству раздавал царские чины, не сообразуясь с породой и возрастом, не по родству и не ради заслуг по службе, но ради услуг весьма постыдных.

В действительности расширение думы было следствием того, что самозванец объединил московскую думу с «воровской». Именно это имел в виду Тимофеев, говоря о постыдных услугах. Государственные преступники, возглавившие мятеж, достойны были виселицы, а вместо этого стали заседать в думе.

Желая иметь послушную думу, самозванец постарался назначить на ключевые посты своих людей. При Грозном пост боярина дворецкого занимали представители знатной семьи Романовых. Князья Мосальские не имели права на этот чин. Но князь Василий Рубец-Мосальский за особые заслуги был пожалован Лжедмитрием в дворецкие, и московская дума не посмела протестовать.

На пост конюшего боярина могли претендовать лишь самые знатные фамилии России или ближайшие родственники государя. Самозванец навязал думе в качестве конюшего Михаила Нагова, бражника, не пользовавшегося авторитетом и не имевшего никаких заслуг перед государством. Его братья Андрей, Михаил и Афанасий Александровичи Нагие, а также Григорий Федорович Нагой стали боярами и заняли в думе высокое положение.

Надев на себя личину сына Грозного, Отрепьев невольно воскресил тень опричнины. В его окружении появились люди, принадлежавшие к самым известным опричным фамилиям, — Бельский, Басманов, Нагие, Татищевы, Пушкины, Зюзины, Воейковы, князья Хворостинины, Григорий Микулин, Михалка Молчанов и др.

Басманов снискал доверие самозванца, и тот поставил его во главе Стрелецкого приказа. Иначе говоря, Петру Басманову было вверено командование стрелецким гарнизоном столицы.

Не менее важную роль играл поначалу племянник Малюты Скуратова Богдан Бельский, знаменитый опричный временщик Грозного. Вернувшись в думу после смерти Бориса

Годунова, он поспешил завязать изменнические сношения с самозванцем и стал передавать ему сведения о планах и решениях московских бояр. Его происки помогли Отрепьеву поставить на колени Боярскую думу.

Даже Иван Грозный не решился пожаловать любимцу высший думный чин ввиду его «худородства». Отрепьев не посчитался с традицией и даровал племяннику Малюты боярский чин.

После смерти Грозного Богдан Бельский предложил ввести опричные порядки. При Лжедмитрии он вновь выступил сторонником политики неограниченного насилия по отношению к крамольной знати. Фактически речь шла о возрождении репрессивного режима.

Если бы Бельскому удалось настоять на казни Василия Шуйского, его влияние упрочилось бы. Помилование Шуйского стало для бывшего опричника политической катастрофой.

Богдан Бельский был последним оставшимся в живых душеприказчиком Грозного. Он обладал огромным опытом интриг и в качестве спасителя «царевича Дмитрия» имел шанс занять пост правителя государства. Что помешало ему добиться власти?

Бельский был связан тесным родством с династией Годуновых и не принял участия в убийстве своей двоюродной сестры царицы Марии Бельской-Годуновой. Он примкнул к «вору» в самый последний момент, перед падением Москвы. Знати было ненавистно самое имя богомерзких Скуратовых-Бельских. Носилась молва, что Бельский отравил царя Ивана. Царица Мария Нагая не забыла, что именно Бельский выслал ее с сыном Дмитрием прочь из столицы перед самой коронацией царя Федора Ивановича. Теперь она могла расквитаться с ним.

Когда Лжедмитрий окончательно утвердился в Москве, его боярину и великому оружнику пришлось уйти в тень. Расстрига выслал Богдана из столицы, назначив вторым воеводой в Новгород Великий. Единственный человек, способный обуздать «боярское своеволие», навсегда покинул двор Лжедмитрия.

Неверно было бы думать, будто самозванцу удалось провести в думу всех ближних людей, окружавших его в «воровском» лагере. В наибольшей мере Отрепьев был обязан победой атаману Андрею Кореле. Но пожаловать ему думный чин он не осмелился. Первым боярином из казаков стал позднее Иван Заруцкий.

Ранее других чин боярина получил от «вора» князь Петр Шаховской. Но ни он, ни его сын Григорий не попали в список «сената», составленный польскими секретарями царя. Не числились в этом списке ни Михаил Толочанов, в числе первых принятый в «думу» самозванца, ни Прокофий Ляпунов, возглавивший мятеж под Кромами, ни Наум Плещеев, ни Михалка Молчанов, задушивший царя Федора Борисовича.

Бесстрашный Гаврила Пушкин вел род, подобно Челядним, от Ратши, соратника Александра Невского. По знатности он далеко превосходил Богдана Бельского, но в отличие от него не получил боярства и должен был довольствоваться одним из низших думных чинов. Лжедмитрий сделал его своим ловчим. Между тем именно Пушкин «смутил» Москву, возглавил переворот в столице. Со времени опричнины видную роль в царской думе играл постельничий. Отрепьев назначил главой Постельного приказа Семена Шапкина, но и он в польский список не попал.

В соответствии с местническими порядками, право заседать в думе имел ограниченный круг представителей знатных фамилий, издавна входивших в думу. Отступления от этого правила были достаточно редкими. В думе Лжедмитрия в подавляющем большинстве заседали члены старых думных фамилий.

Боярская дума осталась по составу органом высшей аристократии, при этом представительство знати в думе значительно расширилось. Список «сената» позволяет выделить те группы Государева двора, на долю которых достались наибольшие милости монарха.

Некогда Федор Мстиславский наголову разгромил самозванца, но тот простил его и сохранил за ним пост главы думы. Царь Борис запретил Мстиславскому жениться, рассчитывая

после смерти князя забрать его обширный удел в казну. Лжедмитрий не жалел усилий, чтобы снискать дружбу первого из бояр. Он подарил вельможе старый двор Бориса Годунова в Кремле, пожаловал ему огромную вотчину в Веневе, наконец, женил на своей мнимой тетке из рода Нагих.

Отрепьев вернул из ссылки и пожаловал боярство князю Ивану Воротынскому, долгие годы бывшему не у дел. С Мстиславским Воротынского роднило то, что его предки приехали из Литвы.

Предки Отрепьева были выходцами из Литвы. В Речи Посполитой самозванец пользовался покровительством литовской знати. Будучи ставленником короля, он и в Москве пытался сделать ставку на знать литовского происхождения. Этой знати он жаловал чины, не считаясь с возрастом и службами. Широкое представительство в думе получили Гедиминовичи Патрикеевы: Голицыны (четыре боярина), Куракины (три боярина), а также Трубецкие (двое бояр).

В составе Государева двора литовская знать числом далеко уступала суздальской знати. В дворовых списках Грозного значилось 286 князей Суздальских-Шуйских, Ростовских, Ярославских и Стародубских. Из них 17 носили думные чины. К суздальской знати Расстрига благоволил значительно меньше, чем к литовским родам. Трое Шуйских поначалу были изгнаны из думы и лишь со временем возвращены туда. Согласно польскому списку в думе числились мечник Скопин, Ростовские (один боярин), Ярославские (один боярин и два окольничих) и Стародубские князья (один боярин, один окольничий). Представительство суздальской аристократии в думе не соответствовало ее численности и политическому влиянию.

Старый боярин Михаил Катырев-Ростовский, противник «вора», находился в Новгороде и не был упомянут в сенатском списке. В думу не были допущены ни Лобановы-Ростовские, ни Троекуровы-Ярославские, ни Хилковы-Стародубские, представители старших ветвей княжеских домов.

Опала царя Бориса сокрушила Романовых и отняла у них надежду занять трон. Из старших Романовых уцелел, кроме

Филарета, один Иван Никитич. Самозванец пожаловал ему боярство, но отвел в думе одно из последних мест. Лжедмитрий осыпал милостями Романовых после того, как положение его стало шатким. С запозданием, 31 декабря 1605 г., Лжедмитрий I повелел перевезти и похоронить в родовой усыпальнице тела Романовых, умерших в ссылке. Филарет Романов смог покинуть Антониев-Сийский монастырь.

Филарет был деятелен и честолюбив. Самозванец побоялся оставить его в столице и отослал в Троице-Сергиев монастырь, где старец жил до апреля 1606 г. Лишь в последние недели правления Отрепьев вновь вспомнил о «родственнике».

Лжедмитрий не церемонился с духовенством: он отправил на покой Ростовского митрополита Кирилла, а митрополичью кафедру тут же передал Филарету Романову.

По словам архиепископа Арсения, самозванец будто бы намеревался вернуть Романова в Боярскую думу. Через греков Игнатия и Арсения и «синод» он якобы передал Филарету необычное предложение: сложить с себя монашескую одежду, надетую на него силой, вернуться в мир и принять жену. Арсений закончил мемуары в то самое время, когда отец царя Михаила Романова вернулся из Польши в Москву. Рассказ Арсения имел очевидной целью прославить подвиг Филарета. Сообщив об отказе Филарета вернуться в мир, Арсений без всякой паузы замечает, что «царь» и патриарх снова пригласили Романова и посвятили его в сан Ростовского митрополита. Известно, что Филарет получил сан митрополита лишь в мае 1606 г.

Самозванец не оставил своими милостями даже малолетнего сына Филарета. В царской казне хранились «посохи... рога оправлены золотом с чернью». Согласно казенной описи, один посох был снабжен ярлыком, «а по ерлыку тот посох Гришка Отрепьев Рострига поднес... Михаилу Федоровичу».

Из старомосковской знати в думе сидели двое бояр Шереметевых, несколько Морозовых (Салтыковы, Шеин, Морозов), двое Плещеевых.

«Государь» переусердствовал в стремлении утвердить свое родство с Нагими. Он посадил их в думе выше Голицыных, Шереметевых, Романовых, что вызвало негодование знати.

Отрепьев усвоил роль государя кроткого и милосердного. Его амнистии должны были покончить с воспоминаниями об убийстве членов семьи Бориса Годунова и жестоких преследованиях его родни. Михаил Сабуров храбро защищал от «вора» Астрахань. Государь не только простил его, но и пожаловал в бояре. Сабуровы и Вельяминовы, отправленные с семьями в изгнание, были все возвращены на службу.

Государь милостиво объявил о прощении Годуновых и назначил их воеводами в Тюмень, Устюг и Свияжск. Самые ревностные сторонники царя Бориса один за другим получали назад думные чины и служебные назначения.

Самозванец четко уловил настроение общества. Не только дума, но и все население отвергало опричные методы управления. Время опричных кровопролитий миновало.

СЕКРЕТАРИ И СТРАЖА

Отрепьев усвоил доктрину, которую охотно излагал ближним людям и придворным. «Два способа у меня к удержанию царства, — говорил он секретарю Бучинскому, — один способ быть тираном, а другой — не жалеть кошту, всех жаловать; лучше тот образец, чтобы жаловать, а не тиранить».

Главная проблема, с которой столкнулся Лжедмитрий, заключалась, конечно же, не в том, казнить или жаловать поданных. Гражданская война и появление двух царей в государстве поколебали систему самодержавной власти. Отрепьеву предстояло решить вопрос, каким путем можно возродить великолепие и мощь самодержавия.

Иван Грозный, негодовавший на «самовольство» бояр, пытался искать опору у бюрократии, появившейся в России вместе с приказной системой управления. Курбский желчно бранил царя за то, что тот, не доверяя знати, вершит дела с «худородными» писарями или дьяками.

Лжедмитрий пытался использовать те же средства, что и его мнимый отец. Впрочем, его бюрократия имела свои отли-

чительные черты. В ближайшем окружении самозванца преобладали «секретари» поляки.

Будучи в Самборе, Лжедмитрий заключил договор с Юрием Мнишеком как царевич. При этом он обещал подтвердить соглашение, когда займет царский трон: «И мы то все... в канцереии нашей... напишем и печать свою царскую к тому приложим». Личная Канцелярия «царевича» стала действовать уже в период московского похода, но окончательно сложилась в Москве.

В числе «ближних» людей Лжедмитрия были капитаны Мацей Домарацкий, Михаил Склиньский, Станислав Борша, личные секретари царя Ян Бучинский, Станислав Слоньский, Липницкий. Доказывая щедрость «Дмитрия», Бучинский сослался на исключительно высокие оклады Склиньского и его самого — Бучинского. После переворота Исаак Масса перечислил имена «самых важных убитых» поляков: Склиньский, Вонсович, Домарацкий Старший, Липницкий, Иваницкий. Те же лица названы в Дневнике Мнишека. Поляк Немоевский составил «Список главнейших лиц нашего народа... наперед слуг великого князя», убитых во время мятежа. В списке фигурирует примерно тот же круг лиц. В нем и следует искать членов польской Канцелярии.

Полагают, что прежняя «Канцереия» Лжедмитрия с воцарением претендента слилась с Посольским приказом и через этот приказ «оказывала решающее влияние на выработку политического курса» (А.В. Лаврентьев). Так ли это?

Обычная дипломатическая переписка шла через Посольский приказ, секретная — исключительно через личную Канцелярию.

Посольский приказ имел собственное помещение вне дворца. Польские советники — члены Канцелярии занимали помещение подле личных покоев царя, в комнатах «наверху». Русские современники бранили Расстригу за то, что «в Верху при нем были поляки и литва». «В Верху» испокон веков помещалась Ближняя дума. При самозванце тут располагалась его личная Канцелярия, в которой даже писцы были поляками. В письме государю Бучинский упомя-

нул некоего Горского, который «в комнате у тебя... пишет грамоты Вашей... милости».

Согласно заявлениям русских властей, секретари Бучинские жили в Москве «в Верху у того Вора у таенные его думы, у всяких тайных его дел». Тайная дума стала исполнять некоторые обязанности Ближней думы.

Личного вмешательства монарха требовали самые разнообразные дела. По этой причине функции «тайной» Канцелярии были широки и неопределенны. В первую очередь к тайным делам причислено было все, что касалось личных дел государя, его замыслов, трат, прихотей, веры.

Финансовые дела были сопряжены для Расстриги с наибольшими затруднениями. Канцелярия принимала в них самое непосредственное участие. Через секретарей очень крупные денежные суммы были переправлены в Польшу. По свидетельству дьяка Андрея Иванова, царь забирал себе в казну многие купеческие товары, привезенные из-за рубежа, а «были у того вора у Ростриги приставлены у тех дел, и принимали и роздавали, поляки и литва». Таким образом, Канцелярия вела переговоры с иностранными купцами, принимала товар и ведала личными расходами царя.

Ближняя канцелярия изготовляла всевозможные документы. По свидетельству купца Георга Паэрле, он предпринял путешествие в Москву после того, как тайный советник Дмитрия Ян Бучинский вручил немецким купцам «грамоту, за своею рукою великого князя подписью и за большой его печатью», с приглашением прибыть в Москву. Польские секретари не желали считаться с московской традицией, воспрещавшей государю подписывать документы.

В наказах, адресованных королевскому двору, дьяки Посольского приказа живо описали делопроизводство Канцелярии: «Листы глентовные посылал вор Розстрига, а писаны по латыне, писали у него ваши же поляки; и государственные печати, все побрав, тот вор ис приказу, где они бывают, к себе, и писал и печатал, и делал все с поляки, как хотел».

Как заявляли московские приказные, поляки, жившие при Лжедмитрии, писали ему грамоты по-латыни, «а печатал тот

Вор те грамоты у себя, взяв все печати ис Посольские полаты». Как видно, польские секретари свободно распоряжались государственными печатями.

Московские дипломаты старательно подчеркивали, что Канцелярия самозванца вела дела незаконно, в обход Боярской думы и Посольского приказа: «А сенатары ни кто ни один того не ведали, и в Посольском приказе ничего того не объявилось».

Не только москвиты, но и некоторые из польских наблюдателей называли «неразумным» правление Лжедмитрия I, поскольку он не был посвящен в это искусство и следовал советам «потакавших ему пропойц и шутов». Отзыв весьма любопытен: видимо, секретари были людьми того же склада, что и самозванец.

Перейдя в католичество, чернец Григорий сблизился с иезуитами, последовавшими за ним в Россию. Однако в Москве руководить личной Канцелярией стали не католики, а протестанты в лице братьев Бучинских. По сравнению с католической верой протестантская была меньшим грехом в глазах православных.

Иезуиты не простили своему протеже того, что он отдал предпочтение лютеранам. Беседуя со шведом Петром Петреем, один из иезуитов произнес жестокие слова в адрес царя: «Нами он приведен к власти, нами же может быть лишен ее».

Канцелярия служила местом обсуждения и незначительных вопросов, и дел первостепенной государственной важности. К числу последних относился вопрос о свержении Сигизмунда III и передаче польского трона Лжедмитрию.

Канцелярия использовала всевозможные рычаги власти. Шведский агент в Москве Петр Петрей отметил, что москвиты негодовали на Лжедмитрия за то, что «он не пускает к себе ни одного русского, высокого или низкого звания, без воли и согласия поляков, которые скоро заберут себе все что ни есть в казне, и она вскоре совсем опустеет». Без ведома секретарей невозможно было получить аудиенцию у государя, и это было немаловажное обстоятельство.

Толковали, будто самозванец замыслил во время военных игр истребить всю московскую знать. Противником этого пла-

на будто бы выступил Бучинский. Он якобы советовал Дмитрию не допускать кровопролития, что против воли Бога, не избивать бояр, «а привлекать к себе ласкою и давать им такие должности, чтобы они не могли войти в силу, и со временем свыклись бы с тем».

Самозванец спорил с секретарем, говоря, что лучше знает московские обычаи; «таким образом нельзя править москвитами, и надобно управлять ими со строгостью... ибо москвитов можно удержать (в повиновении. — *Р.С.*) только страхом и принуждением». Царь принял твердое решение «устранить бояр, чтобы потом распорядиться дурным, глупым народом по своему желанию и привести его к тому, что он (монарх. — *Р.С.*) найдет полезным».

Надо иметь в виду, что речи Бучинского были составлены после переворота с целью обличения «злодейств» Дмитрия. Подлинные письма Бучинского рисуют иную картину. На проведении жесткого курса настаивал не Расстрига, а его польский советник, возражавший против освобождения из ссылки Шуйских.

В недрах Канцелярии был составлен список думы, или «сената». Его составитель Ян Бучинский как никто знал думские порядки. Тем удивительнее, что в списке «сената» отсутствуют какие бы то ни было указания на Ближнюю думу царя. Что такая дума существовала, сомнений нет. Автор одного из московских «Хронографов» заметил: «И тот вор Гришка Рострига, будучи на Московском государстве, изнел себе угодников в ближние люди и с ними и всяческое злое дело дела». Современник точно подметил особенность системы власти, созданной самозванцем. При нем Боярская дума была многочисленной и почти никогда не созывалась в полном составе. Дела же вершил самодержец вместе с небольшим кругом «ближних людей». Состав этого круга не был постоянным и менялся по прихоти монарха и сообразно с обстоятельствами. В разное время в Ближнюю думу входили князь Василий Рубец-Мосальский, Богдан Бельский, Петр Басманов, Нагие, кравчий Иван Хворостинин, казначей Афанасий Власьев, печатник Богдан Сутупов.

Ближняя дума русских монархов не имела строго определенного состава и регламента деятельности. В отличие от своих предшественников Лжедмитрий I допустил в царские покои, издавна служившие местом совещания Ближней думы, лиц, не имевших думного сана, и более того, людей неправославных — иноверцев и еретиков — польских секретарей.

Присутствие иноверцев бросало тень подозрения на ближних людей из русских. Царь Михаил Романов издал указ об Иване Хворостинине: «...известно всем людям Московского государства, как ты был при Ростриге в приближении, то впал в ересь и в вере пошатнулся, православную веру хулил, постов и христианского обычая не хранил».

Среди русских любимцев Расстриги выделялся Михалка Молчанов, которого также подозревали в отпадении от Бога и чернокнижии. Про него говорили, что он большой плут и лстец, не боявшийся ни Бога, ни людей.

Не следует забывать, что резко отрицательные отзывы о Канцелярии были достаточно тенденциозны и имели целью скомпрометировать польских советников «вора». Истина заключается в том, что польские секретари и русские любимцы узурпатора сотрудничали в стенах Канцелярии самым тесным образом. Согласно позднейшим дипломатическим разъяснениям, во все тайны Расстриги, помимо польских секретарей, был посвящен «советник его вражий и изменник» Петр Басманов.

При Лжедмитрии число бояр в думе увеличилось вдвое, и можно было ожидать, что увеличится также количество думных приказных. В правление Бориса Годунова в Боярскую думу, по свидетельству английского посла Джильса Флетчера, входили канцлер Андрей Щелкалов и четверо думных дьяков. В 1606 г. Ян Бучинский внес в список «сената» лишь двух «секретарей великих». Польские советники из состава Канцелярии потеснили высшую московскую приказную бюрократию, чтобы обеспечить себе подобающее место в системе управления государством.

Атмосфера во дворце была проникнута лестью. Лжедмитрий I настойчиво культивировал идеи о величии царской власти. Беседуя с польскими послами, он утверждал, что получил

титул императора от самого Бога, и «ни ассирийские, ни индийские, ни самые цесари римские не имели на него более нас прав и преимуществ»; «нам нет равного в краях полночных, никто нами не управляет, кроме Бога, но мы еще другим раздаем права... являемся высшим законодателем и даже самим законом в обширнейшей нашей империи».

Яков Маржарет, наблюдавший механизм управления изнутри, подвел итог своим заметкам в таких выражениях: «Если говорить начистоту, нет ни закона, ни думы, кроме воли императора... Я считаю его («Дмитрия». — *Р.С.*) одним из самых неограниченных государей из существующих на свете». Маржарет следовал тем же представлениям, что и царь. Отрепьев же был пленником представлений о собственном всемогуществе.

Польская Канцелярия должна была стать одним из инструментов утверждения неограниченной личной власти самодержца. Польские «дьяки» оставались в тени, но оказывали огромное влияние на управление, потому что действовали именем царя.

Наряду с Боярской думой важную роль в системе управления играл Государев двор, включавший думу, удельных князей, суздальскую знать, верхи дворянства. Грозный пенял на то, что не только бояре, но и Государев двор ограничивают его власть. Как бы то ни было, именно Государев двор осуществлял функции охраны царя и его семьи. Дворяне повсюду сопровождали государя, несколько сот жильцов каждую ночь несли караул на крыльце царского дворца.

Лжедмитрий I порвал с традицией и осуществил меры, неслыханные в русской истории. Он учредил гвардию, состоявшую из иноземных наемников. Яков Маржарет, один из капитанов гвардии, засвидетельствовал, что иноземцев наняли, когда Афанасий Власьев отпраздновал в Кракове помолвку «Дмитрия» с Мариной Мнишек в конце 1605 г.

В состав гвардии входило 100 человек под командой Маржарета и 200 алебардчиков. Маржарет называл своих солдат стрелками, или мушкетерами. Но наемник Конрад Буссов считал их копейщиками, потому что гвардейцы повсюду сопровож-

дали государя, держа в руках бердыши. Одежда на них была из бархата и золотой парчи, а бердыши увенчаны чеканным золотым орлом, с древком, обтянутым красным бархатом.

Сотня алебардщиков датчанина Матвея Кнутсона была обряжена в фиолетовые кафтаны, сотня шотландца Альберта Вандтмана — в камзолы зеленого бархата.

Капитаны и лейтенанты были наделены поместьями, им было положено очень большое жалованье.

Особое негодование членов думы и двора вызвало то, что иноземной гвардии была передана одна из важнейших функций Государева двора — обеспечение личной безопасности монарха. Отныне не русские дворяне, а наемники сопровождали «государя» повсюду, охраняли дворец днем и ночью.

Самозванец постарался внушить окружавшей его знати уважение к иноземной страже. Одной из его любимых забав были военные игры. Зимой в окрестностях Москвы, в бывшей резиденции Бориса Годунова селе Вяземы, была сооружена снежная крепостица. Оборонять ее «царь» поручил «своим князьям и боярам». Штурмовать вал должна была «немецкая стража» — гвардия. Оружием были снежки.

Вопреки общим ожиданиям, «государь» взял под свою команду не православное воинство, а еретиков-иноземцев. Такая диспозиция предопределила исход сражения. Главный воевода крепости был взят в плен самим монархом.

В Вяземы Лжедмитрия сопровождали «все бывшие при дворе князья и бояре», а также два отряда польских конников. Гусары были поставлены в поле неподалеку от места боя. Они были вооружены и могли в любой момент оказать помощь гвардии.

Немцы использовали случай, чтобы продемонстрировать свое воинское искусство и превосходство над русскими. Для этого все средства были хороши. Заготавливая снежки, наемники облепляли снегом всякие твердые предметы, нарушая правила игры. Во время штурма они «насажали русским синяков под глазами».

Когда крепость была взята, «царь» на славу угостил всех вином и пивом и велел готовиться к продолжению игры. Но тут

подошел боярин и доверительно сказал государю, что русские обозлены на немцев из-за твердых снежков и что у них под верхним платьем спрятаны длинные ножи, так что лучше прекратить забаву, а иначе «может случиться большое несчастье».

Если верить Буссову, по возвращении в Москву Лжедмитрий I узнал, что во время игры предатели готовились прикончить немцев вместе с самозванцем. Чтобы оправдать кровопролитие, заговорщики будто бы собирались объявить, что немцы и поляки сами намеревались истребить в Вяземах всех князей и бояр. После смерти Расстриги такое обвинение действительно было выдвинуто московскими властями, опубличковавшими показания Бучинских.

Если верить братьям Бучинским, «Дмитрий» подумывал о расправе с боярами и обсуждал с ближайшими советниками последствия такого шага. Самозванец чувствовал надвигающуюся смертельную опасность и в присутствии секретарей говорил Константину Вишневецкому: «...начальное де дело то, что бояр побити, а не побить деи бояр, и мне де самому от них быть убиту». В угоду царю Василию Шуйскому Бучинские снабдили свой рассказ фантастическими подробностями. «Вор» будто бы намеревался истребить всех бояр, а равно и дворян. Противореча самому себе, Ян Бучинский признал, что Расстрига намеревался убить «бояр, которые здесь владеют, 20 человек». Гонениям подверглось бы от половины до трети членов Боярской думы. Бывших «воровских» бояр и прочих верных людей репрессии, конечно, не должны были коснуться. Непосредственное руководство казнями должны были осуществить поляки, что и вовсе неправдоподобно. Так, Шуйских должны были убить капитан Домарацкий, пан Тарло и Стадницкие.

Бучинские признали, что советники, обсуждавшие этот вопрос, в принципе согласились с мнением царя: «И они де Бучинские молили: великое то дело надобе начати да и совершити; а только не совершитца, ино самим нам будет худо». Лжедмитрий на это заметил: «Верьте де мне однолично, что то совершитца».

По-видимому, в окружении царя вопрос о казни бояр обсуждался, но в самой общей форме. Утверждение, будто изби-

ение было назначено на 18 мая, понадобилось Шуйским для того, чтобы доказать, что переворот 17 мая был актом обороны. В действительности царь в конце мая намеревался выступить в Крымский поход. Начинать поход с казни главных воевод было бы безумием.

ФИНАНСОВЫЙ КРАХ

Самозванцу пришлось потратить огромные суммы на жалование членам думы, Государева двора и уездным дворянам. По традиции государи при восшествии на трон жаловали дворянам двойное или даже тройное жалование. Секретарь Лжедмитрия Ян Бучинский с похвалой отзывался о его щедрости к дворянам. По его словам, «служивым, кто имел десять рублей жалованья, дано 20, а кто тысячу, две дано». Названный секретарем десятирублевый оклад положен был многим членам Государева двора, а тысячный оклад — боярам и думным людям. Членов думы было более 70, членов двора — до 2000. Выдача двойных окладов должна была опустошить казну.

С помощью членов Канцелярии самозванец переправил деньги в Речь Посполитую. По заявлению русских дипломатов, Расстрига отослал в Польшу «деньгами, и золотыми, и ефимками, и судами серебряными, и соболями, и всякою мяхкою рухлядью больше 500 000 рублей», а потом в Москве пожаловал Мнишеку деньгами и рухлядью еще 300 000 рублей, истратив, таким образом, 800 000 рублей, или 2 400 000 злотых. Обличая «вора», дума, по всей вероятности, преувеличила цифры. Из Дневника слуги Мнишеков следует, что в Москве сенатор получил 100 000 злотых, которые он должен был отправить в Польшу для оплаты неотложных долгов.

В том же Дневнике значится, что Бучинский привез пану Юрию в Краков 300 000 злотых, а другой гонец — еще 50 000 для брата царской невесты. Однако сам Бучинский засвидетельствовал, что обнаружил в привезенном обозе всего 200 000 злотых: «В мешках много недоставало и вместо денег вздором (узорочьем? — *Р.С.*) наполнено». Пример наглядно показыва-

ет, как московские чиновники распоряжались казенными деньгами и как исполняли приказы самозванца. Лжецарь пускал деньги на ветер, и немалая их часть была попросту разворована его советниками и приказными.

Чтобы оценить масштабы трат «вора», надо вспомнить, что Иван Грозный истратил 100 000 рублей из земской казны на учреждение опричнины.

Для оплаты долгов самозванец использовал драгоценности из древней царской сокровищницы. По подсчетам голландского купца Исаака Массы, цена отправленных в Речь Посполитую сокровищ составляла 784 568 флоринов, или 130 761 рубль.

Слуга Мнишека отметил в Дневнике, что по приезде в Москву в апреле Марина получила от жениха шкатулку с драгоценностями, цена которых (как говорили) достигала 500 000 рублей, или полутора миллиона злотых. Ссылка на молву заставляет усомниться в достоверности означенной цены.

Польские советники из Канцелярии столкнулись со сложной задачей: поддержать баланс расходов и доходов монарха. В тайном письме, предназначенном одному Лжедмитрию, Бучинский назвал впечатляющую цифру расходов «государя»: «Да и так уже Ваша царская милость, роздал, как сел на царство, полосма милеона, а милеон один по руски тысяча тысячев рублей». Комментарий насчет значения числа миллион был адресован московскому населению. После переворота царь Василий Шуйский, обнародовав послание Бучинского, должен был пояснить народу, что такое «милеон», и чтобы сделать письмо понятным, его дьяки перешли на рублевый счет.

Отрепьев адресовал сведения о своих тратах полякам, а потому в письме Бучинского счет шел, очевидно, в злотых. 7 500 000 злотых равны были 2 300 000 рублей. В польском тексте значилось: «*Bo mi powiedzial CJM, ze pulosma myliona rozdal jaso na Panstwie usiadl*». Итак, секретарь получил сведения об израсходованных деньгах из уст Его Милости Царя. В хвастовстве самозванцу не было равных. Можно заподозрить, что он преувеличил сумму расходов в несколько раз.

После трехлетнего голода и разрухи, вызванной гражданской войной, в царской казне просто не могло быть миллионов.

На заседании Боярской думы окольниковый Михаил Татищев объявил в присутствии польских послов, что после смерти Бориса в казне осталось всего 200 000 рублей. Текущие налоги должны были дать 150 000 рублей. С монастырей было собрано еще 40 000 рублей. Следовательно, всего в распоряжении царя было не более полумиллиона рублей наличности. После переворота русские приставы заявляли арестованным полякам: «В казне было 500 тысяч рублей, и все это, черт его знает, куда Расстрига раскидал за один год». Речь шла о полутора миллионах злотых.

Израсходованные при Расстриге суммы, видимо, включали денежное жалованье «воровскому» войску, московской думе и дворянскому ополчению, вновь набранным в Польше наемным войскам, а также отправленные в Польшу деньги для Мнишеков, многочисленные вещи, изъятые из кремлевской сокровищницы, и еще один вид платежей — долговые расписки царя.

Будучи в Самборе у Мнишеков, самозванный царевич раздавал векселя направо и налево. Суммы, обозначенные в них, как правило, многократно превосходили полученные субсидии.

Взойдя на трон, Расстрига не отказался от старых привычек. Близко знавшие «императора» иноземцы не без иронии отметили, что он был щедр, но более на словах, чем на деле, так как «без долгого размышления мог обещать несколько десятков тысяч, на 30 тыс. доходов, на 100 тыс. и более наличными и в удостоверение подписывал», но затем также легко отказывался оплачивать векселя.

Вопрос об оплате долгов «царевича» стал предметом дипломатических разъяснений за рубежом. Ян Бучинский заверил поляков, что государь не отбирает долговые письма у кредиторов. «А слышел яз то не одинава из ваших уст, что и те обогатятца, которые письмо твое имеют, хотя ныне и в Польше, только б вам панну пустили...» — писал секретарь Лжедмитрию I. Речь шла о поляках, которые покинули Отрепьева после первых же поражений и уехали в Польшу. Бучинский придумал для оправдания своего господина следующий аргумент. Царь «не все иным заплатил, что панны не выпустят». От име-

ни самодержца он обещал оплатить все долги после приезда царской невесты в Москву.

Заполучив в свое распоряжение сокровища московских государей, Отрепьев заразился страстью к стяжанию. Прозябавший всю жизнь в бедности, а иногда и в нужде, монарх упивался всемогуществом и не намерен был ограничивать свои траты. Самозванец стал скупать драгоценности, которые попадались ему на глаза. Прослышав о его страсти к покупкам, в Москву слетелось множество купцов из Польши, Германии и других стран. Имея весьма поверхностные представления о ценах, царь соглашался платить любые суммы. Когда у самозванца кончились деньги, он стал рассчитываться с торговцами векселями.

Лжедмитрий I не умел считать деньги, и его личные долги фантастически разрослись. Боярская дума использовала все его промахи и легкомысленные денежные операции. Под конец Казенный приказ отказался оплачивать бесчисленные царские векселя по причине отсутствия наличности. Лжедмитрию пришлось смириться с тем, что дума через Казенный приказ ввела ограничения на оплату его векселей и тем самым установила контроль за его расходами.

Невообразимые траты самозванца были следствием не одного только тщеславия и легкомыслия, но и расчета. Лжедмитрий сознавал, что нужен своим знатым подданным, пока осыпает их деньгами и титулами. Когда серебряный дождь иссякнет, он будет не нужен.

Своими тратами новоявленный император привел государство к финансовому банкротству, чем ускорил свою собственную гибель.

ЗАКОНЫ ЛЖЕДМИТРИЯ I

Составить сколько-нибудь точное представление о правлении Лжедмитрия весьма трудно. После его смерти власти приказали сжечь все его грамоты и прочие документы. Тем большую ценность представляют те немногие экземпляры, которые случайно сохранились в глухих сибирских архивах. В

далеком Томске затерялась грамота царя «Дмитрия Ивановича» от 31 января 1606 г. Великий государь оказал милость населению сибирского городка, велел объявить «служилым и всяким людям, что царское величество их пожаловал, велел их беречи и нужи их рассматривати чтоб им ни в чем нужи не было и они б служивые и всякие люди царским осмотрением и жалованием по его царскому милосердию жили безо всякие нужды».

Свое правление самозванец начал с приказа заменить старых чиновников — дьяков и подьячих. Такая мера была обычной при смене монарха на троне. Лучше ли были те, кто заменил отправленных в отставку приказных, трудно сказать. Традиции кормления довели над приказной практикой. Подьячие продолжали кормиться за счет подсудного населения.

Лжедмитрий разослал по приказам строгий указ, повелев, чтобы приказные и судьи «без посулов решали дела, творили правосудие и каждому без промедления помогали найти справедливость». Вновь назначенные чиновники должны были собрать у населения все жалобы на прежних воевод «в насильствах, и в продажах, и в посулах или в каких обидах», чтобы «безволокитно» дать населению суд и управу на несправедливых чиновников.

Приказные, к которым царь был расположен, пользовались поблажками. Зато дьяков, к которым государь не благоволил, били палками, вводя по улицам города. На шею осужденным вешали кошель с деньгами, если взятка была принята деньгами, или меха, жемчуг, даже соленую рыбу, другие предметы, составлявшие подношение. По словам современников, самодержец обломал не одну трость о спину воров и взяточников.

Дворян избавляли от батогов, но налагали на них большие штрафы. Чиновники искали и находили способы обходить законы. У себя дома православные украшали иконы подарками к праздникам. Новая выдумка, по словам Маржарета, заключалась в том, что искатели привешивали свои подношения к иконе в доме человека, которого надо было подкупить. Возникла своего рода такса. Если цена подарка не превышала семи-восьми рублей, дело могли замять.

Меры, принятые властями, не достигали цели, и государь пустил в ход более суровые кары. Двое подьячих Поместного приказа, получив взятку, помогли одному помещику оттягать у другого землю, для чего приказные «починивали в старых писцовых книгах слова, прибавливали вновь воровски». За «воровство» старший подьячий Дашков «был кажен, отсечена рука».

Это наказание ужаснуло приказной мир. Но лихоимство продолжалось. Однако Лжедмитрий снискал в народе славу справедливого государя.

По всей столице, записал К. Буссов, было объявлено, что великий государь и самодержец будет два раза в неделю — по средам и субботам — принимать жалобы у населения на Красном крыльце в Кремле, чтобы все обиженные могли без всякой волокиты добиться правды. Даже непримиримый противник Отрепьева Исаак Масса признавал, что установленные им законы были безупречны и хороши.

Самозванец старался убедить подданных, что в его лице государство приобрело не только непобедимого императора, но и мудрого гражданского правителя. Близко знавший его архиепископ Арсений Елассонский писал, что тот подражал прежним царям, «чтобы превзойти их во всяком царском деянии и успехе».

В первые же месяцы своего царствования Лжедмитрий уразумел, что его власть лишь тогда будет прочной, когда он заручится поддержкой всего дворянства. Выходец из мелкопоместной семьи, Отрепьев хорошо знал нужды и потребности российского дворянского сословия. Даже обличители «мерзкого еретика» изумлялись его любви к «воинству». На приемах во дворце Лжедмитрий не раз громогласно заявлял, что по примеру «отца» он рад жаловать «воинский чин», ибо «все государи славны воинами и рыцарями (дворянами. — *Р.С.*): ими они держатся, ими государство расширяется, они — врагам гроза».

Следуя традиции, самозванец отправлял воевод в уезды для проведения дворянских смотров. Целью смотров были проверка боеспособности дворянского ополчения, раздача денежно-

го жалованья и упорядочение поместного обеспечения детей боярских и «новики». Таким путем, утверждали современники, царь желал «всю землю прельстить», и «всем дворянам милость показать», и «любимым быть».

Весной 1606 г. Лжедмитрий I вызвал в Москву новгородских дворян для похода на Азов. Надо иметь в виду, что силы новгородского поместного ополчения использовали для обороны северо-западных рубежей. Власти могли послать на дальние южные окраины лишь часть ополчения. Смотр вызванных в Подмоскovie детей боярских можно было провести в столице. Но надо было позаботиться о тех, кто остался в своих новгородских поместьях.

Перед походом царь направил в Новгород грамоту с наказом «дворяном и детем боярским всем из Деревския пятины выбрать дворян и детей боярских к Москве с челобитными о поместном верстании и денежном жалованьи, и бити челом государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичу всея Руссии». Выборные должны были собрать челобитные от помещиков своей волости, которые таким образом получали возможность заявить о своих нуждах и требованиях. Выборные представители могли вручить прошения непосредственно государю. Власти сами подталкивали служилых людей к подаче жалоб и заявлений о своих нуждах. Это отвечало цели новой власти — смещению старой годуновской администрации.

Принцип выборности расширял сословные права военно-служилого поместного дворянства.

Старания властей приносили скромные результаты. Новгородская земля была разорена. Население Лишенской волости, получив грамоту царя, отвечало, что во всей волости у них остался один сын боярский, да и тот вызван в столицу. Спасти обнищавшее дворянство могли лишь крупные государственные субсидии. Но такие траты не входили в расчеты самозванца.

Исследователи Смуты высказали предположение, что Лжедмитрий, пришедший к власти на гребне народного движения, готовился провести в жизнь социальную меру исключительного значения — восстановить право выхода крестьян в

Юрьев день. Но мог ли самозванец удовлетворить разом и крепостников-дворян, и закрепощенных крестьян? Если бы он попытался освободить крестьян, то разом восстановил бы против себя все высшее сословие. Примечательно, что даже в самые трудные для него периоды гражданской войны Отрепьев ни разу не обещал крепостным волю.

В начале XVII в. в недрах приказных канцелярий была начата работа по составлению Сводного Судебника. В основу его был положен Судебник 1550 г., дополненный указами царей Федора, Бориса и Лжедмитрия I. Если бы Свод появился при Борисе, он дошел бы до нас во многих копиях. Скорее всего работа была проведена при Лжедмитрии I. Он правил недолго, а после его гибели Шуйский, вынужденный воевать с новым самозванцем, велел приказным уничтожить все законы и прочие документы еретика. Работа над Сводным Судебником была прекращена.

Составители Сводного Судебника сохранили в неприкосновенности статью Судебника Грозного о крестьянском выходе в Юрьев день и указы царя Бориса о частичном восстановлении выхода в 1601–1602 гг. Но в Сводном Судебнике отсутствовал закон об отмене Юрьева дня, определивший судьбу крестьян. На основании этого факта историки заключили, что Лжедмитрий готовился освободить крестьян от крепостной неволи.

Однако надо иметь в виду, что при жизни самозванца дьяки успели лишь составить подборку законов, но так и не приступили к их согласованию и унификации, вследствие чего Сводный Судебник не получил официального утверждения.

«Заповедные годы» были введены в правление Бориса Годунова как чрезвычайная мера. Такая мера, вследствие своего временного характера, не нуждалась в развернутом законодательстве. Если дьякам не удалось разыскать текст указа об отмене Юрьева дня, то это наводит на мысль, что такой указ никогда не был издан. В рамках режима «заповедных лет» всех крестьян, покинувших землевладельцев, стали рассматривать как беглых. В 1597 г. власти издали закон о пятилетнем сроке сыска беглых, законодательно оформивший крепостное пра-

во. Дьяки Лжедмитрия не только включили этот закон в текст Сводного Судебника, но и руководствовались им при разработке нового закона о крестьянах, утвержденного 1 февраля 1606 г. Лжедмитрий предписал возвращать владельцам крестьян, бежавших от них за год до голода и после «голодных лет». Возврату подлежали также те крестьяне, которые бежали в голодные годы «с животы» (имуществом), следовательно, не от крайней нужды и не от страха голодной смерти. Действие закона не распространялось на тех крестьян, которые бежали в годы голода от нужды «в дальние места из замосковных городов на украины и с украины в московские города... верст за 200 и за 300 и больше». На указанном расстоянии к югу от Москвы находятся рязанская, тульская и черниговская окраины. На первый взгляд новый закон гарантировал равные возможности московским дворянам и южным помещикам: первые не имели права вернуть крестьян, бежавших на юг, а вторые — бежавших на север. Однако надо помнить, что голод поразил нечерноземный Центр значительно сильнее, чем плодородные южные окраины, вследствие чего голодающие крестьяне устремились не на север, а на юг — в черниговские, тульские и рязанские земли.

Закон 1606 г. закреплял беглых крестьян за новыми владельцами, «кто его (бежавшего от нужды крестьянина. — Р.С.) голодное время прокормил». Этот закон был выгоден южным помещикам, которые первыми поддерживали дело самозванца и теперь были им вознаграждены.

В целом по отношению к крестьянам Лжедмитрий придерживался еще более консервативного курса, чем Борис Годунов. Отстаивая интересы дворянства, самозванец не допускал мысли о возможности даже временного восстановления Юрьева дня. Беглые, покинувшие своих землевладельцев в голодные годы, не подлежали освобождению. Их закрепляли за новыми господами.

Полагают, что Лжедмитрий заботился не только о южных помещиках, но и о податном населении южных районов, освобожденном им от уплаты государевых податей. Этот вывод нуждается в уточнении. Английский современник, составив-

ший записку о состоянии Русского государства в 1606—1607 гг., сообщает об освобождении от податей населения не всех южных районов (городов и уездов), а только Путивля. Описав восстание жителей Путивля против Шуйского, он пояснил: «Они поступили так еще более потому, что Дмитрий, за особые ему заслуги, освободил эту область от всех налогов и податей в течение десяти лет». Путивль был много месяцев столицей Лжедмитрия. Его жители оказали «царевичу» неоценимую помощь. Они понесли наибольшие расходы и потери. За все это самозванец и предоставил им особые льготы. Определяя срок действия льгот, Лжедмитрий следовал примеру Бориса Годунова: когда шведы вернули России разоренный дотла город Корелу, правитель Борис освободил его жителей от всех налогов на десять лет.

Экономическое положение страны при Лжедмитрии улучшилось. Воспоминания о голоде ушли в прошлое вместе с царствованием «несчастливого» царя Бориса. На рынках вновь появился дешевый хлеб. Но финансовая система по-прежнему отличалась неустойчивостью. Разоренное население не могло исправно платить налоги. Образовались большие недоимки. Трудности неизбежно отразились на податной политике Лжедмитрия. В 1606 г. его чиновники, отправленные в Томск, получили задание собрать татар и остяков — «лучших людей» по несколько человек от каждой волости, узнать об их нуждах, собрать жалобы, после чего обложить налогом. Царь «велел ясаки иметь рядовые (обычные. — *Р.С.*), х какому мочно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслам; а на ком будет ясак положен не в силу (непосильный. — *Р.С.*) и впредь того ясака платить немочно и государь то велел сыскать, да будет ясак положен не по делу и в том им тягость... велел им в ясаках льготить, а з бедных людей, кому платить ясаку немочно, по сыску иметь ясаков не велел, чтоб им сибирским всяким людем ни в чем нужи не было... чтоб жили в царском жалованье в покое и тишине безо всякого сумнения».

В своих манифестах царь выступал как радетель народно-го блага, защитник народа... от собственных агентов. Какими бы добрыми ни были намерения Лжедмитрия, подати остава-

лись столь же обременительными, как и прежде. К маю 1606 г., когда сбор налогов в казну завершился, наблюдательные современники отметили, что «Дмитрий стал тяжел подданным в податях».

Сохранились любопытные распоряжения Лжедмитрия I относительно холопов, поверстанных поместьями и принятых на дворянскую службу за доносы. В муромской десятне 1605 г. упомянуты двое детей боярских — Антонов и Филатов, поверстанные «по Борисову велению Годунова» в дети боярские «из холопей за доводы», или доносы. В.И. Ульяновский установил, что названные дворяне несли службу по Мурому уже в 1597 г., т.е. до доносов царю Борису.

Верстать поместьями боевых боярских холопов начал еще Иван III в момент зарождения поместной системы. Эта традиция не была утрачена в последующие десятилетия. Что касается указов Лжедмитрия, в них была четко обозначена та группа холопов, на которую распространялось действие закона. А именно речь шла о холопах-доносчиках. Очевидно, подобного рода указы следует рассматривать как часть антигодуновской агитации Отрепьева. Закон отвечал ожиданиям бояр, пострадавших от холопских изветов.

Военно-служилое дворянское сословие стремилось избавиться не только от холопов, но и от выходцев из посадского сословия и детей пашенных крестьян.

7 января 1606 г. дума утвердила новый приговор о холопах. Некогда Борис Годунов запретил господам передавать кабальных холопов по наследству. Смерть господина рвала путы зависимости. Такой порядок оказался неудобным для дворян, и они находили множество способов нарушать его. В кабалу господин рядом со своим именем вписывал имена сына или братьев в качестве совладельцев холопа. Подобные злоупотребления вызывали возмущение кабальных, отказывавшихся считать себя пожизненными рабами-холопами. Новый закон категорически запрещал писать кабалы на имя двух владельцев сразу и предписывал освободить кабальных, ставших жертвами подобного рода злоупотреблений.

Закон о холопах интересен в двух отношениях. Со временем дьяки вымарали из его текста имя Расстриги. Но едва ли можно усомниться в причастности лжецаря к составлению указа. Отрепьев сам служил в холопах у бояр и, может быть, поэтому проявлял о них заботу, стараясь оградить от самых вопиющих злоупотреблений. Закон распространялся на все разряды холопов, но в первую очередь на боевых холопов. Послабления в отношении этой группы населения вполне объяснимы. Боевые холопы были единственной группой зависимого населения, которая располагала оружием, имела боевой опыт и составляла неотъемлемую часть вооруженных сил страны. Как утверждали очевидцы, боевые холопы сыграли значительную роль в восстании Хлопка. Позже многие из них бежали в Северскую Украину, где поддержали движение в пользу самозванца. Новый закон отвечал их интересам. Уступки холопам противоречили интересам господ. Из-за последовавшей вскоре смерти самозванца закон о холопах не был претворен в жизнь.

ИМПЕРАТОР ЮРИЙ I

В период борьбы с Годуновым «воровские» бояре в Путивле и бояре-заговорщики под Кромами согласились принять «Дмитрия» на трон как самодержца. Выступления вольных казаков и населения южных городов, мятеж в армии, переворот в столице и, наконец, суд над боярским руководством в лице Шуйских — все эти события вырвали нити правления у Боярской думы и необычайно усилили власть нового царя. Стремясь закрепить успех, Лжедмитрий принял императорский титул. Отныне в официальных обращениях Отрепьев именoval себя так: «Наияснейший и непобедимейший самодержец и великий государь Дмитрей Иванович... цесарь и великий князь всея России и всех татарских царств и иных многих государств, московской монархии подлеглых, государь, царь и обладатель»; или «Мы — непобедимейший монарх Божьей милостью император, и великий князь всея России, и многих

земель государь, и царь-самодержец, и прочая, и прочая, и прочая». Полонизмы («подлежный») и отступление от традиционного для Москвы царского титула наводят на мысль, что новый титул родился в недрах польской Канцелярии самозванца.

Мелкопоместный галицкий сын боярский Юрий Отрепьев, принявший имя Дмитрия, стал первым в русской истории императором. Правда, соседи России не признали его таковым.

Объясняя смысл своего титула, самозванец объявил иностранным послам, что он обладает огромной властью и нет ему равного в полных (северных) краях. В самом деле, боярская знать поначалу должна была считаться с «необъятной властью» новоявленного императора, тем более что на его стороне была сила.

В Путивле Отрепьеву нетрудно было разыгрывать роль самодержца, сидя в воеводской избе. В Москве его обязанности неизмеримо усложнились. Но и тут он вскоре овладел ситуацией.

Однако сколь бы успешно ни исполнял свою роль Лжедмитрий, его отношения с думой неизбежно стали меняться, когда он распустил повстанческие отряды и стал управлять страной традиционными методами.

Некогда Иван IV похвалялся, что российские самодержцы вольны казнить, вольны миловать своих холопов-подданных. Но даже в устах Грозного подобные заявления были всего лишь эффектной фразой. Лишь опричнина позволила ему избавиться от опеки со стороны думы и казнить знать без боярского суда. Оказавшись на троне, Отрепьев столкнулся с теми же трудностями, что и его мнимый отец. В «воровском» лагере самозванец повелевал жизнью и смертью бояр, попавших к его двору пленниками. В Москве ситуация претерпела разительные перемены. Подготавливая опричнину, царь Иван упрекал думу и духовенство, что те «покрывают» изменников-бояр, «которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны». Такой же упрек Лжедмитрий мог адресовать своей думе.

Самозванец внимательно следил за настроениями верхов и пытался предотвратить нежелательное развитие событий.



Портрет Ивана IV.
XVI в. Копенгаген.
Национальный музей.



Портрет
Бориса Годунова.
XVII в.
Частная коллекция.





Василий Шуйский,
царь (1606 — 1610).
Старинный портрет.



Князь Михаил Васильевич
Скопин-Шуйский.
Парсуна. XVII в.

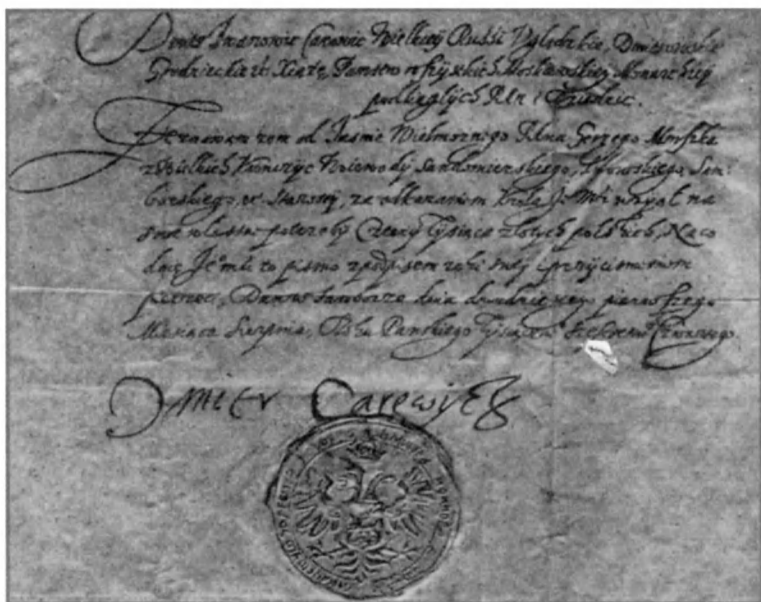


Лжедмитрий I.
Гравюра Л. Кишана. 1606 г.

Лжедмитрий I

Автограф
Лжедмитрия I.





Расписка Лжедмитрия I в получении от воеводы
Сандомирского Ю. Мнишека 4000 злотых.



Марина Мнишек.
Гравюра из книги
С. Гроховского
«Праздничная песнь».
1606 г.



Юрий Мнишек.
Гравюра из книги
С. Гроховского
«Праздничная песнь».
1606 г.





Карта Московии Г. Герритса. 1613 г.



Свадьба Лжедмитрия I и Марины Мнишек.
Картина начала XVII в.





Смутное время в России.
1604 — 1609 гг.



Скитания в Литве и поход на Москву Григория Отрепьева.

.....➤ Путь Григория Отрепьева из Москвы в Литву, описанный в «Известе» Варлаама в 1606 г.

-----➤ Путь Лжедмитрия I, описанный им в беседе с Вишневецким в 1603 г.

————➤ Поход Лжедмитрия I на Москву.





Икона царевича
Дмитрия Углического.



Княжеский дворец в Угличе
(палаты царевича Дмитрия).
1480-е гг.



Успенская («Дивная») церковь в Угличе. 1628 г.





Марина Мнишек.
Неизвестный автор. 1609 г.

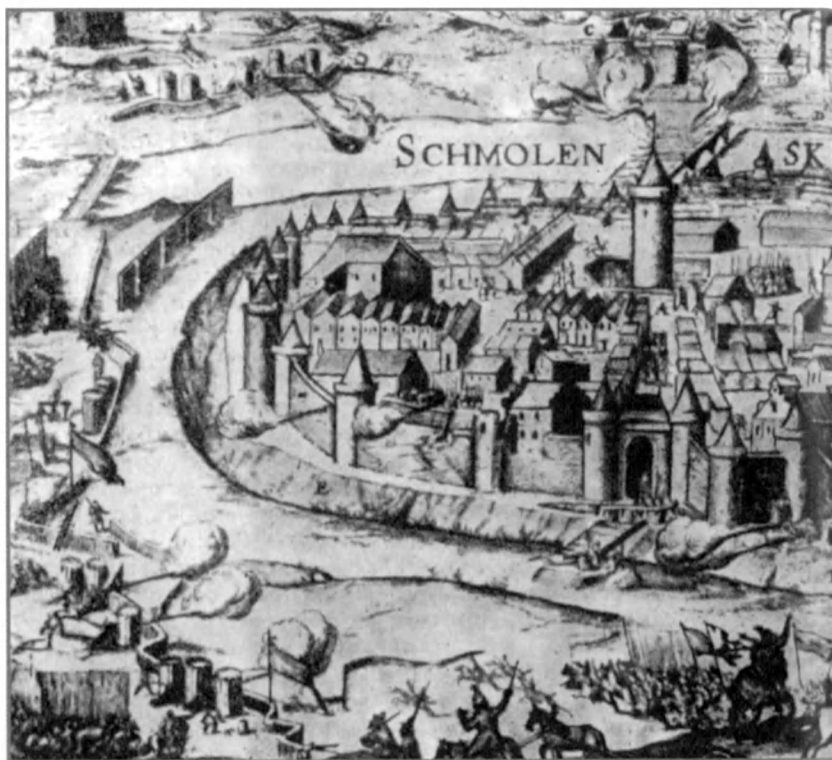


Фальшивый портрет
Лжедмитрия II.
Гравюра. 1698 г.



Дом Лжедмитрия II и Марины Мнишек в Калуге.
Гравюра. XIX в.





Осада Смоленской крепости
войсками Сигизмунда III
в 1609—1611 гг.
Гравюра начала XVII в.



Троице-Сергиев монастырь.
Успенский собор.
1559 — 1585 гг.





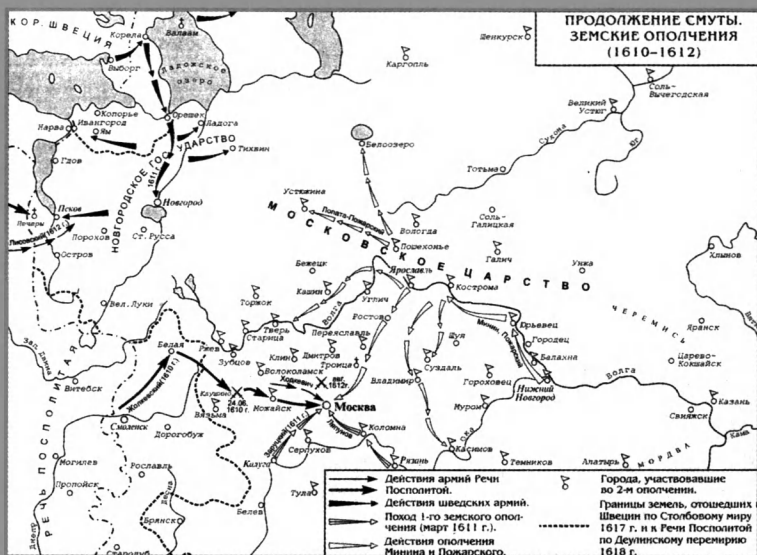
Наградная царя Владислава
Санкт-Петербург, Эрмитаж



Золотой и наградной
Лжедмитрия I
Санкт-Петербург, Эрмитаж

Оборона Троице-Сергиевой лавры
в дни Смуты. Художник Милорадович. XIX в





Продолжение Смуты. Земские ополчения.
1610—1612 гг.



Марина Мнишек после убийства Лжедмитрия II.
Художник А. Шарлемань. XIX в.





Кузьма Минин.
*Из собрания портретов,
изданных Бекетовым.*



Князь Д.М. Пожарский
в боярской одежде.
*Портрет работы неизвестного
художника. XVIII в.*



Воззвание
К. Минина
к народу.
*С картины
художника
К.Е. Маковского.
Фрагмент.*





Крестный ход.
Гравюра из
книги А. Олеария
«Описание
путешествия
в Москву».



Крещение
ребенка.
Гравюра
из книги
Т. Вармунда
«Всеобщая
религия русских».



Светские
развлечения.
Гравюра из
книги А. Олеария
«Описание
путешествия
в Москву».





Посольский двор. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Москву».



Свадьба, русский обряд XVII в. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Москву».





Новгород.

Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Москву».



Псков.

Рисунок из книги А. Мейерберга «Путешествие в Московию».



Вологда.

Гравюра из книги «Путешествие К. ван Кленка». 1677 г.





Пушечно-литейный двор в Москве в конце XVI — начале XVII в. С картины художника А.М. Васнецова.



Московская дворянская конница. Гравюра из книги С. Герберштейна «Записки о Московии». 1567 г.



Троицкая церковь в Хорошеве. 1598 г.





Освобождение Москвы от польских интервентов в 1612 г.



Крестьянская курная изба.
1615—1616 гг.
А. Гетерис. ГПБ.



После смерти царя Федора Ивановича Романовы и Бельский выдвинули проект введения в стране боярского правления. Они предложили посадить на трон служилого татарского хана Симеона Бекбулатовича, чтобы править его именем.

Опасаясь возрождения старой интриги, Лжедмитрий в феврале 1606 г. поручил двум дьякам провести розыск, после чего приказал сослать Симеона в Кирилло-Белозерский монастырь. 3 апреля служилый царь был пострижен в монахи и принял имя Стефана.

Из-за раздора с правящим боярством Иван Грозный удалился в опричнину. Лжедмитрий не решился последовать его примеру. Иностранцев поражали московские порядки, при которых царь шагу не мог ступить без Боярской думы. Бояре не только решали с самодержцем государственные дела, но и сопровождали его повсюду. Государь не мог перейти из одного дворцового помещения в другое без бояр, поддерживавших его под руки. Некоторые из членов думы оставались в постельных хоромы царя до утра. Несмотря на все усилия, Отрепьеву не удалось разрушить традиции, которые связывали его с боярским кругом подобно паутине.

На первых порах самозванец пытался упразднить наиболее неудобные для него дворцовые порядки. Он запретил непрестанно кропить себя святой водой при каждом выходе из дворца, запросто беседовал с боярами, заходил без слуг и телохранителей в ювелирные лавки, в аптеки и другие места.

Польские секретари видели, что их влияние падает вместе с влиянием их государя, и горько сетовали на московские порядки, вынуждавшие самодержца большую часть времени проводить в кругу бояр. Стремясь положить конец общению самодержца со знатью, поляки обсуждали различные пути достижения этой цели, включая перенесение столицы из Москвы в какое-нибудь другое место. Эти проекты показывают, сколь плохо иностранные советники понимали действие русского государственного механизма. Ивану Грозному понадобилась опричнина, чтобы ослабить влияние знати на дела управления. Не обычаи сами по себе, а могущество знати определяло поли-

тические порядки в Русском государстве. Что касается Лжедмитрия, то он нередко нарушал обычаи и ритуалы.

Отрепьев был, без сомнения, от природы одарен большими способностями. Он удивительно быстро учился и так же быстро приспосабливался к менявшимся обстоятельствам. Самозванец процарствовал слишком недолго. Его опыт был невелик. Тем не менее он разучил роль выдающегося государственного мужа, и его игра впечатлила некоторых современников.

Маржарет с восхищением писал о том, что монарх давал подданным «понемигу распробовать, что такое свободная страна, управляемая милостивым государем». Прежде российские подданные почти не смели говорить в присутствии царя, «сказанный император умел иначе являть величие и достоинство, присущее такому, как он, государю, к тому же он был мудр, достаточно образован, чтобы быть учителем для всей думы».

Конрад Буссов описывал, как царь ежедневно заседал с боярами в думе, требовал обсуждения государственных дел, внимательно следил за каждым высказыванием, а затем начинал, улыбаясь, говорить: «Сколько часов вы совещались и ломали себе над этим головы, а все равно правильного решения еще не нашли. Вот так и так это должно быть». Экспромтом он мог найти лучшее решение, чем все его советники за много часов.

Надо думать, самозванец тщательно готовился к экспромтам, которые поражали двор. Будучи хорошим оратором, он вводил в свои речи тонкие удачные сравнения и достопамятные истории о происходивших у всевозможных народов событиях, которые он пережил или видел сам на чужбине, так что его слушали с охотой и удивлением.

Чтобы оценить эти отзывы, надо учитывать, от кого они исходили. Иноземные наемные солдаты Маржарет и Буссов на родине занимали скромное положение. В России они были допущены ко двору в качестве царских телохранителей. Тут они получили земли, богатства и почести, что и определило их взаимоотношения с властью. Им недоставало ни образования, ни опыта, чтобы оценить то, что происходило у них на глазах.

К тому же они плохо знали московские порядки и не вполне владели русским языком.

То, что производило самое благоприятное впечатление на телохранителей, задевало бояр, порождало неприязнь. В думе 24-летний царь поучал и высмеивал своих «сенаторов», которые годились ему в отцы и даже в деды.

«Дмитрий», по свидетельству Буссова, часто укорял «своих знатных вельмож в невежестве, в том, что они необразованные, несведущие люди, которые ничего не видели, ничего не знают и ничему не учились, помимо того, что казалось им, с их точки зрения, хорошим и правильным».

Царь предлагал великородным боярам ехать к еретикам «в чужие земли, испытать себя, кому где захочется, научиться кое-чему, с тем чтобы они могли стать благопристойными, учтивыми и сведущими людьми».

Подобного рода советы унижали знать, ожесточали против государя истинно православных русских людей.

Аристократия не терпела покушений на свои prerogatives даже при прирожденных государях. Когда же трон занял безвестный проходимец, отторжение власти стало неизбежным.

Заняв Московский трон, Лжедмитрий пытался выполнить свои обещания польскому королю, записанные в «кондициях». Он приказал готовить войска для похода против шведов. Однако Боярская дума решительно воспротивилась попыткам круто изменить внешнеполитическую ориентацию. Бояре не желали нарушать «вечный мир» со Швецией, и самозванец должен был подчиниться их воле.

Отрепьев обещал Сигизмунду III насадить католицизм в России. Вскоре после коронации в думе обсуждался вопрос: разрешить ли полякам построить в Москве костел. Царь заявил, что приличнее разрешить это католикам, чем протестантам, которым прежде Боярская дума позволила построить и школу, и кирху. Но духовенство и бояре думали иначе. Лжедмитрию пришлось забыть о тайном договоре с Мнишеком, обязывавшем его за год обратить православную Россию в католичество. Дело ограничилось тем, что после долгих прово-

лочек полякам разрешили устроить костел в доме у церкви Сретенья на Переходех близ дворца.

Поначалу бояре не смели открыто перечить самодержцу. Но со временем они пригляделись к самозванцу, изучили его слабости и страстишки и перестали церемониться с ним. Отрепьев привык лгать на каждом шагу. Эта привычка стала его второй натурой. Но ложь слишком часто всплывала на поверхность, и это приводило к неприятным эксцессам в думе. Красочное описание их можно найти в дневнике поляка С. Немоевского, свидетельства которого отличаются высокой степенью достоверности. Бояре не раз обличали «Дмитрия» в мелкой лжи, говоря ему: «Великий князь, царь, государь всея Руси, ты солгал». Ожидая прибытия в Москву семейства Мнишек, царь («стыдясь наших» — прибавляет от себя автор дневника) воспретил боярам такое обращение. Тогда сановники с завидной простотой задали ему вопрос: «Ну как же говорить тебе, государь, царь и великий князь всея Руси, когда ты солжешь?» Поставленный в тупик, самозванец обещал думе, что больше «лгать не будет». «Но мне кажется, — завершает свой отчет С. Немоевский, — что слова своего перед ними не додержал...»

Пышный дворцовый ритуал, заимствованный из Византии, раболепное поведение придворных создавали видимость неслыханного могущества московских государей. Сама доктрина самодержавия, казалось бы, исключала возможность открытой оппозиции самодержцу. На самом деле Боярская дума после недолгого замешательства вновь сосредоточила в своих руках все нити управления государством и сплошь и рядом навязывала свою волю царю.

В апреле 1606 г. на званом пиру во дворце Отрепьев потчевал бояр изысканными блюдами. Среди других яств на стол подали жареную телятину. Василий Шуйский стал потихоньку пенять царю за нарушение церковных правил. Государь оборвал его. Но тут в спор вмешался Михаил Татищев, считавшийся любимцем царя. (Отец Татищева оказал большие услуги Грозному, за что получил в опричнине чин думного дворянина. Михаил Татищев служил ясельничим при царе Борисе.

Будучи послан в Грузию, он не участвовал в войне с Лжедмитрием, за что и был обласкан по возвращении в Москву и вошел в думу с чином окольного. На пиру Татищев не только принял сторону Шуйского, но и в грубой, оскорбительной форме публично выбранил царя за приверженность к нечистой пище.

В наказание за дерзость Отрепьев велел сослать Татищева в Вятку и содержать в тюрьме в колодках, «потаив имя его». При Грозном окольный лишился бы головы. При Лжедмитрии в дело вмешались бояре. За ревнителя благочестия вступилась вся дума, включая любимца царя П.Ф. Басманова. Лжедмитрию пришлось отменить приговор и без промедления вернуть опального в Москву. Инцидент с Татищевым обнаружил полную зависимость самозванца от бояр.

Отрепьев шел к власти напролом, не останавливаясь перед убийствами и казнями. Он показал себя человеком жестоким и вероломным. Если в Москве самозванец надел маску милостивого монарха, решительно чуждавшегося кровопролития, то причина была одна. Он не имел сил и средств для сокрушения своевольного боярства.

Сразу после свадьбы с Мариной Мнишек самозванец поведал секретарю, какой невыразимый страх испытал во время торжественной церемонии: «Как я венчался, и у меня в ту пору большое опасенье было, потому что по православному закону сперва надо крестить невесту, а потом уже вести ее в церковь, а некрещеной иноверке и в церковь не войти, а больше всего боялся, что архиереи станут упрячиться, не благословят и миром не помажут». Отрепьев обладал проницательностью и слишком хорошо знал людей, чтобы не догадываться об истинном отношении к нему отцов церкви и бояр. Иногда ему казалось, что терпение подданных вот-вот истощится и они положат конец затянувшейся комедии.

В свое время Иван Грозный в страхе перед боярской крмолкой приказал перевезти сокровищницу в Вологду и вступил в переговоры с Лондоном о предоставлении ему и его семье убежища в Англии. Аналогичным образом поступил Борис Годунов в период острого конфликта с Шуйскими и про-

чей знатью. Отрепьев шел по их стопам. Начальник личной стражи самозванца Яков Маржарет, посвященный в его тайные планы, писал с полной определенностью: «Он (царь. — Р.С.) решился и отдал уже своему секретарю приказание готовиться к тому, чтобы в августе минувшего 1606 года отплыть с английскими кораблями» из России. Лжедмитрий избрал иной предлог к отъезду, чем его мнимый отец. Он утверждал, что хочет посмотреть Францию. В действительности самозванцу приходилось думать о спасении собственной жизни.

Борис Годунов потратил немало сил, чтобы посредством системы договоров обеспечить России мир. Лжедмитрий, заняв трон, приступил к подготовке большой войны.

Планы самозванца свидетельствовали о его честолюбии. Но в них был определенный расчет. С помощью победоносной войны Лжедмитрий надеялся упрочить свой шаткий трон.

Дума не позволила царю вновь втянуть Россию в Ливонскую войну. Отказавшись от планов войны со Швецией, «непобедимый император» решил обратить оружие против турок и татар.

Османская империя вела кровавую и долгую войну, целью которой было завоевание Венгрии. Занятые войной с венграми, крымские татары целое десятилетие не тревожили Русь. Продолжали нарушать мир одни азовские татары. Они много раз грабили русские «украины» и причиняли немало вреда поселениям донских казаков. На южных границах шла необъявленная война. В конце 1605 г. казаки достигли крупного успеха в этой войне. Они захватили в плен азовского агу Досмагмета и привезли его в Москву.

Победа донцов окрылила Лжедмитрия. Его давно манила перспектива решительного наступления на турок и татар. Тайный католик — православный царь не раз обращался в Ватикан с призывом создать коалицию против турок, в которую вошли бы католические государства — Габсбургская империя, Испания и Речь Посполитая — и православная Русь. Момент был не слишком удачен, и Папа Римский ответил Лжедмитрию: «Пускай царь первый выступит на арену, пусть он увлечет за собой Европу и покроет себя бессмертной славой».

Габсбурги готовились к мирным переговорам с Османской империей и потому не помышляли о присоединении к антитурецкой лиге. Сигизмунд III подталкивал Лжедмитрия к войне с турками, но при этом не желал связывать себя союзническими обязательствами. В 1606 г. в Москве узнали о том, что король отказался присоединиться к антитурецкой коалиции. Оставшись без союзников в Европе, Лжедмитрий тем не менее не отказался от своих воинственных планов.

Началом их осуществления стало переименование крепости Царев-Борисов в Царьград. Эта крепость была выстроена на Северском Донце, в глубинах «дикого поля». Отрепьев не прочь был взять на себя миссию освободителя балканских христиан от турецкого ига, для чего надо было изгнать басурман из Константинополя...

С тех пор как самозванец водворился в Кремле, он говорил о своих прожектерских замыслах лишь в тайных и сугубо доверительных беседах с немногими советниками. Во время секретного свидания с патером Савицким в Кремле Лжедмитрий согласился с тем, что в Москве надо учредить иезуитский коллегиум, а также собрать на казенный кошт подготовленных ребяток для определения их в школы. Самозванец не раз выражал намерение послать русских людей в страны Западной Европы для получения образования. При царе Борисе первые русские студенты были отправлены в Англию, Францию, Германию. Самозванец не осмелился последовать примеру Годунова и не выполнил своих намерений.

Любые новшества наталкивались на противодействие со стороны бояр и князей церкви. Получив власть благодаря народному восстанию, Лжедмитрий оставил в неприкосновенности традиционные порядки, служившие оплотом влияния знати и духовенства. Поэтому он не мог найти в русском обществе сил, которые поддержали бы нововведения. Проникшись недоверием к подданным, самозванец искал сочувствия у окружающих его иноземцев, отводил душу в беседах с иезуитами, уповая на их преданность. Между тем для иезуитов «Дмитрий» был не более чем пешкой в их собственной игре.

Проекты самозванца были подчинены конкретным политическим целям. Отрепьев мечтал о том времени, когда он сможет сместить с высших государственных постов бояр и передать эти посты иностранцам, на верность которых наивно рассчитывал.

Понятно, что планы такого рода самодержец держал в тайне. Подобно тестю Юрию Мнишеку, он любил толковать о расширении прав московской знати. В письме боярам от 11 августа 1605 г. Мнишек обещал «быть помощником размноженью прав ваших». Не раз беседовавший с Лжедмитрием I поляк Немоевский писал, что тот «желал было дать новые права и писанные законы... и дать некоторую свободу боярам».

Конечно же, самозванец вовсе не намеревался вводить в России польские порядки. В Польше королевская власть была выборной. Короля выбирал сейм, принимавший законы и решавший важнейшие из государственных дел. Монарх должен был служить Речи Посполитой. Он предлагал проекты сенату, но сенаторы могли отвергнуть их. При избрании король приносил присягу на верность шляхте, обещал править милостиво, быть благодарным шляхте за избрание на трон, вести достойную жизнь.

При Грозном на Руси были заведены типографии. Лжедмитрий I следовал по стопам «отца» и оказал покровительство печатнику Ивану Андронову сыну Невежину. Получив от нового царя субсидии, мастер уже 5 июля 1605 г. приступил «в царской его величества друкарне» к печатанию нового издания «Апостола». Работа шла весьма успешно и была завершена 18 марта 1606 г. В Послесловии мастер указал, что книга создана повелением «благочестия поборника, и божественных велений изрядна ревнителя, благоверного и христоролюбивого, исконнаго Государя всея великия России, крестоносного царя и великого князя Дмитрия Ивановича всея России самодержца».

Прошло время, когда Отрепьев дрожал от страха, попав в парадные покои королевского замка в Кракове. Современники, видевшие Лжедмитрия в Кремле, утверждали, что он выглядел как «воин и герой».

В Милане лучшие мастера получили заказ на изготовление парадных рыцарских доспехов для московского царя. На придворных балах великий государь любил щеголять в одежде польского гусара.

Самозванец питал страсть к воинским играм и артиллерии. По его приказу было изготовлено множество мортир и других орудий, которые предполагалось использовать под Азовом. Знаменитый мастер Андрей Чохов отлил орудие, на стволе которого обозначил имя царя Дмитрия Иоанновича. Пушкари проводили учебные стрельбы за Стретенскими воротами «к Напрудному на поли». При этом Отрепьев сам палил из пушек.

Московские мастеровые построили по приказу самозванца потешную крепость из повозок — «гуляй-город». Дощатые стены, укрепленные на повозках, были расписаны изображениями чертей и геенны огненной. Из амбразур торчали стволы пушек. Русские прозвали крепость «адам». Нередко «ад» устанавливали на льду Москвы-реки под стенами Кремля. Русские дворяне обороняли «гуляй-город», а польская рота из состава дворцовой стражи брала ее приступом. Отрепьев наблюдал за маневрами из окон Кремлевского дворца.

В отличие от других властителей Кремля Отрепьев не любил ездить в карете и предпочитал выезжать верхом. В царской конюшне было много чистокровных скакунов, и недавний чернец выбирал себе самых норовистых.

Власть вскружила голову Лжедмитрию. Он стал нетерпелив и высокомерен. На свадебном балу гости после каждого танца должны были склоняться к его ногам. Если же кто нарушал это правило, самозванец не скрывал раздражения. Его тщеславие не знало границ. Чтобы прибавить себе росту, Отрепьев носил непомерной высоты меховые шапки и сапоги на огромных каблуках.

Некоторые современники писали, будто Лжедмитрий не ложился спать трезвым. Так ли это, трудно сказать. В присутствии официальных лиц из Речи Посполитой он производил впечатление человека, умеренного в питье. Поляки, допущенные во дворец, подчеркивали, что государь даже в

дни свадебных пиров «при нас никогда не выпил лишнего». Подчеркнем — «при нас»!

Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Этой мудрости Лжедмитрий не забывал. Инстинкт самосохранения был в нем чрезвычайно развит. Самозванцу приходилось постоянно быть начеку.

К чему был склонен Отрепьев — так это к щегольству. Пирюя, он не раз покидал залу, чтобы переменить платье. На последнем балу он был вначале в русском армяке и в мехах, а затем надел пестроокрасный бархатный жупан с зелеными и синими цветами и красную бархатную епанчу с шестью сердечками на месте петлиц. Голову его украшала венгерская шапочка с пером.

В Кремле Отрепьев выстроил себе просторный дворец, возвышавшийся над крепостными стенами. Из окон он мог обозревать столицу. Стены бревенчатой постройки были обиты бархатом и парчой, печи выложены изразцовыми плитками, в хоромах устроено множество потайных дверей и выходов.

Самозванец отменил некоторые запреты, имевшие целью подчеркнуть могущество самодержца и подчиненное положение высшей знати. Даже при царе Борисе некоторым удельным князьям и знатнейшим боярам было запрещено жениться. Лжедмитрий I сам сосватал невест Федору Мстиславскому и некоторым другим боярам. Бояре получили разрешение строить в Москве высокие светлицы, что запрещалось прежде.

Лжедмитрий не прочь был поохотиться в поле на лисиц и волков. Еще больше он любил медвежьи потехи. В огороженном загоне на лесного исполина спускали свору лучших охотничьих псов, либо искусный охотник, вооруженный рогатиной, в единоборстве побеждал свирепого зверя.

Дневные потехи сменялись ночными. Казалось, бывший чернец и Расстрига стремился наверстать упущенное время. В компании с Басмановым и Михаилом Молчановым он предавался безудержному разврату. Царь не щадил ни замужних женщин, ни пригожих девиц и монахинь, приглянувшихся ему. Его клеветы не жалели денег. Когда же деньги не помогали,

они пускали в ход угрозы и насилие. Женщин приводили под покровом ночи, и они исчезали в неведомых лабиринтах дворца. Тут лжецарю нечего было заботиться о репутации трезвенника. Описывая тайную жизнь дворца, голландец Исаак Массе утверждал, будто Лжедмитрий оставил после себя несколько десятков внебрачных детей, якобы появившихся на свет после его смерти.

Доверять его подсчетам, впрочем, не приходится. Никто не считал девиц, совращенных самозванцем. Скорее всего он вел весьма распутную жизнь. Но ему едва ли удалось превзойти в этом мнимого отца. Лжедмитрий бесповоротно загубил свою репутацию, надругавшись над несчастной Ксенией Годуновой. Лишившись отца, а затем матери, Ксения оказалась на девичьей половине дома князя Мосальского. Вместе с другими трофеями царевна стала добычей самозванца.

Царь Борис нежно любил дочь и позаботился о ее воспитании. Ксению научили «писанию книжному» и чтению. Она получила музыкальное образование и любила петь. Современников восхищала скромность царевны и чинность ее речей. Судя по их описаниям, она была настоящей русской красавицей. Возле стройной царевны Отрепьев казался маленьким уродцем. Нетрудно представить, какие чувства питала Ксения к человеку, который свел в могилу ее отца, убил мать и брата.

Несчастливая судьба Ксении пробудила сочувствие к ней народа. При жизни Годуновой в Москве был записан «плач», полный жалости к погубленной сироте:

Сплачется мала птичка, белая перепелка:
Ох-ти мнс, молодой, горевати!
Сплачется на Москве царевна:
Ох-ти мнс, молодой, горевати!
Что едет к Москвѣ изменник,
Ино Гришка Отрепьев расстрига,
Что хочет мня полопити,
А полопив мня, хочет постричи,
Черпеческий чип паложити!
Да хочет теремы ломати,
Мня хочет, царевну, поимати.

А на Устюжну на Железную отослати.
Меня хочет, царевну, постричи,
А в решетчатый ад засадити.
Ино ох-ти мне горевати:
Как мне в темну келью ступати?!

В СЕТЯХ ЗАГОВОРА

Отрепьев не принадлежит к числу загадочных авантюристов, унесших в могилу тайну своего происхождения. Его истинное имя было названо почти сразу после того, как он принял имя Дмитрия. Минутная неуверенность властей, вызванная его фантастическими успехами, рассеялась, едва лишь столичный двор увидел Отрепьева вблизи. Самозванец велел доставить в Москву старца Леонида, которого он с успехом выдал за истинного Отрепьева в бытность свою в Путивле. Но в столице комедия с переодеванием провалилась. Тут было слишком много людей, знавших семью Отрепьева. Бродягу — старца Леонида — поспешно убрали с глаз долой. Некоторое время его держали в Ярославле, после чего он исчез.

Лжедмитрий постарался удалить из Москвы свою подлинную родню, чтобы рассеять всякие подозрения насчет родства с Отрепьевым. По этой причине воцарение Юрия обернулось большой бедой для всех его родных и близких. «Милостивый» государь возвел в конюшие мнимого дядю Нагова. А родному дяде — Смирному Отрепьеву — была уготована сибирская ссылка. Царь осыпал ласками мнимую мать, а родная жила в нужде в Галиче.

Самозванец тщетно пытался порвать нити, связывавшие его с прошлым. Слишком многим в Москве была известна его характерная внешность. Слишком могущественные силы были заинтересованы в его разоблачении. Отрепьеву приходилось выдумывать всевозможные уловки, чтобы вновь и вновь доказывать свое «истинное царское» происхождение. Одна из таких уловок и погубила его.

Благословение мнимой матери — царицы Марфы — помогло Лжедмитрию утвердиться на троне. Но «семейное согласие»

оказалось непрочным. Когда толки о самозванстве возобновились, царь задумал устроить новую инсценировку, чтобы показать народу, будто в Угличе по ошибке был зарезан некий попович, а он — царевич Дмитрий — жив и сидит на родительском троне.

После гибели Отрепьева за мощами царевича в Углич была послана боярская комиссия. В нее входили бояре князь Иван Воротынский, Петр Шереметев и двое Нагих, а также митрополит Ростовский Филарет Романов, объявленный патриархом, и Астраханский митрополит Феодосий.

Угличане не могли указать точное место захоронения Дмитрия. Могилу «долго не обрели и молебны пели и по молебны само явилось тело: кабы дымок из стороны рва копанова показался благовонен, тут скоро обрели». Устранив с этого известия агеографический налет, писал С.Ф. Платонов, получим бесспорный факт — заброшенной, даже потерянной могилы. Бесспорность этого факта, однако, вызывает сомнения.

Дмитрия похоронили в Преображенском соборе, и если его могилу не могли найти, значит, она была разорена. Отрепьев не осмелился осуществить публичную инсценировку с телом «поповича». Но он втайне повелел выбросить тело царевича из собора. Гроб закопали во рву, за стенами угличского кремля, не поставив даже простого креста.

Планы самозванца оскорбили Марфу Нагую до глубины души. Чтобы не допустить надругательства над прахом единственного сына, она обратилась за помощью к боярам. Вмешательство бояр заставило Лжедмитрия отказаться от публичной инсценировки. Но его повеление было выполнено без лишней огласки.

Бояре оказали услугу Марфе отнюдь не бескорыстно. Царица стала орудием их интриг. Заступившись за сыновнюю могилу, она должна была признаться, что царь — не ее сын. С лица старицы спала маска любящей матери.

События в Угличе показали, что Марфа Нагая обладала сильным характером и неукротимым нравом. По-видимому, ее влияние на мнимого сына было очень велико.

Накануне опричнины царь Иван велел вставить в летопись свои речи к думе, записанные им по памяти. Тяжело больной государь будто бы обратился к верным людям с такими словами: «...чего испужалися? али чаєте бояре вас пощадят? вы от бояр первыя мертвецы будете!.. не дайте боярам сына моего извести».

Страх перед боярской крамолой обуревал также и мнимого сына Грозного. В Москве много говорили о том, что прощение Шуйскому выхлопотали вдова Грозного, братья Бучинские и другие польские советники «Дмитрия». Молва лишь отчасти соответствовала действительности.

Сохранилось тайное письмо главы Канцелярии Яна Бучинского к царю. Советник напомнил самодержцу недавний разговор: «Коли яз бил челом вашей царской милости о Шуйских, чтоб их не выпускал и не высвобождал, потому как их выпустить, и от них будет страх... и вы мне то отказали, что наперед всего Богу ты обещал того ся беречи, чтоб ни одной хрестьянской крови не пролилося».

Будучи личным другом самозванца, Бучинский объяснялся с полной откровенностью. Он решительно противился освобождению Шуйских по той причине, что «от них будет страх».

Лжедмитрий I сделал все, чтобы покончить с могуществом Шуйских. Обладая развитой интуицией и чувствуя страх, самозванец по собственной воле никогда бы не вернул опальных из ссылки, если бы в дело не вмешались влиятельные лица. Современники указывали на Марфу Нагую. Отрепьев понимал, сколь опасна для него любая размолвка, а тем более раздор с названной матерью.

Отрепьев не только простил Шуйского, но и сосватал ему свойственницу Нагих, назначив свадьбу через месяц после своей. Боярин получил из рук Лжедмитрия, кроме своих старых вотчин, и волость Чаронду, ранее принадлежавшую Д.И. Годунову. Родство с Шуйскими отвечало честолюбивым устремлениям Марфы.

Марфа должна была заплатить высокую цену за помощь бояр в деле с могилой сына в Угличе. Бояре использовали ав-

торитет ее имени, чтобы скомпрометировать самозваного царя в глазах короля. События развернулись одновременно или вскоре после освобождения из тюрьмы Шуйских.

Польский гетман Жолкевский сообщил в своих записках, что Марфа Нагая через некоего шведа подала королю весть о самозванстве царя. Можно установить имя шведа, исполнившего поручение Марфы и ее единомышленников. Им был Петр Петрей. Бояре выбрали его потому, что Петрей был лично известен Сигизмунду III и к тому же находился на царской службе в Москве. При свидании с Сигизмундом III Петрей заявил, что Лжедмитрий «не тот, за кого себя выдает», и привел факты, доказывавшие самозванство царя. Швед рассказал королю о признании царицы Марфы, а также сослался на мнение посла Гонсевского, только что вернувшегося из Москвы и «имевшего такие же правдивые и достоверные сведения о Гришке, как и сам Петрей».

Разговор двух шведов был коротким. Выслушав гонца, король молча вышел из комнаты. Вскоре он через канцлера Льва Сапегу приказал Петрею, если ему дорога жизнь, помалкивать.

Петрей получил аудиенцию в первых числах декабря 1605 г., когда король праздновал свадьбу с Констанцией. Сам Сигизмунд подтвердил, что именно в дни свадьбы московские бояре вступили с ним в переговоры насчет свержения Отрепьева.

Невозможно усомниться в том, что Нагая ничего не предпринимала без ведома братьев. У них она искала помощь в первую очередь, когда предприняла отчаянные попытки спасти могилу сына. Нагие занимали особое место в думе. В списке «сената» Лжедмитрия значились конюший великий Михаил Федорович Нагой и четверо бояр Нагих.

Шуйские попали в самую гущу заговора. Князь Василий не только присоединился к заговорщикам, установившим тайные контакты с Марфой Нагой, но и возглавил дело. Шуйский стяжал славу мученика, борца против зловерного еретика. Будучи мастером интриг, он постарался ускорить развязку.

Союз Нагих и Шуйских имел давнюю историю. В правление Бориса Годунова они объединились, чтобы отстранить от

власти правителя. Однако ситуация изменилась. Нагие были безмерно возвышены «вором» и не желали его гибели. Заговорщики Шуйские и Голицыны не имели оснований посвящать Нагих во все свои планы.

Вскоре после шведа Петрея в Краков прибыл царский гонец Иван Безобразов. Он должен был вручить Сигизмунду III грамоты московского царя. Кроме официального поручения, ему предстояло выполнить секретное задание, которое он получил от бояр, тайных врагов Лжедмитрия. Любая огласка могла привести на эшафот и гонца, и его покровителей.

Безобразов был принят в королевском дворце и от имени своего государя испросил у Сигизмунда III «опасную» грамоту на проезд в Польшу московских великих послов. Грамота была вскоре изготовлена, но гонец, следуя инструкции, отказался принять ее из-за того, что в ней был пропущен императорский титул «Дмитрия». Перед отъездом москвит, улучив момент, дал знать королю, что имеет к нему особое поручение от бояр Шуйских и Голицыных. Король доверил дело пану Гонсевскому. Его свидание с Безобразовым было окружено глубокой тайной. Но ближайшие советники Сигизмунда III получили своевременную информацию о переговорах. Гетман Жолкевский поведал о них миру в своих мемуарах. Устами Безобразова московские вельможи извещали короля о намерении избавиться от обманщика и предлагали царский трон сыну Сигизмунда Владиславу. Гонец говорил о царе в таких выражениях, которые поразили Гонсевского. Бояре укоряли короля в том, что он дал Москве в цари человека низкого и легкомысленного, жаловались на жестокость Лжедмитрия, его распутство и пристрастие к роскоши и под конец заключали, что обманщик недостойн Московского царства. Гонец Иван Безобразов не имел нужды прибегать к околичностям и дипломатии, так как бояре еще раньше установили прямой контакт с королем и успели оказать ему некоторые услуги.

Самозванец не мог выполнить своих обещаний королю. Оправдывая себя, он ссылался на «нужу» и «измену подданных», которые догадываются о его тайных сношениях с Речью Посполитой и планах передачи «х коруне Польской» некото-

рой части «земли государств наших». Во время подготовки похода на Москву самозванец нашел поддержку не только у короля, но также и у магнатов и шляхты, недовольной Сигизмундом III. К их числу принадлежали будущие вожди мятежа 1606 г. против королевской власти краковский воевода Николай Зебжидовский, родня Мнишека Стадницкие и пр. Оказав помощь Лжедмитрию в свержении династии Годуновых, эти люди теперь рассчитывали использовать поддержку царя, чтобы свергнуть неугодного им Сигизмунда III. Оппозиция сулила царю польскую корону.

В кругу польских советников Отрепьев охотно обсуждал новые блестящие перспективы. «Будешь, Ваша царская милость, королем польским», — сказал ему однажды секретарь Ян Бучинский. Вскоре же Бучинский был послан в Краков. Царь передал ему «на общество» 55 000 рублей из царской казны. При втором посещении Кракова в начале 1606 г. Бучинский был встревожен тем, что тайные планы московского двора стали известны в Польше. Он поспешил написать об этом Лжедмитрию. При польском дворе, писал он, каким-то образом доведались о его миссии и «дали понять, что я сам говорил в Польше с кем-то, что Ваша царская милость будет вскоре нашим королем, и как я в этом имел успех».

Сигизмунд III был взбешен и через сановников намекнул Бучинскому, что не остановится перед разоблачением своего ставленника. На приеме во дворце секретарю пришлось выслушать речь, полную угроз. Бучинский дословно записал предсказания воеводы Познанского о близком разоблачении Лжедмитрия: «По твоей, деи (Дмитрия. — *Р.С.*), той великой спеси и гордости подлинно тебя Бог сопхнет с столицы твоей, и надобе то указать всему свету в Москве самой, какой ты человек и что им хочешь сделать».

Королевский двор был возмущен титулом «непобедимый», присвоенным Лжедмитрием: «Коли б тебе (Лжедмитрию. — *Р.С.*) хто иной писал непобедимым, ино бы то было не диво, а то ты сам себя так пишешь; а такое де слово Богу одному подобает».

Среди польских оппозиционеров интрига самозванца нашла благоприятный отклик прежде всего у таких лиц, как Ю. Мни-

шек. Он задолжал королевской казне огромные суммы денег. Король мог в любой момент отобрать у него его староства и имения за долги. Передача королевского трона зятю в один миг решала его трудности.

Претензии Москвы встревожили короля. В марте 1606 г. на сейме литовский канцлер Лев Сапега открыто заявил следующее: «...находятся у нас такие люди, которые входят в тайное соглашение с московским властителем»; один из них — некий член Краковской академии «писал к московскому государю, что теперь приходит время заполучить польскую корону»; царь собирает войско против неверных, но как тут ему доверять; не для того ли он присвоил титул императора, чтобы затем «легче добиваться киевского княжества».

В Польше циркулировали слухи, будто Дмитрий готов поддержать польскую оппозицию, послав против короля одного из Шуйских с войском. Можно предположить, что Шуйские сами позаботились о распространении подобных слухов. Бояре-заговорщики постарались разжечь честолюбивые мечты Лжедмитрия I. Одновременно они предупредили обо всем Сигизмунда III и постарались убедить его, что царь намерен отобрать у него польскую корону. Таким путем они старались лишить самозванца польской помощи. И они вполне добились своей цели.

Лжедмитрий I возродил планы унии России и Польши, давно ставшие предметом дипломатических переговоров двух стран. Но на этот раз речь шла о поглощении Речи Посполитой Московским царством, а осуществление планов унии связывалось с тайным заговором и войной.

Бояре в Москве давно дознались о том, что Речь Посполитая требует от царя выполнения секретного договора о территориальных уступках в пользу короля. Отрепьев использовал первый подходящий случай, чтобы отвести от себя подозрения. Шумный спор с королем из-за титулов должен был, как полагал самозванец, успокоить бояр и народ. Тайный католик, Лжедмитрий откровенно объяснил мотивы своих чрезмерных домогательств посланцу Ватикана. «Пронесся слух, — сказал он, — что я обещал уступить несколько областей польскому

королю. Крайне необходимо категорически опровергнуть их. Вот почему я настаиваю на моих титулах».

Клубок интриг запутался окончательно. Польские заговорщики рассчитывали использовать помощь царя, чтобы лишить трона Сигизмунда III, а московские бояре искали соглашения с королем, чтобы избавиться от самозванца.

Душой боярского заговора были князья Василий, Дмитрий и Иван Шуйские, бояре братья Голицыны, князья Михаил Скопин-Шуйский и Борис Татев-Стародубский, Михаил Татищев, окольный Иван Крюк Колычев, дети боярские Андрей Шереметевы, Григорий Валуев и Воейков, московские купцы Мыльниковы и другие лица.

Даже некоторые из самых близких лиц спешили покинуть самозванца, предчувствуя его скорое падение. В стане заговорщиков оказался друг детских игр Отрепьева Иван Безобразов. В Путивле он помалкивал, благодаря чему вошел в милость к Лжедмитрию. В Москве дворянин примкнул к Шуйским и стал решительным противником самозванца.

Несколько приближенных царя, формально не участвуя в заговоре, искали благорасположения заговорщиков. Сохранилось известие, будто «Дмитрий» слишком рано открыл своему маршалку князю Василию Михайловичу планы насаждения в России католичества, а тот сообщил обо всем боярам. Речь шла о князе Василии Михайловиче Рубце-Мосальском. Иностраный автор искажил фамилию князя, назвав его Можайским, но такие искажения обычны у иностранцев. В официальных бумагах Посольского приказа князя Рубца именовали маршалком. Весной 1606 г. поляки, ехавшие на царскую свадьбу, убили родного брата дворецкого, что не могло не повлиять на его взгляды.

Боярам удалось подкупить некоторых наемных офицеров из дворцовой стражи, среди них Андрея Бону. Ходили слухи, что в интригу был вовлечен капитан Яков Маржарет.

Военные планы самозванца побуждали заговорщиков спешить с выступлением. Некогда Иван Грозный сокрушил ордынские владения на Нижней Волге. Лжедмитрий решил продолжить его дело и нанести удар по Азову с тем, чтобы

изгнать турок из устья Дона. Помощь Войска Донского была ему обеспечена. Опорной базой азовского похода стал Елец. Присланный туда дворянин Г. Акинфов получил приказ дополнительно укрепить и расширить эту пограничную крепость. Туда спешно отправили из Москвы осадную и полевую артиллерию, там создали склады с огромным количеством военного снаряжения и продовольствия. На реке Вороне у ее впадения в Дон были построены суда. Позднее русские послы, следовавшие в Константинополь, получили наказ разыскать на Дону корабли, выстроенные «для Ростриги в 7114 году». На этих кораблях им предписывалось идти в Азов и далее, по морю, в Турцию.

С весны 1606 г. подготовка к походу вступила в решающую фазу. С разных концов страны к Ельцу шли отряды ратных людей.

Посольский приказ должен был приноровиться к дипломатическим приемам и манерам самодержца. В Крым были посланы гонцы, которые должны были объявить войну татарам. Но прежде они, если верить Исааку Массе, предъявили хану требование о возвращении Москве «всех податей, которые прежде Московское государство принуждено было заплатить хану, а не то он («Дмитрий». — Р.С.) обреет хана и весь народ его наголо». Ультиматум был подкреплён, как повествует Авраамий Палицын, «бесчестными» дарами — шубой «от кож свиных».

Планы объединения христианских государств для войны с неверными были более популярны в Речи Посполитой, чем в России. Русское дворянство сознавало, что война с турками и татарами будет долгой и кровопролитной. Лжедмитрий I должен был считаться с тем, что его планы не пользуются поддержкой дворян. Поход Грозного на Казань вызвал подлинный энтузиазм среди дворян и детей боярских. Планы похода на Азов натолкнулись на скрытое сопротивление. Польский современник писал: «Хотя государь приказал во всех областях заготавливать военные снаряды и припасы и собирать войско... однако не весьма многие показали ему уважение и страх, напротив, под благовидными предлогами и извинениями укло-

нялись от исполнения воли Дмитрия». Самозванец должен был учитывать настроения дворянского сословия.

В марте 1606 г. Разрядный приказ послал князя Ивана Шуйского с отрядом войск во Мценск. Большим воеводам — Мстиславскому, Василию и Дмитрию Шуйским, Василию Голицыну — предстояло занять позиции на Оке.

В марте Лжедмитрий I известил тестя Юрия Мнишека, что по прошествии Пасхи 20 апреля «путь воспрять намерены в лагерь («oboz») и там через все лето пребывать имеем». Лето было наиболее подходящим временем для военной кампании, но поход, похоже, был задуман как военная демонстрация, раз царь собирался провести в лагере все лето.

Лжедмитрий I помнил о триумфальном выступлении Бориса в Серпухов при избрании на трон. Не намеревался ли он повторить удачный ход Годунова?

Отдавая приказ о сборе дворянского ополчения на Оке, Расстрига надеялся, что в полевом лагере, в окружении верных войск, он будет чувствовать себя в полной безопасности. Он и не догадывался, сколь глубоко измена проникла в его ближайшее окружение. Полк правой руки в походе на Оку должен был возглавить князь Василий Шуйский, передовой — его брат Дмитрий, сторожевой — Василий Голицын. Все трое старших воевод готовили переворот.

Побывавший однажды в руках палача Василий Шуйский вел дело с величайшей осторожностью. Попытки развернуть агитацию против царя в народе могли привести к разоблачению заговорщиков. Поэтому они предпочитали иные средства.

В первых покушениях на жизнь Отрепьева участвовали чудовские монахи. С их кознями он столкнулся еще в Путивле. В Москве все повторилось заново. По словам Петра Петрея, один чудовский инок смущал народ, заявляя во всеуслышание, что на троне сидит беглый чернец Григорий, которого он сам учил грамоте. Его арестовали и подвергли допросу, но монах так и не отказался от своих слов. Тогда его утопили в Москве-реке вместе с несколькими другими чудовскими иноками. Польские источники излагали иную версию. Власти арестовали несколько духовных особ, одного из них пытали, и он

признался, что его подкупили. Он должен был подать государю чашу с отравленным вином во время причастия. Как видно, в заговор были втянуты лица из семейного храма государя. Только они могли поднести царю святые дары.

Сведения о тайных казнях духовных особ распространились не только в Москве, но и за рубежом. В инструкции, составленной шведской королевской канцелярией 5 (15) февраля 1606 г., значилось: «Как утверждают взаправду, в начале своего царствования Дмитрий велел казнить и лишить жизни нескольких православных монахов».

Дознание о покушении на жизнь царя проводилось в сентябре 1605 г. К заговору Шуйских оно не имело отношения, поскольку Шуйские еще не вернулись из ссылки.

Тайная казнь монахов нанесла немалый ущерб репутации Лжедмитрия. В начале 1606 г. шведские дипломаты, получив из Москвы ложное известие о смерти царя, высказали предположение, что его убили сами русские, так как «Дмитрий» исповедовал папистскую религию и вскоре после начала своего царствования велел казнить нескольких православных монахов.

Новый розыск о покушении на жизнь монарха начался после того, как во дворце нашли колдовское зелье. На этот раз розыск не дал результатов.

В январе 1606 г. случилось другое происшествие. Глубокой ночью неизвестным лицам удалось пройти через все стрелецкие караулы и подобраться к царской спальне. Во дворце поднялась суматоха. Не успев как следует одеться, самозванец схватил оружие и в сопровождении двух стрелецких голов — Федора Брянцева и Ратмана Дурова — бросился искать злоумышленников. Удалось схватить трех человек, но они ни в чем не признались, и их поспешили казнить.

Вскоре после этого события аресту подвергся дьяк Андрей Шерефединов. И. Масса утверждал, что дьяк, подкупленный боярами, готовил убийство царя. Более подробно обстоятельства дела изложил начальник дворцовой стражи Яков Маржарет. По подозрению в заговоре, писал Маржарет, был схвачен один секретарь или дьяк, его пытали в присутствии Петра Бас-

манова, но он не сознался и не выдал главу заговора, кем был, как позднее стало известно, Василий Шуйский.

Противники самозванца опасались разоблачения. Арест Шереметьева поверг их в ужас. Но дело за отсутствием улик было прекращено, а дьяка отправили в ссылку. Боярская дума была высшей инстанцией, расследовавшей государственные преступления. Поскольку некоторые из ее руководителей сами участвовали в заговоре, сыскное ведомство оказалось парализованным. Нити следствия, тянувшиеся наверх, бояре мгновенно обрывали.

Царь велел конфисковать несколько дворов на Арбате и в Чертолье у самых стен Кремля и поселил в них иноземную гвардию. Отныне он мог вызвать охрану в любой час дня и ночи.

СВАДЬБА

О трепьев не имел возможности наwerbовать в Москве сколько-нибудь значительное число наемников. Когда события приняли опасный оборот, он вновь, как и год назад, вспомнил о нареченной невесте Марине Мнишек и ее отце Юрии Мнишке. Гусарская конница, жолнеры и гайдуки — таких необычных гостей задумал пригласить на свою свадьбу Лжедмитрий. Бывший главнокомандующий самозванца Юрий Мнишек получил поручение привести в Москву наемное войско, без которого царю трудно было усидеть на троне.

Сигизмунд III тщетно добивался от Лжедмитрия выполнения тайного договора. Однажды он велел принести в кабинет шкатулку с «кондициями», подписанными «царевичем» после посещения Вавеля. Королевский секретарь доложил о состоянии дел и сделал соответствующие пометы в тексте «кондиций». Итоги были неутешительными. Царь отказался передать Польше Чернигово-Северскую землю и Смоленск, хотя и обещал некую денежную компенсацию. Он не выполнил и других своих обещаний: не помог королю в войне со Швецией. Последний пункт «кондиций» заключал обязательство «ца-

ревича» жениться на подданной короля — Отрепьев согласился исполнить волю короля в этом пункте. В тексте «кондиций» появилась пометка: «Хочет взять дочь воеводы Сандомирского».

Невыполнение договоров на первых порах не вызвало заметных перемен во взаимоотношениях Сигизмунда III и его протеже. 23 августа 1605 г. король направил царю «уверения в дружбе» вместе с формальным приглашением на собственную свадьбу, которую готовились отпраздновать 30 октября в Кракове. Со своей стороны, «непобедимый император» через послов «по братской любви» пригласил Сигизмунда III на свою свадьбу с Мариной в Москву.

Весьма дружественный характер носила переписка Лжедмитрия I с Мнишеками.

Чем затруднительнее становилось положение самозванца, тем больше нетерпения проявлял он в переговорах с будущим тестем.

Марина Мнишек не обладала ни красотой, ни женским обаянием. Живописцы, щедро оплаченные самборскими владельцами, немало потрудились, чтобы приукрасить ее внешность. Но и на парадном портрете лицо будущей царицы выглядело не слишком привлекательным. Тонкие губы, обличавшие гордость и мстительность, вытянутое лицо, слишком длинный нос, не очень густые черные волосы, тщедушное тело и крошечный рост не отвечали тогдашним представлениям о красоте. Подобно отцу, Марина Мнишек была склонна к аванюре, а в своей страсти к роскоши и мотовству она даже превзошла отца. Она умела писать, но за всю долгую разлуку с суженым ни разу не взяла в руки пера, чтобы написать ему письмо.

Боярская дума и православное духовенство и слышать не желали о браке царя с католической «девкой». Мнишек была во всех отношениях незавидной партией. Ее семье не доставало знатности, к тому же эта семья погрязла в долгах и давно стояла на пороге разорения.

Отрепьев полностью отстранил бояр и князей церкви от брачных переговоров. Он сделал своим сватом дьяка Афанасия Власьева, «худородство» которого не соответствовало ха-

рактору его миссии. Вместе с дьяком в Польшу выехал секретарь С. Слоньский, член тайной Канцелярии.

Дьяк Афанасий Власьев был послан в Польшу с официальной миссией. Он должен был провести церемонию обручения царя с Мариной. Члену Канцелярии Яну Бучинскому поручены были тайные дела, связанные со сватовством. В конце 1605 г. он отправился в Самбор и передал Мнишеку настоятельную просьбу «Дмитрия» добиться от папского легата разрешения, «чтобы ее милость панна Марина причастилась на обеде у патриарха нашего, потому что без того венчана не будет». Царской невесте надо было получить разрешение ходить в греческую церковь, есть в субботу мясо, а в среду печеное. Особый наказ предписывал Марине, чтобы «волосов бы не наряжала», чтобы за столом ей служили кравчие.

Московское посольство, насчитывавшее 300 человек, доставило в Польшу поистине царские подарки. Власьев передал Юрию Мнишеку шубу с царского плеча, вороного коня в золотом уборе, драгоценное оружие, ковры и меха. Подарки невесте, выставленные в королевской резиденции, вызвали всеобщее изумление. Тут были жемчужный корабль, несущийся по серебряным волнам (его оценивали в 60 000 злотых), шкатулка в виде золотого вола, полная алмазов, перстни и кресты с камнями, огромные жемчужины, золоченый слон с часами, снабженными музыкальным устройством и движущимися фигурками, ворох парчи и кружев.

Сигизмунд III не пожелал, чтобы обручение Марины Мнишек было проведено во дворце в Вавеле или в кафедральном соборе Кракова. Церемония состоялась в «каменнице» Мнишеков возле Рынка. Каменное здание оказалось тесным, и царскому тестю пришлось потратить деньги на покупку смежных зданий. В них была устроена и спешно освящена «каплица».

На торжестве присутствовали король Сигизмунд III и при-мас Польши кардинал Мациевский, родня Мнишеков.

В конце 1605 г. польская знать торжественно отпраздновала обручение царя с Мнишек. По польским представлениям, эта церемония была равнозначна венчанию.

Особу царя в доме Мнишека представлял дьяк Афанасий Власьев. Несмотря на внешнее величие, церемония прошла негладко. Стоя подле католического алтаря в окружении худших еретиков, Власьев произнес приветственную речь жениха без всякого воодушевления. Когда кардинал задал ему вопрос, не давал ли царь обещаний другой женщине, дьяк не моргнув глазом заявил: «А мне как знать: о том мне ничего не наказано!» Ответ вызвал смех в зале.

Власьев заслуженно считался знающим дипломатом. В одной краковской брошюре 1605 г. значилось: «Посланник — человек очень хитроумный, очень рассудительный, ему 40 лет, и можно удивляться, что под таким мрачным небом, как Москвы, существуют такие люди острого ума». На портрете Власьева, помещенном в той же брошюре, имеется надпись: «...сей муж обладал благородным и большим умом, каких давно из Москвы не посылали». Восторженные отзывы свидетельствовали о достоинствах дьяка, а также о том, что он приехал в Польшу не с пустыми руками.

Юрий Мнишек слал будущему зятю письма с докучливыми просьбами насчет денег и погашения всевозможных долгов. Узнав о связи царя с Ксенией Годуновой, он немедленно обратился к нему с выговором. «Поелику, — писал он, — известная царевна, Борисова дочь, близко вас находится, благоволите, вняв совету благоразумных людей, от себя ее отдалить». Самозванец не стал перечить тестю и пожертвовал красавицей Ксенией. Царевну постригли в монахини и спрятали от света в глухом монастыре на Белоозере.

Лжедмитрий I наказал дьяку везти невесту в Москву сразу после обручения. Но выполнить это распоряжение не удалось. В январе 1606 г. Власьев пенял сенатору на то, что «все делаецца не по тому, как вы со мною договорились». Проволочки были вызваны не только желанием Мнишеков получить дополнительные денежные субсидии от зятя.

В дни королевской свадьбы в Кракове получили известие о том, что положение «Дмитрия» осложнилось и события могут приобрести неблагоприятный оборот.

Царь должен был уступить домогательствам тестя. Его посланцы отвезли в Самбор 200 000 злотых, а затем еще 6000 злотых дублонов.

Наем армии потребовал больших денег, и Мнишек разрывался на части. В Самборе спешно шили новые платья и собирали приданое, достойное царской невесты. Одновременно люди Мнишеков закупали большими партиями оружие и повсюду вербовали ландскнехтов. Денег не хватало, и Мнишеки заняли 14 000 злотых у царских посланцев и набрали на 12 000 злотых мехов и сукон у московских купцов.

Родня Мнишека поддерживала тесные связи с оппозицией, готовившей вооруженное выступление против короля и рассчитывавшей на помощь русского царя. Семья Мнишеков вела себя более чем двусмысленно, и Сигизмунд не препятствовал отъезду сенатора из Речи Посполитой. Король объявил об отсрочке в уплате долгов Юрия Мнишека. Вместе с Мнишеком Польшу покинули многие шляхтичи и безработные наемники, которые едва ли остались бы в стороне от назревавшего мятежа.

В России Мнишеков встречали по-царски. На границе их встретил боярин и дворецкий князь Василий Мосальский. В миле от Москвы были разбиты шатры, чтобы невеста и ее родня могли отдохнуть. Когда Мнишеки сделали остановку, сенатор, оставив дочь в лагере, отправился в столицу, чтобы воочию убедиться, что полякам не грозит опасность. В Москве сенатор переговорил с Лжедмитрием, а затем вернулся в лагерь на царской лошади. Сбруя лошади была изукрашена золотом.

2 мая 1606 г. царскую невесту посадили в золоченую колымагу и повезли в Москву. В столице вдоль улиц были расставлены войска. Лжедмитрий, обрядившись в простое платье, в красной шапочке, тайно покинул дворец и в сопровождении князя Василия Шуйского и одного поляка объехал «все войска и всех поляков», чтобы лично расставить их «в добром порядке». Исаак Масса сам видел царя, готовившего церемонию. Поведение самодержца свидетельствовало о том, что он считал свое положение прочным и забыл об осторожности.

Толпы москвичей восторженно приветствовали государя. Узкие улицы были запружены народом. Колымага с Мариной двигалась очень медленно, так что въезд завершился лишь к концу дня.

На Красной площади был устроен высокий помост для оркестра. При появлении царицы музыканты принялись играть на флейтах, трубить в трубы и бить в литавры.

С площади Марину увезли в девичий Вознесенский монастырь в Кремле, где жила «мать» государя Мария Нагая. Тут ее тайно навестил Лжедмитрий. Когда за Мариной захлопнулись монастырские ворота, она не в силах была скрыть своего отчаяния и долго плакала.

Свадебный кортеж произвел глубокое впечатление на москвичей. Они не могли отделаться от ощущения, что в город вступила армия, а не свадебная процессия. Впереди следовала пехота с ружьями. За ней ехали всадники, с ног до головы закованные в железные панцири, с копьями и мечами. По улицам Москвы горделиво гарцевали те самые гусары, которые сопровождали самозванца в самом начале его московского похода. За каретой Марины следовали шляхтичи в нарядных платьях. Их сопровождали толпы вооруженных слуг. За войском ехал обоз. Гостям услужливо показали дворы, где им предстояло остановиться. Москвичи окончательно были сбиты с толку, когда прислуга принялась выгружать скарб: вместе с сундуками и узлами гайдуки выгружали из повозок ружья и охапками вносили их наверх.

Лжедмитрий чувствовал, что трон его шаток, и инстинктивно ждал спасения от тех, кто некогда помог ему расправить крылья и взлететь. Доносы поступали во дворец со всех сторон, и Отрепьеву не приходилось выбирать. Он пытался начать сначала ту рискованную игру, в которой ставкой были его власть и нечто большее — его голова.

Православные святители не забыли, как предавали анафеме злого расстригу и еретика. Увидев самозванца вблизи, они не избавились от старых подозрений. Лжедмитрий не решился оставить возле себя никого из своих друзей-католиков. Однако он предоставил им помещение для богослужения.

Окруженный всеми атрибутами призрачного могущества, царь горько жаловался иезуитам на свое одиночество.

До поры до времени церковники прощали самозванцу его подозрительные связи с католиками и протестантами. Но они окончательно прониклись недоверием к царю, когда тот решил поправить за счет церкви свои финансовые дела. У Иосифо-Волоколамского монастыря он взял 3000 рублей, у Кирилло-Белозерского — 5000. С мелких монастырей, которых было великое множество, трудно было получить такие суммы. Зато из казны крупнейшего в стране Троице-Сергиева монастыря Лжедмитрий позаимствовал 30 000 рублей. Духовенство опасалось, что такого рода займы были лишь началом. В самом деле, в кругу польских советников-протестантов Отрепьев охотно обсуждал проекты частичной секуляризации доходов церкви и обращения их на нужды казны и дворянства. Подобного рода меры, без сомнения, нашли бы поддержку среди скудеющего дворянства, с жадностью взиравшего на несметные богатства монастырей.

Помолвка царя с Мариной Мнишек подлила масла в огонь. Фанатики честили царскую невесту как еретичку и язычницу. Казанский митрополит Гермоген требовал второго крещения польской «девки». Но патриарх Игнатий не поддержал его. В угоду царю лживый грек соглашался ограничиться церемонией миропомазания, которая должна была сойти за отречение от католичества. Лжедмитрию удалось сломить сопротивление духовенства. 10 января 1606 г. близкие к нему иезуиты сообщили, что противники царского брака подверглись наказанию, но никто из них не предан казни. Лжедмитрий сам поведал об этом вернувшемуся из Польши Бучинскому в таких выражениях: «Кто из архиепископов начали было выговаривать мне, упрямиться, отказывать в благословении брака, и я их поразослал, и ныне никаких человек не смеет слова молвить и во всем волю мою творят». Первым наказанию подвергся неугомонный Гермоген. Митрополита отослали в его епархию в Казань и там заключили в монастырь. Церковная оппозиция приумолкла, но ненадолго. Агитация против самозванца не прекращалась. Ее

исподволь разжигали бояре-заговорщики, князья церкви и монахи.

После прибытия в Москву свадебного кортежа по городу распространилась молва о пророчестве старицы Алены, весьма почитаемой народом юродивой. Она стала предсказывать царю смерть. Это навело страх на заговорщиков. Но потом они успокоились. Лжедмитрию тотчас сообщили обо всем. Он не придавал значения пророчеству юродивой.

В Путивле самозванец с успехом мистифицировал немногочисленное население и ратных людей. Взойдя на трон, он попытался обмануть весь народ. Эта задача оказалась несравненно более трудной. Опасность положения Отрепьева заключалась в том, что его самозванство перестало быть тайной как для его противников, так и для приверженцев. О самозванстве «Дмитрия» толковали и в России, и за рубежом.

Некогда изменники, братья Хрипуновы, сбежавшие в Литву, «вызнали» в беглом монахе Дмитрия. После воцарения Отрепьева Хрипунов захотел вернуться в Россию и заручился ходатайством короля. Лжедмитрий уведомил Сигизмунда III, что милостиво примет беглеца.

Братья Хрипуновы не были противниками самозванца. Напротив, они в числе первых признали в бродяге «царевича».

На границе Хрипунов встретил давнего знакомого — капитана С. Боршу, проделавшего с «царевичем» путь от Путивля до Москвы. Взяв с Борши клятву молчать, Хрипунов сообщил ему, что в Москве уже дознались, что царь — не истинный Дмитрий и скоро с ним поступят как с самозванцем.

Подобные разговоры велись не только в дорожных трактирах, на улицах, но и во дворце, в покоях ближайших сподвижников царя. Однажды после дружеской попойки царский телохранитель Конрад Буссов задержался в доме у Петра Басманова. Гости разошлись, и, оставшись наедине с хозяином, немец спросил его, действительно ли царского происхождения их государь. Басманов ответил: «Молись за него, хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он нам государь...»

Заглушить убийственную молву можно было разве что истребив половину населения. У Расстриги не было иного выхо-

да, кроме как закрыть глаза на «измену» и продолжать разыгрывать роль милостивого государя.

Самозванец еще сидел на троне, а его знатные противники готовы были перессориться из-за того, кто наследует корону. Из дипломатических соображений бояре подумывали о том, чтобы преподнести шапку Мономаха Владиславу. Кандидатура принца могла предотвратить раскол, который неизбежно привел бы к крушению заговора.

В московском гарнизоне числилось несколько тысяч стрельцов. Пока эти стрельцы, охранявшие Кремль, были преданы царю, заговорщики не могли рассчитывать на успех. Однако к началу марта 1606 г. среди кремлевских стрельцов была замечена «шатость». Многие открыто толковали, что царь — не истинный Дмитрий; когда разговоры дошли до слуха Басманова, тот тайно учинил розыск. Семеро стрельцов были взяты под стражу. Обычно власти избавлялись от «изменников» без лишней огласки. На этот раз царь решил устроить показательный суд. В назначенный день стрельцы получили приказ собраться в Кремле без оружия. Государь появился перед ними в окружении немецкой стражи. Он вновь, в который раз, повторил заученную речь о своем чудесном спасении и спросил, есть ли у них доказательства, что он не истинный царь. Много раз слышанные слова не производили прежнего впечатления. Однако все насторожились, когда самодержец предложил присутствующим открыто высказать причины недоверия к нему.

Наказание всех причастных к тайной агитации привело бы к массовым казням стрельцов. Самозванец не решился на такую меру, опасаясь лишиться военной опоры, и ограничился тем, что велел арестовать и подвергнуть пытке семерых смутьянов. Процедура казни стрельцов была расписана заранее. Палачи могли снести «изменникам» головы, но Отрепьев решил отдать виновных на расправу их товарищам. Перед тем как собрать стрельцов на площади, Лжедмитрий призвал думного дворянина Григория Микулина и дал указание, «как ему тут говорить и что над теми стрельцами учинити». После того как осужденным объявили их вину, Микулин произнес заранее заготовленную речь: «учал говорить, освободи, де, государь, мне,

я у тех изменников не только что головы поскусаю, и чрева из них своими зубами вытаскаю». Речь должна была устроить всех присутствующих.

Вслед за тем Микулин «мигнул» верным стрельцам, и осужденные были мгновенно растерзаны, иссечены «на малые части». Трупы казненных провезли в открытой телеге по всему городу для устрашения заговорщиков. Противники самозванца на время притихли.

Пока во главе государства стоял узурпатор и обманщик, воспользовавшийся хаосом гражданской войны, чтобы захватить трон, возобновление Смуты было неизбежно.

Весной 1605 г. яицкие казаки отправились в разбойный поход в Среднюю Азию, не откликнувшись на призыв Лжедмитрия оказать ему помощь. Менее чем через год вольные казаки на Тереке задумали идти походом в Закавказье и «громить турецких людей на судах». После долгих обсуждений они отказались от этих планов и решили искать царского жалованья в Москве. Войско выдвинуло из своей среды «царевича Петра», выдав его за сына царя Федора и Ирины Годуновой.

Вольные казаки посадили на трон Лжедмитрия, многие явились вместе с ним в Москву и получили за службу неслыханное жалованье. Однако по настоянию «лихих» бояр царь рассчитал служившие ему казачьи отряды и отослал из Москвы по домам. Вопреки надеждам, вольные казаки лишились из-за бояр и царского жалованья, и царской службы. Ветераны похода говорили об этом открыто и на Дону, и на Волге, и на Тереке.

Снарядив струги, атаманы с «царевичем Петром» прошли на Волгу и двинулись к Царицыну. «Царевичу» не приходилось заботиться о пополнении своих сил. «Чернь» стекалась к нему со всех сторон. Повстанцы заняли три волжских городка и забрали найденные там пушки. Вскоре под знаменами «Петра» собралось до 4000 человек.

В Русском государстве назревала новая Смута. Тем временем осложнилась внешнеполитическая ситуация. Сигизмунд III был встревожен интригами своего ставленника в Кремле. Принятие Лжедмитрием императорского титула, превосходивше-

го королевский, переполнило чашу терпения. Из Кракова в Москву было направлено посольство, главой которого был назначен А. Гонсевский. Именно он вел переговоры с гонцом московских бояр-заговорщиков Безобразовым. Когда Гонсевский прибыл в русскую столицу, ничто не могло помешать ему установить прямые контакты с руководителями тайного боярского заговора.

На приеме в Кремле польские послы подвергли московского самодержца неслыханному унижению. Сигизмунд приказал им именовать «Дмитрия» великим князем, отказав недавнему протезе не только в императорском, но и в царском титуле. Дипломатический демарш должен был убедить заговорщиков, что Сигизмунд III на их стороне.

Захватив трон, Отрепьев не раз указывал думе на свои особые отношения с повелителем могущественного соседнего государства. На приеме в Кремле послы нанесли Лжедмитрию хорошо рассчитанный удар. Шаткий трон лишился еще одной подпорки. Знать, теснившаяся в дворцовых палатах, едва скрывала свои подлинные чувства. Заговорщики не сомневались более в том, что в случае переворота Сигизмунд не окажет «Дмитрию» никакой поддержки.

Препирательства в парадном зале дворца длились более часа. В запальчивости «непобедимый император» грозил послу Олесницкому войной: «Московский меч настигнет того, кто не склонится перед ним; вместо того, чтобы разить турок, он сокрушит поляков!»

Через несколько дней самозванец пригласил на частную аудиенцию одного из своих друзей иезуитов и заявил ему, что под царскими знаменами в Ельце стоит 100 000 человек и достаточно его знака, чтобы армия обрушилась на неприятеля; он сам еще не решил, направить ли эту армию против турок или против кого-нибудь другого. Безо всякой паузы Лжедмитрий тут же стал жаловаться на обиды, нанесенные ему польским королем. Его слова, очевидно, были переданы по назначению.

Прибытие Мнишека с воинством ободрило Лжедмитрия. Но успех связан был с такими политическими издержками, ко-

торые далеко перекрыли все ожидавшиеся выгоды. Брак Отрепьева с Мариной, заключенный вопреки воле Боярской думы и духовенства, окончательно осложнил положение.

Царскую свадьбу предполагалось отпраздновать в воскресенье 4 мая 1606 г. Но в назначенный день свадьба не состоялась. Духовенству и ближним боярам понадобилось еще несколько дней, чтобы выработать приемлемую процедуру коронации Марины Мнишек. Втайне жених просил у Папы Римского разрешения на миропомазание и причащение Марины по православному обряду. Без подобного акта Мнишек не могла стать московской царицей. Ватикан отвечал царю решительным отказом.

Опасаясь скандала, Отрепьев решил соединить церемонии свадьбы и коронации воедино. Православное духовенство и дума согласились исполнить его волю лишь после долгих препирательств и споров.

Лжедмитрий разработал церемонию встречи невесты, которая должна была поразить своей пышностью и великолепием. Боярам раздали (на время церемонии) золотые цепи, боярыням — платки из драгоценных тканей. Юрий Мнишек и его дочь должны были целовать руку царю. При этом самодержец сделал бы вид, «что будто хочет ее (невесту. — Р.С.) в руку поцеловать, и она б не дала целовать».

Коронация и свадьба были назначены на 8 мая 1606 г. Собственно, брак был уже заключен в Кракове 12 ноября 1605 г., но церемония прошла по католическому обряду и невеста отнюдь не отреклась от «латинства». В глазах московских богословов брак не имел законной силы. Патриарх грек Игнатий исполнил волю царя и отклонил требование Гермогена о крещении невесты-католички по православному обряду. И церемония свадьбы, и ритуал коронации требовали миропомазания. Решено было, что миропомазание заменит акт обращения невесты в православие и отречения от католичества. Такая замена была более чем двусмысленна.

Коронационные торжества начались в Грановитой палате. Поутру молодых привели в столовую избу, где придворный протопоп Федор торжественно обручил их. Князь Шуйский

кратко приветствовал невесту, после чего все перешли в Успенский собор.

Впервые главный собор Московского царства широко распахнул двери перед иноверцами — католиками. Родня невесты и польские дворяне явились в храм целой толпой. Высшее духовенство встретило процессию у входа в собор.

Марина заняла место подле царя на приготовленном для четы помосте. Патриарх торжественно короновал царицу, предварительно совершив обряд миропомазания. Он возложил на голову Марины корону, а на плечи — царские регалии.

Церемония коронации была разработана духовенством и расписана в деталях. После богослужения архидьякону надлежало пригласить государыню к алтарю, чтобы она получила причастие из рук патриарха. «Дмитрий» должен был сопровождать Марину, как то и было записано в утвержденной царем росписи. Очевидцы по-разному описывают, что произошло в действительности. Наиболее авторитетным следует признать свидетельство архиепископа Арсения, стоявшего подле патриарха и царственной четы: «После венчания ни тот (царь. — *Р.С.*), ни другая (царица. — *Р.С.*) не выразили желания причаститься святых тайн; это смутило многих присутствующих».

Коронация Марины в Успенском соборе явилась невиданным нарушением всех норм и приличий. Православным царицам даже многолетие стали петь лишь со времен Годунова. Но и такое безобидное новшество современники воспринимали как неслыханное бесстыдство. Отказ Марины принять причастие вызвал негодование и ропот среди православных. Зато послы и польские гости были довольны. Самозванец достиг своей цели. Он внес изменение в обряд, чтобы удовлетворить польских покровителей и товарищей.

Едва коронация закончилась, как дьяки под разными предлогами выставили послов и иностранцев из церкви и заперли двери за их спиной.

Как только нежелательные свидетели удалились, патриарх обвенчал царя с Мнишек по православному обряду. Польские дамы, задержавшиеся возле невесты, со смехом описывали мужьям, как молодые приняли от патриарха вместе с благосло-

вением по кусочку хлеба и глотку вина. Присутствующие приветствовали обращение царицы в православную веру. В тот день Марина показала себя достойной ученицей иезуитов. Невзирая на запрет Ватикана, она приняла православное причастие без тени смущения или колебания. Вероотступничество не слишком тревожило Мнишеков. Куда больше царицу занимало, хороша ли она в русском платье, в которое ее обрядили по настоянию бояр.

Заговорщики присутствовали на пиру в высших свадебных чинах. Князь Василий Шуйский был «тысяцким боярином», главным распорядителем свадьбы, а Дмитрий Шуйский — главным дружкой жениха. Главной свахой самозванца выступала Екатерина Скуратова, жена Дмитрия Шуйского. У «мыльни» с Расстригой были Иван Крюк Колычев и «мовник» Михаил Скопин. Приглашение на свадьбу получили бояре Василий и Андрей Голицыны, Головины.

Вельможи давно уже знали, что за птица их государь. Но они все еще усердно разыгрывали свои роли. Стоило Гришке кивком подать знак Василию Шуйскому, и тот раболопно склонился к трону, чтобы удобнее устроить на скамеечке его ноги, не достававшие до пола. Могущество «непобедимого» монарха было, однако, призрачно. Историческая драма давно превратилась в фарс. Бояре свысока взирали на низкорослую пару, не имевшую и тени законных прав на престол и тщившуюся изобразить величие. Хотя образа висели невысоко, молодые не могли приложиться к ним, и слугам пришлось расставить скамеечки под иконами.

Из Грановитой палаты к храму царскую невесту вели под руку польский посол и жена князя Мстиславского, по выходе из собора — император «Дмитрий» и Василий Шуйский. Князь Василий представлял руководство Боярской думы, и именно по этой причине на его долю выпала столь важная роль.

Многие решения самодержца, неугодные думе, были отменены под нажимом бояр. Но в дни коронационных и свадебных торжеств руководители думы избегали противоречить царю.

С давних пор московские государи выступали как главные поборники православных обрядов и святынь. Лжедмитрий их дерзко нарушил. Можно догадаться, что глава заговора Шуйский потакал капризам и прихотям государя, чтобы скомпрометировать его и погубить. Дума не заступилась за Гермогена и не воспрепятствовала его ссылке.

Парадная церемония затянулась, и свадебный пир царь и бояре перенесли с четверга на пятницу. На этот день приходился Николин день, один из самых почитаемых православных праздников. Но самозванцу трудно было остановиться. Махнув рукой на приличия, он затеял брачный пир в неподобающее время.

Польские послы требовали, чтобы на свадьбе их посадили за один стол с царем. Когда вельможи отвергли их требование, послы отказались присутствовать на свадебном пиру. Опасаясь гнева короля, Юрий Мнишек последовал примеру послов. Он покинул пир под предлогом подагры.

К великому негодованию московской знати, царь усадил за свадебный стол прибывших из Польши солдат и панскую челядь.

Свадебный ритуал закончился, и государь отпустил бояр и свиту. Удалившись во внутренние покои, он остался в окружении одних поляков. Свадьба сменилась дружеской пирушкой. Отрепьев лицедействовал без устали. Он изображал то солдата-рубаку, то великого государя и непобедимого императора. Монарх не в силах был остановиться. Но шутки его были плоскими и не производили желаемого впечатления. Дело спасал придворный шут Антонио Риати, подхватывавший остроты самодержца и изображавший в лицах жертв царских насмешек. Царь щедро вознаграждал шута за его старания, пожаловав ему две увесистые золотые чарки. Еще одну золотую чарку он подарил польскому послу, с которым ранее жестоко поссорился.

Бестактные насмешки царя не могли не задеть поляков. Пошутив над слабостями Сигизмунда III, самозванец тут же заметил, что австрийский император еще больший дурак, чем польский король. С почтением он отозвался лишь об Алексан-

дре Македонском, с которым готов был помериться силами, если бы был его современником.

Лицедейство не могло скрыть от окружающих подлинных чувств самодержца. Очевидцы отметили, что в дни свадебных пиршеств жених был угрюм и подавлен, по временам его страх прорывался наружу припадками беспричинного раздражения и гнева. На третий день после венчания посол Олесницкий почтил своим присутствием праздник во дворце. Когда заиграла музыка, посол пустился в пляс, не снимая шляпы. Царь тотчас велел передать ему, что велит снести голову всякому, кто осмелится остаться в шляпе в его присутствии. Посол немедленно сдернул шляпу.

На свадебных пирах присутствовали в большом числе польские гусары. В первый день они заполнили все внешние помещения дворца. В разгар праздника Лжедмитрий велел открыть двери зала и произнес речь. Царь объявил, что пожелует каждому из гусар по 100 рублей. Бояре с трудом скрывали свое раздражение. Они-то знали, что царская казна давно пуста.

Солдаты с энтузиазмом приветствовали императора и тут же просили разрешить им устроить рыцарский турнир. В первом же поединке один гусар был ранен, а под другим убита лошадь. Турнир пришлось прекратить.

На царской свадьбе все было непривычно для русского взора. Бояр и лиц духовного сана шокировали наряды царицы. Дворцовые портные старались изо всех сил, чтобы угодить царице Марине. Но сшитое ими русское платье пришлось ей не по вкусу. Мнишек сбросила его тотчас после венчания и надела привычное платье. Она несколько не заботилась о том, что скажут о ней москвичи. Толпа с жадным любопытством разглядывала государыню в те недолгие минуты, когда она покидала дворец. Марина несколько не походила ни на прежних цариц, ни на знатных московских боярынь.

Невзирая на злобное шипение монахов, народ встретил новую царицу достаточно дружелюбно. В день свадьбы большая толпа москвичей собралась под окнами дворца и стала громко

рукоплескать Марине, приглашая ее выйти на крыльцо. Но новобрачной было не до москвичей. Она не желала оторваться для них от утех даже на минуту. Следуя ее наставлению, Лжедмитрий выслал к народу придворных с приказом, чтобы не смели более орать.

ГИБЕЛЬ САМОЗВАНЦА

Лжедмитрий и его польские советники бросили открытый вызов Боярской думе. Приглашение иноземного войска из-за рубежа и размещение его внутри крепостных стен русской столицы было делом неслыханным.

Не прошло и года с тех пор, как поляки вступили в Москву на правах завоевателей вместе с казаками и русскими повстанческими отрядами. И что же? По улицам города горделиво гарцевали те же гусары, которые привели царя в столицу.

Весной 1606 г. стало известно о том, что на Москву движется «царевич Петр» с мятежными казаками. Бунт вызвал тревогу в Боярской думе. Власти не забыли, к каким последствиям привело появление казаков в столице годом ранее. Надлежало остановить мятежников на Волге и не допустить их к «царствующему граду». Однако Лжедмитрий думал иначе.

Мятежные казаки направили к царю гонцов. В летописи поздней редакции содержится малодостоверное известие о том, что Петрушка «писал Ростриге, претя ему нашествием своим ратию, да не медля снидет с царского престола». На самом деле переписка повстанцев с Лжедмитрием носила в целом дружественный характер.

Отрепьев длительное время сам возглавлял повстанческое движение и на этот раз рассчитывал повернуть его в нужное русло. В конце апреля 1606 г. Лжедмитрий послал к «Петру» доверенного дворянина Третьяка Юрлова с письмом. По словам Станислава Немоевского, самозванец определенно признал «царевича» своим племянником и пригласил его в Москву, обещая владения. Скорее всего, пишет Немоевский, Лже-

дмитрий хотел заполучить в свои руки нового самозванца, опасаясь затруднений, а может быть, царь намерен был хорошо с ним обойтись. Яков Маржарет излагает содержание письма несколько иначе. По его словам, «Дмитрий» с некоторой уклончивостью писал казацкому «царевичу», что если он — сын его брата Федора, то пусть будет желанным гостем; если же он не истинный, то пусть удалится прочь. К грамоте прилагалась подорожная, предписывавшая выдавать «царевичу Петру» корм на всем пути в Москву. Сам «Петр» изложил смысл царского обращения следующим образом: «Из под Астрахани казаки пошли вверх Волгою к Гришке ростриге (ко) двору и дошли до Самары, и тут де их встретили от ростриги под Самарою с грамотою, и Третьяк Юрлов велел им идти к Москве наспех».

Едва ли вольные казаки и пристававшая к ним чернь изверилась в Лжедмитрии уже в конце его недолгого царствования. Мятежников воодушевляла жажда посчитаться с «лихими боярами». Последнее обстоятельство дало повод московской Боярской думе обвинить Лжедмитрия (после его смерти) в том, что он «сам вызвал человека («царевича Петра». — *Р.С.*), который в крайней нужде мог оказать ему помощь», после того как «со множеством казаков явился на Волге».

Возможно, в планах Лжедмитрия I «Петрушке» действительно отводилась особая роль. Казаки были готовы к тому, чтобы расправиться с изменниками государя — боярами. На них потом можно было возложить всю ответственность за кровопролитие.

Расстрига не мог править «с грозой», как некогда правил его мнимый отец. Самодержавные устремления императора, попытки опереться на иноземное наемное войско и мятежных казаков были обречены на неудачу. Народ мог принять «прирожденного государя Дмитрия», стоявшего на недоступной его взору высоте. Но аристократия не желала терпеть на троне бродягу и проходимца.

15 мая бояре пригласили поляков для переговоров о готовившейся войне с турками. Посол Олесницкий начал с похвал царю Дмитрию, а затем потребовал, чтобы русские изложили план кампании, огласили данные о численности воинских сил,

выделенных для похода, и сообщили другие подробности. Бояре отказали полякам. Когда они явились к государю с докладом, тот обещал лично довести переговоры до конца.

Юрий Мнишек привел с собой несколько отрядов гусар, с которыми самозванец начинал свою военную кампанию. Наемники рассматривали поход как второе завоевание Москвы. Отрепьев разместил воинство Мнишека на постой во дворах богатых купцов, епископов и дворян. Солдаты не церемонились с хозяевами, уповая на покровительство царя. Свадебные пиршества сопровождались множеством уличных инцидентов. Пьяные наемники затевали уличные драки, бесчестили женщин, пускали в ход оружие, если встречали сопротивление. Об этих безобразиях пишут одинаково и русские, и польские очевидцы. Бесчинства наемных солдат вызывали крайнее возмущение столичных жителей. Восстание против чужеземцев могло вспыхнуть в любой момент.

10 мая государь потчевал гостей польскими блюдами. Ссора с Шуйским из-за телятины была забыта, и польские повара приготовили среди других кушаний блюда из телятины. Когда в столице узнали об этом, поднялся ропот. В тот же день в Кремле перед немецкой гвардией выступил с проповедью лютеранский священник. Раньше такие проповеди разрешено было произносить только в Немецкой слободе.

В середине мая государь дал аудиенцию польскому иезуиту Савицкому и подтвердил давние обещания относительно деятельности Ордена Святого Иисуса в пределах России. Пáter передал Лжедмитрию личное послание генерала Ордена иезуитов Аквавивы вместе с индульгенциями — золотыми пластинками с изображением папы Римского.

Прошло время, когда самозванец старался встречаться с иезуитами как можно реже и окружал их визиты строжайшей тайной. Савицкий просил разрешения посещать царя в любое время. Император ответил согласием. Он открыл двери в соседнюю комнату, где располагалась «Канцлерия», и отдал нужное распоряжение польскому секретарю. После прибытия иноземного войска Отрепьев считал свое положение вполне прочным.

Однако ситуация в столице становилась все более тревожной. По словам Конрада Буссова, с 12 мая в народе открыто стали говорить, что царь — поганый, что он — некрещеный иноземец, не почитает святого Николая, не усерден в посещении церкви, ест нечистую пищу, оскверняет московские святыни.

В ночь на 15 мая бояре-заговорщики приготовились произвести переворот. Но царь своевременно получил предостережение от иноземной стражи и принял меры. По городу были расставлены воинские силы, а поляки всю ночь палили из ружей, чтобы устроить москвитов.

Как утверждал Исаак Масса, заговорщики держали под ружьем тысячи своих сторонников, но в последний момент отложили выступление.

Заговор, организованный боярской верхушкой, носил строго конспиративный характер, и число его участников было невелико. Не могло быть и речи о тысячах вооруженных людей, якобы собранных Шуйскими. Иезуиты, находившиеся в Москве в те дни, с полным основанием утверждали, что Шуйские привлекли на свою сторону бояр, но «между народом имели очень мало соучастников». Назревавшее в столице народное восстание не угрожало непосредственно власти Лжедмитрия, поскольку возмущение и гнев москвичей вызывал не царь, а иноземное наемное воинство. Цели народа и бояр, планировавших убийство самозванца, явно не совпадали. Тем не менее бояре рассчитывали в нужный момент использовать выступления посадских людей.

В сочинениях современников можно прочесть, что Лжедмитрий проявил редкую беспечность и легкомыслие, не обратив внимания на доносы и предупреждения насчет готовившегося переворота. В действительности самозванец и его советники, не жалея сил, готовились к тому, чтобы железной рукой подавить назревавший мятеж.

Под предлогом готовившейся войны с турками царь вызвал в окрестности Москвы отряды детей боярских из Путивля и Рязани. Эти отряды доказали свою преданность ему в начале Смуты. В распоряжении монарха был многотысячный стрелецкий гарнизон. Вместе со столичными стрельца-

ми караулы в Кремле несли стрельцы из Северной земли, оставленные в столице после коронации Расстриги. В Кремле и крепостях разместилось польское наемное войско, приведенное Мнишеком. К Москве спешно двигалось казацкое войско «царевича Петра».

Заговорщики располагали несколькими сотнями вооруженных людей. Подавляющее превосходство сил было на стороне Лжедмитрия.

Почему самозванец запретил принимать от народа доносы и даже грозил доносчикам наказанием?

Бесчинства шляхты привели к тому, что Ближняя канцелярия оказалась завалена жалобами москвичей на «рыцарство» и встречными жалобами солдат. Запрет принимать челобитные относился прежде всего к этим жалобам. Что касается дел об оскорблении царя, их разбирали без всякого промедления. Лжедмитрий получил власть из рук восставших москвичей менее чем за год до описываемых событий. Неудивительно, что он не допускал и мысли о выступлении столичного населения против него.

Бояре вели хитрую игру. Они били в набат, чтобы отвлечь внимание самозванца от подлинной опасности, грозившей ему со стороны заговорщиков. В конце концов и Мнишек с польскими советниками, и ближние люди Лжедмитрия Петр Басманов и Михаил Салтыков, и сыскное ведомство сосредоточили все свое внимание и все усилия на охране поляков и предотвращении столкновений между москвичами и иноземными наемниками.

Вскоре после свадьбы царь задумал развлечься военными играми. С этой целью его потешная крепость была заблаговременно отправлена в Котлы. Для проведения стрельб Лжедмитрий велел наряд «волоčiti за город», после чего «весь наряд большой, и середней, и городской, и полковой» сняли со стен и вывезли в поле. За потехами угадывались более серьезные цели. Лжедмитрий намерен был идти с полками на Елец, а оттуда к Азову со всей артиллерией и «гуляй-городом». Заговорщики попытались обратить военные приготовления Лжедмит-

рия против него самого. Повсюду распустили слух, будто на играх «литва» намерена перебить бояр.

Первые крупные волнения в Москве произошли 14 мая. В тот день вечером гайдук Вишневецкого избил посадского человека и скрылся за воротами. Народ осадил двор и потребовал от Вишневецкого выдачи виновного. К ночи подле двора собралось до 4000 человек. Посадские грозили разнести хоромы в щепы. Всю ночь возмущенные толпы москвичей заполняли площади и улицы столицы.

С аналогичной ситуацией Лжедмитрий уже сталкивался в первые дни после коронации, и тогда ему сравнительно легко удалось справиться с народными волнениями.

15 мая в Москве воцарилась зловещая тишина. Торговцы отказывались продавать иноземцам порох и свинец. Вечером несколько гайдуков остановили колымагу и вытащили оттуда боярыню. Народ немедленно бросился отбивать женщину. В городе ударили в набат. Царю вручили жалобу на лиц, повинных в бесчестии боярыни, но дело так и не было рассмотрено.

16 мая царица Марина была занята подготовкой к маскараду, а Лжедмитрий провел вечер со Станиславом Немоевским. Поляк привез в Москву драгоценности сестры короля Сигизмунда Анны, с тем чтобы продать их царю. Самозванец долго рассматривал их, потом велел принести из сокровищницы камни, доставшиеся ему от Грозного. С видом знатока он пустился в пространные рассуждения об их магических свойствах. Последний перед переворотом день царствования Лжедмитрия закончился.

Прямая открытая агитация против царя имела не слишком большой успех в народе, тогда как насилия со стороны солдат Мнишека вызывали мгновенный отпор населения. Описывая поимку на рыночной площади одного из тех, кто открыто агитировал против Расстриги, телохранитель К. Буссов ни словом не обмолвился о попытках народа отбить его у немцев из личной охраны царя. Когда Лжедмитрию донесли о случившемся, он приказал пытать арестованного. Но бояре, руководившие допросом, донесли ему, что смутьян болтал, будучи

пьян и скудоумен; теперь же, протрезвев, он ничего сказать не может.

В течение четырех дней Лжедмитрий получил несколько предостережений от капитанов, командовавших придворной стражей. 16 мая один служилый немец, оказавшись возле государя, когда тот осматривал лошадей на Конюшенном дворе, подал ему записку с предупреждением о том, что изменники выступят на следующий день, 17 мая. Вскоре во дворец явились братья Стадницкие с аналогичным предупреждением. Поскольку Стадницкие заявили, будто москвичи «собираются напасть на великого князя и поляков», секретари отклонили их представление и объявили, что народ предан государю.

Вслед за Стадницкими ко двору явился Мнишек. Среди московских жителей у Лжедмитрия было много доброхотов. Не имея доступа к царю, они пытались действовать через нового первосоветника — царского тестя. Оставшись наедине с зятем, Мнишек передал ему донос, поступивший от его солдат, а перед уходом вручил пачку челобитных от москвичей.

Будучи опытным политиком, Мнишек, в отличие от самозванца, трезво оценивал опасность, угрожавшую царской семье. Лжедмитрий остался глух к настоятельным советам тестя. Он укорял сенатора в малодушии, отвергал любые сомнения в преданности народа, а под конец заявил, что если кто и посмеет выступить против него, то в его власти «всех в один день лишить жизни». Даже на краю пропасти император оставался в плену иллюзий.

Постаравшись убедить Мнишека в отсутствии поводов к беспокойству, Лжедмитрий тут же отдал приказ о чрезвычайных военных мерах. Басманов поднял на ноги стрельцов и расставил усиленные караулы в тех частях города, где можно было ожидать нападения народа на солдат Мнишека. В Кремле было введено чрезвычайное положение. Стража получила приказ убивать на месте любых подозрительных лиц, которые попытались бы проникнуть внутрь Кремля. В ночь на 16 мая люди Басманова захватили шесть «шпионов». Трое были убиты на месте, трое замучены пытками. Басманов действовал с исключительной жестокостью, потому что власти получили точные

доказательства существования заговора. К несчастью для себя, Отрепьев даже не подозревал, что в заговоре участвовала его названная мать, которую он освободил из монастырского заточения и осыпал неслыханными милостями, а также другие любимцы, вроде Василия Шуйского и Василия Голицына. Готовясь нанести царю смертельный удар, бояре бессовестно пресмыкались у его ног и старались усыпить все его подозрения.

Заговорщики несколько раз откладывали переворот, поскольку не были уверены в том, как поведет себя население. В конце концов они решили выступить под маской сторонников царя. Планы Шуйских отличались вероломством. Бросив в толпу клич «Поляки быют государя!», заговорщики намеревались спровоцировать уличные беспорядки, нейтрализовать силы, поддерживавшие Лжедмитрия, а тем временем проникнуть во дворец и убить самозванца.

В связи с готовившимся походом против турок власти вызвали в Москву новгородское войско. Его численность, по польским данным, превышала 18 000 человек, а в действительности составляла не более одной-двух тысяч. Под покровом ночи бояре впустили через крепостные ворота своих сообщников из новгородцев. В решающий момент в распоряжении заговорщиков оказалось около 200—300 дворян. Они-то и осуществили дворцовый переворот. Столичный гарнизон и дворянское ополчение в целом оставались в стороне от заговора.

На рассвете 17 мая Шуйские собрали у себя на подворье участников заговора, после чего двинулись через Красную площадь к Кремлю. Бояре приурочили свои действия к моменту, когда во дворце происходила смена ночного караула. По слухам, Яков Маржарет был посвящен в планы заговорщиков и сам отвел от царских покоев внешнюю стражу. Поводом для таких слухов послужило то, что командир первой дворцовой роты по болезни не явился во дворец.

Командовал сменой караула иноземец Андрей Бона. Он, как говорили, был посвящен в планы заговора. После развода во внутренних покоях оставалось не более 30 человек стражи. К тому времени стрельцы, стоявшие на карауле у

польских казарм, закончили ночное дежурство и были пущены по домам.

По обыкновению, Отрепьев встал на заре. Петр Басманов, ночевавший во внутренних покоях, доложил, что ночь прошла спокойно. На Красном крыльце государя поджидал дьяк Афанасий Власьев. Поговорив с ним, Лжедмитрий ушел в покои, не заметив ничего подозрительного. Стрелецкие караулы несли стражу по всему Кремлю. Они не выказали никакой тревоги, когда во Фроловских воротах появились главные бояре — братья Шуйские и Голицыны, хорошо известные им в лицо. За боярами в ворота ворвались вооруженные заговорщики. Их нападение застало стрельцов врасплох. Стража бежала, не оказав сопротивления. Завладев воротами, Шуйский велел поднимать на ноги посад. Посланные им люди собрали большую толпу на Красной площади и в торговых рядах.

Ударили в колокола в Ильинской церкви, затем по всему городу. Заслышав набат, Лжедмитрий послал Басманова спросить, отчего поднялся шум. Дмитрий Шуйский, с утра не спускавший глаз с самозванца, отвечал, что в городе, верно, начался пожар. Командир стражи Андрей Бона также сказал, что трезвонят из-за пожара.

Между тем шум нарастал. По всему городу забили в «набаты градские», затем ударили в колокола в Успенском соборе. Повсюду слышались крики: «Горит Кремль! В Кремль, в Кремль!» Горожане со всех сторон спешили на Красную площадь. Шум поднял на ноги не одних только противников самозванца. Схватив оружие, ко дворцу бросилась «литва». Роты, стоявшие поблизости от Кремля, выступили в боевом порядке с развернутыми знаменами. Лихая атака еще могла выручить самозванца из беды. Но бояре успели предупредить опасность. Они обратились к народу, призывая его бить поганых «латынян», постоять за православную веру. С площади во все стороны поскакали глашатаи, кричавшие во всю глотку: «Братья, поляки хотят убить царя и бояр, не пускайте их в Кремль!» Призывы пали на подготовленную почву. Толпа бросилась на шляхтичей и их челядь. Улицы, ведущие к Кремлю, были завалены бревнами и рогатками. Разбушевавшаяся стихия па-

рализовала попытки «литвы» оказать помощь гибнущему Лжедмитрию. Наемные роты свернули знамена и отступили в свои казармы.

Во дворце события развивались своим чередом. На рассвете, повествуют авторы Сказаний, в царские хоромы явился дьяк Тимофей Осипов, перед тем причастившийся как человек, идущий на смерть. Защитник православия совершил подвиг, обличив царя как расстригу Гришку Отрепьева, еретика и чародея. Эту легенду, призванную освятить мятеж авторитетом человека почти что святой жизни, сочинили сами заговорщики. С их слов ее записал также Исаак Масса. Но в этой легенде слишком много несообразностей.

Глава заговора Василий Шуйский был человеком трезво мыслящим и практичным. Он меньше всего заботился о театральных эффектах в деле, из-за которого мог лишиться головы. Совершенно очевидно, что известный столичному населению дьяк принес бы гораздо больше пользы, обличая самозванца перед народом на площади, чем в спальнях хором, оказавшись с глазу на глаз с царем. Из всего этого можно сделать лишь один вывод.

Осипов проник в спальню царя с более серьезными намерениями, нежели словесные обличения. Располагая небольшими силами, заговорщики не были уверены, что им сразу удастся сломить сопротивление дворцовой стражи. Поэтому они и разработали запасной план действий, выполнить который взялся Осипов. Дьяк должен был потихоньку пробраться в царскую спальню и убить там Лжедмитрия еще до того, как начнется общий штурм дворца.

Осипову удалось выполнить только первую часть плана. Как повествует один из царских телохранителей, злоумышленник проник через все караулы (а всего во дворце было пять дверей с караулами) и добрался до спальни, но тут был убит Басмановым. Судя по разным источникам, Осипов успел избранить царя, назвав его недоноском. По русским источникам, он произнес целую речь против еретика и расстриги. На самом деле у него попросту не было времени для речей.

Прикончив Осипова, Басманов тут же велел выбросить его труп из окна на площадь. Дьяк вел праведную жизнь, и в народе о нем шла добрая молва. Кровавая расправа во дворце не оставила безучастной толпу, собравшуюся на площади.

Шум на площади усилился, и Лжедмитрий вновь послал Басманова узнать, что происходит. Вернувшись, тот сообщил, что народ требует к себе царя. Самозванец не отважился выйти на крыльцо, но с бердышем в руках высунулся в окно и, потрясая оружием, крикнул: «Я вам не Борис!» В ответ раздалось несколько выстрелов, и Лжедмитрий поспешно отошел от окна. Басманов пытался спасти положение. Выйдя на Красное крыльцо, где собрались все бояре, он принялся именем царя увещевать народ успокоиться и разойтись. Наступил критический момент. Многие люди прибежали ко дворцу, ничего не ведая о заговоре. Тут же находилось немало стрельцов, готовых послушать Басманова, главу Стрелецкого приказа.

Заговорщики заметили в толпе неуверенность и поспешили положить конец затянувшейся игре. Подойдя сзади к Басманову, Татищев ударил его ножом. Дергающееся тело было сброшено с крыльца на площадь. Расправа послужила сигналом к штурму дворца. Толпа ворвалась в сени и обезоружила копейщиков. Василий Шуйский вошел в первые покои во главе мятежников.

Отрепьев заперся во внутренних покоях с 15 немцами. Шум нарастал. Двери трещали под ударами нападавших. Самозванец рвал на себе волосы. Наконец он бросил оружие и пустился наутек. Подле покоев Марины Отрепьев успел крикнуть: «Сердце мое, измена!» Струсивший царь даже не пытался спасти жену. Из парадных покоев он бежал в баньку (ванную комнату, как называли ее иностранцы). Воспользовавшись затем потайными ходами, самозванец покинул дворец и перебрался в каменный зал. Русские источники уточняют, что царь попал в каменные палаты на «взруб». Палаты располагались высоко над землей. Но Отрепьеву не приходилось выбирать. Он прыгнул из окна с высоты около 20 локтей (К. БуССов считал, что окно располагалось на высоте 15 сажень). Обычно ловкий,

Отрепьев на этот раз мешком рухнул на землю, вывихнул ногу и потерял сознание.

Неподалеку от каменных палат стражу в воротах несли верные Лжедмитрию караулы. По словам поляков, царь, на свою удачу, попал в руки «украинских стрельцов» — приведенных с Северской Украины повстанцев, принятых в дворцовую охрану. Фортуна в последний раз повернулась лицом к самозванцу. Придя в себя, Лжедмитрий стал умолять стрельцов «оборонить» его от Шуйских. Слова самозванца обнаруживают, что он знал точно, с какой стороны придет удар. Подняв царя с земли, стрельцы внесли его в ближайшие хоромы.

Между тем мятежники, не обнаружив Лжедмитрия во дворце, принялись искать его по всему Кремлю. Вскоре им удалось обнаружить его убежище. Украинские стрельцы были единственными из всей кремлевской стражи, кто пытался выручить самозванца. Они открыли пальбу и застрелили одного-двух дворян-заговорщиков. Но силы были неравны. Толпа заполнила весь двор, а затем ворвалась в покои. Стрельцы сложили оружие.

Самозванца привели в разгромленный дворец. В сенях он увидел обезоруженных телохранителей. Один из них, ливонец Фюрстенберг, проскользнул во внутренние покои и стал подле монарха, но был тут же убит ударом копья.

Попав в руки врагов, Отрепьев понял, что проиграл. И все же он продолжал отчаянно цепляться за жизнь. Глядя с земли на окружавшие его знакомые лица, самозванец униженно молил позволить ему свидание с «матерью» или отвести на Лобное место, чтобы он мог покаяться перед всем народом. Враги были неумолимы. Один из братьев Голицыных отнял у Гришки последнюю надежду на спасение. Он объявил, что Марфа Нагая давно отреклась от Лжедмитрия и не считает его своим сыном. Слова Голицына положили конец колебаниям. Дворяне содрали с поверженного самодержца царское платье. Оттеснив стрельцов, заговорщики окружили плотным кольцом скорчившуюся на полу фигурку. Те, что стояли ближе к Гришке, награждали его тумаками. Те, кому не удавалось протиснуться поближе, осыпали его бранью. «Таких царей у меня

хватает дома на конюшне!», «Кто ты такой, сукин сын?» Василий Голицын не мог отказать себе в удовольствии наблюдать за расправой над самозванцем.

Василий Шуйский понимал, что успех затеянного дела зависит от того, как поведет себя народ. На первых порах ему удалось увлечь за собой толпу, принявшуюся громить и грабить дворцовые покои. Теперь он обратился к народу с новым призывом. Разъезжая по площади перед Красным крыльцом, боярин предлагал черни потешиться над «вором».

Даже такие противники Лжедмитрия, как Исаак Масса, признавали, что самозванец, если бы ему удалось укрыться в толпе, был бы спасен, ибо «народ истребил бы всех вельмож и заговорщиков». Не ведая о заговоре, многие москвичи полагали, что поляки вознамерились умертвить царя, и бросились в Кремль спасать его.

Толпа москвичей продолжала расти, и заговорщики, опасаясь вмешательства народа, решили покончить с самозванцем. После переворота много говорили о том, что первый удар Лжедмитрию нанес то ли дворянин Иван Воейков, то ли сын боярский Григорий Валуев. Однако точнее всех смерть Отрепьева описал Конрад Буссов, служивший в дворцовой охране. По его словам, решительнее всех в толпе, окружившей самозванца, действовал московский купец Мыльник. На повторные просьбы Отрепьева позволить ему говорить с народом с Лобного места купец закричал: «Нечего давать еретикам оправдываться, вот я дам тебе благословение!» С этими словами он разрядил в него свое ружье. После переворота Василий Шуйский щедро наградил своих сообщников — торговых людей Мыльниковых, пожаловав им столичный двор одного из ближайших фаворитов Лжедмитрия.

Заговорщики спешили довершить дело. Они набросились на окровавленного, бившегося в агонии Отрепьева, как стая воронья, и продолжали рубить расprostертое на полу тело и стрелять в него даже после того, как он перестал подавать признаки жизни. Страшась народного осуждения, бояре немедленно объявили с Красного крыльца, будто убитый перед смертью сам повинился в том, что он не истинный Дмитрий, а рас-

стрига Григорий Отрепьев. Обнаженный труп царя выбросили из палаты на площадь, а потом поволокли от дворца к терему вдовы Грозного Марфы Нагой. Толпа призвала Марфу к ответу. Старица не простила Отрепьеву разорения сыновней могилы. Втайне она давно отреклась от мнимого сына. Бояре вовлекли ее в заговор. Теперь вдова-царица открыто назвала убитого «вором».

Наемники не оправдали возлагавшихся на них надежд. Невкогда они покинули Лжедмитрия близ границы в самый трудный час. В Москве они проявили не больше желания умереть за того, кто платил им деньги. Лишь немногие пытались пробиться во дворец. Они подверглись избиению. Заодно толпа чинила расправу над чужеземцами, случайно оказавшимися на улице. Толпе помогали иноки и попы. Осажденные в своих домах поляки наблюдали из окон за суетой монахинь. Старицы проворно сновали в толпе, то и дело кричали: «Бей поганых!»

За рубежом толковали, будто в дни восстания в Москве погибло от одной до двух тысяч человек. Несколько поляков, очевидцев мятежа, составили свои именные списки убитых. Сопоставление этих списков позволяет установить, что жертвами стали 20 шляхтичей, близких ко двору самозванца, и около 400 их слуг и челядинцев. Те же цифры называли в письмах из Москвы иезуиты из окружения самозванца.

Стрелецкий гарнизон лишился руководства с убийством П. Басманова. Стрелецкие сотни не выполнили приказа об охране польских казарм, но они не участвовали в уличных избиениях, как и дворянские отряды. Данные о потерях служат тому доказательством. На польские дворы напала неорганизованная, вооруженная чем попало уличная толпа. В столкновении с нападавшими наемные солдаты перебили около 300 москвичей. Раненых было значительно больше. Подняв посадских людей на «латынян», бояре-заговорщики спровоцировали неслыханное кровопролитие.

В резне повинны были не одни бояре, но и король Сигизмунд III, который давно поддерживал тайные сношения с заговорщиками в России и, по-видимому, использовал миссию посла А. Гонсевского в Москву, чтобы ускорить решительную

развязку. В свите Мнишеков было немало фрондеров — противников короля. Их судьба мало тревожила королевских послов. Авторы иностранных записок указали на это с полной определенностью. Когда несколько поляков, прибывших с Мнишеками, постучали в ворота посольского двора и слезно просили спасти их от неминуемой смерти, Гонсевский ответил им отказом. Послы и их свита не понесли ущерба. Василий Шуйский и другие заговорщики позаботились о том, чтобы уберечь членов посольства от нападений. Сразу после переворота они прислали войска для их охраны. Затеявая самозванческую интригу, Мнишеки мечтали завладеть сказочными богатствами московской короны. Посеяв ветер, они пожали бурю. Не одни Мнишеки, но и вся их родня были ограблены до нитки.

Передавали, что в день переворота Марину спасла ее рослая и тучная фрейлина, спрятавшая государыню у себя под платьем. Этот рассказ легендарен. Когда шум поднял царицу с постели, она едва успела надеть юбку, оставшись неприбранной и непричесанной. Это ее и спасло. Сначала она пряталась в подвале, потом, никем не узнанная, возвратилась в верхние покои.

Поляки из окружения Марины с удивлением отмечали, что Юрий Мнишек печалится о смерти «Дмитрия» куда больше, чем его дочь. Московская царица в те дни громко сетовала на то, что у нее отняли любимого арапчонка.

Мятеж в столице сопровождался грабежами. По словам «Нового летописца», толпа «многие дворы разграбиша и русских людей». Без согласия великих бояр, свидетельствовали очевидцы, народ отнял имущество и оружие у многих бояр, боярынь, детей боярских и воинов. Иначе и быть не могло. Поляки занимали квартиры на подворьях у столичных бояр и дворян. Грабя дворы, чернь не разбирала, кому принадлежит имущество — полякам или москвичам.

Как обычно, мятежники бросились громить винные погреба, что усугубило хаос, царивший в столице.

Как только самозванец был убит, бояре предприняли попытку прекратить кровопролитие и навести порядок на улицах Москвы.

Бояре предали останки Лжедмитрия неслыханному поруганию. Его нагое тело выволокли из Кремля и бросили в грязь посреди рынка на том самом месте, где годом раньше палач должен был обезглавить Шуйского. Рядом с самозванцем положили труп боярина Басманова. Народ теснился подле убитых с утра до ночи.

Власти распорядились принести из торговых рядов прилавок длиной около аршина и положить на него царя, чтобы народ мог лучше его рассмотреть. Тело боярина Басманова осталось на земле под прилавком. Исаак Масса побывал на площади и имел возможность разглядеть «Дмитрия». Он вблизи видел его раздробленный череп и насчитал на теле 20 ран. Не одни поляки утверждали, что в народе сожалели о смерти царя. Враг самозванца Масса видел своими глазами, как некоторые москвичи, находившиеся в толпе, искренне плакали. Чтобы искоренить в народе сочувствие к Лжедмитрию, бояре посмертно подвергли его торговой казни. Выехавшие из Кремля дворяне хлестали труп кнутом, приговаривая, что убитый «вор» и изменник — Гришка Отрепьев. Во дворце были найдены маски и костюмы, приготовленные для маскарада. Самую безобразную «харю» (маску) привезли на торг и бросили на вспоротый живот Лжедмитрия, в рот ему сунули дудку. Народу было объявлено, что еретик и чародей Гришка поклонялся идолу — нагло смеющейся «харе», которую нашли под царской постелью во дворце, а теперь положили на его тело. По слухам, на площадь был приведен брат Отрепьева, весьма похожий на убитого царя. На другой день после переворота дьяки зачитали народу историю жизни Григория Отрепьева, дословно совпадавшую с посольским наказом, составленным при Борисе Годунове. «Жизнь свою от юности, — объявляли они, — Гришка проводил в бездельничестве, играл в карты и кости», потом постригся в чернецы и пр.

Со временем во дворце был найден тайник, в котором Лжедмитрий хранил секретные договоры с Сигизмундом III и Мнишеком, переписку с папой Римским и иезуитами. Бояре тотчас объявили об этой находке народу, хотя они и не сразу разобрались в содержании документов, требовавших перево-

да. Тайник был указан Яном Бучинским, попавшим в руки мятежников при штурме дворца. В страхе за свою жизнь, главный секретарь готов был подтвердить клевету, которую бояре давно распускали по городу. «Дмитрий», заявил он, велел вывезти весь московский наряд (пушки) за посад, чтобы во время стрельб «литва» могла перебить бояр и «лучших» дворян. (В грамоте к уездным городам список жертв был расширен: к боярам прибавлены приказные люди, купцы и «лучшие» посадские люди. Провинция могла поверить чему угодно, но в столице такая откровенная ложь не могла пройти.) Истребив бояр, Расстрига, по свидетельству Бучинского, намеревался «разорить веру» и ввести «люторство и латинство» (католичество). Показания Бучинского оправдывали мятеж бояр, преступивших присягу на кресте. По этой причине они заняли непомерно большое место в обвинительных грамотах Шуйского.

ЗНАМЕНΙΑ

После убийства Лжедмитрия бояре заседали в Кремле всю ночь, до рассвета. Торг из-за власти длился три дня. При жизни Отрепьева бояре-заговорщики тайно обещали царскую корону Владиславу, сыну короля Сигизмунда III. Избиение польских наемников в Москве привело к тому, что вопрос о передаче трона королевичу-иноверцу отпал сам собой. Борьба за власть в любой момент грозила вызвать смуту. Корону оспаривали Шуйские и Голицыны, Мстиславский и Романовы.

В конце концов трон достался боярину Василию Шуйскому. Трое братьев Шуйских, их племянник Скопин, Крюк Колычев, Головин, Татищев, купцы Мыльниковы, Крутицкий митрополит Пафнутий собрались на подворье Шуйских, составили грамоту об избрании на царство князя Василия и отвели его на Лобное место для представления народу. Среди столичного торгового населения у Шуйских было много сторонников. Это обстоятельство помогло им и в дни мятежа, и в дни царского избрания. На вопрос, достоин ли Шуйский — извест-

ный страдалец за православие — царствовать, москвичи ответили возгласами одобрения.

Князь Василий не стал созывать Земский собор, потому что руководство любым собором осуществляли дума и священный собор, где преобладали противники нового царя. Князь Василий, подобно Борису Годунову, вынужден был апеллировать к народу, чтобы преодолеть сопротивление бояр и князей церкви.

Приверженцы Василия составили крестоцеловальную запись. В.О. Ключевский считал ее актом, ограничивавшим власть самодержца в пользу бояр.

По традиции Боярская дума являлась высшей судебной инстанцией в государстве. Грозному пришлось ввести опричнину, чтобы узаконить произвольные опалы и конфискации. Запись Шуйского символизировала возврат к традиционной системе управления.

Царь Василий отказался от права бессудной царской опалы и клятвенно обещал, что никого не казнит смертью, «не осудя истинным судом с бояры своими». Опалы вели к переходу родовых земель в казну, что противоречило интересам аристократии. Дума добилась четкого указания на то, что без боярского суда царь не мог отобрать вотчины, дворы и пожитки у братьев опальных, их жен и детей.

Лжедмитрий I предпринял попытку в обстановке гражданской войны возродить неограниченную самодержавную власть, не возвращаясь к опричнине и массовым репрессиям. Финал был трагическим. Шуйский не желал разделить участь Расстриги, и ему поневоле пришлось учесть его опыт. В этом и крылась причина того, что князь Василий согласился составить ограничительную крестоцеловальную запись.

В день избрания царь Василий велел убрать тело Лжедмитрия с площади. Труп привязали к лошади, выволокли в поле и там закопали у обочины дороги. Князь Иван Голицын спросил у думы, в виде особой милости, разрешение похоронить брата, Петра Басманова, в церковной ограде на его дворе.

В день переворота боярам удалось использовать выступления посадских людей в своих целях. Народ был уstraшен

жестоким убийством царя. Но вскоре положение стало меняться. Прошло несколько дней после мятежа, отметил Я. Маржарет, а в городе слышен был лишь ропот; одни плакали, горевали, а другие, наоборот, радовались. Перемена в народных настроениях привела к тому, что столицу захлестнули слухи о зловещих знамениях. Когда труп Расстриги везли через крепостные ворота, налетевшая буря сорвала с них верх. Потом грянули холода, и вся зелень в городе пожухла. Высохли вершины и ветки сосен. Холода длились восемь дней.

На третью ночь люди видели голубые огни, поднявшиеся подле трупа «Дмитрия» прямо из земли. Когда стража приближалась, огни исчезали. Тело чародея увезли с площади и заперли в скудельнице, но наутро его обнаружили перед дверями, и у трупа сидели два голубя. Когда к «Божьему Дому» приближались люди, голуби улетали, а затем прилетали вновь. По понятиям того времени, голуби были вестниками небесных сил.

Повсюду толковали, что над телом чернокнижника каждую ночь пляшут бесы, что убитый — «сам дьявол, поэтому он и напускает свои навождения на христиан». Земля не принимала тела чародея, его пришествию радовался «сам сатана»; звери и птицы гнушались его тела; с небес не падал дождь и солнце не светило «смирада ради трупа того».

Духовенство было встревожено и долго совещалось, как бы вернее покончить с мертвым колдуном и чародеем. По совету монахов труп Лжедмитрия выкопали из ямы, в последний раз протащили по улицам города, после чего доставили в село Котлы к югу от Москвы и там сожгли. Новый царь желал убедить народ, будто Лжедмитрий намеревался истребить бояр и знать во время военных потех в поле у стен гуляй-города — у подвижной крепостицы, прозванной москвичами «адам». В силу этих обстоятельств тело самозванца было сожжено вместе с «адам».

Каким бы посмертным унижениям ни подвергали Отрепьева власти предержащие, народ не желал верить в смерть «прирожденного» царя. Толки о том, что он спасся от «лихих» бояр, не прекращались ни на один день. Через неделю после переворота на улицах столицы появились подметные письма, якобы

составленные самим Дмитрием. «Прелестные листы» были прибиты на воротах многих боярских дворов. Поистине «бессмертный» царевич объявлял своим подданным, что «ушел от убийства и сам Бог его от изменников спас».

В воскресный день 25 мая в Москве произошли волнения. Народ требовал от бояр ответа, почему умерщвлен государь.

Шуйские заподозрили, что к составлению подметных писем от имени Дмитрия были причастны влиятельные лица, в том числе Филарет Романов.

Отрепьев замыслил извлечь из земли прах Дмитрия Угличского, что ускорило его гибель. Шуйский осуществил замысел самозванца, но придал ему совсем иное значение. На третий день после коронации Филарет доставил из Углича останки Дмитрия. Государь и бояре отправились пешком в поле, чтобы встретить за городом мощи истинного сына Грозного. Царя сопровождали духовенство и внушительная толпа москвичей. Марфе Нагой довелось в последний раз увидеть сына, вернее, то, что осталось от него. Потрясенная вдова Грозного не могла произнести слов, которых от нее ждали. Чтобы спасти положение, царь Василий сам возгласил, что привезенное тело и есть мощи истинного Дмитрия. Ни молчание царицы, ни речь Шуйского не тронули народ. Москвичи не забыли о трогательной встрече Марии Нагой с «живым сыном». И князь Василий, и Марфа слишком много лгали и лицедействовали, чтобы можно было поверить им снова. Едва Шуйский произнес положенную речь, носилки с трупом поспешно закрыли. Процессия после заминки развернулась и проследовала на Красную площадь. Гроб с покойным Дмитрием некоторое время стоял на Лобном месте, а затем его перенесли в Архангельский собор, куда были допущены одни бояре и епископы.

Церковь надеялась заглушить слухи о знамениях над трупом Отрепьева чудесами нового великомученика. Останки Дмитрия были выставлены на всеобщее обозрение. Некогда Шуйский клялся, что Дмитрий зарезал себя нечаянно, играя ножичком. Самоубийца не мог быть святым, и власти выдвинули новую версию. На мощи царевича положили свежие орешки, испачканные кровью. Всякий мог видеть своими гла-

зами, что будущий мученик в момент смерти играл орешками, а не ножичком.

Благочестивые русские писатели с восторгом описывали чудеса, творившиеся у гроба дивного младенца. В первый же день исцеление получили тринадцать больных, во второй — двенадцать и пр. Однако находившиеся в Москве иноземцы утверждали, что исцеленные калеки были обманщики и пришлые бродяги, подкупленные людьми Шуйского. При каждом новом чуде в городе били в колокола. Трезвон продолжался несколько дней. Паломничество в Кремль напоминало реку в половодье. Огромные толпы народа теснились у дверей Архангельского собора. Царская канцелярия поспешила составить грамоту с описанием чудес Дмитрия Угличского. Грамоту многократно читали в столичных церквях.

Стремясь завоевать симпатии столичного населения, Шуйский решил потревожить также прах Годуновых. По решению думы и духовенства их тела выкопали из ямы в ограде убогого Варсонофьева монастыря и отправили для торжественного захоронения в Троице-Сергиев монастырь. Двадцать троицких монахов несли их гробы по улицам столицы. В траурной процессии участвовали бояре. Они отдали последний долг свергнутой династии. Ксения Годунова, облаченная в черное монашеское платье, шла за гробом отца, рыдая и громко жалуясь на свою несчастную судьбу. «Ах, горе мне, одинокой сироте, — причитала она, — злодей, назвавшийся Дмитрием, обманщик, погубил моих родных, любимых отца, мать и брата, сам он в могиле, но и мертвый он терзает Русское царство, суди его Бог!»

Агитация против Расстриги произвела впечатление на столичное население, но брожение в народе не прекращалось. В день перенесения в Москву мощей Дмитрия, как только царь Василий оказался посреди бесчисленной толпы, он, по словам Якова Маржарета, вторично подвергся опасности и едва не был побит камнями. Царя спасло присутствие множества дворян.

Обретение нового святого внесло успокоение в умы, но ненадолго. Недруги Василия позаботились о том, чтобы испортить ему игру. Они притащили в собор больного, находивше-

гося при последнем издыхании, и тот умер прямо у гроба Дмитрия. Толпа в ужасе отхлынула от дверей собора, едва умершего вынесли на площадь.

Многие стали догадываться об обмане, и тогда власти закрыли доступ к гробу царевича. Колокола смолкли.

Недовольство в народе и в служилой среде, распри в думе делали положение новой династии крайне непрочным. По словам современников, на стороне царя Василия выступали дворяне из Москвы, Новгорода и Смоленска. Смоленские дворяне, как и новгородцы, выразили преданность новому государю. Но в армии царил разброд, как и повсюду.

Наибольшей популярностью Лжедмитрий I пользовался среди мелких помещиков Юга России. В их среде переворот вызвал негодование. В одном из списков «Сказания о Гришке Отрепьеве» рассказ о присяге Шуйскому завершается словами: «...а черниговцы, и путимцы, и кромичи, и комарицы, и вси рязанские города за царя Василья креста не целовали и с Москвы всем войском пошли на Рязань: у нас-де царевич Дмитрий Иванович жив». Воинские люди и жители Путивля, Чернигова, Кром, Комарицкой волости составляли ядро повстанческой армии, с которой самозванец летом 1605 г. вступил в Москву.

Сведения о военном мятеже находят подтверждение в Записках Я. Маржарета. После избрания Шуйского, записал Маржарет, взбунтовались пять или шесть главных городов на татарских границах, «перебили и уничтожили часть своих войск и гарнизонов».

Смута явилась первой в русской истории гражданской войной. На начальном ее этапе власть досталась Лжедмитрию I. Едва на трон взошел Василий Шуйский, по всей стране распространилась весть о том, что царь Дмитрий вторично спасся от бояр и ждет помощи от своего народа. Мятеж на южной окраине положил начало следующему периоду гражданской войны. В стране появились новые самозванцы. Но ни одному из них не довелось сыграть такую же роль в истории Смуты, какую сыграл Юрий Богданович Отрепьев.

САМБОРСКИЙ ПРИЗРАК

Тело самозванца было так обезображено, что узнать его было трудно. По словам очевидца Конрада Буссова, «поляки в первый же день мятежа распространили слух, что убитый не царь Дмитрий».

Агитация поляков имела мало шансов на успех. Население не простило явившимся на царскую свадьбу полякам их высокомерие и бесчинства. Во время волнений в Москве, записал секретарь Мнишека в своем Дневнике, народ требовал выдать на расправу поляков, толковавших о спасении «Дмитрия».

Постепенно властям удалось справиться с кризисом. Как отметил Маржарет, до его отъезда из столицы в июле мятежники из Рязани, Путивля, Чернигова «прислали в Москву просить о прощении, которое получили, извинив себя тем, что их известили, будто император Дмитрий жив».

Царь Василий употребил все силы, чтобы положить конец мятежу в Путивле. Он прислал в город гонца — сына боярского Григория Шипова. Ему поручено было убедить жителей, что новый царь будет жаловать их своим царским жалованьем «свыше прежнего». Путивлю было предложено прислать в столицу «лучших людей человек трех или четырех» для изложения своих нужд. Власти просили жителей Путивля, чтобы они «сумнения себе не держали некоторого» и жили «в покое и тишине». Убитый самозванец, уверяли они, перед смертью сам объявил «всем людям вслух, что он прямой вор Гришка Отрепьев».

Путивль был замирен. Примеру путивлян последовали другие мятежные города. Противники Шуйского должны были осознать, что успех их затей зависит от того, смогут ли они представить обществу «Дмитрия», иначе говоря, нового самозванца.

После переворота из столицы бежали Михаил Молчанов и Богдан Сутупов. Власти установили, что в те дни из царских конюшен исчезло несколько лошадей. Прошел слух, что вместе с Молчановым столицу покинул спасшийся «Дмитрий».

Яков Маржарет дознался, что лошадей из царской конюшни потребовали «от имени императора Дмитрия». Служитель Конюшенного приказа, выдавший лошадей, был подвергнут пытке. Видимо, служитель подчинился приказу от имени «спасшегося» царя, за что его как изменника замучили до смерти.

Ян Бучинский сообщил Якову Маржарету, что «один молодой русский вельможа, весьма любимый и жалуемый Дмитрием, который весьма на него походил... совершенно исчез». Речь шла о Молчанове. И Маржарет, и Бучинский хорошо знали этого человека. Если Молчанов был хотя бы отдаленно похож на государя, то заговорщикам не надо было тратить время на поиски нового претендента. Кандидат в цари был у них под рукой.

Камердинер Лжедмитрия I Хвалибог сообщил в 1607 г., что побег Молчанова и исчезновение лошадей из царской конюшни породили слух о чудесном спасении «Дмитрия». Толки о том, что «царь» сбежал вместе с Молчановым, записали также голландский купец Исаак Масса и поляк Станислав Немоевский.

Некоторые из современников говорили, будто вместо царя был убит его двойник. Называли имя поляка Борковского. Бывшие члены польской Ближней канцелярии и Юрий Мнишек старательно поддерживали слухи о чудесном спасении «царя Дмитрия». Бучинский уверял всех, что у убитого не было знака на левой груди, который он видел собственными глазами, когда мылся с государем в бане.

Центром интриги вновь стал Самбор, где после переворота появился человек, выдававший себя за «Дмитрия». Новый самозванец пользовался покровительством хозяйки Самбора — жены Юрия Мнишека. Кажется невероятным, что пани Мнишек могла действовать на свой страх и риск, предоставляя убежище и помощь человеку, слегка похожему на ее зятя. По-видимому, интрига была санкционирована Юрием Мнишеком и царицей Мариной.

Мнишек и окружавшие его люди были пленниками в России. Но, даже находясь в ссылке в Ярославле, поляки имели при себе оружие, челядь, могли свободно передвигаться по городу. Мнишек поддерживал тайную переписку с Самбором.

Следуя указаниям Мнишека, его жена стала спешно вербовать сторонников «царя». Во Львове и других местах польские офицеры получили от нее письма с категорическими заверениями, что «Дмитрий» жив и находится в Самборе.

Достоверно известно, что Михаил Молчанов после бегства из Москвы нашел прибежище в Самборе.

Молчанов происходил из рядовой дворянской семьи, выдвинувшейся в опричнине. В самом начале Смуты Михалка по приказу царя Бориса был бит кнутом на пытке, видимо, за тайные сношения с «вором». Он успел оказать важные услуги самозванцу и завоевал его полное доверие.

Русские послы князь Григорий Волконский с товарищами, выехавшие из Москвы 16 июня 1606 г., произвели розыск о самозванце, объявившемся в замке Мнишеков в Польше. На вопрос, каков новый «Дмитрий» «рожеем и волосом», польские приставы отвечали послам: «...он рожеем смугол, а волосом черен, ус не велик, и бороды выседает и он стрижет; а по-польски говорить горазд и по латыне знает».

Послы настаивали на том, что по всем приметам это Молчанов, и он нисколько не похож на убитого в Москве «вора»: «...прежний был вор Рострига обличьем бел, волос рус, нос широк, бородавка подле носа, уса и бороды не было, шея короткая; а Михалко Молчанов обличьем смугол, волосом черен, нос покляп, ус невелик, брови велики нависли, а глаза малы, бороду стрижет, на голове волосы курчавы, взглаживает вверх, бородавица на щеке».

По пути послы расспрашивали людей, видевших нового «Дмитрия», и те сообщили важную деталь: тот «возрастом (ростом. — Р.С.) не мал». Таким образом, самборский «вор» даже фигурой не был похож на убитого Лжедмитрия I, который был совсем мал ростом.

Все сходство исчерпывалось тем, что у обоих была бородавка на щеке или возле носа.

Волконский брался разоблачить самозванца, говоря, что у «него есть пятно» — старые рубцы на спине, оставшиеся после истязаний на Пыточном дворе, где он был «кнутом бит, и кнутные бои на нем знать» (видны).

Участие Молчанова в самозванческой интриге неоспоримо. Но он был, по сути дела, мелким авантюристом. Среди его сообщников выделялся князь Григорий Шаховской.

Шаховские происходили из сильно разросшейся и захудалой ветви Ярославского княжеского дома. Они не входили в думу и были записаны в княжеском списке Дворовой тетради последними.

Князь Петр Шаховской с сыном принесли присягу Лжедмитрию I после мятежа в Чернигове. Петр был едва ли не первым из князей, попавшим в руки «вора». По некоторым данным, он получил от самозванца боярский чин. Но его имени нет в польском списке «сената».

Сын князя Петра, Григорий, казалось бы, мог рассчитывать на самую блестящую карьеру при дворе «Дмитрия». Но Отрепьев отправил его воеводой в Курск. На свадьбе «Дмитрия» он довольствовался скромной должностью «поезжанина».

Внимание историков давно привлек рассказ Конрада Буссова о заговоре князя Григория Шаховского. После гибели Лжедмитрия I Шаховской бежал из Москвы в Путивль вместе с двумя другими лицами. При нем была большая золотая печать, украденная из дворца. В дороге князь доверительно рассказывал людям, что один из двух его спутников — чудесно спасшийся от убийц царь Дмитрий. Григорий остался на воеводстве в Путивле, а два его спутника, отделившись от него, уехали в Самбор.

Оценивая известие Буссова, надо иметь в виду, что он служил Лжедмитрию II и черпал сведения из рассказов тушинских ветеранов. Когда князь Григорий Шаховской явился в Тушино, «вор» даровал ему высший титул «слуги и боярина», видимо, за то, что тот его спас. Такова была официальная версия тушинского двора.

Буссов упоминал о краже Шаховским государственной печати. Однако у князя Григория не было необходимости в похищении печати. Согласно показаниям патера Савицкого, из Москвы в Польшу бежал некий секретарь царя «Дмитрия» по имени Богдан или Иван, который якобы и принял имя Дмитрия. Секретаря Богдана можно отождествить с дьяком Богда-

ном Сутуповым. Сведения о его участии в новой интриге имеют исключительное значение.

В списке «сената» Лжедмитрия I он записан как «печатник и секретарь великий», иначе говоря, канцлер. «Второй» канцлер Афанасий Власьев записан ниже Сутупова. Благодаря службам дьяка Ивана Висковатого и дьяка Андрея Щелкалова — ближайших сподвижников Грозного — должность печатника («канцлера») стала одним из высших постов в государстве.

Богдан Сутупов был честолюбив и после убийства самозванца не захотел расставаться со своим саном и с печатью. Он бежал из Москвы, чтобы спастись от тюрьмы.

В 1604 г. Сутупов находился в мятежном Путивле не менее трех-четырех месяцев. Он составлял царские рескрипты и отправлял их в разные города. Заняв место в московской Боярской думе, Сутупов в течение почти года продолжал составлять и запечатывать царские грамоты. В Самборе дьяк вел привычную деятельность.

После того как Михалка Молчанов и его спутники обосновались в замке Мнишеков, грамоты «Дмитрия» хлынули на Русь потоком.

Какую печать захватил с собой канцлер при бегстве из Москвы? Московские государи имели «большую» и «малую» государственные печати. Большой печатью скрепляли международные договоры и грамоты, «что посылаютца во окрестные государства» (Г. Котошихин). Лжедмитрий I не успел изготовить для себя большую печать. Грамоты, посланные им за рубеж в связи со свадьбой, были скреплены большой царской печатью Ивана Грозного.

Самозванец использовал для зарубежных сношений «среднюю печать», находившуюся в распоряжении главы Посольского приказа Афанасия Власьева. Существовала еще малая печать. Ею скрепляли грамоты разного рода, а носили «на вороту» — в мешочке на шее. Этой печатью, очевидно, и распоряжался печатник Сутупов. Печать заменяла царскую подпись.

Когда гонцы стали доставлять грамоты воскресшего «Дмитрия» в города, воеводы не имели ни малейшего основа-

ния усомниться в их подлинности. Это обстоятельство способствовало успеху заговора.

Хозяйка Самбора надеялась на поддержку польских властей. Избиение поляков в Москве служило поводом для немедленной войны с Россией. Согласно королевской инструкции сеймикам, власти предполагали открыть военные действия против России уже в конце 1606 г. Царский посол Волконский, направленный царем Василием в Речь Посполитую, был задержан в пути. Мнишеки надеялись использовать войну для того, чтобы освободиться из плена и вернуть утраченные богатства.

В начале августа 1606 г. литовский пристав объявил Волконскому, что прежде он знал по слухам, а теперь узнал доподлинно от Ефстафия Воловича, что «государь ваш Дмитрий, которого вы сказываете убитого, жив и теперь в Сендомире у воеводины (Мнишека. — *Р.С.*) жены: она ему и платье, и людей подавала». Информация исходила от «добрых панов», родни и приятелей Мнишеков.

О самборском «царе» говорили в России. Восставшие северские города направили в Киев послов, чтобы пригласить «царя» в Путивль. Послы были уверены, что «Дмитрий» находится в одном из польских замков.

Владения Мнишеков располагались в Западной Украине. Посетивший эти места итальянский купец сообщал в августе 1606 г., что московский «царь» бежал из России с двумя спутниками и ныне живет здоров и невредим в монастыре бернардинцев в Самборе; даже прежние недруги признают, что Дмитрий ускользнул от смерти.

В первых числах августа литовские приставы поведали царским послам, что в Самбор к государю стали съезжаться его давние соратники: «и те многие люди, которые у него были на Москве, его узнали, что он прямой царь Дмитрий, и многие русские люди к нему пристали и польские и литовские люди к нему пробираютца; да к нему же приехал князь Василей Мосальской, которой при нем был на Москве ближней боярин и дворецкой».

Приставы явно желали произвести впечатление на русских послов. Их информация о появлении в Самборе дворецкого Василия Рубца-Мосальского не соответствовала истине. Рубец находился в ссылке. Слова о том, что царя вызнали многие люди, были преувеличением. Спасшийся «царь» изредка появлялся в парадных покоях самборского замка в пышном облачении. Но на такие приемы допускались только тщательно отобранные люди, никогда не видевшие Отрепьева в глаза.

В начале сентября русский посол со слов пристава узнал, что Молчанов стал являться людям уже не в царских одеждах, а в «старческом платье». Он шел по стопам первого самозванца, явившегося в Литву в иноческом одеянии.

В октябре 1606 г. канцлер Лев Сапега направил в Самбор слугу Гридича, чтобы тот «досмотрел» хорошо ему известного «Дмитрия», «подлинно тот или не тот?». Гридич ездил в Самбор, но «вора» не видел, при этом ему сказали, что «Дмитрий» «живет де в монастыре, не кажетца никому». В октябре в Самбор наведалься бывший духовник Лжедмитрия I. Он также вернулся ни с чем. Тогда католический Бернардинский орден направил к Мнишекам одного из своих представителей. По всей Польше толковали, что «Дмитрий» «в Самборе в монастыре в чернеческом платье за грехи каетца». В связи с этим эмиссар ордена произвел досмотр монастыря. В ходе досмотра он получил от самборских бернардинцев заверения, что «Дмитрия» нет в их монастыре и они не видели царя с момента его отъезда в Россию. Католическая церковь осталась в стороне от сомнительной авантюры.

Самозванческая интрига глохла на глазах. Причиной неудачи было то, что король Сигизмунд III отказался от планов войны с Россией. В Польше назревал мятеж. Собравшись на съезд, рокошане ждали, что «Дмитрий», объявившийся в Самборе, со дня на день явится на съезд и ему удастся быстро сформировать армию.

Вождь рокоша Зебжидовский был родственником Мнишеков. Среди рокошан не все были приверженцами московского царя. Ветераны негодовали на государя за то, что тот не дал им обещанных богатств. Другие потеряли родственников во вре-

мя избиения поляков в Москве. Недовольные не стали бы молчать, увидев перед собой нового обманщика.

Если бы владелица Самбора успела занять деньги и собрать наемное войско, Молчанов, может быть, и рискнул бы появиться среди рокошан. Но после майских событий в Москве мало кто желал давать деньги на новую авантюру. В конце концов в замке у Мнишеков собралась небольшая горстка вооруженных людей. Мнимая теща «царя» «людей к нему приняла з 200 человек». Самым знатным из слуг нового самозванца был некий московский дворянин Заболоцкий, имя которого не удастся выяснить.

Мятежная шляхта решила отложить начало военных действий против Сигизмунда III до следующего года. Угроза рокошан не исчезла, и король круто изменил свой внешнеполитический курс. Чтобы справиться с оппозицией, ему нужен был мир на восточных границах. Польские власти уже в середине июля разрешили царскому послу Волконскому въезд в Польшу. Комендантам пограничных крепостей воспрещено было пропускать в Россию польских наемных солдат.

Самборский «вор» назначил своим главным воеводой Заболоцкого и послал его с воинскими людьми в Северскую Украину. Канцлер Лев Сапега задержал отряд и помешал Заболоцкому вторгнуться в пределы России.

Жена Юрия Мнишека не осмелилась показать нового самозванца ни католическому духовенству, покровительствовавшему Отрепьеву, ни королю, ни рокошанам. Появление «царя» среди рокошан явилось бы прямым вызовом Сигизмунду III, на что Мнишеки никак не могли пойти. Марина Мнишек вместе с отцом находились в плену, и освободить их могло лишь вмешательство официальных властей Речи Посполитой.

Чиновники короля прибегли к нехитрой дипломатической игре. Они отказались вести переговоры с послом Волконским о самозванце под тем предлогом, что им ничего о нем не известно: «А что, де, вы нам говорили про того, который называется Дмитрием, будто он живет в Самборе и в Сендомире у воеводины жены, и про то не слыхали».

Тон заявлений изменился, когда чиновники завели речь о немедленном освобождении сенатора Мнишека и других задержанных в России поляков. В их заявлениях звучала прямая угроза: «Только государь ваш вскоре не отпустит всех людей, ино и Дмитрий будет, и Петр прямой будет, и наши за своих с ними заодно станут». Дипломаты грозили тем, что Речь Посполитая окажет военную помощь любым самозванцам, выступающим против царя Василия Шуйского.

Первый самозванец, по словам В.О. Ключевского, был испечен в польской печке, но заквашен в Москве. Новый «вор» также не миновал польской печки, но его судьба была иной. Его не допекли и не вынули из печки. Когда Отрепьев убедился, что его покровитель Адам Вишневецкий не собирается из-за него воевать с Москвой, он сбежал из его замка. Молчанов был сделан из другого теста, и перед его взором маячил окровавленный труп первого «вора».

Самозванец тайлся в темных углах самборского дворца в течение года, не осмеливаясь показать лицо не только полякам, но и русскому народу, восставшему, чтобы восстановить на престоле «законного государя».

Двадцатичетырехлетнему Отрепьеву не приходилось беспокоиться, похож ли он на восьмилетнего царевича, забытого даже теми немногими людьми, которые видели его в Угличе. Для нового самозванца трудность заключалась в том, что он не был двойником убитого, характерную внешность которого не успели забыть за несколько месяцев. Роль воскресшего царя оказалась не по плечу Молчанову. Результатом было новое и весьма своеобразное историческое явление — «самозванщина без самозванца».

В конце 1606 г. в Москве прошел слух, что Молчанов готовится выступить с большим войском на помощь русским повстанцам. На этот раз авантюрист должен был взять на себя роль воеводы «царя Дмитрия», а не самого «Дмитрия». Однако ему не довелось сыграть даже и эту роль.

Самборские заговорщики не оставляли попыток подчинить себе северские города. Первоначально они предполагали направить в Путивль одного из дворян, а затем остановили свой выбор на казачем атамане Иване Болотникове.

БУНТ БОЛОТНИКОВА

Болотников, по всей видимости, происходил из обнищавших детей боярских. Запродавшись в холопы князю Андрею Телятевскому, он служил в его вооруженной свите как боевой холоп, а затем бежал от господина. Беглый холоп нашел прибежище на вольных казацких окраинах. Считается, что Болотников был атаманом донских казаков. Но это не так. Автор английской записки о России 1607 г., указавший на Молчанова как главного инициатора восстания против Шуйского, прямо называет Болотникова «старым разбойником с Волги». Не значит ли это, что Болотников участвовал в разбое и грабежах холопов в 1602—1603 гг.?

Англичане вели большую торговлю на Нижней Волге, где их суда не раз подвергались нападениям волжских казаков.

Самые подробные сведения о жизни Болотникова сообщают два иностранных автора — Исаак Масса и Конрад Буссов. Их свидетельства противоречат друг другу, и примирить их невозможно. Но Буссов служил под начальством Болотникова и располагал более надежными источниками информации.

В «Записках» Исаака Массы можно найти упоминание о том, что Болотников явился в Россию во главе 10-тысячного казацкого войска, а до того он «служил в Венгрии и Турции». На основании этого свидетельства историки заключили, что Болотников стал предводителем не потому, что во главе войск его поставил самозванец, а потому, что он привел в Самбор многочисленное казацкое войско, что и обеспечило ему роль народного вождя.

Болотников был захвачен в плен татарами и продан в рабство туркам. Как гребец-невольник он участвовал в морских сражениях и был освобожден из плена итальянцами. Возвращаясь в Россию, казак побывал в Германии и Польше. Слухи о спасении «Дмитрия» привлекли его в Самбор.

Буссов ни словом не упоминает о прибытии в Самбор вместе с Болотниковым войска. Его версия заслуживает большего доверия, чем версия Массы.

Молчанов следовал своему расчету, когда остановил выбор на казацьем атамане. Он искал людей, которые были бы всецело обязаны его милостям и, кроме того, искренне верили бы, что имеют дело с прирожденным государем. Болотников прибыл в Польшу с запада после многолетних скитаний. Он никогда не видел в лицо Отрепьева. Его нетрудно было обмануть.

Болотников был принят в самборском дворце. Самозванец долго беседовал с ним, а под конец снабдил письмом к князю Григорию Шаховскому и отправил в Путивль в качестве своего личного эмиссара и «большого воеводы».

Молчанов не мог предоставить в распоряжение Болотникова солдат. «Большой воевода» получил мизерную сумму в 60 дукатов вместе с заверениями, что в Путивле Шаховской выдаст ему деньги из казны и даст под начальство несколько тысяч воинов.

По утверждению летописца, главную ответственность за мятеж в Путивле летом 1606 г. нес князь Григорий Шаховской: «Первое же зачало крови христианские: в Путимле городе князь Григорей Шеховской измени царю Василью со всем Путимлем и сказа путимцем, что царь Дмитрий жив есть, а живет в прикрыте...»

Многие преданные самозванцу люди были сосланы на восточную окраину и не приняли участия в новом мятеже. Князь Григорий Шаховской не обладал ни авторитетом, ни характером, но попал на бурлившую южную окраину, что решило исход дела.

Повстанческая армия возродилась в южных уездах в считанные дни. Если бы Шаховскому пришлось заново формировать войско, на это ушло бы много времени.

У мятежников не было ни опытных воевод, ни польских наемников. Шуйский располагал внушительными силами, собранными в Москве для похода против турок. Его армия включала «от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек и всех иноземцев».

Главные военные действия развернулись у стен Кром и Ельца, оказавшихся в руках мятежников. Главный воевода

князь Иван Воротынский наголову разгромил отряд сотника Истомы Пашкова у стен Ельца.

В Кромах стоял небольшой гарнизон. Путивль направил ему на помощь Болотникова. Воевода Михаил Нагой перехватил атамана и разбил. Болотников не оправдал надежд, которые возлагал на него самборский самозванец. Он понес поражение до того, как воеводы подтянули к Кромам свои главные силы.

4 сентября 1606 г. Маржарет, будучи в Архангельске, получил из Москвы сведения о поражении повстанческих войск на всех направлениях. До Архангельска вести дошли с запозданием по крайней мере на месяц. А это значит, что воеводы разгромили мятежников в конце июля или начале августа.

Одержав победу, воеводы царя Василия получили возможность двинуться к Путивлю, главной базе восстания. Но Путивль располагал каменной крепостью. Взять город без осадной артиллерии было невозможно. Доставка пушек и провианта через охваченную мятежом местность была затруднена.

Шуйский поступил совершенно так же, как Борис Годунов. Вместо удара по главному опорному пункту врага он приказал воеводам продолжать осаду Кром и Ельца.

Невзирая на поражения, мятеж, подобно пожару, охватил огромную территорию. Тяжеловооруженная дворянская конница, обладавшая подавляющим перевесом, легко одерживала верх над плохо вооруженными и в основном пешими повстанцами. Но все попытки воевод овладеть опорными пунктами «воров» не давали результатов. Сторонники «Дмитрия» верили, что посаженный ими на трон государь спасся от «лихих» бояр, и стояли насмерть.

Армия Годуновых распалась после двухмесячной осады Кром. Воеводам Воротынскому и Трубецкому пришлось осаждать Елец и Кромы примерно столько же времени. В августе 1606 г. правительственные войска отступили к Москве.

Какие причины вынудили воевод царя Василия к отступлению? Весной 1606 г. хлеба в разгар цветения были погублены заморозками. Из-за неурожая цены на продукты питания стали расти. Командование не сумело обеспечить снабжение

армии, и в полках начался голод. По словам очевидцев, в лагере невозможно было купить сухарей из-за страшной дороговизны. Между тем войска, осаждавшие Елец и Кромы, сами оказались в кольце восставших городов.

Дворянское ополчение в который раз обнаружило свою ненадежность. С приближением осени дворяне стали разъезжаться по своим поместьям. Силы Шуйского таяли, тогда как силы повстанцев росли. Болотников, разгромленный Нагим, к концу лета сформировал новое войско и предпринял второе наступление на Кромы. Повстанцы «оттолкнули» воевод и пробились в Кромы. Болотников добился ограниченного успеха, но царские воеводы дрогнули.

Воевода Юрий Трубецкой отвел полки от Кром к Орлу, но в городе вспыхнул мятеж. Воеводу не пустили в крепость. Воротынский отступил в Тулу, но тут его армия стала разваливаться: «дворяня и дети боярские все поехали без отпуску по домам, а воевод покинули, и на Туле заворовали, стали крест целовать вору». Падение Тулы открыло перед повстанцами путь на столицу.

Мятежники вышли к Москве между 14 и 17 сентября 1606 г. Наибольшие опасения царю Василию внушала армия Болотникова, наступавшая от Орла к Калуге. Царь направил против него брата Ивана с крупными силами.

23 сентября 1606 г. Болотников попытался переправиться за реку Угру под Калугой, но был разгромлен Иваном Шуйским. Воевода не мог развить успех. Гражданская война имела свою логику и свои законы. Население Калуги восстало в тот самый момент, когда Болотников потерпел поражение.

Тем временем Пашков занял Серпухов и остановился на Пахре, в 30—40 верстах от столицы. Тут он был разбит стольником Михаилом Скопиным-Шуйским.

Сентябрьское наступление повстанцев потерпело неудачу. Правительственные войска разгромили их армии поочередно, одну за другой.

К октябрю 1606 г. Истома Пашков соединился с рязанским войском Прокофия Ляпунова в районе Коломны.

Царь Василий поспешил собрать все наличные силы и отправил их к Коломне. Командование армией было поручено

боярину Мстиславскому, Дмитрию Шуйскому, Ивану Вортынскому, братьям Голицыным, боярам Нагим. Сражение произошло в 40 верстах от стен Москвы, под селом Троицкое-Лобаново. Войско Шуйского обладало численным перевесом. Под Троицким сражалось то же самое войско, которое только что разгромило повстанцев под Калугой и Серпуховом. Тем не менее оно потерпело полное поражение.

Действиями повстанцев руководил Прокофий Ляпунов. Это он возглавил мятеж в армии Годунова под Кромами. Тогда заговорщики — сторонники «Дмитрия» перемешались в лагере со своими противниками, и чтобы уберечь от потерь своих, Ляпунов приказал не проливать лишней крови, а разогнать рать плетью. По-видимому, нечто подобное произошло и под Троицким. Нет сомнений, Ляпунов был одним из самых способных военных вождей Смутного времени.

Недолгое правление Лжедмитрия упрочило популярность его имени в дворянской среде. Ко времени наступления на Москву в народе росла уверенность, что «Дмитрий» жив. В конце осени восставшие широко оповещали население, что «государь, деи, наш царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси ныне в Коломне». Известия такого рода вызвали замешательство в полках Василия Шуйского. После битвы Ляпунов и Пашков распустили пленных по домам. Исключение было сделано лишь для знатных дворян. Их отослали в Путивль.

28 октября отряды Ляпунова заняли село Коломенское в окрестностях Москвы и стали готовиться к осаде столицы. В начале ноября войска Болотникова присоединились к ним.

При Лжедмитрии I службу в Москве несли несколько тысяч стрельцов. Шуйскому пришлось удалить из столицы самые преданные самозванцу стрелецкие сотни. Много московских стрельцов было послано против мятежников в действующую армию и в гарнизоны. Сотни, посланные в Коломну, перешли на сторону восставших. Таким образом, к началу осады стрелецкий гарнизон столицы оказался ослабленным.

Главной опорой трона во время осады Москвы оставался Государев двор. Ядром двора были 200 стольников и еще несколько сот больших московских дворян, жильцов и стряпчих.

Власти пытались вызвать подкрепления из провинции, но их усилия не дали результатов.

Царь Василий не имел ни казны, ни запасов хлеба, чтобы предотвратить голод в столице. Его положение казалось безнадежным. Осложнились его взаимоотношения с Боярской думой. «Государь не люб боярам» — эти слова точно отразили ситуацию.

Не прекращалось брожение в низах. В город постоянно проникали лазутчики с «прелестными» письмами от имени «Дмитрия». Но спровоцировать бунт в столице не удалось.

Московские посадские люди участвовали как в убийстве Лжедмитрия I, так и в избрании на трон Василия Шуйского. Умело используя это обстоятельство, царь Василий постарался убедить посадских, что никому не удастся избежать наказания в случае успеха сторонников «Дмитрия». Находившийся в столице Исаак Масса писал, что некоторые из жителей Москвы верили, что «Дмитрий» жив, тем не менее по настоянию властей «московиты во второй раз присягнули царю в том, что будут стоять за него и сражаться за своих жен и детей, ибо хорошо знали, что мятежники поклялись истребить в Москве все живое, так как (москвичи. — *Р.С.*) все повинны в убиении Димитрия».

Перед царем было два пути. Он мог, с помощью самых жестоких мер, пресечь всякие сношения москвичей с «воровским» лагерем. Монарх предпочел путь переговоров. По его приказу москвичи всем «миром» снарядили в лагерь Болотникова делегацию.

Народ три дня лицезрел труп «Дмитрия», а потому заявления о его спасении вызывали у большинства сомнение. В ходе переговоров московские депутаты просили устроить им очную ставку с «Дмитрием», чтобы затем принести ему повинную. Болотников поклялся, что говорил с «законным государем» в Польше. Но его уверения, естественно, не могли удовлетворить москвичей.

Делегация включала отобранных царем лиц. Иначе и быть не могло. Но надо иметь в виду, что в критических условиях осады и голода массы не стали бы слушать тех, кто не пользовался авторитетом в народе.

Права столичной посадской общины в период осады расширились. Москвичи сначала вели переговоры, а затем просили царя дать сражение повстанцам, когда «народу стала невомоготу дороговизна припасов».

Царь Василий пошел на неслыханный шаг. В условиях гражданской войны он приказал вооружить все столичное население.

Посадские люди, ездившие в Коломенское, оказали неоценимую услугу Шуйскому. Они использовали переговоры, чтобы посеять сомнения в лагере восставших. Когда Болотников пытался убедить их, что сам видел «Дмитрия» в Польше, посланцы посада заявляли: «Нет, это, должно быть, другой: Дмитрия мы убили».

Москвичи помогли властям установить контакты со знатными дворянами в повстанческом лагере. Им удалось склонить на свою сторону Ляпунова с рязанцами.

15 ноября 1606 г. мятежники подступили к Замоскворечью и попытались ворваться внутрь крепости. В разгар боя Прокофий Ляпунов с рязанцами переметнулся на сторону царя, и повстанцы отступили.

Казаки разбили укрепленный лагерь в деревне Заборье, неподалеку от Серпуховских ворот. Воевода Скопин окружил их острожек и предпринял штурм. Казаки запросили помощь у Болотникова.

Решающее сражение произошло 2 декабря, когда Болотников послал в Заборье Истому Пашкова, а сам выступил из Коломенского следом за ним. В разгар боя Истома Пашков перешел на сторону царя Василия. Его измена определила исход боя.

Болотников спешно отступил. Воеводы имели возможность преследовать его и одержать полную победу. Но они не решились оставить у себя в тылу казаков. Три дня в Заборье шли ожесточенные бои. Часть казаков была истреблена, другие взяты в плен и определены на царскую службу.

Благодаря сопротивлению казаков в Заборье Болотников сохранил главные силы своего войска.

Пашков первым поднял знамя восстания, одержал победу под Троицким и приступил к осаде Москвы. Под Коломной

Прокофий Ляпунов уступил старшинство сотнику Пашкову, чтобы не множить раздоров. В осадном лагере они не захотели подчиняться беглому холопу Ивашке Болотникову.

Во время московского похода Болотников был разбит под Калугой и присоединился к Ляпунову и Пашкову в селе Коломенском с запозданием.

Добиваясь первенства, Болотников ссылался не на свои победы, а на «царскую» грамоту. Сам «царь Дмитрий» назначил его главнокомандующим.

Василий Шуйский знал о распрях в Коломенском и постарался использовать момент. Его люди вручили Пашкову большую сумму денег. Золото развязало язык сотнику. Он заверил посланцев Шуйского, что до сих пор никто не видел живого «Дмитрия» и даже в Путивле о нем знают не больше того, что было сообщено в первые дни восстания Шаховским.

Пашков заявил, что не знает, жив ли «Дмитрий» или полки вследствие происков Шаховского выдвинули нового самозванца. Автор английского донесения подтверждает достоверность приведенных сведений Буссова. Согласно английской версии, царь добился от Пашкова признания, что слух о спасении «Дмитрия» является «ложной выдумкой».

Развал «воровского» лагеря был ускорен причинами социального характера. Осадив Москву, Ляпунов, Болотников и Пашков потребовали выдачи братьев Шуйских. Переговоры с москвичами убедили мятежников, что все бояре и «лучшие люди» поддерживают царя Василия. Тогда они «написали в город письма, требуя по имени разных бояр и лучших граждан, чтобы их выдали», а затем попытались спровоцировать мятеж столичной черни.

В ноябре 1606 г. патриарх Гермоген известил паству, что «воры», засевшие в Коломенском, «пишут к Москве проклятые свои листы, и велят боярским холопом побивати своих бояр и жены их, и вотчины, и поместья им сулят, и шпыням и безымянником вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити...».

Аналогичные сведения можно обнаружить в английском донесении начала 1607 г. Мятежники не смогли замкнуть бло-

каду, и тогда они стали писать «письма к рабам в город, чтобы те взяли за оружие против своих господ и завладели их имением и добром».

Программа, выдвинутая беглым холопом Ивашкой Болотниковым в конце осады столицы, была проста и понятна низам. Бояре, поддерживавшие узурпатора Шуйского и потворствовавшие «измене», подлежали смерти, их имущество — разделу. Осуществление этой программы вскоре привело к неслыханно кровавым избиениям знати и дворян в Путивле, а позднее в Туле.

Чтобы окончательно запугать благонамеренных жителей Москвы, патриарх утверждал, будто повстанцы намеревались раздать безымянным «шпыням» — городской черни — боярских жен, ввести чернь в думу, сделать воеводами в полках, поставить над приказами («хотят им давати боярство, и воеводство, и окольниковство, и дьячество»). Пока «сатанинскую» рать в Коломенском возглавляли «большие» воеводы наподобие Болотникова, патриарх имел все основания опасаться переворота.

Две недели, проведенные в лагере Болотникова, отрезвили рязанских дворян. Призывы атамана пришлись не по вкусу не только Ляпунову, но и Истоме Пашкову, тем более что попытки спровоцировать мятеж черни в столице не удались.

Под знаменами Пашкова, как полагают новейшие исследователи, собрались дети боярские, вследствие чего его требования носили продворянский характер, тогда как Болотников собрал сермяжную рать и выдвинул антикрепостническую программу.

Одержав верх над восставшими под Москвой, Шуйский 5 декабря 1606 г. обратился с грамотой к городам, в которой писал, что «дворяне и дети боярские резанцы, коширяне, туляне, коломничи, алексинцы, колужане, козличы, мешчане, лихвинцы, белевцы, болховичи, боровичи, медынцы и всех городов всякие люди нам добили челом и к нам все приехали, а в городех у себя многих воров побили и живых к нам привели и город(а) очистили». Царь не очень заботился об истине, выдавая желаемое за действительное. В начале декабря 1606 г. вос-

ставшие прочно удерживали в своих руках Тулу, Калугу, Козельск, Белев, Болхов. Рязань и Мещовск сдались позже, после прибытия в эти города правительственных войск.

Грамота Шуйского, при всей ее тенденциозности, является важнейшим документом по истории бунта Болотникова. В публичном заявлении царь вынужден был признать крайне неприятный для него факт массового участия в бунте дворян и детей боярских южных уездов. В воззвании Шуйского упоминалось 13 мятежных городов. Из них лишь 4 лежали в полосе наступления Пашкова. Через остальные наступал Болотников, а отсюда следует, что дворяне и дети боярские из этих уездов подкрепили его войско.

Мелкое дворянство добилось закрепощения крестьян при Борисе. Полагать, будто дети боярские из рати Болотникова выдвинули антикрепостническую программу, нет ни малейших оснований.

Утверждают, будто в полосе наступления Пашкова дворянские руководители не казнили дворян и предпочитали оставаться в рамках «законности», тогда как в полосе наступления Болотникова на Москву истребление помещиков приняло массовый характер.

Факты разрушают эту схему. Отряд Пашкова был таким же пестрым по составу, как и войско Болотникова. Он включал как детей боярских, так и казаков и стрельцов. Характерной чертой гражданской войны была тесная связь вождей с выдвинувшими их городами. Епифанские дети боярские и казаки избрали воеводой Пашкова в начале восстания. Они же последовали за Истомой в царский лагерь.

Репрессии носили примерно одинаковый характер и там, где шел Пашков, и там, где двигался Болотников.

Дворяне уступали по численности низшим слоям населения, но были военными людьми по профессии, сплоченными в корпорации («служилый город») и имевшими лучшее вооружение. Все это определяло их роль в любой войне.

Причиной Смуты начала XVII в. были не классовые битвы между дворянами и низшими сословиями, а в первую очередь кризис и раскол в среде служилого дворянства.

На страницах исторических сочинений мелькает величественная фигура народного вождя Болотникова, который вел угнетенных от успеха к успеху и наконец оказался у стен столицы. В действительности вождь неизменно терпел поражение, предоставленный своим силам.

Он был отброшен от Кром боярином Нагим, разгромлен Иваном Шуйским сначала под Калугой, а потом в Коломенском.

«ЦАРЕВИЧ ПЕТР»

Самозванный царевич Петр Федорович, появившийся на Тереке еще при жизни Отрепьева, сам рассказал историю своей жизни: первый раз — во время своих зарубежных странствий в декабре 1606 г. и во второй раз — перед боярским судом год спустя. Первая версия подробно изложена в польских источниках начала 1607 г. Оршанский староста Андрей Сапега записал рассказ «Петра» сразу после беседы с ним. Показания самозванца перед боярским судом были обнародованы московскими властями в приложении к царской грамоте от 19 октября 1607 г. Сопоставление двух версий позволяет составить подробное жизнеописание мнимого внука Грозного.

В отличие от Григория Отрепьева «Петр» был выходцем из простонародья и не имел подле себя ни кремлевских монахов, ни царских придворных, которые могли помочь ему в новой роли. Попав за рубеж, «Петр» изложил следующую историю. Родителями его были царь Федор Иванович и царица Ирина Годунова. В момент рождения царица подменила ребенка, чтобы спасти его от покушений со стороны Бориса Годунова. Желая надежнее укрыть сына от грозившей ему смерти, мать передала младенца на воспитание бабе-вдове.

Самозванец не мог сказать, от кого он узнал о своем царском происхождении. Такой вопрос не приходил ему в голову. Какие бы фантастические сведения о себе ни сообщал «Петр», он все же не мог уйти от опыта собственной жизни. Перед боярским судом в 1607 г. самозванец назвал свое подлинное имя —

Илейка Коровин и показал, что родился и воспитывался в семье бабы Ульяны, вдовы торгового человека Тихона Юрьева из Муром. Живя в Муроме, вдова «без венца» прижила сына Илью от посадского человека Ивана Коровина. Илейка остался сиротой после того, как Иван Коровин умер, а мать по приказу сожителя постриглась под именем старицы Улицы в девичьем Воскресенском монастыре. Торговый человек Т. Грозильников подобрал сироту едва ли не на дороге и увез в Нижний Новгород, где определил сидельцем в свою лавку. Через три года Илейка сбежал от купца и стал служить наймитом-казакон на стругах, плававших с товарами по Волге из Астрахани в Казань и Вятку.

Перед судом Илья вспомнил, как годовал в Астрахани, а жил у астраханского стрельца Харитона. (За рубежом самозванец нарочно искажил имя своего астраханского благодетеля.) Позднее Илья плывал на торговом судне в Нижний Новгород, а затем на стрелецком судне на Терек. Там он нанялся в стрелецкий приказ и участвовал в походе на Тарки 1604 г., а по возвращении из похода запродавался в холопы на двор к сыну боярскому Григорию Елагину. Подобно Отрепьеву и Болотникову, «Петрушка» также был беглым боярским холопом.

В Польше самозванец должен был учитывать, что польские власти не желали вступать в какие бы то ни было соглашения с болотниковцами и не позволяли вербовать солдат для московского «царя». Поэтому, повествуя о своей жизни, «царевич» ни слова не сказал об участии в повстанческом движении в России.

Давая показания в Москве, «Петр» придерживался той же линии. Перезимовав на дворе у Елагина, Илейка бежал под Астрахань, где его «взяли казаки донские и волжские». Исаак Масса отметил, что с зимы 1604/05 г. Астрахань была осаждена казаками, выступившими на стороне Лжедмитрия I. Осада продолжалась до весны. Не позднее мая 1605 г. астраханский воевода известил терских воевод, «что у них в Астрахани от воров, от казаков стала смута великая и для того им людей послать (на Терек. — Р.С.) немочно».

Илейка отличался непостоянством и то и дело менял хозяев. Он вспоминал, как «из-под юртов, от казаков, ушел в Ас-

трахань, и в Астрахани побыл с четыре недели, а из Астрахани вышел к казакам же и пришел де яз к казаку Нагибе...». Таким образом, беглый холоп либо не сразу примкнул к повстанцам, либо был послан ими в Астрахань как лазутчик. Старый казак Нагиба стал впоследствии одним из самых видных атаманов в войске Болотникова.

Гулящий человек на Волге, боярский холоп, а потом вольный казак — такая биография была обычна для казаков. Однажды Илейке удалось побывать в Москве. Эта поездка относится к числу загадочных эпизодов его жизни. За рубежом «Петр» утверждал, что решил пробраться из Астрахани в Москву, когда там на трон взошел его «дядя» «Дмитрий». Он упротил купца Козла взять его с собой в столицу и даже открыл ему свое царское имя. В Москву он якобы прибыл на другой день после гибели «Дмитрия» (т.е. 18 мая 1606 г.) и почти четыре месяца прожил у мясника Ивана на Покровской улице.

Перед судом «Петрушка» поначалу умолчал о поездке в Москву и, лишь давая дополнительные показания, признал, что приезжал в столицу из Нижнего Новгорода и жил там от Рождества Христова до Петрова дня у церкви Владимира в Садах, на дворе у подьячего Дементия Тимофеева.

Илейка не уточнил времени поездки в Москву, но в его рассказе можно обнаружить примерно полугодовой пробел — от времени «зимовки» у Елагина и бегства под Астрахань до времени возвращения в Астрахань с воеводой Хворостининым летом 1605 г. Самозванец лишь кратко упомянул, что служил тогда «в товарищах» у Нагибы, который «отказал» его казаку Наметке, а дальше отправился вверх по Волге с казаком Неустройко.

Внезапное немногословие Илейки объяснялось тем, что в первой половине 1605 г. донские и волжские казаки приняли участие в важных событиях. Они захватили воевод в Царицыне и привезли их в лагерь Отрепьева под Орлом, а затем вместе с Лжедмитрием I вступили в Москву.

С редкой наивностью Илейка старался доказать посредством умолчаний и лжи, что он никогда не сражался на стороне Гришки. Коровин утверждал, будто на Волге присоединил-

ся к войску князя Ивана Хворостинина, якобы посланного в Астрахань Борисом Годуновым. На самом деле Хворостинин был послан в поход Лжедмитрием I против астраханских воевод, оставшихся верными династии Годуновых.

Если Илейка не перепутал дат и действительно покинул Москву в Петров день, то отсюда следует, что он вступил в столицу вместе с отрядами сторонников Лжедмитрия I, а покинул ее с Иваном Хворостининым.

Хворостинин прибыл в Астрахань в конце лета 1605 г., а затем направил казачий отряд на Терек. Илейка попал в этот отряд и вместе с терскими казаками зимовал на Тереке. Деньги, полученные на царской службе, быстро разошлись, и с наступлением весны казаки стали думать о том, где раздобыть деньги и пропитание.

Войсковой круг стал обсуждать план похода на Каспийское море, «чтоб итти на Курь реку, на море, громить турских людей на судех; а будет, де, и там добычи не будет, и им, де, было казаком к кизылбашскому Шах-Аббасу служить». В случае удачи казаки намеревались вернуться на Терек либо уйти в Персию.

Вскоре атаман Федор Бодырин собрал свой круг в 300 казаков и предложил идти в поход на Волгу. Поход вглубь России как две капли воды походил на задуманный каспийский поход. Согласно показаниям Илейки Муромца, «стали де те казаки триста человек опроче всего войска тайно приговаривати, чтоб итти на Волгу, громить судов торговых». Целью похода было грабить купеческие караваны. Но на Волге стояли многочисленные крепости с судовой ратью. Ввязываться в войну с ними казаки опасались. Поэтому они решили объявить, что среди них находится царевич Петр, который намерен идти в Москву на службу к дяде — царю «Дмитрию».

Вольные казаки помогли Лжедмитрию занять Москву, но по настоянию бояр их выпроводили из столицы. Ветераны похода не смирились с такой несправедливостью. Взбунтовавшиеся казаки роптали: «Государь, де, нас хотел пожаловати, да лихи, де, бояре, переводят, де, жалованье бояря, да не дадут жалованья». Показания «царевича Петра» не оставляют сомне-

ний в том, что казаки решили выдвинуть из своей среды самозванца, чтобы оправдать затеянный разбой.

Кандидатами в царевичи стали сын астраханского стрельца Митька и Илейка Коровин. Оба служили у казаков в «молодых товарищах», исполняли всякую черную работу в казацких куренях.

Из двух претендентов только Илейка бывал в Москве, что и решило дело в его пользу. Так излагал обстоятельства своего избрания сам Илейка-Петр. Однако можно догадаться, что его избрание было связано также и с другими причинами. Он служил в войсках Лжедмитрия I и, может быть, участвовал в московском походе.

Затею атамана Федора Бодырина поддержал атаман Гаврила Пан. Их отряды соединились на реке Быстрой. Время было смутное, и терский воевода Петр Головин не посмел силой подавить зревший мятеж. Воевода послал «царевичу» приглашение прибыть в город, но казаки отклонили такую честь. Тогда Головин смиренно просил казаков не покидать Терек, а оставить хотя бы половину людей «для приходу воинских людей». Но казаки не послушали его и ушли войском к Астрахани. Находившийся в Астрахани воевода Иван Хворостинин отказался «для грабежу» пустить в город «царевича» и не дал мятежникам разграбить Астрахань. Но он не решился предпринять против них военные действия, тем более что многие астраханские казаки присоединились к терскому войску.

Казаки заняли четыре городка на Волге. Если бы они при этом казнили воевод, Разряды непременно бы сообщили имена погибших. Однако дело обошлось без кровопролития. Казаки повсеместно заявляли, что везут в Москву племянника «Дмитрия». Это позволило им пройти до Царицына и Самары.

От Казани навстречу терцам двигалась судовая рать боярина Федора Шереметева. У воеводы было достаточно сил, чтобы заставить мятежных казаков повернуть вспять. Но в районе Самары к «Петрушке» прибыл Третьяк Юрлов-Плещеев с грамотой. Лжедмитрий I приказал «итти к Москве наспех». Однако под Свияжском атаманы узнали о гибели Лжедмитрия I.

Войско оказалось в западне. Впереди была Москва, свергшая «Дмитрия», позади — Шереметев. Тогда казаки решили в последний раз воспользоваться услугами Юрлова. Тот явился в Казань и уверил тамошних воевод, что терское войско готово выдать им нового самозванца и принести присягу царю Василию. Усыпив бдительность бояр, казаки пробрались ночью мимо казанских пристаней и ушли к Самаре. Спустившись до устья Камышенки, казаки миновали Переволоку и укрылись в донских станицах. Там «Петр» провел несколько месяцев.

На Тихом Дону было неспокойно. Но царь Василий нашел способ замирить вольницу. По его приказу сын боярский Молвянинов 13 июля 1606 г. повез на Дон 1000 рублей денежного жалованья, 1000 фунтов пороха и 1000 фунтов свинца. Меры царя Василия достигли цели. Значительная часть донских казаков осталась в своих зимовьях и не участвовала в походе на Москву.

ТУЛЬСКОЕ СИДЕНИЕ

Повстанцы верили в то, что «Дмитрий» жив и находится в пределах России. Двое монахов-лазутчиков, засланных в «воровской» лагерь, донесли, что мятежники клялись, что сами видели царя.

Василий Шуйский велел посадить на кол пленного «вора», и тот, умирая, твердил, что «Дмитрий» жив и находится в Путивле. По всей стране толковали, будто в Москве убит Расстрига, а не истинный царевич.

Для дворян царская власть была источником всяких благ. По традиции только государь мог жаловать поместья и чины. Ни один дворянин не мог вступить во владение помещьем без ввозной грамоты, адресованной непосредственно от царя к крестьянам, названным поименно.

Болотников мог обещать дворянам милости «Дмитрия», но их не удовлетворяли обещания. Царь Василий давал надбавки к поместному окладу и жаловал деньги как дворянам, так и рядовым детям боярским за каждую рану, за доставку языков.

Покидая «воровской» лагерь, дворяне имели возможность немедленно получить от Шуйского щедрые пожалования.

После неудачных переговоров с московским посадом вожди повстанцев осознали, что отсутствие «Дмитрия» может погубить все дело. Болотников многократно писал грамоты в Путивль, требуя ускорить возвращение «царя» из Польши. Начиная с июня путивльский воевода Григорий Шаховской, мистифицируя население, многократно заявлял, что «Дмитрий» приближается к Путивлю и с ним идет большое войско. Его слова перестали верить.

Попытка поднять на царя Войско Донское не удалась, и тогда вожди мятежа обратились за помощью к терским и волжским казакам.

Шаховской принял решение, отвечавшее повсеместным ожиданиям народа. Он отправил гонцов к «царевичу Петру Федоровичу». Некоторое время «Петр» с казаками держался в Монастыревском городке под Азовом, а затем на стругах отплыл на Северский Донец. Тут, по словам «Петра», к казакам прибыл гонец с грамотой «от князя Григория Шаховского да ото путивльцов ото всех». Как видно, посад в Путивле играл ту же роль в повстанческом движении, что и московский посад в царском лагере.

Жители Путивля настойчиво просили «Петра» идти «на спех в Путимль, а царь Дмитрий жив, идет со многими людьми в Путимль».

Настал решающий час. Путивль должен был отправить под Москву все воинские силы. Но тюрьмы Путивля были набиты дворянами, верными Шуйскому. Вывести гарнизон из крепости, оставив в тылу многочисленных пленных, было опасно.

Весной 1606 г. Отрепьев, оказавшись в трудном положении, приказал «Петру» с казаками идти в Москву, чтобы обуздать лихих бояр. То, что не успел сделать Лжедмитрий I, попытались осуществить вожди нового мятежа. Они рассчитывали, что казаки расправятся с пленными врагами «Дмитрия» в Путивле, а потом сделают то же в Москве.

Казачий отряд прибыл в Путивль в начале ноября 1606 г. Второй раз за свою историю город превратился в «царскую» резиденцию.

Самозванец привел с собой несколько тысяч волжских и терских казаков. К началу 1607 г. к «царевичу» в Путивль прибыло запорожское войско.

Лжедмитрий I в юности посещал царский двор, служил у патриарха Иова. По происхождению он был дворянином, и пленники видели в нем своего.

Илейка Коровин происходил из посадских людей, и его манеры и язык выдавали в нем простолюдина. Ему было значительно труднее, чем Отрепьеву, добиться повиновения от пленных дворян, воспринимавших неловкую игру казацкого «царевича» как грубый маскарад. Некоторые из пленников узнавали в «ближних» людях «царевича» своих беглых холопов. (Среди инициаторов интриги был беглый холоп князя Трубецкого казак Василий, а сам «царевич Петр» до принятия царского имени служил в товарищах у казака Семенова, холопа боярина Василия Черкасского, находившегося в то время в путивльской тюрьме.)

Казаки, водившие за собой своего ставленника — «воровского» «царевича», — с полным основанием считали себя господами положения и претендовали на власть. Старому путивльскому руководству пришлось основательно потесниться.

На пути в Северскую Украину «чернь» выступала в поддержку самозванца, тогда как воеводы оказывали ему сопротивление. Осенью 1606 г. мятежники подступили к крепости Царев-Борисов. Город имел превосходные укрепления и артиллерию. Его гарнизон был одним из самых многочисленных на юге России. В крепости сидел воевода Михаил Сабуров. Этот «лихой боярин» был хорошо известен вольным казакам. Терские и волжские казаки не забыли, сколько крови они пролили под стенами Астрахани, которую оборонял Сабуров.

Сабурову не удалось удержать в повиновении гарнизон, состоявший в своей массе из стрельцов и служилых казаков. Вмешательство местного духовенства не спасло дела. По свидетельству старца Иова, «как в смутное время шел вор Петрушка с казаки и он, Иев, царегородских всяких людей от того (мятежа. — Р.С.) унимал и наговаривал, чтоб они против вора

стояли, и оне его за то хотели убить». Старец избежал гибели, но воеводы Сабуров и князь Юрий Приимков-Ростовский подверглись жестокой казни.

Совершенно так же действовали казаки «Петра» в другой степной крепости — Ливнах. Дворяне братья Лодыженские подали в Разрядный приказ документы, из которых следовало, что «отца их вор Петрушка убил на Ливнах».

Даже в северских городах, находившихся в руках сторонников Лжедмитрия I, признание казацкого «царевича» наталкивалось на сопротивление дворян и духовенства.

В самом начале гражданской войны монахи Богородицкого Молчинского монастыря в Путивле, увлеченные общим потоком, поддерживали Лжедмитрия I. В награду он пожаловал обители вотчину. Царь Василий Шуйский подтвердил пожалование Расстриги.

Игумен монастыря Дионисий привез из Москвы чудотворную икону и попытался убедить путивлян, что «царевич Петр» — обманщик и самозванец. Казаки поспешили разделаться с игуменом. Как писали в своей челобитной царю старцы монастыря, их игумен, «видя в мире смуту и прелесть, вора Петрушку, не боясь смерти, обличал. И вор Петрушка велел того игумена за то убить з башни до смерти. И на тое монастырскую вотчину царя Василья жаловальные грамоты, взяв у него, изодрал».

Памятуя, какое значение для «Дмитрия» имела военная помощь Речи Посполитой, «Петр» решил послать к королю посольство. Его гонцы явились в Киев, но были тут задержаны. Сигизмунд III не пожелал ввязываться в новую авантюру.

Монарх не мог управлять государством без Боярской думы. Такова была вековая традиция, и Коровин неизбежно должен был идти по стопам Расстриги.

Будучи в Путивле, «царевич Петр» принял в свою «думу» боярина князя Андрея Телятевского, князей Григория Шаховского, Мосальских и других знатных лиц. Примечательна судьба Телятевского. При Борисе он был самым решительным противником Лжедмитрия I. За это самозванец выдал боярина на расправу вольным казакам. Казаки избили князя, а затем едва

живого бросили в тюрьму. Полтора года спустя Телятевский, вновь столкнувшись с казаками, сразу признал своим государем самозванца.

После выступления из Путивля «Петр» неизменно ставил во главе отрядов титулованных лиц (Телятевского, Мосальских и др.). Казацкие атаманы и сотники из рядовых детей боярских не могли более претендовать на высший воеводский чин. Однако знать лишь номинально возглавляла повстанческие силы. Реальная же власть находилась в руках казацкого окружения «Петра».

Никаких сведений о пожаловании поместий Болотниковым в источниках нет. Первые точные данные о поместных дачах в повстанческом лагере связаны с именем «Петра». Мценские дети боярские Сухотины в челобитной царю писали, что «воры» убили их отца и распорядились его поместьем: «А поместейцо, твое царское жалованье, у вора у Петрушки было в раздачи...»

Сохранив ядро своей армии, Болотников продолжил войну с царем Василием. Он укрепил обветшавшие укрепления Калуги и приготовился отразить натиск царских ратей. Вскоре к стенам крепости подступил боярин Иван Шуйский, а затем Федор Мстиславский и Михаил Скопин-Шуйский. Воеводы решили сжечь Калугу. К деревянным стенам города свезли гору дров, заготовленных в окрестных лесах. Однако мятежники сделали подкоп и взорвали «намет», после чего произвели успешную вылазку.

«Царевич Петр» покинул Путивль и двинулся с войском в Тулу, чтобы вместе с Болотниковым предпринять новое наступление на Москву. В феврале 1607 г. он послал князя Василия Мосальского на выручку гарнизону Калуги. Но «воры» были наголову разгромлены.

В мае на помощь Болотникову выступил князь Андрей Телятевский. Он нанес поражение отряду Бориса Татеева, пытавшемуся задержать его продвижение.

В осадном лагере под Калугой вспыхнула паника. Болотников довершил дело, предприняв вылазку из крепости. Ар-

мия Шуйского бежала из-под Калуги, бросив почти всю артиллерию.

В Москве вновь появились лазутчики с «прелестными» письмами от имени «Дмитрия». В январе 1607 г. последовала публичная казнь священника, схваченного с подметными грамотами. У дворян-перебежчиков власти отписывали земли.

Суровые меры применялись в отношении нетчиков, уклонявшихся от царской службы. Местные власти получили распоряжение отправлять в тюрьму их холопов и крестьян.

Отбив нападение главных сил русской армии, Болотников перешел в Тулу на соединение с «Петром». Он оставил в Калуге сильный отряд, который должен был поддержать наступление на столицу с калужского направления.

Царь Василий пытался упредить мятежников и не допустить «воров» к стенам столицы. Сбор дворянского ополчения и прочих ратных людей был проведен по всему государству. Царская рать включала большой полк воеводы Михаила Скопина, передовой полк князя Ивана Голицына и сторожевой полк боярина Василия Морозова.

По настоянию Боярской думы царь Василий сам возглавил поход против мятежников. Его сопровождал государев полк, составленный из отборных частей. Командовали полком «дворовые воеводы» князь Иван Шуйский и Иван Крюк Колычев.

21 мая 1607 г. Василий Шуйский выступил из Москвы на Оку, где задержался на две недели. Воспользовавшись этим, повстанцы атаковали отряд Андрея Голицына. Сражение произошло на реке Восме неподалеку от Каширы 5 июня 1607 г. На рассвете казаки переправились через реку и засели в глубоком овраге. Рязанские дворяне попытались выбить их оттуда, но отступили под градом пуль.

Наступление казаков едва не решило исход дела. В битве «начаша вору московских людей осиливати». В решающий момент Прокофий Ляпунов снялся с позиций и, оставив казаков в тылу, ринулся на помощь дворянским сотням, бившимся на другом берегу речки. Мятежники не выдержали обрушившегося на них удара тяжеловооруженной конницы и обратились

в бегство. Тогда царские полки перешли реку повсеместно и начали преследовать неприятеля.

В битве на Восме погиб цвет повстанческой армии — отряды донских, волжских и терских казаков, казачьи сотни из Путивля и Рыльска.

12 июня 1607 г. Скопин подступил к Туле. С давних пор Тула была ключевым пунктом обороны южных границ России от кочевников. Помимо мощного каменного кремля, город имел внешний пояс укреплений в виде дубового острога, стены которого упирались в реку Упу. Как крепость Тула имела много преимуществ по сравнению с Калугой, но в одном отношении ее положение было уязвимым. Город располагался в низменности и при определенных условиях мог быть затоплен. Царские воеводы решили использовать это обстоятельство, чтобы уберечь полки от больших потерь, неизбежных при штурме.

Мысль о затоплении Тулы царю Василию подсказал муромский помещик Иван Кровков. Работами по сооружению плотины руководили дьяки Разрядного приказа.

Работы велись одновременно на обоих берегах Упы. На правом, болотистом, пологом, берегу реки надо было соорудить дамбу («заплот») длиной в полверсты, чтобы вода не ушла мимо города по заболоченной стороне. Лишь после строительства дамбы Разрядный приказ распорядился перекрыть реку и ждать осеннего паводка.

В лагере под Тулой было собрано огромное количество работников, главным образом крестьян, которых называли «посошные люди». Это обстоятельство и явилось причиной того, что современники имели невероятно преувеличенные представления о численности рати Василия Шуйского. Мятежники обороняли город с редкой энергией и решительностью: «С Тулы вылазки были на все стороны на всякой день по трижды и по четырежды, а все выходили пешие люди с вогненным боем и многих московских людей ранили и побивали».

Сначала Путивль, а затем Тула стала главным очагом повстанческого движения в стране. Характерной чертой нового периода Смуты был взрыв насилия, превосходивший все, что

происходило ранее. После появления в Путивле «царевича Петрушки» этот город стал для дворян подлинной Голгофой. Кровавые казни на путивльских площадях зловеще напоминали современникам об опричных казнях на Поганой Луже в Москве при Грозном. Тогда опричники резали дворян и приказных людей по суставам, обливали кипятком (варом), рубили головы, сажали на кол. Совершенно так же казнил бояр и дворян в Путивле мнимый внук царя Ивана.

Князей и дворян, повествует летописец, «Петрушка» «повеле посекати, по суставом резати, а иным руки и ноги нахрест сечь, а иных варом обливати и з города метати». Сходным образом описаны расправы казаков в Разрядных книгах. «В Путимель, — значит в Разрядах, — привели казаки инова вора Петрушку... и тот вор Петрушка боярина князь Василья Кардануковича, и воевод, и дворян, и воевод, которых приводили (из городов. — *Р.С.*)... всех побили до смерти разными казнями, иных метали з башен, и сажал по колю и по суставам резал». Современники утверждали, будто «Петрушка» велел избивать «пред собой на подромех» бояр и воевод «числом на день по семидесять человек». Приведенная цифра недостоверна. Судя по именам, упомянутым в источниках, в Путивле погибло несколько десятков знатных дворян. В числе их были: боярин князь Василий Черкасский, царский посланник ясельничий Андрей Воейков, знатные воеводы князя Андрей Ростовский и Юрий Приемков-Ростовский, Гаврила Коркодинов, двое Бутурлиных, Никита Измайлов, Алексей Плещеев, Михаил Пушкин, Иван Ловчиков, Петр Юшков, Федор Бартенев, Языков и другие.

Из Путивля «Петрушка» перешел в Тулу, где соединился с войском Болотникова. Реальная власть в гарнизоне принадлежала казакам и их предводителям. По этой причине в Туле меры против знати и дворян проводились с такой же решительностью и беспощадностью, как в Путивле.

Князь Мещерский писал в своей грамоте на имя царя, что отца его князя Федора «убил на Туле вор Петрушка за православную веру». Богдан Милославский утверждал, что отца его «убил вор Петрушка на Туле». Видный тульский помещик Ер-

молай Истома Михнев сразу после переворота 17 мая 1606 г. «посылан был с Москвы на Волгу уличить вора Петрушку». Прошло более года, и казацкий «царевич» столкнулся со своим обличителем в Туле. Встреча имела трагический для дворянина исход. «Как пришел он, вор Петрушка, на Тулу и его, Ермолая (Михнева. — *Р.С.*) за тое уличенье по его (самозванца. — *Р.С.*) веленью воровские казаки замучили до смерти и тело его сожгли». Поместье Михнева, находившееся в пяти верстах от Тулы, было разграблено, жалованные грамоты и прочие документы дворянского рода Михневых уничтожены.

Гражданская война вновь приобретала широкий размах. Со всех сторон в Тулу присылали на суд и расправу дворян, плененных в городах и на поле боя. В Туле повторилось то, что произошло в Путивле. После одного удачного для повстанцев боя «царевич Петр» велел казнить пленных ратников «на всяк день числом человек по десяти и больше... и иных повеле зверем живых на снадение давати».

Некогда Иван Грозный тешился тем, что травил опальных монахов медведями. «Царевич Петр» подражал мнимому деду, развлекаясь медвежьей потехой. Пленных дворян сажали в загородку, куда пускали медведя. Несчастные отбивались от зверя как могли. Сын боярский Кошкин красочно описал в челобитной грамоте царю, как его «вор Петрушка мучил розными муками на Туле и медведьми травил». Темниковский мурза Барашев также побывал в тульской тюрьме в дни осады города, но ему удалось бежать. По словам мурзы, его на Туле «били кнутом, и медведем травили, и на башню взводили, и в тюрьму сажали, и голод и нужду терпел...».

Даже после поражения и сдачи Тулы Болотников не растал с надеждой, что ему еще удастся довести до конца войну с изменниками-дворянами и «лихими» боярами, и тогда он потешит мир их муками. По пути к месту ссылки Болотников останавливался в Ярославле. Тамошние дети боярские были поражены тем, что главного «воровского» воеводу везли несвязанным и без оков. Они стали допытываться у приставов, почему мятежник содержится так свободно, почему не закован в колодки. Отвечая им, Болотников разразился угрозами:

«Я скоро вас самих буду ковать (в кандалы. — Р.С.) и в медвежьих шкуры зашивать».

В конечном итоге число жертв гражданской войны в десятки и сотни раз превысило число жертв опричнины. Но в 1607 г. никто не мог предсказать масштабов катастрофы, почву для которой подготовили мятеж Болотникова и вторичное воскрешение «царя Дмитрия».

ЛЖЕДМИТРИЙ II

Потерпев поражение под Москвой, вожди мятежа все настойчивее искали помощи в пределах Речи Посполитой. Некогда Отрепьев в критический для него момент решил передать Путивль под власть короля, чтобы стать под защиту его армий. Подобные проекты возникли у повстанцев в 1607 г.

Болотников писал письма в Самбор, предупреждая своих покровителей, что он находится в крайне бедственном положении и вынужден будет передать польскому королю все отвоеванные именем Дмитрия города, «с тем чтобы их величество вызволил их». Предводители мятежа уповали на иностранную помощь, не имея понятия о положении в Польше.

В Польше оставалось немало сторонников Отрепьева. Но владелица Самбора умерла, так и не собрав для самозванца армию. Московские власти нашли средства, чтобы оказать давление на Самбор и добиться прекращения интриги. Король жёлол мира с Россией.

Незадолго до водворения в Москве Отрепьев получил подкрепления из Белоруссии. Ротмистр Ратомский привел к нему 500 белорусских шляхтичей на конях. Их поход на Москву превратился в прогулку. В Москве православные шляхтичи получили щедрое вознаграждение и были отпущены домой.

Известие о гибели «Дмитрия» в Москве и мятеже Болотникова не оставило ветеранов равнодушными. Они готовы были ввязаться в новую авантюру.

Будучи в лагере Болотникова, Конрад Буссов узнал, что Болотников многократно пытался вызвать «государя» из-за ру-

бежа, но затем убедился в бесполезности этих попыток и предложил сторонникам «Дмитрия» в Польше подготовить нового самозванца. Его обращение не было услышано в Самборе. Но белорусские ветераны готовы были откликнуться на призыв.

Для Шаховского и его сообщников не было тайной, что самборский «царь Дмитрий» нашел прибежище у Мнишеков. Но после пленения Мнишеков в Москве продолжать интригу было рискованно.

В конце 1606 г. «царевич Петр» взялся разыскать «дядю Дмитрия», а заодно нанять войско для Болотникова. Примечательно, что он отправился не на Украину во владения Мнишеков, а в Белоруссию.

Визит «царственной особы» не мог быть осуществлен без ведома местных литовских властей, разрешивших ему свободно передвигаться по территории Речи Посполитой и вести переговоры с подданными короля.

В литовских документах начала 1607 г. можно обнаружить самый ранний след затевавшегося заговора. Оршанский староста Андрей Сапега, лицо официальное, сообщил королю, что он недавно беседовал с прибывшим из России «царевичем Петром», внуком Грозного. «Царевич» прибыл в Литву 6 декабря 1606 г. и прожил две недели, до 20 декабря, в Копыси, в Максимовичской волости, неподалеку от Витебска.

В Белоруссии происходили важные события. Там появился «царь Дмитрий». В начале 1607 г. в Кракове были получены из Витебска «Новины» с подробностями: «23 января 1607 г. (по старому стилю 13 января. — Р.С.) заслуживающие доверия новости о Дмитрие, московском царе, посланные из Литвы. Ожил и восстал из мертвых Дмитрий Иванович, московский царь». По словам автора «Новин», «царь Дмитрий» «приехал в Витебск, откуда, открыто показав себя всем, написал письмо рыльским мещанам...».

Итак, новый самозванный «Дмитрий» был представлен населению Витебска и тут же написал грамоту в Рыльск.

«Новины» заключали в себе запись рассказа самозванца. «Царьку» надо было объяснить, откуда он взялся, и он сочинил историю о том, что бежал из Рыльска после того,

как в этот город прибыли послы Василия Шуйского, обещавшие 20 000 тысяч рублей за его голову. Самозванец переоделся в монашеское платье, сел в небольшую повозку и за ночь добрался до Витебска.

Автор документа дополнительно сообщил, что «пятого дня» — за пять дней до составления «Новин», иначе говоря 8 января 1607 года, «царь Дмитрий» послал своих людей в Рыльск с письмами к Василию Шуйскому. Фактически это был первый манифест Лжедмитрия II. Итак, «вор» объявил свое царское имя в Витебске не позднее начала января 1607 г.

Сопоставим даты и обстоятельства дела. 6 декабря 1606 г. «царевич Петр» прибыл в окрестности Витебска. Если бы самозванец объявился в этом городе ранее 20 декабря 1606 г. — времени отъезда Петра, — ничто не мешало «царевичу» увезти его с собой в Россию. Именно таким, видимо, и был сценарий, разработанный заговорщиками. Но что-то помешало им осуществить свои планы.

Две недели, до 20 декабря, «Петр» ждал появления «царя Дмитрия» в Витебске, но не дождался «дядю» и уехал в Россию.

Можно указать на следующее важное совпадение. В Копыси под Витебском «Петр» имел дело с шляхтичами Зеновичем и Сенкевичем. Они сопровождали «царевича» в поездке по Белоруссии, целью которой были розыски «царя Дмитрия».

Прошло несколько месяцев, и тот же самый пан Зенович проводил Лжедмитрия II за московский рубеж.

Первоначально покровители витебского «вора» предполагали, что передадут его с рук на руки «царевичу Петру», который доставит его в Россию, предположительно в Рыльск, и представит народу как своего дядю «царя Дмитрия». При таких обстоятельствах церемония воцарения свелась бы к передаче власти от «царевича» законному «царю». Что помешало заговорщикам?

Во второй половине декабря 1606 г. в Литве узнали о сокрушительном поражении армии Болотникова под Москвой. «Царевич Петр» не мог более задерживаться в Литве ни на один день. Ему надо было спешно возвращаться в Путивль.

Что касается витебского «вора», он был представлен жителям Витебска немного позже, после чего исчез. С некоторой наивностью белорусский летописец записал, что когда «были почали познавати онаго Дмитра», тот сбежал, «аж до Пропойска увышол». Самозванец вовсе не желал разделить судьбу убитого Расстриги. Узнав о катастрофе под Москвой, он постарался скрыться от своих литовских покровителей.

Ждали, что после разгрома Болотникова мятеж будет подавлен окончательно. Литовские власти, участвовавшие в заговоре, должны были взглянуть на интригу трезвыми глазами. У них не было оснований продолжать хлопоты и тратить деньги на безнадежное дело.

Прошло несколько месяцев, прежде чем литовские власти вспомнили о самозванце и вновь взялись за осуществление плана возведения его на московский трон.

Возобновление интриги было очевидным образом связано с событиями в России. К весне 1607 г. повстанцам удалось удержать в своих руках, помимо Калуги, также Тулу, главную крепость на ближних подступах к Москве. Мятежники вновь подняли голову.

Литовские власти взялись всерьез за поиски беглого самозванца. Его обнаружили в окрестностях Пропойска. Опасаясь повторного побега «вора», староста Чечерский пан Зенович и урядник Чечерский Рагоза — официальные лица из местной литовской администрации — бросили «претендента» в тюрьму. Там ему предложили поразмыслить на досуге, желает ли он сгнить в литовской тюрьме или взойти на московский престол. Самозванец предпочел царствовать. Тем не менее его продержали под арестом неделю.

В России дела шли своим чередом. «Петрушка» с казаками и «воровскими» боярами спешно ушел в Тулу. В Путивле не осталось никого из вожakov восстания, посвященных в планы заговора и обладавших достаточной властью, чтобы передать царство Лжедмитрию II. В таких условиях литовским заговорщикам пришлось прибегнуть к новым ухищрениям.

Решено было переправить самозванца в Россию не под именем царя, а под именем Андрея Андреевича Нагова, родственника царевича Дмитрия Угличского.

«Вор» перешел русскую границу 23 мая. Если он смог объявить свое царское имя только спустя шесть недель, а до того блуждал по Северной Украине, то это значит, что литовские власти на какое-то время утратили контакт с инициаторами интриги в России, что едва не погубило дела.

Происки литовских должностных лиц вызвали недовольство в Кракове. Мятеж в Польше поставил короля в трудное положение, и он не желал осложнений на восточной границе. 8 (18) июня 1607 г. Сигизмунд III направил властям Витебска предписание решительно пресекать действия населения — «обывателей», которые без разрешения короля «смеют и важатся громады немалые людей своевольных збираючи, за границу до земли Московской вторгиваться».

Сопоставим дату универсала с датой пересечения границы Лжедмитрием II. Пока донесения королевских агентов были доставлены в Краков, пока они были доложены королю и королевская канцелярия составила универсал, прошло никак не менее недели, а это значит, что военные приготовления «обывателей» в Витебске по времени совпали с отправкой в Россию самозванца.

Литовские должностные лица рассчитывали на то, что болотниковцы провозгласят самозванца своим царем, едва он перейдет границу. После этого «царь» должен был немедленно вызвать на помощь литовские войска, набранные в Витебске и других пограничных литовских крепостях.

Болотников и его окружение были поглощены войной, все более неудачной для них. О самозванце они вспомнили лишь после 30 июня, будучи осаждены в Туле. Из этого города, повествует Буссов, Болотников послал в Польшу атамана Ивана Заруцкого, который нашел Лжедмитрия II в Стародубе. Атаман не мог добраться до Стародуба ранее 9—10 июля. Отсюда следует, что он принял участие в интриге лишь в самые последние дни перед воцарением «вора» и в предыдущей подготовке его не участвовал.

Такова история появления Лжедмитрия II, составленная на основании самых ранних и достоверных документов.

Спустя годы за составление биографии стародубского «вора» взялись иностранные мемуаристы и белорусские летописцы. Наибольшую осведомленность проявили современники, наблюдавшие за первыми шагами самозванца в Белоруссии либо служившие при нем в Тушине. Конрад Буссов лично знал Лжедмитрия II, и ему удалось точно установить некоторые факты из его ранней биографии. Самозванец, по словам Буссова, был «слугой попа» и школьным учителем в Шклове, в Белоруссии. Из Шклова учитель перебрался в Могилев.

Удачное расследование о самозванце провел священник из села Баркулабова под Могилевом, составитель подробной летописи. Белорусский летописец хорошо знал среду, из которой вышел «вор», и его рассказ согласуется с версией Буссова в двух основных пунктах: самозванец был учителем из Шклова, а после переезда в Могилев он прислуживал местному священнику.

Совпадение двух источников различного происхождения очень важно само по себе. Буссов имел возможность беседовать с белорусскими шляхтичами, сопровождавшими Лжедмитрия II с первых дней. Белорусский летописец либо сам наблюдал жизнь «вора» в Могилеве, либо описал его историю со слов очевидца. Он уточнил места, где учительствовал будущий «Дмитрий», назвал по имени священника, которому тот прислуживал, описал его внешний вид. «Бо тот Дмитр Нагий, — записал он, — напервеи у попа шкловского именем, дети грамоте учил, школу держал; а потом до Могилева пришел, также у священника Федора Сасиновича Николского у селе дети учил».

Учительский труд плохо кормил, и бродячий учитель нашел дополнительный заработок в доме у попа Терешка, «который проскуры заведаль при Церкви святого Николы» в Могилеве. Учитель «прихожувал до того Терешка час немалый, каждому забегаючи, послугуючи; а (и)мел на собе оденье плохое, кожух плохий, шлык баряный, в лете в том ходил». Как видно, новый самозванец был в полном смысле слова выходцем из народа. Потертый кожух и баранья шапка, которые он носил и

зимой и летом, указывали на его принадлежность к неимущим низам.

По словам польских иезуитов, бродячий учитель, прислуживавший в доме священника в Могилеве, дошел до крайней нужды. За неблагонравное поведение священник высек его и выгнал из дома. Бродяга оказался на улице без куска хлеба. В этот момент его и заприметили ветераны московского похода Лжедмитрия I. Один из них, пан Меховецкий, обратил внимание на то, что голодранец «телосложением похож на покойного царя». Угодливость и трусость боролись в душе учителя. Невзирая на нужду, он не сразу поддался на уговоры Меховецкого и его друзей.

После поражения Болотникова под Москвой 2 декабря 1606 г. учитель бежал, но был обнаружен и арестован. Затем, повествует белорусский летописец, «пан Рогоза, врядник Чечерский, за ведомостью пана своего его милости Зеновича, старосту чечерского, оното Дмитра Нагого на Попову гору, то есть за границу московскую пустил, со слугами своими его пропроводил».

Итак, в декабре 1606 г. пан Зенович после переговоров отпустил на русскую границу «царевича Петра», искавшего «Дмитрия», а в мае 1607 г. он же переправил через русскую границу Лжедмитрия II. При самозванце не было ни иноземных советников, ни иноземного наемного войска.

Хотя учитель был объявлен царем в Витебске, на Русь он явился под именем Андрея Нагова, сына боярина. По этой причине белорусский летописец называл самозванца то Дмитрием Ивановичем, то Дмитрием Нагим.

Беглых русских дворян в Речи Посполитой было достаточно. Но новый «вор» был подобран на улице. Дворянам он не внушал доверия.

Русские люди, вызнавшие «царя», стояли на социальной лестнице столь же невысоко, как и «вор». Самым заметным из «свидетелей» был некий Олешка, сомнительная личность: «сказался московской подьячей Олешка Рукин, а иные сказывают детина». Рукин выдавал себя за подьячего, но современники подозревали, что он был детиной, то есть слугой.

Эмиссаром «литвы» при особе Лжедмитрия II был торговый человек Грицко, которого называли также Григорием Кашинцем. Литовские власти снабдили его некоторой суммой денег, без которых дело было обречено на полный провал. Грицко справился со своей задачей, за что позже получил от «вора» думный чин казначея.

При таких помощниках, без дворян и думы, без царской печати, а главное, без армии самозванец имел очень мало шансов на признание в России.

Перейдя границу, шкловский учитель и его сотоварищи без особой пользы скитались по городам, занятым мятежниками, сея молву о скором пришествии «царя Дмитрия». В день святого Якова его видели на дороге между Путивлем и Новгородом-Северским.

12 июня самозванец водворился в Стародубе на Брянщине. В отличие от северских городов Стародуб был населен русскими, и Лжедмитрий I в нем не бывал. Стародубцам «вор» представился как дворянин Андрей Андреев Нагой, и при этом объявил, что «царь Дмитрий» прислал их (с подьячим Рукиным) «наперед себя для того, так ли ему все ради; а он (царь. — Р.С.) жив, в скрyte от изменников».

Стародуб был небольшой крепостью, но город находился на кратчайшем расстоянии от Чечерска, откуда можно было ждать польской подмоги.

Что делать дальше, Лжедмитрий II не знал. Учитель из Могилева был на своем месте в церковной школе. Он умел делать всякого рода черную работу по дому, терпеливо сносил побои и розги. Приниженному и бедному человеку предстояло сыграть роль великого государя и вождя восстания, что требовало подготовки.

Шкловский бродяга не обладал ни мужеством, ни волей, ни практическим опытом и не мог самостоятельно довести дело до успешного конца. Рукин и другие его помощники также были людьми малоавторитетными и незначительными.

Учитель провел в Стародубе месяц, пока в первой декаде июля в город не прибыл посланец Болотникова атаман Заруцкий.

Сын тернопольского мещанина Иван Заруцкий был польским подданным. В его судьбе было нечто общее с судьбой Болотникова. В юности он попал в плен к крымским татарам, бежал из неволи и стал казачьим атаманом. Отличаясь решительностью, атаман в считанные дни подготовил церемонию представления Лжедмитрия II народу.

Помимо Заруцкого, большую помощь самозванцу оказал предводитель местных повстанцев, стародубский сын боярский Гаврила Веревкин. Некоторые из современников указывали на Веревкина как главного помощника Лжедмитрия II. Описав смуту, происшедшую в Стародубе, летописец заметил: «Начальному (начальник. — Р.С.) же воровству стародубец Гаврила Веревкин».

Роль Веревкина в интриге была столь велика, что немедленно появилось подозрение, что новый самозванец доводится ему прямым родственником: «назвался иной вор царевичем Дмитрием, а сказывают сынчишко боярской Веревкиных из Северы». Мнение о том, что Лжедмитрий II происходил из северских детей боярских, разделяли даже некоторые лица из его польского окружения. В России версия о стародубском происхождении нового «вора» попала на страницы сказания Авраамия Палицына. Мятежники, писал Палицын, «прежним обычаем нарекли ложного царя Дмитрия, от северских градов попова сына Матюшку Веревкина».

Ближайшие сподвижники Лжедмитрия II имели весьма приблизительное представление о царском обиходе и дворцовых порядках. Неудивительно, что попытки подготовить бродягу к новой для него роли не дали больших результатов. «Вор» до конца жизни сохранял манеры поповича, что давало почву для неблагоприятных толков. Один из его сторонников, князь Дмитрий Мосальский, попав в плен к Шуйскому, под пыткой показал: «Который, де, вор называется царем Дмитрием и тот, де, вор с Москвы, с Арбату от Знаменья Пречистыя из-за коношен попов сын Митка». Одни называли стародубского «вора» поповым сыном Матюшкой, другие — поповым сыном Митькой. Как учитель церковной школы Лжедмитрий II

действительно принадлежал к духовному сословию, но чьим он был сыном, никто не знал.

На стародубском «воре» лежало клеймо. Он был выходцем из низших сословий. Другое затруднение заключалось в том, что он нисколько не походил на Отрепьева. Шкловский бродяга был таким же низкорослым, как убитый самозванец. Но этим и исчерпывалось все сходство. У самборского «вора» на лице росли бородавки, у могилевского не было даже этой приметы.

О воцарении Лжедмитрия II ходило много легенд. «Претендент» разослал в украинские города своих эмиссаров с благой вестью о появлении «царя Дмитрия». Когда один из них явился в Путивль, его арестовали и пригрозили казнью, если он не скажет, где именно находится «государь». Подьячий объяснил, что «царь» в Стародубе, и тогда власти Путивля решили направить туда нескольких дворян и детей боярских.

В Стародубе выяснилось, что народ в глаза не видел «царя Дмитрия». Тогда решено было допросить провозвестников «царя» с пристрастием.

В страхе за свою жизнь или же в соответствии с уговором Алешка Рукин, когда его поволокли на пытку, указал на Лженагова и завопил, что это и есть «государь». Толковали, будто Рукин отведал кнута, прежде чем заговорил. По другой версии, палач приготовился поднять на дыбу самого «Нагова», но тот схватился за палку и обрушился на стародубцев с бранью, которая убедила присутствующих, что перед ними «истинный царь». Народ повалился в ноги «государю», по всему городу ударили в колокола.

Представление о случайном стечении обстоятельств, конечно, не соответствует истине. Все было грубо подстроено от начала и до конца. Единственный достоверный момент в истории самозванца — площадная брань по адресу стародубцев. Лжедмитрий II осыпал самой грязной бранью «подданных» всякий раз, когда попадал в трудное положение. Этот факт засвидетельствован многими очевидцами.

Главным лицом инсценировки был, конечно же, атаман Иван Заруцкий. Он первым заявил о признании «Дмитрия»

царем, «воздал ему царские почести» и передал письма от руководителей мятежа.

Украинский атаман Заруцкий хорошо знал шляхтича Меховецкого по службе в армии Лжедмитрия I. Доказательством их сговора служит то, что пан Меховецкий с отрядом солдат прибыл в Стародуб в самый день «воцарения» Лжедмитрия II. Появление внушительной военной силы заставило замолчать всех сомневавшихся.

Один из вождей наемного войска утверждал в частном письме, что Меховецкий «вступил в Стародуб якобы с 5000 поляков, из коих немногие были порядочно вооружены». Ближе к истине белорусский летописец, удостоверивший, что в Стародуб к «Дмитрию» прибыло «конного люду семьсот». Во главе всей «воровской» рати встал пан Меховецкий.

«Придворные» старались привить «царю» манеры, приличные августейшей особе. Кто-то подал учителю мысль устроить рыцарский турнир, чтобы продемонстрировать свою воинскую доблесть, которой так гордился Лжедмитрий I. Честь сразиться с «Дмитрием» выпала на долю Заруцкого. Все ждали, что атаман для виду скрестит оружие с «государем», а затем признает свое поражение, к общему удовольствию. Но казак нарушил этикет. То ли ему не понравилась внешность учителя, то ли опытный боец не соразмерил силу удара, но самозванец, никогда не державший в руках оружия, был мгновенно выбит из седла. Оправдываясь, бродяга заявил, что испытывал верность своих людей.

После «восшествия на трон» шкловский учитель старался как можно реже появляться на людях и общался с «подданными» посредством писем, которые составляли для него помощники. В страхе за свою жизнь, Лжедмитрий II ночевал или у Меховецкого, или у другого поляка, тогда как на постели во «дворце» спал слуга.

Большинство современников считали Лжедмитрия II москалем либо выходцем из пределов Московии. Невзирая на все старания, шкловскому учителю так и не удалось избавиться от своего подлинного имени Богдан. Ходили упорные слухи о

том, что самозванец Богдашка и дьяк Богдан Сутупов — одно лицо. Источником ошибки было совпадение имен.

Конрад Буссов писал, что «царек» был по рождению москвит, но давно жил в Белоруссии и потому умел чисто говорить, читать и писать по-русски и по-польски. Иезуиты произвели собственное дознание о происхождении самозванца и пришли к неожиданным выводам. Они утверждали, что имя сына Грозного принял некто Богданка, крещеный еврей, служивший писцом при Лжедмитрии I. Иезуиты весьма точно описали жизнь самозванца в Могилеве и его заключение в тюрьму.

В июле 1612 г. новгородский митрополит Исидор заявил, что Лжедмитрий II был евреем. Вскоре версию о еврейском происхождении «тушинского вора» подтвердил Михаил Романов. Отец Михаила Филарет долгое время служил самозванцу в Тушинском лагере и очень хорошо его знал, так что Романовы говорили не с чужого голоса. В наказах Посольского приказа можно найти сведения о том, что «вор» был «жидовином».

Полагают, что шкловского бродягу называли евреем, чтобы скомпрометировать его. Но к 1612—1613 гг. Лжедмитрий II давно был мертв, и особой надобности в его дискредитации не было.

Широко известен портрет Лжедмитрия II, на котором «царек» изображен в восточной чалме. Этот портрет можно встретить в любом учебнике. Может ли гравюра помочь решению вопроса о происхождении самозванца? Вряд ли. Портрет XVII в. изображает восточного владетельного князя, никакого отношения к русской истории не имеющего.

По данным русских и польских источников, после бегства Лжедмитрия II из Тушина и после его гибели в Калуге при досмотре имущества «царька» в его вещах якобы находили Талмуд и еврейские письма. Скорее всего Богдан был выкрестом, так как иначе он не мог бы учить детей в домах у православных священников.

Царя в России называли светочем православия. Смута все перевернула вверх дном. Лжедмитрий I оказался тайным католиком, «тушинского вора» называли тайным иудеем. Пола-

гают, что Лжедмитрий II принадлежал к секте жидовствующим. Но это не более чем предположение.

Литовские власти предприняли собственное дознание о том, кто скрывается под именем вновь воскресшего Дмитрия. По приказу короля канцлер Лев Сапега отправил в Стародуб еврея Якуба. Участник московского похода Лжедмитрия I, Якуб должен был удостовериться в самозванстве нового «царя» и обличить его. Но он не выполнил полученных инструкций. Увидевшись со шкловским учителем, посланец признал его истинным Дмитрием и доставил в Польшу «царское письмо» к Сигизмунду III.

Отрепьев происходил из детей боярских, и его политика носила четко выраженный продворянский характер, что сказывалось прямо или косвенно на оценке писателей Смутного времени. Лжедмитрий II происходил их низов, и поэтому его посягательства на власть вызвали крайнее негодование дворянских писателей. Оценка современников оказала определенное влияние на историографическую традицию. Лжедмитрий I, писал С.Ф. Платонов, «имел вид серьезного и искреннего претендента на престол. Он умел воодушевить своим делом воинские массы, умел подчинить их своим воинским приказаниям и обуздать дисциплиной», «он был действительным руководителем поднятого им движения». Совсем иным был Лжедмитрий II, которому «присвоили меткое прозвище Вора»: он «вышел на свое дело из пропойской тюрьмы и объявил себя царем на стародубской площади под страхом побоев и пытки»; «не он руководил толпами своих сторонников и подданных, а, напротив, они его влекли за собой в своем стихийном брожении, мотивом которого был не интерес претендента, а собственные интересы его отрядов»; «свое название Вора он и снискал именно потому, что все части его войска одинаково отличались, по московской оценке, “воровскими свойствами”».

Лжедмитрий II едва ли имел какие бы то ни было политические взгляды или политическую программу. Но он стал знаменем повстанческого движения.

Самозванец оставался в Стародубе три месяца, не имея возможности набрать войско из местных детей боярских. Харак-

теризуя военные действия в Северской Украине, летописи отметили: «Воины же благороднии от тех стран и градов (северских. — Р.С.) мало больши тысячи, но не согласяшеся, един по единому, соблюдошася от смерти, прибегнуши к Москве, токмо телеса и души свои принесоша, оскорбляющеся голодом и наготою, оставиша матери своей и жены в домех и в селех своих. Раби же им... озлонравишася зверообразием, насилующе, господеи своих побиваша и пояша в жены, себе господей своих — жены и тщери».

Перелом в настроениях северского дворянства был связан с общей усталостью, тяготами бесконечной войны и в особенности чудовищными избиениями дворян казаками. Дворяне в страхе покидали свои владения на Северщине и поодиночке, тайно пробирались к царю Василию в Москву.

Болотниковцы из окружения стародубского «вора» принуждены были прибегнуть к чрезвычайным мерам, чтобы сломить сопротивление северских дворян и принудить их к службе в армии Лжедмитрия II.

Конрад Буссов описал эти меры весьма точно: «Димитрий приказал объявить повсюду, где были владения князей и бояр, перешедших к Шуйскому, чтобы холопы перешли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ, а если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами, и к тому же богатыми и могущественными, тогда как их господам в Москве пришлось голодать». По существу, прокламации Лжедмитрия II напоминали как две капли воды «прелестные» листы Болотникова, писанные в осадном лагере под Москвой. Но были и некоторые существенные различия.

«Царек» отнюдь не призывал к истребительной войне против изменников-дворян, к убийству купцов и грабежу их богатств. Он не желал посягать на церковные законы о браке, а потому обещал в награду верным слугам не жен, а дочерей «изменников».

Прокламации «стародубского вора» были адресованы в первую очередь боевым холопам, владевшим оружием и имевшим опыт воинской службы. Самозванец хотел припугнуть по-

мещиков и одновременно привлечь в повстанческую армию их людей. Руководители мятежа, таким образом, пытались противопоставить дворянам их вооруженную свиту и тем самым усугубить развал поместного ополчения.

Полагают, что Болотников поднял знамя кровавого переворота, что он возглавил Крестьянскую войну, грозившую ниспровергнуть весь «феодальный» строй. Анализ «прелестных» писем Болотникова и Лжедмитрия II опровергает такие представления. Самозванцы и их сторонники, не сумев привлечь на свою сторону дворянство, были поставлены перед необходимостью заменить дворян-«изменников» выходцами из низов — новым дворянством, всецело обязанным своими успехами «Дмитрию». Из рук «вора» они должны были получить поместья и дворянских невест в жены. Но планы подобного рода просуществовали недолго. Лжедмитрий II очень скоро должен был понять, что без поддержки дворян взойти на трон невозможно.

Гражданская война обострила социальные противоречия. Выходец из низов, Лжедмитрий II оказался весьма типичной для своего времени фигурой.

В течение года-двух в разных концах страны появился десяток самозванцев. В Астраханском крае продолжали действовать «царевичи» Иван Август и Лавер (Лаврентий), на казачьих окраинах и в степных уездах объявились «царевичи» Осиновик, Петр, Федор, Клементий, Савелий, Симеон, Ерошка, Гаврилка, Мартинка. Уничижительные имена (Ерошка, Гаврилка и др.) указывали на то, что казацкие предводители, действовавшие на юге, не могли и не думали скрывать своего холопского и мужицкого происхождения.

Социальный облик многочисленных «детей» и «внуков» царя Ивана IV, появившихся на южных окраинах, всего точнее охарактеризовал автор «Нового летописца». Придворный летописец первых Романовых в сердцах писал: «Како же у тех окаянных злодеев уста отверщашеся и язык проглагола: неведомо откуда взявся, а называхуся таким праведным коренем (царским родом. — *Р.С.*) — иной боярской человек, а иной — мужик пашенной».

Весть об исходе из-за рубежа «Дмитрия» произвела на народ сильное впечатление. Но чуда не произошло. «Царьку», а вернее, Заруцкому и Меховецкому понадобилось не менее двух-трех месяцев, чтобы сформировать новую повстанческую армию.

Наталкиваясь на трудности с набором войск внутри страны, повстанцы продолжали хлопотать о найме солдат за рубежом. Приглашая наемных солдат из Речи Посполитой, Лжедмитрий II обещал платить им вдвое и втрое больше, чем они получали на родине. Рассылкой грамот ведал пан Меховецкий.

На первых порах призывы Лжедмитрия II находили наибольший отклик среди низов. Под знаменами «Дмитрия» собрался «люд гулящий, люд своевольный... то и молодцы: якийсь наймит з Мстиславля до него пришел».

Самозванцу удалось завербовать в свое войско не более тысячи наемных солдат. Осада Тулы привела к тому, что повстанческое движение лишилось руководящего центра. В то же время город сковал основные силы армии Шуйского. Это позволило Лжедмитрию II начать поход на Тулу, на выручку Болотникову и «Петру».

10 сентября 1607 г. «вор» покинул Стародуб и через пять дней прибыл в Почеп. Местное население приняло «царя» с радостью. 20 сентября войско выступило к Брянску, но на первом же привале в лагерь Лжедмитрия II явился из Брянска гонец, сообщивший, что царский воевода Михаил Кашин напал неожиданно на брянскую крепость, сжег ее и ушел прочь.

При стародубском «воре», видимо, не было никого из знатных дворян. Во всяком случае, в дни похода под Брянск «вор» послал в погоню за Кашиным «с московским людом боярина своего Хрындина». «Боярин» Другой Тимофеевич Рындин был дьяком Лжедмитрия I.

Кроме Рындина, в «думе» самозванца сидели украинский казак Иван Заруцкий и сын боярский Гаврила Веревкин.

Поход Лжедмитрия II напомнил ветеранам об их наступлении на Москву под знаменами Отрепьева весной 1605 г. На всем пути население встречало «Дмитрия» с воодушевлением. «Из Брянска, — отметили современники, — все люди вышли вору навстречу», приветствуя его как истинного государя.

Лжедмитрий II столкнулся с затруднениями того же рода, что и Отрепьев в начале московского похода. У него не было денег в казне, чтобы расплатиться с наемниками. 26 сентября, записав в дневнике один из наемных командиров, «наше войско рассердилось на царя за одно слово, взбунтовалось и, забрав все вооружение, ушло прочь». Мятеж произошел, видимо, к ночи. Под утро Лжедмитрий II явился к войску, успевшему уйти на 3 мили от лагеря. После долгих уговоров ему удалось «умилостивить» наемников.

ПАДЕНИЕ ТУЛЫ

11 октября 1607 г. Лжедмитрий II торжественно вступил в Козельск, 16 октября прибыл в Белев, намереваясь пробиться к осажденной Туле.

Лагерь Шуйского напоминал пороховой погреб. Чем ближе подходил к Туле Лжедмитрий II, тем реальнее становилась угроза взрыва.

Повстанцы использовали все возможные средства, чтобы воздействовать на царское войско. Они отправили под Тулу не только лазутчиков, но и «прямых» посланцев. Один из них, некий стародубский помещик, лично вручил Шуйскому грамоту от восставших северских городов, за что был подвергнут пытке и заживо сожжен. На костре гонец кричал, что прислан «истинным государем».

Появление «Дмитрия» вновь грозило опрокинуть все расчеты власть имущих. В дворянской среде не прекращалось брожение. В разгар осады из царского лагеря бежал князь Петр Урусов, женатый на вдове князя Андрея Шуйского. Его измена показала, что даже при московском дворе царица неуверенность.

Неудачная осада Тулы отняла веру в прочность династии. Когда защитники Тулы предложили Шуйскому начать переговоры о прекращении военных действий, он ухватился за эту возможность.

Год выдался урожайный, и осадный лагерь не испытывал затруднений с хлебом. Напротив, осажденные в Туле болотниковцы исчерпали припасы. Начался голод.

Наводнение сделало Тулу неприступной для штурма. Город оказался посреди обширного озера. В то же время затопление острога и города разобщило защитников крепости. Гарнизон развалился. Руководители обороны столкнулись с прямым неповиновением казаков и всех жителей Тулы. Доведенный до крайности, народ замышлял схватить Болотникова и Шаховского. Одни надеялись покрыть свою вину, выдав зачинщиков смуты царю, у других были иные цели.

Григорий Шаховской не мог оправдаться перед народом, ибо ему пришлось бы сознаться в грубом обмане. Зато Болотников в критических обстоятельствах принужден был сказать правду. «Какой-то молодой человек, примерно лет 24 или 25, — признался он, — позвал меня к себе, когда я из Венеции прибыл в Польшу, и рассказал мне, что он — Дмитрий и что он ушел от мятежа и убийства, убит был вместо него один немец, который надел его платье. Он взял с меня присягу, что я буду ему верно служить; это я до сих пор и делал... Истинный он или нет, я не могу сказать, ибо на престоле в Москве я его не видел. По рассказам он с виду точно такой, как тот, который сидел на престоле».

Даже самые стойкие приверженцы «Дмитрия» не могли скрыть своего разочарования. Ни вожди, ни народ никак не могли понять, почему «Дмитрий» не внял их призывам, когда осажденная Москва была готова открыть перед ними ворота. Повстанцы знали, что «Дмитрий» уже с июня находится в пределах России. Но он почему-то не спешил оказать помощь своему гибнущему войску в Туле.

Князь Григорий Шаховской был тем лицом, через которого повстанцы поддерживали сношения с мнимым Дмитрием с первых дней восстания. Поэтому недовольные потребовали его ареста, чтобы тем самым оказать давление на «Дмитрия». Шаховской попал в тульскую тюрьму, при этом было объявлено, что его не выпустят оттуда до тех пор, пока не придет «Дмитрий» и не вызовет их от осады.

Когда положение в Туле стало невыносимым, а защитники города едва держались на ногах, когда «наводнение и голод ужасающе усилились», «царевич Петр» и Болотников вступили в переговоры с Шуйским о сдаче крепости на условии сохранения мятежникам жизни, угрожая, что в противном случае осажденные будут драться, пока будет жив хоть один человек.

Царь Василий находился в затруднительном положении, и ему пришлось принять условия Болотникова. Самодержец поклялся на кресте, что будет соблюдать договор и помилует всех защитников Тулы.

За два-три дня до капитуляции тульские «осадные люди» прислали к царю послов «бити челом и вину свою приносить (признать. — Р.С.), чтоб их пожаловал, вину им отдал, и оне вора Петрушку, Ивашка Болотникова и их воров изменников отдадут».

Разобщенный наводнением и доведенный до крайности гарнизон Тулы сложил оружие. Вступивший в крепость воевода Крюк Колычев не встретил сопротивления.

Шуйский сохранил жизнь всем сдавшимся повстанцам. Амнистия была продиктована трезвым политическим расчетом. Гражданская война вступила в решающую фазу, и царь старался перетянуть на свою сторону всех колеблющихся.

Известие о падении Тулы вызвало панику в войске Лжедмитрия II. Пробыв в Болхове в течение суток, самозванец 17 октября спешно отступил поближе к границе — в Карачев. Тут его покинуло запорожское войско. Вслед за тем взбунтовались наемные солдаты — «литовские люди», желавшие уйти из России с добычей.

Не имея возможности задержать наемное войско, самозванец тайно покинул лагерь с 30 верными людьми. В свите «вора» был только один поляк. Даже гетман Меховецкий не знал, куда исчез «царек».

Некоторое время самозванец скрывался в Комарицкой волости. Тут его застали паны Ружинский и Тышкевич с воинскими силами. В ноябре на помощь Лжедмитрию II явился мнимый брат «царевича Петра» «Федор Федорович». Он, по словам очевидца, пользовался у «царя» большим почетом по той причине, что с ним прибыл трехтысячный отряд казаков с Дона. В «воровской» лагерь прибыл также атаман Юрий Без-

зубцев с казаками, сдавшимися в плен при падении Тулы. Царь Василий привел атамана к присяге и поручил занять Калугу. Но казаки изменили ему.

Численность повстанческой армии увеличилась до 10 000 человек, и русские повстанцы вновь стали играть в нем значительную роль.

В январе 1608 г. Лжедмитрий II зимовал в Орле. Угроза Москве возросла, что немедленно сказалось на судьбе бывших тульских сидельцев. В феврале 1608 г. царь Василий приказал препроводить Болотникова в Каргополь в ссылку.

С казацким «царевичем» власти расправились до высылки Болотникова из Москвы. Царь «Петрушку вора велел казнить по совету всей земли».

Ссылный поляк Станислав Немоевский записал в дневнике 30 января 1608 г.: «Прибыл посадский человек из Москвы. Наши проводили от него через стрельца, что на этих днях казнен Петрашко». Казацкий «царевич» подвергся казни не сразу после сдачи Тулы, а четыре месяца спустя.

«Воровской» боярин Григорий Шаховской был сослан «на Каменное» в монастырь, Самуил Кохановский — в Казань, атаман Федор Нагиба и некоторые другие вожди мятежа — в «Поморские города». Несколько позже, когда Лжедмитрий II подошел к Москве, а его отряды заняли половину государства, Болотников был сначала ослеплен, а затем «посажен в воду». Побиты были также его сподвижники — казацкие атаманы, находившиеся в ссылке.

Ни падение Тулы, ни казнь казацких предводителей не положили конец Смуте.

ТУШИНСКИЙ ЛАГЕРЬ

С тех пор как Лжедмитрия II признали многие русские города и его дело стало на твердую почву, интерес к самозванческой интриге стали проявлять влиятельные лица Речи Посполитой, некогда покровительствовавшие Отрепьеву. В числе их были князья Вишневецкие, Ружинский, Тышкевич, Валевский и другие.

Король Сигизмунд III не желал участвовать в аванюре. Но мятеж против королевской власти усилил элементы анархии в Речи Посполитой. Наемные солдаты, оставшиеся без работы после подавления мятежа, хлынули в русские пределы в надежде на то, что «царек» щедро вознаградит их за труды.

Давний сподвижник Отрепьева князь Роман Ружинский не прочь был сыграть при Лжедмитрии II такую же роль, какую при первом самозванце играл Юрий Мнишек. Оба вельможи оказались на пороге разорения и все надежды возлагали на успех авантюры и щедрые пожалования «царя». Обедневший украинский магнат заложил земельные владения и влез в долги. На занятые деньги он навербовал отряд конных копейщиков.

Среди наемников было немало участников московского похода Отрепьева, и Ружинский должен был подготовить их к встрече с бродягой. Одним лишь насилием предотвратить нежелательные толки было невозможно. Гетман нанял доктора богословия Викентия, который выступил перед солдатами с рассказами о том, что он видел «царя Дмитрия» при его первом появлении в Польше и в бытность его в Москве, потом в келье у бернардинских монахов, а затем в Стародубе, и все это одно лицо. Чтобы оправдать авантюру, богослов написал донесение в Рим с доказательствами истинности «царя Дмитрия».

Прибыв на Русь, Ружинский направил послов к Лжедмитрию II. Когда послы вернулись, солдаты обратились к ним с вопросом, тот ли это «царь». Ответ послов был более чем двусмысленным: «Тот, к которому вы нас послали!» Прошло два с половиной месяца, прежде чем Ружинский возобновил переговоры. Поляки убедились, что «царек» не располагает богатой казной, достаточной, чтобы оплатить их услуги. Это было главной причиной промедления.

Перейдя в Кромы, войско направило к «вору» новых послов. Весной 1608 г. они явились в Орел, где «канцлер» поляк Валевский приветствовал их от имени «самодержца». Придворный этикет был грубо нарушен самим «государем». Он поносил поляков, обвиняя их в измене. Изменой «вор» считал

любые сомнения в его царственном происхождении. Самозванцу передали двусмысленную фразу первых послов, и он принял позу оскорбленного человека.

Брань убедила жителей Стародуба, что перед ними истинный государь. Но на поляков она произвела обратное действие. В ответ на ругань послы — наемные солдаты объявили, что теперь они уверены, что перед ними не прежний «царь Дмитрий», так как тот, в отличие от нового, «умел уважать и понимать воинов». Послы закончили речь прямой угрозой, заявив, что солдаты «будут знать, как поступить».

Старое руководство в лице гетмана Меховецкого не желало допустить в свой лагерь Ружинского. Но Меховецкий утратил авторитет, так как не обеспечил выплаты наемникам обещанных денег. За спиной Меховецкого солдаты пришли к соглашению с войском Ружинского.

Когда Ружинский вступил в Орел, самозванец дал пир в его честь. За столом «царек» пространно рассуждал о том, что никогда бы не согласился стать польским королем, «ибо не для того родился московский монарх, чтобы им управлял какой то архибес или, как по нашему (по-польски. — *Р.С.*) зовут, архиепископ». В устах Лжедмитрия II брань в адрес католического «архибискупа» понятна. Одним из главных обвинений против убитого Расстриги было принятие им католической веры. Выпады против католиков должны были доказать преданность Лжедмитрия II греческой церкви.

Обличения послов и угрозы в адрес «вора» были забыты. Наемников более всего волновал вопрос, заплатят ли им за службу в России.

В апреле 1608 г. польские солдаты собрались на войсковое коло для выборов гетмана. Вновь в центре внимания был вопрос о деньгах. Новым гетманом наемники выкрикнули Ружинского. Лжедмитрий II, вызванный в коло, пытался перечить. «Цыть, б... дети!» — кричал он. Поднялся страшный шум. Солдаты требовали немедленно предать негодяя смерти: «Убить его, мошенника, зарубить! Ах ты, такой-сякой сын, разбойник! Поманил нас, а теперь платишь нам неблагодарностью!»

Ружинский убедил солдат, что обеспечит им жалованье, соответствующее их достоинству. Взбунтовавшееся наемное войско окружило двор «царька» вооруженной стражей. Меховецкий не желал признать свое поражение и пытался оспорить решение польского войска. Первый покровитель шкловского учителя рассчитывал на поддержку «государя» и казачьего войска, по численности далеко превосходившего наемную армию. Но Лжедмитрий II трусил и не смог защитить своего гетмана. Попад под домашний арест, он запил горькую. Протрезвев, «самодержец» должен был вытерпеть новые унижения. Он просил прощения у наемных солдат и признал власть избранного гетмана Ружинского, после чего Меховецкий был изгнан из лагеря.

Новый гетман не сразу почувствовал себя хозяином положения. Он принужден был оставаться в Кромах, в то время как Лжедмитрий II находился в Орле с Заруцким.

Смена командования имела важные последствия. Болотниковцы, приведшие к власти «стародубского вора» и пользовавшиеся большим влиянием в его лагере, стали утрачивать одну позицию за другой. Следом за шляхтой и магнатами в окружении Лжедмитрия II появилась московская знать.

Встреча наемников с «государем» породила толки о его самозванстве. Уверенность воинства в успехе авантюры поколебалась. Гетману пришлось прибегнуть к новым инсценировкам. На помощь ему пришли доктор Викентий и некто Тробчинский, якобы знавший многие тайны Лжедмитрия I. Тробчинский взялся проэкзаменовывать «царька» и установить, является ли он прежним «Дмитрием». На публичном диспуте он излагал «тайны», заведомо искажая детали. Школьный учитель уверенно поправлял его и на все вопросы давал точные и исчерпывающие ответы. Вопросавшие изображали при этом величайшее изумление и заявляли, что об этом знали только они да еще сам «царь Дмитрий», а значит, это, несомненно, он, хотя внешне и не похож.

Речи об истинности «государя» заключали убийственную для него оговорку. Признание того, что претендент вовсе не похож на коронованного «Дмитрия», обрекало «вора» на по-

ложение марионетки, которую поляки могли в любой момент объявить обманщиком и выбросить на свалку. Над головой самозванца повис меч.

Тем не менее наемные солдаты были удовлетворены спектаклем и готовы были простить «государю» его внешность. Их удовлетворили обещания выплатить деньги.

Затея Ружинского была рассчитана не на одних только наемников. Вскоре гетман обратился с посланием к князю Василию Голицыну, одному из бояр, посадивших Отрепьева на трон. Литовцы не служат многочисленным лжецаревичам, объявившимся в России, но он, Ружинский, убедился в истинности «царя Дмитрия» и в числе первых стал ему служить, так как его отец, дед и дядя верно служили прирожденным московским государям. (Ружинские пользовались авторитетом в Запорожской Сечи и не раз приводили отряды запорожцев и воевали против татар бок о бок с царскими воеводами.)

Обращение должно было посеять сомнения среди сподвижников Лжедмитрия I в Москве, утративших прежнее влияние после воцарения Шуйского.

Ружинский развил бурную деятельность. По его приказу Лжедмитрий II обратился за помощью к «родителю» — тестю Юрию Мнишеку, чтобы через него заручиться поддержкой короля. Мнишек откликнулся на призыв и составил подробную записку для Сигизмунда III с уверениями, что его зять жив и, ссылаясь на статьи тайных договоров, просит о признании и военной помощи. Мнишек вновь излагал планы насаждения католичества в Московии, старался оградить права дочери как московской царицы.

В Кракове появились агенты самозванца. Один из них, еврей Арнульф Калинский, получил полномочия «для переговоров во всех делах Речи Посполитой и военных и коммерческих». Возможно, он был банкиром «царька». Именно через него Лжедмитрий II, имея пустую казну, предложил королю за помощь полмиллиона злотых ежегодно.

Сигизмунд III не захотел вступать в переговоры с «обманщиком». Записка Мнишека не произвела впечатления на ко-

роля и сейм. Сенаторы настаивали на запрете вербовки войск для самозванца в Польше.

Заняв пост главнокомандующего, Ружинский немедленно отдал приказ о наступлении на Москву. Поход начался неудачно. Случайный пожар уничтожил все запасы, заготовленные в Орле для войска.

Царь Василий сосредоточил крупные силы на подходах к Болхову. Армию возглавил брат царя — князь Дмитрий Шуйский. Воеводы успели возвести укрепленный лагерь. Узнав о приближении противника, Дмитрий Шуйский 30 апреля 1608 г. вывел полки из лагеря и выстроил их в боевые порядки. Ружинский столкнулся с русскими на марше, не имея времени для перестроения войска. Конные роты с ходу атаковали русские позиции.

Воевода передового полка Василий Голицын отразил атаку и потеснил атакующих. Тогда в бой вступили отряды Ружинского и Валиевского. Они отбросили Голицына и вышли в расположение большого полка. Участники сражения отметили, что главные силы русской армии не оказали помощи своим гибнущим товарищам. Положение спасла атака сторожевого полка князя Куракина.

Военный совет, созванный ночью Шуйским, принял решение не возобновлять генеральное сражение, а отвести полки к Болхову, чтобы занять оборону по засечной черте и преградить неприятелю путь на Москву. В «воровском» лагере Ружинский и его ротмистр также приняли решение отложить бой и перейти на более выгодные позиции. Мелкие стычки продолжались 1 мая.

Русские ратники начали отводить артиллерию в тыл. В то же самое время гетман Ружинский приказал перевезти войсковые обозы за реку и приступил к строительству лагеря на новом месте. Обозные повозки подняли тучи пыли. Русские решили, что противник перестраивает свои порядки, чтобы крупными силами нанести удар с фланга. В царских полках началась паника. Перебежчики сообщили обо всем «царьку». Ружинский немедленно отдал приказ о наступлении. «Вор» и поляки, записал летописец, «перелезли реку и пришли под село

Кобылино за 15 верст Болхова, позади полков Московского государства».

Выход польской конницы в тыл царской армии окончательно погубил Шуйского. Его полки утратили управление и обратились в паническое бегство. Часть сил отступила в Болхов, другая ушла к засечной черте. Болхов открыл ворота перед Ружинским после двух дней сопротивления. Победителям досталось множество пушек и огромный обоз.

Причины поражения не сводились лишь к неумелому руководству и трусости Дмитрия Шуйского. Гражданская война деморализовала дворянское ополчение. Уездные дети боярские не являлись очевидцами гибели Лжедмитрия I и были сбиты с толку успехами воскресшего царя. Если «Дмитрий» вновь брал крепость за крепостью и неудержимо продвигался к Москве, значит, сам Бог покровительствует ему, а противившихся неизбежно постигнет кара. Воеводы утратили всякое доверие к служилым людям, тогда как ратники перестали доверять своим командирам. Число перебежчиков вновь стало стремительно расти.

Чтобы удержать при себе польские отряды, самозванец после битвы заключил с ними новое соглашение. Он обязался поделить с ними все сокровища, которые достанутся ему при вступлении на царский трон. Народ, приветствовавший нового «истинного Дмитрия», понятия не имел о сговоре за его спиной.

В июне 1608 г. армия самозванца разбила лагерь в Тушине. Скопин расположился на Ходынке против Тушина. Царь Василий с двором занял позиции на Пресне.

Появление польских и литовских отрядов в армии самозванца вызвало тревогу в Кремле. Русские власти развили лихорадочную деятельность, стремясь предотвратить военный конфликт с Речью Посполитой. Царь Василий поспешил закончить мирные переговоры с польскими послами, обещал им немедленно отпустить на родину Мнишеков и других поляков, задержанных в Москве. Послы в принципе согласились немедленно отозвать из России все военные силы, сражавшиеся на стороне самозванца.

На радостях Шуйский известил Ружинского о близком мире и пообещал заплатить его наемникам «заслуженные» у «вора» деньги, как только те покинут лагерь.

Царь Василий радовался преждевременно. В течение двух недель его воеводы стояли на месте, не предпринимая никаких действий. В полках распространилась уверенность в том, что война вот-вот кончится. Гетман Ружинский использовал беспечность воевод и на рассвете 25 июня нанес внезапный удар войску Скопина. Царские полки в беспорядке отступили. Тушинцы пытались ворваться на их плечах в Москву, но были отброшены стрельцами. Ружинский намеревался отдать приказ об общем отходе. Но воеводы не решились преследовать его отступавшие отряды. Три дня спустя царские воеводы наголову разгромили войско Лисовского, пытавшееся ворваться в столицу с юга.

Тщетно Лжедмитрий II домогался заключения «союзного» договора с королем и выказывал готовность идти на любые уступки. Наиболее дальновидные политики Польши решительно возражали против вмешательства во внутренние дела Русского государства. Сигизмунд III следовал их советам, ибо он не успел еще забыть о своей неудаче с Отрепьевым и не подавил окончательно оппозицию внутри страны.

В конце концов легкие победы Лжедмитрия II лишили Сигизмунда III благоразумия. Король отдал приказ готовить войска для занятия русских крепостей Чернигова и Новгорода-Северского.

Завоевательные планы Сигизмунда III натолкнулись на возражения высших сановников. Коронный гетман Станислав Жолкевский указывал на неподготовленность королевской армии к большой войне. Королю пришлось отложить осуществление своих намерений.

В Москве царь Василий продиктовал польским послам условия перемирия. Послы, томившиеся в России в течение двух лет, подписали документ, чтобы получить возможность вернуться на родину. Мирный договор оказался не более чем клочком бумаги. В самый день подписания перемирия в Россию

вторгся литовский магнат Ян Петр Сапега с многочисленным войском.

Во исполнение договора царь Василий освободил семью Мнишеков. Сенатор дал клятву Шуйскому, что никогда не признает своим зятем нового самозванца, и обещал всячески содействовать прекращению войны. Но Мнишек вовсе не думал исполнять свои обещания. Он вел рискованную игру и делал все, чтобы разжечь смуту.

Царь поручил воеводам сопровождать послов до границы и обеспечить их безопасность. Воеводы везли поляков лесными дорогами, таясь от «вора». Но уже на другой день после отъезда из Москвы Мнишек сообщил тушинцам сведения, которые позволили им перехватить обоз.

Польские послы настаивали на соблюдении перемирия и возвращении на родину. Но Мнишеки отделились от посольского обоза и остановились неподалеку от границы в районе Белой. Ружинский послал за ними полковника Заборовского. В письме «тестю» Лжедмитрий II выражал пожелание «скорого радостного и приятного свидания», но при этом прозрачно намекал, что «тестю» безопаснее будет вернуться в Польшу: ему — «царю Дмитрию» было бы «лучше слышать, что вы в Польше на свободе, нежели здесь поблизости в полону».

Заборовский передал сенатору «царскую грамоту», но не стал спешить с возвращением в Тушино. Вскоре к нему присоединился Ян Сапега с литовскими отрядами. Литовцы устроили парад в честь «московской царицы Марины».

В Можайске Сапега получил грамоту Лжедмитрия II с повелением оставить Марине Мнишек небольшую свиту, а самому направиться в Тушино, «нимало не сомневаясь в милости нашей».

Прием во «дворце» у «царька» произвел удручающее впечатление на Сапегу. Во время пира шкловский бродяга, по обыкновению, богохульствовал. Яства поразили поляков убожеством. Все блюда были грубы, приготовлены по-простому, кое-как, грязно. «Изобилия не было ни в чем».

С появлением новых лиц в лагере борьба за власть возобновилась. Ружинский не желал расстаться с титулом главно-

командующего. Но теперь на этот пост претендовали также Юрий Мнишек и Ян Сапега.

Последующие шаги Ружинского показали, что своим главным соперником он считал Сапегу. В новой грамоте самозванец и Ружинский сообщили Сапеге, что «царь Дмитрий» внезапно заболел, и предложили Сапеге вступить в переговоры с «канцлером» «царя» Валевским. Два гетмана должны были договориться между собой без всякого участия «царька» и его «тестя».

В отношении царицы Марины у тушинцев были свои планы. Когда Мнишеки с Сапегой прибыли в Звенигород, они получили письмо от «болевшего» «царя». Лжедмитрий II просил «свою супругу» принять участие в положении святого в Звенигородском монастыре, чтобы укрепить расположение московских людей к «царственной чете».

Очевидец событий Николай Мархоцкий засвидетельствовал, что появление Мнишеков принесло тушинцам «больше вреда, чем пользы, так как царица и другие персоны, знавшие Дмитрия в столице, увидев нашего, не захотели его признавать, и скрыть это было невозможно». Прошла неделя, и лишь «после долгих уговоров, — отметил Мархоцкий, — согласились все, в том числе царица, притворяться вместе с нами, что это не другой царь, а тот самый, что был в Москве».

Первая встреча Юрия Мнишека с «вором» состоялась 5 сентября 1608 г. Секретарь Сапеги записал в Дневнике, что пан воевода Сандомирский «во второй раз ездил к самозванцу познавать, тот это или не тот». Откровенная и насмешливая запись из Дневника дает точное представление о начавшемся торге.

Вопрос о том, был ли «вор» истинным «Дмитрием», не имел существенного значения. Поляки не могли поделить власть. Юрий Мнишек, претендовавший на роль правителя России при Лжедмитрии I, требовал для себя тот же пост в Тушине. Первое свидание закончилось тем, что Ружинский отверг претензии Мнишека, а тот отказался признать Лжедмитрия II своим зятем.

Некогда Отрепьев согласился удовлетворить все территориальные притязания нареченного тестя. Теперь «тесть» на-

помнил новому «зятю» о его обязательствах. В народе толковали, что Мнишек требует для своей дочери вдовьего удела и известных городов. Эти слухи могли лишь осложнить положение самозванца.

6 сентября Марина впервые виделась со своим «супругом». В Дневнике Яна Сапеги появилась запись, что «царица московская» не очень хотела приветствовать «мужа» и явно не радовалась его приезду.

На пути к Москве один молодой шляхтич из рыцарских побуждений предупредил Марину, что в Тушине она увидит не своего венчанного мужа, а самозванца. Разговор был доверительным. Но Мнишеки тут же выдали «вору» имя своего доброжелателя. Ружинский немедленно приказал посадить шляхтича на кол, и тот умер посреди лагеря в муках.

В плен к тушинцам попал один из князей Мосальских. Он также обратился к Марине с предупреждением, что «царь ненастоящий». Напуганный казнью шляхтича, он бежал в Москву и уведомил обо всем царя Василия.

Марине не раз предлагали вернуться в Польшу. Отвергая советы такого рода, Марина писала в посланиях, что предпочтет смерть сознанию, что «мир будет дальше глумиться над ее горем»; «будучи повелительницей народов, московской царицей, она не думает и не может быть снова подданной и возвратиться в сословие польской шляхтянки». Слова Марины были проникнуты гордыней. Она сравнивала себя с солнцем, которое не перестает светить, хотя «его иногда закрывают темные тучи».

Непомерные претензии семейки Мнишеков вызвали раздражение тушинцев. От их лагеря до Кремля было рукой подать. Богатейшая сокровищница московских государей разжигала алчность наемников. Вступив на московскую землю, Сапега первым делом потребовал от Ружинского уравнивать «в заслуженном» приведенных им солдат с наемниками из Тушина. Тушинцы поначалу отвергли притязания сапежинцев как наглые и абсолютно неприемлемые. Но Сапега привел с собой 1700 воинов, и с ним пришлось считаться.

К осени 1608 г. в лагере Лжедмитрия II было, по словам поляков, «18 000 польской конницы и 2000 хорошей пехоты».

Как писал очевидец, в Тушино постоянно прибывали подкрепления: «...редко проходили четверть года или месяц, в течение которых не прибыло бы тысячи из Москвы или, по крайней мере, нескольких сот человек из Польши». Самозванцу служили несколько тысяч запорожских и донских казаков. Точными данными об их численности, вероятно, не располагали даже их командиры. Толковали, будто у Лжедмитрия II было до 45 000 казаков, но эти сведения были преувеличены.

Речь Посполитая вела форменную войну с Россией, хотя война и не была объявлена. Особую роль в этой войне играло запорожское войско, вдвое превосходившее донское. Казалось, вся Украина вместе с православным украинским магнатом Ружинским собралась под тушинскими знаменами.

Казаки сражались в пешем строю. Но на поле боя решающее значение имели атаки гусарской конницы. Содержание наемных гусарских рот требовало огромных средств. Казна Лжедмитрия II была пуста. «Вор» клялся, что раздаст наемникам в счет долга все богатства московской сокровищницы, но Кремль еще надо было завоевать.

У Мнишека был свой взгляд на вещи. Он требовал вернуть ему огромные суммы денег и драгоценные подарки, которые были отобраны у него после переворота и перешли в царскую казну. Он не забыл также и того, что «царевич» задолжал ему миллион злотых, обещанных в Самборе по случаю будущей свадьбы с Мариной. В награду за признание Лжедмитрий II выдал «тестю» жалованную грамоту с обязательством выплаты 300 000 рублей. Обязательство не было подкреплено подписями ротмистров.

Отец и дочь Мнишеки вскоре уяснили себе, что их «родня» — всего лишь подставное лицо, кукла в руках Ружинского и прочих лиц, его окружавших. Однако делать было нечего. 10 сентября «царица» торжественно въехала в Тушино и разыграла роль любящей жены, обретшей супруга. Возвращение на «трон» не принесло «царице» ожидаемых выгод. Марина согласилась стать наложницей проходимца, не получив ни казны, ни земель. Ее притязания на управление особыми городами не были удовлетворены.

По слухам, Мнишек пытался оградить честь дочери, а заодно и собственный кошелек. Лжедмитрий II якобы не мог вступить в права супруга до занятия трона и выплаты обещанных денег. Но все это были поздние вымыслы, призванные оправдать грех «царицы», которая нарушила закон и без венчания разделила ложе с бродягой.

Изба «царька» стояла посредине лагеря, и отдельная жизнь августейшей четы была бы сразу замечена и вызвала бы толки, убийственные для самозванца.

Прошло полгода, и Марине пришлось выдержать объяснение с братом, случайно встреченным ею. Юный Мнишек упрекал сестру в распутстве. Чтобы смягчить его гнев, «царица» не моргнув глазом заявила, будто один из ксендзов тайно обвенчал ее с новым супругом. Марина могла скрыть венчание от посторонних, но совершенно невероятно, чтобы церемония осталась тайной для отца и братьев, находившихся при ней в лагере.

Собственный дворецкий «царицы» Мартин Стадницкий свидетельствовал, что Марина жила с самозванцем невенчанная, потому что жажда власти была в ней сильнее стыда и чести.

Комедия, разыгранная Лжедмитрием II и Мариной, не могла ввести в заблуждение дворян и наемников, хорошо знавших первого самозванца. Но спектакль произвел впечатление на простой народ. Весть о встрече коронованной государыни с «истинным Дмитрием» разнеслась по всей стране.

Домогательства Мнишеков способствовали примирению соперников. Ружинский заключил с Сапегой любовную сделку. Гетманы поклялись не мешать друг другу. На пиру, за чашей вина они обменялись саблями и разделили московские земли на сферы влияния. Ружинский сохранял власть в Тушине, южных и северских городах. Сапега взялся добыть мечом Троице-Сергиев монастырь и завоевать земли к северу от Москвы.

13–14 сентября на пиру в честь Сапеги «царек» произнес здравицы в честь короля Сигизмунда III, Яна Сапеги и его рыцарства. Тушинские солдаты не проявляли особой радости за

пиршеским столом. Сапезинцы получили равные с тушинцами права на раздел кремлевских сокровищ.

Борьба за власть в Тушинском лагере сопровождалась кровопролитием. Старый гетман Меховецкий, один из главных организаторов самозванческой интриги, попытался использовать соперничество Ружинского с Сапегой и вернуть себе власть. Он тайно пробрался в лагерь и укрылся в избе у Лжедмитрия II. Солдаты обсуждали планы свержения Ружинского. Узнав об этом, гетман ворвался в покои «царька» и зарубил Меховецкого. Самозванец пытался протестовать, но гетман «велел передать, что и ему шею свернет».

Юрий Мнишек оставался при особе Лжедмитрия II недолго и уехал в Польшу. Вслед ему полетели отчаянные письма дочери. Обращаясь к отцу, Марина молила дать ей родительское благословение и извинить ее, «что не так простилась с Вами, как хотела», просила написать «московскому царю» о ней, чтобы она «могла дожидаться от него любви и почтения». Как видно, самозванец обращался с двадцатилетней наложницей-царицей крайне грубо.

Поражение армий Шуйского и осада Москвы привели к тому, что восстание в стране вспыхнуло с новой силой. В Пскове городская беднота свергла царскую администрацию и признала власть Лжедмитрия II.

С момента гибели Отрепьева в очаг сопротивления Шуйскому превратилась Астрахань. За оружие взялись нерусские народности Поволжья. Власть Лжедмитрия II признали Переяславль-Залесский и Ярославль, Кострома, Балахна и Вологда. При поддержке городских низов тушинские отряды заняли Ростов, Муром и Арзамас. С разных концов страны в Тушино спешили отряды посадских людей, мужиков и казаков. Их волна неизбежно захлестнула бы подмосковный лагерь, если бы наемное воинство не диктовало тут своих законов.

Гражданская война подорвала престиж и экономическое благополучие «царствующего града» — Москвы. В течение полтора лет у страны было два царя и две столицы. Под боком у старой столицы, где сидел царь Василий, образовалась «воровская» столица в Тушине.

Резиденция Лжедмитрия II не имела башен и стен, которые хотя бы отдаленно походили на мощные укрепления Москвы. Но царь Василий ничего не мог поделать со своим грозным двойником в Тушине, потому что в стране бушевал пожар гражданской войны. По временам власть «тушинского вора» распространялась на добрую половину городов и уездов страны, включая Ярославль — в центре, Вологду — на севере, Астрахань — на юге, Псков — на северо-западе.

Низы тщетно ждали начала «счастливого царства». Второй самозванец обещал народу то же, что и первый, — тишину и благоденствие. Но народ не получил ни того ни другого.

Тушинское воинство было плоть от плоти армии Болотникова. Но со временем облик Тушина изменился.

На окраинах восставшие низы снаряжали отряды и посылали их на помощь Лжедмитрию II. Некоторыми из этих отрядов командовали собственные казацкие или мужицкие «царевичи». Поначалу в войске самозванца было много болотниковцев, и толпы повстанцев встречали радушный прием в «воровском» лагере.

После переворота и перехода власти от Меховецкого к Ружинскому ситуация изменилась. 14 апреля 1608 г. Лжедмитрий II в манифесте к жителям Смоленска объявил, что приказал казнить самозванных царевичей. Приглашая смоленских детей боярских к себе на службу, он пояснял, что в избиениях дворян повинен не он, а «царевич Петр» и другие казацкие «царевичи».

Известия о казнях самозванцев эхом отозвались в казацких станицах. На Волге «потомок» Грозного Осиновик был повешен его «подданными». Зато двух других «царевичей», Ивана-Августа и Лаврентия, казаки привели с собой в Тушино. «Царек» милостиво принял казаков, а двух их «царевичей» велел повесить на дороге из Тушина в Москву. Казнь «царевичей» знаменовала окончательное перерождение повстанческого войска.

В Тушине при особе Лжедмитрия II образовались священный собор с «патриархом» во главе и «воровская» Боярская дума.

По милости Отрепьева Филарет Романов занял митрополию кафедру в Ростове Великом. Он принял участие в обороне Ростова от «воров», попал в плен в октябре 1608 г. и в простой телеге был увезен в Тушино. Самозванец казнил ростовского воеводу, а Филарету предложил сан патриарха. У Романова не было выбора. «Воры» не церемонились с иерархами церкви. Они убили архиепископа Тверского, пытавшегося покинуть Тушино.

Романов обладал политическим опытом и популярностью. Его поддержка имела неоценимое значение для самозванца. Богдан Шкловский выдавал себя за сына Грозного, а Филарет был племянником этого царя. «Родственники» должны были помочь друг другу.

Полагают, что Филарет, его родня Михаил Глебович Салтыков, Иван Годунов (шурин Филарета), князя Алексей Сицкий, Дмитрий Черкасский, свояки Романовых, заняли господствующие позиции в «воровском» правительстве.

По-видимому, это не так. Салтыков провел розыск об измене Романовых и подвел Федора Никитича под монастырь. Эти люди ненавидели друг друга, что вполне устраивало командиров литовских отрядов.

Вопрос о группировках внутри «воровской» думы давно привлекал внимание исследователей. Но этот вопрос не имеет большого значения, поскольку сама дума была марионеточной.

Командир литовских наемных отрядов грозил побоями «царьку». Наемники вели в России войну за право грабить монастыри, села и города, творить разбой в чужой стране.

Ключевыми фигурами в «воровской» думе были атаман «боярин» Иван Заруцкий и боярин Михаил Салтыков. Их главное достоинство заключалось в том, что они беспрекословно исполняли все приказы и распоряжения гетмана Ружинского и поляков. Пожаловав украинскому казаку высший сан, «литва» показала москвитам, сколь невысоко она ценит их думные титулы.

Гетман Ружинский, как и великий бражник, «маршалк» «вора» Адам Вишневецкий, редко бывал трезвым. Боярин Заруцкий всегда был начеку. Повесив несколько казачьих «ца-

ревичей», «потомков» Грозного, и возглавив Казачий приказ, он полностью подчинил гетману Ружинскому казачью вольницу. Заруцкий ежедневно расставлял стражу на валах и в воротах, посылал разъезды по разным дорогам, чтобы не допустить внезапного нападения неприятеля.

Тушино являло взору необычное зрелище. Основанная на холме близ впадения речки Сходни в Москву-реку, «воровская» столица имела диковинный вид. Вершина холма была усеяна шатрами польских гусар. Среди них стояла просторная рубленая изба, служившая «дворцом» для самозванца. За «дворцом» располагались жилища русской знати. На холме жили господа и те, кто желал казаться господами. Простонародье занимало обширные предместья, раскинувшиеся у подножия холма. Наспех сколоченные, крытые соломой будки стояли тут в великой тесноте, одна к одной. Жилища были битком набиты казаками, стрельцами, холопами и прочим «подлым» народом. В пору дождей «столица» тонула в грязи. Кругом стояла невыносимая вонь.

Лжедмитрий II многократно просил Сигизмунда III о покровительстве и помощи, но наталкивался на отказ. Однако по мере того, как гражданская война подрывала мощь России, военная партия в Речи Посполитой все выше поднимала голову.

В Тушине собралось множество польских и русских дворян, пользовавшихся милостями первого самозванца. Все они откровенно презирали «царька» как явного мошенника, но не могли обойтись без него. Творя насилия и грабежи, наемное «рыцарство» повсюду трубило, что его единственная цель — восстановление на троне «законного государя», свергнутого московскими боярами.

Личность Лжедмитрия II мало что значила сама по себе. Каким бы ничтожным и безликим ни казался «тушинский вор», важен был не он сам, а его имя. В глазах простых людей он оставался «прирожденным государем Дмитрием».

Однако успехи нового самозванца оказались призрачными. Тушино недолго соперничало с белокаменной Москвой. «Воровская» столица клонилась к закату, когда настал новый акт великой московской трагедии.

ОСАДА СТОЛИЦЫ

Москва была в осаде неслыханно долгий срок. Литовское командование рассчитывало взять столицу измором. Когда тушинцам удалось блокировать город, там начался голод. К началу лета 1609 г. цены на хлеб в столице резко подскочили. Четверть жита продавали по 5 рублей и дороже, четверть овса — по 3 рубля. «Людей убогих по улицам огромное число поумерало».

Власти пытались остановить рост цен, устанавливали предельные цены, устраивали гонения на спекулянтов, дабы «градским законом смирить их». Однако положение ухудшалось. Купцы, торговавшие хлебом, наживались на бедствиях. Подозревали, что спекулянты сами задерживали обозы с хлебом: «в протчих градах и селех закупленная ими стаха недвижима», пока цены на городском рынке не поднимались еще выше.

Правительство не могло пресечь торговлю москвичей с Тушином, что было свидетельством его полного бессилия. В Тушинском лагере было много раненых, для их лечения не хватало лекарств. Ощущалась постоянная нехватка пороха и оружия. Были затруднения с солью.

Московские купцы старались не упустить выгоду и везли «ворам» всевозможные товары. На порохе и лекарственных зельях они, по свидетельству очевидцев, получали прибыли «десять гривен на шти серебеницах». Звон серебра заглушал страх перед наказанием за измену.

Население осажденного города было измучено дороговизной и голодом. По свидетельству перебежчиков, народ не раз собирался толпой и с «шумом» подступал ко дворцу: «Дети боярские и черные всякие люди приходят к Шуйскому с криком и воплем, а говорят: до чего им досидеть? Хлеб дорогой, а промыслов никаких нет и нечего взять нигде и купить нечем!» Голодающие грозили, что откроют ворота врагам ради спасения жизни.

Василий Шуйский в течение двух лет постоянно был занят тем, что уговаривал москвичей потерпеть, подождать подхода войск, не сдавать город мятежникам. Он многократно

назначал сроки (обычно три недели) окончания осады, кланялся толпе, а иногда, если верить перебежчикам, падал перед народом ниц («крестом»). Его уговоры неизменно достигали цели.

Что касается дворян, Василий Шуйский старался завоевать их поддержку разнообразными средствами.

Образование обширного фонда поместных земель помогло преодолению кризиса дворянского сословия в XVI в. Но к началу XVII в. поместная система пришла в упадок. Большая часть поместного фонда разорилась и запустела. Московская военно-служилая система не могла существовать без сильной центральной власти. Однако Смута подорвала мощь монархии. Беспорядочные конфискации, проводившиеся царями и самозванцами, окончательно разорили и дезорганизовали дворянское землевладение.

Будучи в осаде, царь Василий не имел земель, которые он мог бы, в соответствии с традицией, пожаловать дворянам за верную службу и мужество. Выход был найден. Государь стал жаловать служилым людям за «московское осадное сиденье» вотчины. Отличившиеся дворяне не получали новых земель, но пятая часть их поместья (государственной собственности) закреплялась за ними на правах вотчины (полной частной собственности).

При Грозном помещики мечтали, что им удастся закрепить за собой поместья на праве полной собственности. Опричнина развеяла их мечты. При царе Василии их надежды воскресли. Помещики сами определяли, какие села и угодья станут их вотчинной собственностью. Понятно, что они забирали себе лучшие земли и угодья. Эти новые вотчины, располагавшиеся посреди старых поместных владений, они могли передавать по наследству, дарить и продавать без всякой санкции со стороны казны.

Цепь военных неудач и трудности осадного времени породили кризис власти. Знать и дворяне многократно пытались отстранить от власти Василия Шуйского.

В конце мая 1608 г. племянник царя князь Михаил Скопин выступил навстречу войскам Лжедмитрия II. Когда пол-

ки достигли речки Незнать, Скопин был отозван в столицу. По словам летописца, государю сообщили об измене: «в полках же нача быти шатость, хотя царю Василью изменить князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними».

Заподозренные лица были арестованы. Но они принадлежали к высшей знати и не могли быть казнены без боярского суда. Шуйскому пришлось ограничиться служебными перемещениями. Князь Иван Катырев был отправлен первым воеводой в столицу Сибири Тобольск, князь Иван Троекуров попал на воеводство в Нижний Новгород, а князь Юрий Трубецкой — в Тотьму. Несколько дворян, в их числе Яков Желябужский, были казнены на Москве.

В войске Скопина все воеводы — Иван Воротынский, Иван Романов, Григорий Ромодановский, Иван Черкасский, Данила Мезецкий — сохранили свои посты. Смещен был один Скопин.

Москва находилась в критическом положении. Скопин отбросил от стен столицы Болотникова. Он один мог противостоять новой «воровской» рати. Присутствие в столице самого даровитого из полководцев было абсолютно необходимо. Однако князь Михаил был не только отозван с Незнани, но и отправлен царем в Новгород Великий. Борьба за первенство внутри клана князей Шуйских началась.

Племянник царя получил жестокий урок. В дальнейшем он позаботился о том, чтобы обеспечить себе свободу действий и избежать произвола самодержца.

Царь Василий передал войско Скопина под начальство своего брата Ивана. 22 сентября 1608 г. князь Иван вступил в бой с неприятелем под Рахманцевом в окрестностях Москвы. Его ратники обратили в бегство полки Микулинского, Вилямовского и Стравинского. В центре они охватили полк Яна Сапеги и завладели всей его артиллерией. Гетман едва избежал плена. Воеводы считали, что противник разгромлен, и не ожидали контратаки. Между тем Сапега вырвался из окружения и бросил в атаку две гусарские роты. Их атака решила исход битвы. Победа обратилась в поражение. Иван Шуйский трусливо бежал с поля боя. Передовой полк воеводы Ромодановского

выстоял. Но он не получил помощи от большого полка и был разбит. Литовцы преследовали московские полки на протяжении четырех миль.

Ответ за поражение Шуйскому пришлось держать перед боярами и всем миром. Дума требовала ответить, как случилось, что крупные отряды литовской армии оказались под стенами Москвы. Царю были поставлены определенные условия. Он должен был добиться вывода литовских ратных людей из России не позднее 1 октября. Если царю сделать это не удастся, он должен «оставить государство».

Царь Василий приложил все усилия, чтобы выполнить требование бояр. В соответствии с мирным договором, подписанным польскими послами в Москве, король Сигизмунд III должен был отозвать своих подданных с территории России. Но Ружинский не собирался выполнять условия договора. Литовцы продолжали громить войска царя Василия и разорять страну.

Первая осадная зима принесла тяготы и нужду московскому населению. Враги царя решили использовать момент и совершить переворот. Заговор возглавили князь Роман Гагарин-Стародубский, вождь рязанских дворян Григорий Сумбулов, московский дворянин Тимофей Ильин. Заговор был хорошо подготовлен.

25 февраля 1609 г. дворяне проникли в Кремль и ворвались в думные палаты, где заседала Боярская дума. Придя «в Верх к бояром, — повествует летописец, — и начаша говорить, чтоб царя Василия переменить». Гагарин и его сообщники надеялись свергнуть царя, склонив на свою сторону Боярскую думу. Думе надо было всего лишь подтвердить свое прежнее решение об отрешении Шуйского от власти в случае, если к 1 октября он не добьется вывода иноземных войск из страны.

Летописец уверяет, что бояре «отказаша» Гагарину. Правда заключается в том, что дума не выступила на защиту Шуйского и не приняла мер для подавления бунта. Вместо энергичных действий члены думы поспешно разъехались по своим дворам.

Гагарин с дворянами не были обескуражены. Из дворца они отправились в Успенский собор, где шло богослужение. За-

брав патриарха Гермогена из храма, заговорщики «ведоша его на Лобное место», где уже собралась большая толпа. Мятежники объявили владыке, что восстали на Шуйского за его тайные казни: «и топере, де, повели многих, нашу братию сажать в воду, за то, де, мы стали».

Патриарх вступил в спор с мятежниками и постарался убедить народ, что царь Василий не собирается никого казнить.

Гагарин и дворяне отнюдь не были сторонниками «царя Дмитрия», в противном случае они заявили бы, что Шуйский отнял трон у «прирожденного государя». Заговорщики же толковали, что Василий не был избран всей землей. Им и в голову не пришло выпустить из тюрьмы арестованных агентов Лжедмитрия II.

Взывая к патриотизму жителей столицы, патриарх заявил, что государь избран Московским государством, которое всегда все «государства Русской земли слушали». Что касается кровопролития, оно есть кара Божья русским людям за грехи, особенно за измену законному государю.

Речь Гермогена утихомирила толпу. Глава церкви поспешил покинуть площадь и укрылся на своем подворье.

Царь Василий был выкрикнут царем на площади. Гагарин и дворяне намеревались низложить государя тем же способом. Гермоген помешал им выполнить их план. Мятежники пытались вызвать на площадь бояр. На их призыв откликнулся один князь Василий Голицын. Он наблюдал за происходящим, но в дело не вмешался.

По словам Гермогена, кроме Гагарина с товарищами, на площади объявились тушинские эмиссары, которые «учали честь грамоту, писано ко всему миру из литовских полков от русских людей» с призывом свергнуть царя Василия. Однако сторонники Шуйского успели вызвать в Кремль войска из лагеря на Ходынке.

Царь решился наконец выйти к народу. Он поклялся на кресте, что через три недели на помощь Москве придут рать его племянника Скопина и войско Федора Шереметева. Обещание было неисполнимо, но толпа послушала монарха и разошлась.

Гагарин и его сообщники бежали в Тушино после провала мятежа. С ним в «воровской» лагерь пробрались царские лазутчики.

Вскоре в столице произошли новые волнения. 2 апреля собравшийся на площади народ потребовал отречения царя Василия, не желая далее терпеть трудности осадного времени. К народу вышли несколько думных бояр и купцы, представлявшие посадскую общину. В феврале — марте царь поклялся, что Скопин окажет помощь столице через три недели. Обещание не было выполнено. Но в начале апреля думные люди зачитали толпе грамоты от Скопина и Шереметева о выступлении в поход на Москву. Толпа дала себя уговорить.

В марте царь объявил, что прощает всех участников заговора, как уехавших с Гагариным к «вору», так и оставшихся в столице. Князь Гагарин уже в начале мая 1609 г. вернулся в Москву. За попытку государственного переворота и измену его надлежало пытать и казнить. Но он явился с «повинной», и его встретили с распростертыми объятиями.

Во время новых волнений в Москве 5 мая Гагарин выступил перед народом с горячей речью. Он засвидетельствовал, что «Дмитрий» — «прямо истинной вор», и призвал москвичей не прельщаться «на дьявольскую прелесть». Он сказал также, что виновник беды — литовский король — хочет поправить православную веру. Его выступление помогло успокоить народ, но ненадолго.

Положение в государстве быстро ухудшалось, и от царя отворачивались даже его ближайшие сподвижники.

Татищев и Скопин были самыми решительными и отважными среди заговорщиков, свергших Расстригу. Оба были удалены из столицы в Новгород Великий. Когда к Новгороду подошли тушинцы, Татищев просил Скопина послать его с «посыльным отрядом» на Московскую дорогу против «воров». В этот момент князю Михаилу донесли, будто Татищев «идет для того, что хочет царю Василью изменить».

Получив донос в конце 1608 г., боярин Скопин избавился от «предателя» без суда и следствия. Воспользовавшись тем, что в Новгороде не прекращались волнения, Скопин выдал Та-

тищева на расправу толпе. При этом он объявил «вину его вслух всем людям».

Поборами и притеснениями воевода Татищев успел навлечь на себя ненависть населения. Слова Скопина пали на готовую почву. Толпа возопила: «Да извергнется такой от земли!» Татищев был мгновенно растерзан, труп брошен в Волхов.

Страшная расправа над Татищевым произвела сильное впечатление в Москве. Встревожились прежде всего лица, принадлежавшие, как и Татищев, к кругу ближайших советников государя. В этом круге возник заговор, во главе которого стал дворецкий боярин Иван Крюк Колычев. Заговорщики намеревались совершить переворот в Вербное воскресенье — 9 апреля 1609 г.

Во время торжественного въезда патриарха в Кремль царь вел «ослять» под владыкой. Мятежники надеялись, что в суете стража будет оттеснена от государя и его удастся убить. Волнения в столице вспыхнули за неделю до назначенного дня, что спутало планы заговорщиков.

Дворецкого Ивана Крюка Колычева погубил донос чашника Василия Бутурлина. На протяжении двух десятилетий Колычев был едва ли не самым верным сторонником Шуйских. По словам Исаака Массы, в народе Крюк пользовался большим уважением. Заговор угрожал жизни монарха, и тот не пощадил прежнего любимца. Воеводу вывели на Пожар и казнили.

Заговор был обезглавлен, но сообщники Крюка не отказались от своих намерений. 6 мая Сапега получил весть о новых волнениях в Москве. Тотчас после этого в Тушино бежал молодой подьячий Чубаров, служивший в Судном приказе. Он сам знал немного и не мог ответить на простейшие вопросы, заданные ему в Тушине. Однако перед побегом Чубаров имел беседу с участником заговора сыном боярским Саввой Таракановым. Этот человек, видимо, и послал молодого подьячего к «вору» с важными вестями.

Савва поведал Чубарову, что «из их думы» казнен Колычев, который был на пытке, но «ни на кого из них не говорил,

потому одного и казнили»; «и она же своим старым заговорам умышляют и хотят его (царя Василия. — *Р.С.*) убить на Вознесеньев день из самопала». Итак, уцелевшие участники заговора отложили покушение на последнюю декаду мая. Тараканов подтвердил, что в заговоре с Колычевым состояли бояре, дворяне и посадские торговые люди.

Секретари Сигизмунда III в январе 1610 г. записали в Дневнике: «...в самой Москве русским стало ненавистно правление Шуйского. Множество бояр, а мир чуть ли не весь, хотели иметь князем Голицына, пока не узнали о нашествии короля». Вторжение началось в сентябре 1609 г., а значит, приведенное известие относилось к весне — лету 1609 г. По всей вероятности, именно Голицын был главным сообщником Колычева. Крюк был женат на княжне А.А. Голицыной. Не Голицыну ли заговорщики намеревались передать корону?

Василий Голицын отличался честолюбием и неуемной энергией. «Это весьма беспокойная голова, — писал о нем современник, — нрав тиранский, сердце изменническое, а жизнь дурная, безбожная. Он хотел бы поскорее видеть себя царем». Шуйский не стал распутывать клубок измены, так как не хотел множить раздоры с боярами.

В период гражданской войны система управления утратила некоторые черты, свойственные самодержавному образу правления. Подданные могли призвать монарха к ответу, открыто заявить о своих требованиях, обсуждать вопрос об отрешении государя от власти.

И московский государь, и «тушинский вор» старались любыми средствами привлечь на свою сторону высшие сословия. До Тушина было рукой подать, и немало дворян бежали к «вору» в поисках богатства и чести. Лжедмитрий II жаловал перебежчиков и выдавал им грамоты на земли. Щедрый на обещания, «царек» не имел денег, чтобы хорошо платить перебежчикам. Обманутые в своих надеждах, беглецы возвращались в столицу. Случалось, что тушинские «перелеты» по несколько раз переходили от царя к «царьку» и обратно. Ни беглецы, ни их родня не подвергались преследованиям в Москве. «Перелеты», будучи государственными преступниками, нисколько

не боялись того, что с их плеч слетит голова. Бессилие власти плодило измену.

В течение полувека род Шуйских-Суздальских дал России ряд выдающихся полководцев. В их числе были покоритель Казани князь Александр Горбатый, герой Псковской обороны князь Иван Шуйский. Молодой Андрей Шуйский доказал свою храбрость в боях со шведами.

Горбатый был убит Грозным, а Иван Петрович и Андрей Иванович Шуйские — Борисом Годуновым, Скопин отправлен дядей в Новгород накануне решающего сражения. Не чувствуя склонности к военным подвигам, царь Василий передоверил высшее военное руководство бездарным братьям.

ПОЛЬСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Повторное «спасение» мнимого сына Грозного воскресило тени опричнины. Самозванец охотно принимал в свою «думу» выходцев из старых опричных фамилий. Лев Салтыков был опричным дворецким. Михаил Салтыков стал фактически главой тушинской думы. Михаил Черкасский числился первым боярином из опричнины. Князь Дмитрий Черкасский стал видной фигурой в «воровском» лагере. Трубецкие возглавляли «двор» Грозного. Князь Дмитрий Трубецкой получил боярство от «вора». Басмановы-Плещеевы учредили опричнину. Плещеевы слетелись в Тушино стаяй. Боярство получили Федор Плещеев, Иван Глазун-Плещеев, окольниковство — Михаил Колодкин-Плещеев. Видную роль в опричнине и на «дворовой» службе играли Нагие, Бутурлины и Годуновы. Андрей Нагой, Михаил Бутурлин и Иван Годунов числились боярами «вора». Один из Наумовых был опричным постельничим. Иван Наумов заслужил у Лжедмитрия II боярство.

Ситуация складывалась столь неблагоприятно для царя Василия, что «воровские» бояре имели шанс овладеть всем Московским царством.

Иноземное наемное войско, ядро которого составляли польские гусары, неоднократно брало верх над московским

дворянским ополчением. Но содержание наемников требовало огромных средств.

В начале 1609 г. сейм Речи Посполитой должен был обсудить вопрос о вторжении в Россию. На сейм прибыли послы наемного войска из Тушина. В их инструкциях имя «царя Дмитрия» вовсе отсутствовало. Войско называло самозванца «тем, которого они (московиты. — Р.С.) теперь носят на руках, которого мы (солдаты. — Р.С.) выдвигаем на престол Московский».

Мнишек вызвался руководить действиями тушинских послов в Польше, за что Лжедмитрий II заплатил ему 3000 рублей, а «царице» Марине «пожаловал» удельное княжество Калужское. В апреле Лжедмитрий II выслал Юрию Мнишеку жалованную грамоту на города Северской и Смоленской земель, в свое время обещанные сенатору Отрепьевым.

Сигизмунд III выслушал послов от тушинского наемного войска. Вместе с послами от «рыцарства» в Польшу прибыл Лопухин и другие послы от Лжедмитрия II. Король отказал им в аудиенции и приказал выпроводить из Речи Посполитой.

Окружавшие Лжедмитрия II поляки с презрением отзывались о его образе жизни, достоинствах и привычках. В королевском Дневнике, который вели секретари Сигизмунда III, можно найти яркую характеристику «обманщика»: «...он человек ничтожный, необразованный, без чести и совести, страшный хульник, пьяница, развратник... не бывает ни на каком богослужении»; «у него после побега нашли Талмуд».

Конечно, жизнь во «дворце» не прошла для шкловского учителя даром. Он быстро усвоил привычку к роскоши. Гетман Жолкевский пренебрежительно именовал обманщика «этот франт». «Вор» не жалел денег на изукрашенные камнями и золотом одежды и собольи шубы.

Траты самозванца вызывали раздражение наемных солдат. По их расчету, «государь» задолжал им 5 миллионов рублей, или 17 миллионов злотых. 1 февраля 1609 г. солдаты подняли бунт. Они потребовали у «царька» выплаты всех заслуженных денег, грозя ему расправой.

Для переговоров с войском самозванец направил своих думных людей Григория Шаховского, Михаила Салтыкова и

Федьку Андропова. Попытки выяснить, сколько денег наемники собрали с отведенных им территорий, ни к чему не привели. Столкнувшись с угрозой прямого бунта, «царек» стал «жалобен». «Если б я и хотел, — заявил он, — то неоткуда мне взять денег на уплату жалованья вашим благородиям, потому что вы все взяли у меня из рук! Мне самому еле хватает на пищу!»

Самозванец порывался тайно бежать из лагеря, но за ним бдительно следили и пресекали все действия.

Собрав войсковое коло, наемники избрали из своей среды десять депутатов — «децемвиров». Они должны были в течение трех недель собрать начисленную сумму. Децемвиры не могли исполнить это решение. Но они установили жесткий контроль за доходами и расходами самозванца.

Почувствовав опасность, Лжедмитрий II стал готовиться к побегу из Тушина. Однако его слуга выдал замыслы «вора» Ружинскому. Польское командование отдало приказ о взятии «самодержца» под домашний арест.

Контроль децемвиров резко ограничил права «воровской» думы, приказов и уездных тушинских воевод. Эволюция тушинского движения завершилась. «Воровской» режим стал декорацией для кровавого режима иноземных завоевателей.

Самозванец контролировал огромную территорию. Но в глазах народа тушинские порядки все больше утрачивали привлекательность. Лжедмитрий II не продержался бы и года, если бы общий хаос не подорвал силы правительства.

Гетман Ружинский и его ротмистры отбросили всякие церемонии и распоряжались во владениях «царька», как в завоеванной стране. Они не домогались ни думных чинов, ни вотчин. Им довольно было реальной власти. Как и повсюду, наемников всерьез интересовала только звонкая монета. Самозванец не мог оплатить им «наем» и выдавал грамоты на кормление и сбор налогов.

Без поддержки низов самозванец никогда бы не добился успеха. Но настроения масс стали меняться, когда выяснилось, что за спиной «царька» стоят иноземные захватчики. На собственном опыте народ убеждался в том, что литовские люди и

тушинские воеводы несут ему еще худшие притеснения, чем старая власть.

Литва и поляки разбирали города в кормления — «приставства». Солдаты забирали у крестьян лошадей, подчистую вывозили из деревень хлеб и фураж. Сбор провианта и податей сопровождался неслыханным произволом. Тушинская власть была бессильна установить на подвластных ей территориях какой бы то ни было порядок, защитить население от грабежа и разбоя. Сохранилось множество челобитных от детей боярских, крестьян, посадских людей с жалобами на грабежи, истязания и убийства и с мольбами о защите от панов, солдат и казаков из Тушина. Произвол, насилия и убийства носили повсеместный характер. В дневниках поляков можно встретить описания того, как шайки польских мародеров и русских тушинцев нападали на попов, на детей боярских, на деревни, оставляя после себя множество мертвых тел на дорогах.

Насилия вызвали отпор со стороны народа. В Вологде тушинское владычество продержалось несколько недель. Воложан поддерживали жители Галича и Костромы, Двины и Поморья. Ян Сапега нанес поражение полкам князя Ивана Шуйского, но надолго застрял под стенами Троице-Сергиева монастыря. Обеспокоенный событиями на севере, Сапега поручил Лисовскому усмирить восставшие местности. «Лисовчики» заняли Галич, но успех их был непрочен. Получив поддержку царских воевод, городские ополчения очистили Поволжье и в апреле — мае 1609 г. отбросили отряд Лисовского прочь от Ярославля.

Царь Шуйский, запертый в Москве как птица в клетке, не мог использовать наметившийся успех. Пассивная и бездеятельная власть не внушала никому ни страха, ни уважения. Утратив опору даже в ближайшем окружении, царь Василий стал возлагать надежды на помощь извне. Три года король Карл IX слал в Москву гонцов с предложениями направить в Россию воинские силы. Его хлопоты наконец увенчались успехом.

28 февраля 1609 г. посольство от князя Михаила Скопина и представители шведского короля подписали в Выборге союзный договор. Король обязался прислать в помощь Москве

наемное войско — 3000 пехоты и 2000 конницы. Царская казна брала на себя содержание армии. Жалованье наемников было определено в 32 000 рублей ежемесячно. Взамен шведы потребовали от русских территориальных уступок. Скопин обязался передать шведам крепость Корелу с уездом.

Царь Василий рассчитывал на помощь обученной и закаленной в боях шведской армии. Однако Карл IX планировал разгромить поляков в России, избежав больших потерь. Его вербовщики обшарили задворки всей Европы. Они нанимали немцев, французов, англичан, шотландцев и спешно переправляли их на русскую границу, где они переходили на содержание царя.

10 мая 1609 г. Скопин покинул Новгород. С ним было до 3000 русских воинов и 5-тысячный шведский корпус. Тушинцы пытались остановить Скопина под Тверью, но были разгромлены.

Наемники тотчас потребовали вознаграждения. Не получив денег, они немедленно взбунтовались и ушли к границе. В армии Скопина осталось 300 шведов. Позже число их возросло до тысячи.

Опираясь на земское движение, Скопин развил наступление. Отряды воинских людей стекались к нему со всех сторон. В Торжке воеводу ждала 3-тысячная смоленская рать. Вслед за тем в его армию влились отряды из Ярославля, Костромы и поморских городов. Численность полков Скопина возросла до 15 000 человек.

К северу от Москвы главным центром сопротивления тушинцам оставался Троице-Сергиев монастырь. Обитель была обнесена мощными стенами с высокими башнями. Гарнизон насчитывал более 2000 бойцов, включая 700 дворян и сотню стрельцов. В обороне крепости участвовали монахи, а также крестьяне из окрестных деревень. Защитники монастыря принимали частые вылазки, нанося чувствительные удары противнику.

Прошел год. В ходе непрерывных боев гарнизон понес огромные потери. Запасы пороха подошли к концу. Защитников монастыря косили моровая язва и цинга. Численность гарни-

зона сократилась до нескольких сот человек. Слабые духом призывали сдать крепость неприятелю.

Пережившая осаду инокиня Ольга — Ксения Годунова писала: «От скорби я еле жива и, вероятно, больна, как и все здешние монашки. Мы... ежечасно ждем смерти, ибо среди нашего гарнизона царит великое колебание и измена... за грехи наши здесь свирепствует моровая язва: всех мучат тяжкие, смертные страдания. Ежедневно хоронят от двадцати до тридцати и больше покойников. Да и те, что живы, совсем ослабели и как будто без ног». Измена была подавлена воеводой. Из Москвы прибыли подкрепления. Оборона монастыря длилась 16 месяцев. Историю обороны подробно описал на страницах «Сказания» келарь монастыря Авраамий Палицын, участник событий.

Сохранилось письмо некоего Авраамия гетману Сапеге. Автор письма монах выражал готовность признать «царя Дмитрия». Подозревают, что письмо написал Палицын. Однако подозрения подобного рода беспочвенны. Автор письма называл себя архимандритом и писал гетману из Москвы. Авраамий Палицын никогда не был архимандритом и во время осады находился в обители.

Архимандрит советовал Сапеге продолжать осаду Троицы и сообщал, что москвичи «сидеть не хотят долга в осаде, на Москве обряд будет Шуйскому скоро». В слове «обряд» звучала ирония: инок подразумевал скорое свержение царя Василия.

Приближение армии Скопина вызвало тревогу в литовском стане под Троицей. Сапега попытался разгромить Скопина в районе Калязина, но потерпел поражение в ходе двухдневного сражения 18—19 августа 1609 г.

Успех Скопина не привел к решительному перелому в ходе военных действий из-за того, что международное положение России катастрофически ухудшилось. Страна подверглась нападению со стороны крымских татар, а затем Речи Посполитой.

После смерти Лжедмитрия I Шуйский направил в Крым посла, с тем чтобы возобновить мирные отношения с ханом. Но посол был захвачен повстанцами и казнен в Путивле. Вос-

стояние в южных городах прервало русско-крымские дипломатические сношения. С весны 1609 г. Крымская орда пришла в движение. В июле наследник хана Джанибек с многотысячным войском вторгся в русские пределы. Прежде татары, осуществив грабительский набег, быстро уходили в степи. На этот раз они продвигались к Москве не спеша, сжигая по пути села и забирая в полон русское население. Разгромив Тарусу, крымцы перешли Оку. Их отряды появились в окрестностях Серпухова, Коломны и Боровска.

Положение в Москве было неустойчивым, и царь Василий Шуйский попытался скрыть от народа правду о крымском вторжении. В грамотах к городам он объявил, будто татары прибыли на Русь как союзники, чтобы помочь против короля.

Население разоренных пограничных поселений громко проклинали царя, призвавшего «поганных» и тем погубившего собственную землю.

Ружинский окопался в Тушине у западных стен столицы. Ян Сапега удерживал позиции на севере под Троице-Сергиевым монастырем. Крымские татары подбирались к Москве с юга.

В такой ситуации Сигизмунд III и его окружение решили начать открытую интервенцию против Русского государства. Найти повод к войне не составляло труда. Король использовал в качестве предлога русско-шведское сближение. Царь Василий рассчитывал с помощью шведов разгромить Тушинский лагерь и изгнать с русских земель иностранных солдат. Однако русско-шведский союз задел личные интересы короля.

Сигизмунд III занял польский трон, будучи наследником шведской короны. После смерти отца, шведского короля Юхана III, он присвоил его титул. Но личная уния между Речью Посполитой и Швецией продержалась недолго. Карл IX сверг Сигизмунда III и занял шведский престол. Началась польско-шведская война из-за Ливонии. Сигизмунд считал дядю узурпатором и надеялся вернуть себе шведский трон.

Союз между Карлом IX и московским царем нанес удар по династическим претензиям Сигизмунда, и он не колеблясь принес государственные интересы Польши в угоду навязчивой

идее. Увязнув в войне с Россией, Речь Посполитая в конце концов не смогла противостоять шведам в Ливонии.

Завоевательные планы Сигизмунда и его стремление к неограниченной власти вызвали сопротивление в польском обществе. Чтобы убедить общественное мнение в необходимости московской войны, королю пришлось прибегнуть к услугам публицистов.

Некто Павел Пальчевский напечатал сочинение с призывом к немедленному завоеванию Русского государства. Шляхта, утверждал он, освоит плодородные русские земли с такой же легкостью, с какой испанские конкистадоры колонизовали Новый Свет. В завоеванной стране будут созданы военные колонии «наподобие римских». Шляхта получит обширные владения. Русским дворянам останутся небольшие поместья. Русские — христиане лишь по названию, а потому на них надо идти «крестовым походом».

Король и его окружение лелеяли планы грандиозных завоеваний, но у них не доставало средств для их осуществления. Польская шляхта отнеслась к планам «крестового похода» без всякого энтузиазма. Никто не выражал таких сомнений и опасений по поводу затеянной авантюры, как коронный гетман Жолкевский. По всей Речи Посполитой, в народе и даже среди сенаторов, предупреждал гетман, многие не одобряют этой войны и считают, что король стремится извлечь выгоду лично для себя, а не для Речи Посполитой. Жолкевский не разделял сумасбродных идей о колонизации России и высказывался за соглашение с русской знатью и за унию двух государств.

Польские послы, вернувшиеся из Москвы, уверяли Сигизмунда III, что знатные бояре готовы передать ему царский трон и заключить династическую унию. Сведения аналогичного характера поступали из самых разных источников.

Литовский канцлер Лев Сапега советовал королю начать с завоевания Смоленска. Он утверждал, что крепость сама откроет ворота, стоит постучать в них. В сентябре 1609 г. отряды Льва Сапеги подошли к Смоленску. Несколько дней спустя к нему присоединился Сигизмунд III. Королевская рать насчитывала немногим более 12 000 человек. В ней было больше

кавалерии, чем пехоты. Артиллерийский парк включал не более полутора десятка орудий. Сигизмунд III готовился к легкой военной прогулке, но никак не к осаде перwokлассной крепости.

Один из самых древних русских городов, Смоленск в начале XVI в. вошел в состав Русского государства. Через Смоленск проходили торговые пути, связывавшие Россию с Западом. На его посадах располагалось, по словам современников, до 6000 дворов. Население превышало 20 000 человек.

Смоленск служил ключевым пунктом всей русской обороны на западе. В правление Бориса Годунова город был обнесен мощными каменными стенами. Строительством их руководил замечательный русский архитектор Федор Конь. Годунов сравнивал новую крепость с драгоценным ожерельем, надежно защищающим Русскую землю. Смоленские стены имели протяженность почти 6 верст, а их толщина превышала 5 метров. В состав смоленского гарнизона входило не менее 1500 стрельцов. С началом военных действий воевода призвал к оружию посадских людей. Днем и ночью караулы на стенах крепости несли 1862 человека горожан, вооруженных ружьями и саблями. В Смоленске было без малого 1200 дворян.

Со времен войны с первым самозванцем московское командование собрало в Смоленске огромные запасы продовольствия и пороха.

Затеяв поход на Смоленск, Сигизмунд III особым универсалом объявил, что он сжалился над гибнущим Русским государством и только потому идет оборонять русских людей. Король повелевал смолянам отворить крепость и встретить его хлебом-солью.

Жители Смоленска отвечали, что скорее сложат свои головы, чем поклонятся ему. Началась беспрецедентная двадцатимесячная оборона города.

12 октября королевская армия предприняла штурм Смоленска. Солдаты бросились на приступ с двух сторон. Им удалось разрушить Авраамиевские ворота, но все попытки ворваться внутрь крепости были отбиты. Неприятелю пришлось перейти к длительной осаде. Наемники подвели мины под кре-

постную стену. С помощью подкопа смоляне нейтрализовали угрозу. Они тревожили неприятельский лагерь частыми вылазками. Среди бела дня кучка храбрецов переправилась из Смоленска за Днепр, захватила вражеский штандарт и благополучно вернулась назад.

Тем временем армия Михаила Скопина продолжала медленно продвигаться к Москве, очищая от тушинцев и поляков замосковные волости и города. Соперничавшие гетманы Ружинский и Ян Сапега осознали опасность и решили объединить силы, чтобы положить конец успехам Скопина. Они предприняли наступление на Александровскую слободу, занятую воеводой, но потерпели неудачу.

Вторжение войск Речи Посполитой побудило Москву искать более тесного союза со Швецией. 17 декабря 1609 г. царь заключил со шведами новое соглашение, предусматривавшее оплату дополнительной военной помощи со стороны Швеции, а также возможность новых территориальных уступок со стороны России.

Король Сигизмунд надеялся одним ударом пробить брешь в русской обороне и закончить войну в короткий срок. Мощь России была подорвана гражданской войной. Но ее армия отразила нападение королевской рати.

РАСПАД ТУШИНСКОГО ЛАГЕРЯ

Воеводы Лжедмитрия II сдавали город за городом. Неудачи посеяли раздор в Тушинском лагере. «Боярская дума» «вора» раскололась. Одни ее члены затеяли тайные переговоры с Шуйским, другие искали спасения в лагере интервентов под Смоленском.

Наемники не прочь были вернуться на королевскую службу, но им мешала алчность. Наемное воинство и слышать не желало об отказе от «заслуженных» миллионов. В конце 1609 г. самозванец вместе с Мариной уныло наблюдал из окошка своей избы за «рыцарством», торжественно встречавшим послов Сигизмунда III. Послы не удостоили «царька» даже визитом вежливости.

Тушинские ротмистры и шляхта утверждали, будто они, служа «Дмитрию», служили Сигизмунду, отстаивали его интересы в войне с Россией. Поэтому они требовали, чтобы королевская казна оплатила их «труды», и тогда они немедленно отправятся в лагерь под Смоленском. Переговоры зашли в тупик.

Воспользовавшись моментом, в Тушино тайно пробрался Адам Вишневецкий, «маршалк» Лжедмитрия II. Встреча закончилась попойкой. На радостях «царек» подарил «старому другу» саблю, коня с богатой сбруей и белую парадную одежду, украшенную соболями и жемчугом. Весть об этом вызвала возмущение солдат. Ружинский выставил дверь царской избы и стал бранить князя: «Что ты тут делаешь, лгун? Берешь за свои сплетни наши заслуги! Ведь тут у иного кровь льется — сила уходит, и нечего дать никому из нас!» Затем гетман принялся бить палкой пьяного пана Адама, пока палка не сломалась в его руке.

Ружинский обозвал «самодержца» сукиным сыном и бросил ему в лицо: «Черт тебя знает, кто ты такой. Мы, поляки, так давно проливали за тебя кровь, а еще ни разу не получали вознаграждения и того, что нам положено еще». Шкловский бродяга едва избежал побоев.

Переговоры с королевскими послами усугубили раздор между поляками и русскими тушинцами.

Дела в «воровском» лагере шли вкривь и вкось. Ружинский не в силах был держать свое воинство в повиновении. Гетман и прежде не церемонился с «царьком». Теперь он обращался с ним как с ненужным хламом.

10 декабря «вор» предпринял попытку бежать из лагеря. Его сопровождали около тысячи донских казаков и москвитов. Ружинский догнал беглецов и вернул в Тушино. После этого Лжедмитрию II перестали давать лошадей и воспретили прогулки. Однако ему удалось обмануть бдительность стражи.

Испросив коня у своего «боярина», «царек» укрылся у одного из донских атаманов в предместьях. Наемники несли усиленные караулы на заставах, окружавших лагерь со всех сторон. Вечером 27 декабря 1609 г. к южной заставе подъехали казаки с саними. Поверх теса, которым были загружены сани,

сидели несколько человек. Не найдя ничего подозрительного, солдаты пропустили их. Они не знали, что на дне саней лежал, съжившись в комок, «московский самодержец». Он был завален дранкой. Подле «вора» в повозке прятался шут.

Прибыв в окрестности Калуги, Лжедмитрий II обратился к жителям с воззванием. Он жаловался на измену Ружинского, который обещал королю Северскую землю. «Вор» клялся, что не отдаст полякам ни пяди Русской земли, но вместе со всем народом умрет за православную веру.

Гарнизон Калуги тут же открыл ворота и встретил «царя» хлебом-солью.

Едва в Тушине распространилась весть об исчезновении «Дмитрия», как наемники бросились грабить «дворец», растащили имущество и регалии «самозванца». Королевские послы держали своих солдат под ружьем. Их обоз подвергся обыску. Подозревали, что труп Лжедмитрия спрятан в посольских повозках. Пан Тышкевич обвинил Ружинского в том, что тот либо пленил, либо умертвил «царька». Его отряд открыл огонь по палаткам Ружинского и попытался захватить войсковой обоз. Люди гетмана, отстреливаясь, отступили.

Патриарх Филарет и «воровские» бояре забыли о том, что присягали на верность «Дмитрию». Они предали «царька» и выразили готовность поступить на службу к королю. Польские послы зачитали обращение, из которого следовало, что король пришел в Россию «для сохранения государств и русского народа, которому надо лишь отдаться под его покровительство», а «он готов их защитить и снять с них тиранскую неволю». Слушая письмо, тушинские сановники плакали от радости и лобызали королевскую подпись на грамоте. Некоторые из них заявили, что хотели бы видеть на царском троне потомство Сигизмунда III.

Вскоре в Тушине узнали, что «царек» жив и находится в Калуге. Гонец Казимерский привез от него письма к полякам и «царице» Марине. «Вор» попытался перехитрить всех с помощью новых уловок. Он заявлял, что уехал в Калугу на охоту и согласен вернуться в Тушино при условии, что «поляки вновь присягнут ему, а изменившие ему москвиты будут казнены».

В минуту опасности Лжедмитрий II поступил с Мариной совершенно так же, как Отрепьев. В письмах к отцу «царица» жаловалась, что стала никому не нужна: «...никто не может указать мне безопасного места для приличного и спокойного жительства, и никто не хочет посоветовать мне что-либо для моего блага»; «тяжелая скорбь моя, должно быть, сведет меня временно в могилу, что я предпочитаю злорадству всего мира над моим несчастьем».

Оказавшись в безвыходном положении, «московская царица» уведомила Сигизмунда III, что готова отдаться под его власть, и выражала надежду, что он примет ее, а семью «щедро вознаградит». «Это будет служить, — продолжала она, — залогом овладения Московским государством».

Брошенная «вором» на произвол судьбы, Мнишек тщетно хлопотала о спасении своего призрачного трона. Гордая «царица» обходила шатры и старалась тронуть одних солдат слезами, других — своими женскими прелестями. Она «распутно проводила ночи с солдатами в их палатках, забыв стыд и добродетель». Так писал в дневнике ее собственный дворецкий.

Вскоре Марина убедилась, что не все потеряно: многие наемники готовы вернуться под знамена «Дмитрия». Убедившись в этом, «царица» отказалась от дальнейшей переписки с королем.

В Калугу был спешно отправлен пан Тышкевич с посольством. «Самозванец» жаловался ему на козни короля и «измену» Ружинского и главы его «думы» Михаила Салтыкова, которые «явно покушались на его жизнь». Лжедмитрий требовал смещения гетмана Ружинского. Как только «воинство приведет в Калугу Ее величество царицу», заявил шкловский учитель, он тотчас уплатит по 30 злотых на коня. В прежние времена за «царицу» обещали миллион, теперь намного меньше.

Вести, привезенные Тышкевичем, ободрили приверженцев «вора». Они уговорили донских казаков немедленно выступить в Калугу к «царю». Средь бела дня 2000 донцов и 500 татар с развернутыми знаменами покинули лагерь.

Глава Казачьего приказа Заруцкий продолжал преданно служить гетману Ружинскому и тушинским боярам. Будучи

подданным Сигизмунда III, он намеревался вместе с польскими наемными солдатами вернуться на королевскую службу. Рядовые казаки отказались подчиниться ему.

Столкнувшись с неповиновением, «боярин» попытался силой удержать казаков в лагере. Стычки закончились не в пользу Заруцкого.

Атаман привык добиваться своего, какой бы крови это ни стоило. Он предал казаков и заблаговременно уведомил Ружинского об их планах. Гетман вывел в поле конницу и напал на отходивших пеших казаков. Дорога от Тушина до Калуги была усеяна трупами. Сотни, которым удалось пробиться, были разгромлены паном Млоцким.

Наемникам вскоре пришлось пожать плоды учиненной ими бойни. Кровавопролитие ускорило размежевание сил внутри Тушинского лагеря. Сопротивление возглавил ближайший соратник Болотникова атаман Юрий Беззубцев. Пану Млоцкому, посланному в Серпухов, пришлось первому оплатить счет. Жители Серпухова подняли восстание. Казаки Беззубцева, не желавшие переходить на королевскую службу, поддержали их. Отряд Млоцкого подвергся поголовному истреблению. Восстало население нескольких других городов, верных Лжедмитрию II.

Ружинский, Заруцкий и другие вожди Тушинского лагеря громко бранили «царицу московскую», якобы повинную в кровавопролитии. Они объясняли казачий бунт ее происками. Марина опасалась, что гетман бросит ее в тюрьму или отошлет к королю под Смоленск.

«Царица» принуждена была искать спасения в Калуге. Самозванец выслал ей навстречу 3000 казаков, но поляки подстерегли их и разогнали. В ночь на 13 февраля 1610 г. Марина, надев казачье платье, верхом, с двумя слугами и десятком донцов тайно покинула Тушино и отправилась в путь. Но вместо Калужской дороги она попала на Дмитровскую. Тут ее «изловила» стража пана Петра Сапеги. Тот еще в январе отступил в Дмитров. Соперничество Ружинского и Сапеги было на руку «царице». Сапега устроил Марине торжественную встречу.

Покидая Тушино, Мнишек обратилась к польским солдатам с прощальным посланием. Оно было выдержано в патети-

ческом тоне. «Царица» объявляла, что не может более выносить «оскорблений невинности и презрения»; «полно сердце скорбью, что и на доброе имя и на сан, от Бога данный, покушаются! С бесчестными (непотребными женщинами? — *Р.С.*) меня равняли на своих собраниях и банкетах, за кружкой вина и в пьяном виде упоминали».

Скопин нанес поражение Сапеге и предпринял штурм Дмитрова. При обороне крепости отличилась Марина. Видя малодушие солдат, она бросилась на вал с криком: «Злодеи, я женщина, и то не испугалась!»

Сапега не желал отпускать «царицу» из своего стана, но она пригрозила, что будет защищаться от него с преданными ей донскими казаками.

В конце февраля Сапега сжег Дмитров и отступил к границе. Переодевшись в мужское платье, Мнишек (то в санях, то верхом) уехала в Калугу.

Сбор налогов и грабежи позволили Лжедмитрию II пополнить казну. В воззваниях к солдатам он предлагал теперь всем, кто вернется на службу, по 40 злотых на коня сразу по прибытии в Калугу. Воззвания возымели действие. Весной солдаты подняли мятеж и толпами стали перебираться к «царьку». Толковали, что это Марина «взбунтовала воинство пана Сапег», еще будучи в Дмитрове. Не дойдя до Калуги, польские наемники остановились на Угре и потребовали деньги. С согласия короля к ним явился гетман Сапега. Фактически он стал во главе всего калужского войска.

Самозванец и Марина горячо благодарили Сапегу, закрывая глаза на его подлинные цели. Для короля военная ситуация приобрела критический характер, и он старался использовать «воровскую» рать в своих целях. Дважды Сигизмунд посылал в Калугу посредников с предложением отправить в лагерь под Смоленск посольство для заключения союзного договора. В июле Лжедмитрий II выразил согласие заключить тесный союз с Речью Посполитой. Но к тому времени обстоятельства переменились.

В Тушине эмиссары Сигизмунда III продолжали переговоры с Филаретом и русскими тушинцами. Авантюра близилась к

бесславному концу, и «воровские» бояре готовы были пуститься во все тяжкие, лишь бы продлить игру. По словам очевидцев, тушинцы — «как духовенство, так и бояре — целыми группами, в присутствии панов, целовали крест его величеству королю».

Однако тушинская дума не решилась объявить о переходе в подданство короля-католика. В глазах русских людей государь был прежде всего главой православного царства. Патриарх и «воровская» дума благодарили Сигизмунда III за милость, но сообщали, что при всем желании видеть на Московском государстве короля с его потомством они не могут решить столь важного дела без совета всей земли.

Как только самозванец бежал из лагеря, Филарет и бояре между собой тотчас договорились и вошли в соглашение с польско-литовскими командирами, что им не отъезжать «к Шуйскому и Михайле Скопину», а также ни Шуйских, ни иных бояр московских «на государство не хотеть».

Некогда Василий Шуйский, стремясь избавиться от первого самозванца, предложил московский трон сыну Сигизмунда III. Тушинцы возродили его проект, чтобы избавиться от самого Шуйского. Идея унии России и Речи Посполитой, имевшая ряд преимуществ в мирных условиях, приобрела зловеющий смысл в обстановке интервенции. Тысячи вражеских солдат осаждали Смоленск, вооруженной рукой захватывали русские города и села. Надеяться на то, что избрание польского королевича на московский трон положит конец иноземному умножению, было чистым безумием.

Тушинский лагерь распадался на глазах. Но патриарх и бояре по-прежнему пытались изображать правительство. В течение двух недель тушинские послы — боярин Михаил Салтыков с сыном, князь Василий Мосальский, князь Юрий Хворостинин, Лев Плещеев, Михаил Молчанов и дьяки — вели переговоры с королем в его лагере под Смоленском. Предлагая возвести на царский трон королевича, Михайла Салтыков «с плачем» говорил о необходимости сохранить в неприкосновенности православную веру и традиционные порядки Московского государства, а его сын высказывал надежду, что король умножит «права и вольности» народа.

Статьи об унии, представленные тушинскими послами, не сохранились. Но известен «отказ» (ответ) короля на эти статьи, датированный 4 февраля 1610 г. Этот документ был вручен тушинцам, а также распространен в Речи Посполитой и отправлен боярам в Москву. Сигизмунд III согласился с тем, что Московское царство, вступив в тесный военный союз с Речью Посполитой, сохранит полную автономию.

Русские статьи соглашения предусматривали, что Владислав Жигимонтович «произволит» принять греческую веру и будет коронован Московским патриархом по православному обряду. Ответ короля на этот пункт боярских «статей и просьб» носил двусмысленный характер. Сигизмунд не принял никаких обязательств по поводу отказа сына от католичества.

По тушинскому проекту Владислав должен был править Россией вместе с Боярской думой и священным собором. Потрясения Смутного времени раздвинули рамки земской соборной практики. Русским людям казалось теперь невозможным решать дела без соборов. Королевичу вменялось в обязанность совещаться по самым важным вопросам с патриархом, высшим духовенством, боярами и со «всей землей». Под «всей землей» тушинцы понимали прежде всего дворянство и торговые верхи.

Составители договора ни разу не упомянули о «московских княженицких родах». Подобное умолчание объяснялось тем, что княжеская знать, включая суздальских князей, в массе сохраняла верность династии Шуйских.

Тушинцы проявляли заботу о разоренных дворянах и осторожно отстаивали принцип жалования «меньших станом» (мелких детей боярских) по заслугам. Владислав не должен был «никого поневоле» выводить из Московии в Польшу. Русским дворянам разрешалось ездить для получения образования в другие государства. Договор гарантировал им сохранность поместий и «животов».

Тушинские бояре отстаивали незыблемость крепостнических порядков. Они настойчиво рекомендовали Владиславу «крестьянам на Руси выхода не давать», «холопам боярским воли не давать, а служить им по крепостям». Вопрос о будущем вольных казаков оставался открытым.

Филарет Романов одобрил заключенное соглашение и, покинув «воровскую» столицу, отправился в королевский лагерь.

Каким бы ни было содержание смоленского договора, он оставался не более чем клочком бумаги. Король Сигизмунд отказался предоставить тушинцам гарантии его выполнения. Впрочем, надобности в гарантиях не было: тушинское правительство распалось на другой день после подписания соглашения. Салтыков и прочие «послы» остались в королевском обозе под Смоленском. Они окончательно превратились в прислужников иноземных завоевателей. Король использовал договор, чтобы завуалировать истинные цели затеянной им войны и ускорить завоевание пограничных земель.

Смоленский договор окончательно осложнил и без того запутанную обстановку в России. Рядом с двумя царями — законным в Москве и «воровским» в Калуге — появилась, подобно миражу в пустыне, фигура третьего царя — Владислава Жигимонтовича. Действуя от его имени, Сигизмунд щедро жаловал тушинцам земли, ему не принадлежавшие.

В смоленском договоре король усматривал верное средство к «полному овладению московским царством». Однако даже он отдавал себе отчет в том, что военная обстановка не слишком благоприятствует осуществлению блистательных планов. Осада Смоленска длилась уже более полугода. Королевская армия неслала потери, но не могла принудить гарнизон к сдаче. Отряды Ружинского и Яна Сапеги не сумели удержаться в Подмосковье. После кровопролитных боев Ян Сапега отступил из-под стен Троице-Сергиева монастыря к литовскому рубежу. Ружинский сжег Тушинский лагерь и ушел к Волоколамску.

СМЕРТЬ СКОПИНА

Военные успехи князя Михаила Скопина были впечатляющими. Он неуклонно приближался к столице, громя тушинцев. Дворяне не верили в способности неудачливого царя Василия и все больше уповали на энергию и авторитет его племянника.

Прокофий Ляпунов раньше других выразил мысль, которая у многих была на уме. В письме к Скопину-Шуйскому он писал о царе Василии «со многими укоризнами», зато молодого воеводу «здороваше» на царство. По словам поляков, в войске, которое Скопин вел к Москве, его звали «царем».

Свою грамоту Ляпунов отправил Михаилу Скопину в Александровскую слободу. Рать Скопина освободила Александровскую слободу в октябре 1609 г. А это значит, что вождь рязанских дворян пришел к мысли о низложении царя Василия сразу после вступления Речи Посполитой в войну.

По местническим меркам Скопины стояли очень высоко. При обороне Пскова от войск Батория князь Василий Скопин, отец Михаила, числился старшим воеводой крепости, а Иван Шуйский формально ему подчинялся. Лжедмитрий I не мог произвести в бояре девятнадцатилетнего юношу, но пожаловал ему боярский оклад.

Поляк Станислав Немоевский хорошо знал польских секретарей царя и был принят при дворе. Накануне переворота 17 мая 1606 г. он задержался в комнате у «Дмитрия» до часа ночи. Его осведомленность не вызывает сомнений. Согласно дневниковым записям Немоевского, высшие оклады при дворе «Дмитрия» были положены «Шуйским: первому — Михаилу Скопину — 600 рублей, Василию — 600, Дмитрию — 600, Ивану — 500, Татищеву — 300, Воротынскому — 300». Даже не будучи боярином, Скопин числился «первым» из Шуйских и получал такой же оклад, как старший боярин Василий Шуйский и его брат.

Искони государи жаловали первым сановникам царства северные провинции — Вагу, Чаронду, Тотьму и Решму. Ежегодный доход с них составлял 9000 рублей. Царь Василий поделил эти провинции между братом Дмитрием и племянником Скопиным.

Превосходя трех братьев Шуйских знатностью, Скопин обладал неоспоримыми правами на трон. Молва о распрях среди Шуйских распространилась по всей стране. Как заметил псковский летописец, братья государя стали клеветать на Скопина уже в то время, когда воевода находился в Александров-

ской слободе. Василию Шуйскому со всех сторон поступали доносы, что народ хвалит Скопина, «яко достоин сицевый князь и сильный муж и храбрый быти царем».

Военные действия требовали средств, и Скопин должен был позаботиться о финансах. Осада Москвы затрудняла сбор платежей с уездов. Князь Михаил обладал большими возможностями. Известно, что в августе 1609 г. он отправил гонцов в северные города с распоряжением собрать деньги «немецким и крымским ратным людем (союзникам. — Р.С.), сколько кому мочно дать».

Молодой воевода готовился идти прямо к Смоленску, но получил от царя Василия повеление спешить в Москву.

Рязань готова была поднять мятеж против самодержца. Ляпунов помог государю справиться с Болотниковым, за что получил чин думного дворянина. Трезво оценив последствия польского вторжения, Ляпунов пришел к выводу, что страну ждет катастрофа, если Шуйский останется на троне. Чтобы избежать губительных потрясений, Ляпунов предполагал добиться отречения Василия в пользу его племянника Скопина. Передвижка власти должна была пройти внутри династии, в виде законного перехода власти от дяди к племяннику.

Скопин-Шуйский опасался кары царя Василия и велел арестовать посланцев Ляпунова, но затем отпустил их. Боярин под присягой обязался доносить обо всех «лихих» замыслах против государя, о которых узнает. Но он нарушил клятву и ничего не сообщил царю.

Можно указать на многозначительный факт. После занятия Слободы Скопиным царь Василий спешно отправил туда двух своих главных «ушников» (доносчиков) — бояр Ивана Куракина и Бориса Лыкова. Шуйскому не доставало сил для надежной защиты столицы. Тем не менее он отослал из Москвы в Слободу крупный отряд войск. Очевидно, в окружении Скопина нашлись соглядатаи, донесшие государю о грамоте Ляпунова.

Чтобы сохранить власть, Шуйским надо было сберечь единство клана. Донос на Скопина положил начало семейной распре, получившей широкую огласку. В письме Сигизмунду III

от 17 февраля 1610 г. гетман Роман Ружинский сообщал: «Василий Шуйский в распре с Михаилом Скопиным и каждый из них промышляет сам о себе... по имеим мною от лазутчиков уведомления, нетрудно было бы его привлечь на сторону В.К.В.». Ружинский считал желательным пригласить Скопина на королевскую службу, а это значит, что речь шла не о мимолетной размолвке, а о глубоком конфликте.

Король последовал совету Ружинского и 3 марта обратился к Скопину с обширным посланием. Он убеждал боярина свергнуть Василия Шуйского и призвать королевича Владислава. Сигизмунд притворно просил у Скопина разрешения на переворот. «Мы не будем противиться избранию нашего сына на Московское государство, — писал монарх, — если, по воле Всемогущего Бога, это состоится с согласия всей земли, и если ты, князь Михаил Васильевич Шуйский, пожелаешь дать на это разрешение вместе со всеми боярами, окольничими, думными дьяками, дворянами и детьми боярскими»; «мы будем тебя любить и пожалуем тебя нашей королевской милостью, а также одарим всякими наградами, каких только ты сам пожелаешь». По всей вероятности, царю Василию донесли об интригах Сигизмунда III.

Современники отметили, что Скопин не спешил освобождать столицу. Исаак Масса с нескрываемой иронией отзывался о затянувшемся походе: «...против всякого чаяния Москва больше года выдерживала осаду, пока эти освободители подходили к ней и соединялись вместе; неприятель тем временем опустошил всю окрестную страну».

Князь Михаил Скопин медлил с возвращением в столицу не только из-за недостатка сил. При господстве местнических порядков воевода по прибытии в Москву имел мало шансов удержать высшее военное командование в своих руках. В столице ему неизбежно пришлось бы терпеть мелочную опеку со стороны государя, его постоянное вмешательство в военные дела.

Дело не ограничивалось соображениями личной карьеры. У воеводы были все основания бояться, что плоды его побед исчезнут в неловких руках старших Шуйских.

Скопин не простил дяде того, что в дни похода на Незнать тот сместил его и отослал в Новгород перед решающим столкновением.

Царь Василий не лукавил, когда обещал москвичам, что воевода Скопин со дня на день освободит столицу. В критические моменты он не раз посылал боярину настоятельные приказы спешить на выручку «царствующему граду», но добиться послушания от воеводы не мог. Между тем из-за промедления Скопина монарх мог лишиться трона.

Скопин полтора года вел войну по своему плану и разумению, пренебрегая приказами из Москвы. Рознь между царем и его племянником становилась все более заметной. До Александровской слободы было рукой подать. Однако прошло пять долгих месяцев, прежде чем рать Скопина прибыла в столицу.

С наступлением весны князь Михаил Скопин и Яков Делагарди в сопровождении союзной армии торжественно вступили в Москву. 12 марта 1610 г. Скопин ввел к царю шведского полководца, которому в качестве особой милости позволено было явиться в залу с саблей в ножнах.

Столица оказала поистине царский прием герою, что усилило подозрения Шуйского. Оставшись наедине с племянником, царь Василий попытался объяснить с ним начистоту. В пылу семейной ссоры Скопин-Шуйский будто бы посоветовал дяде оставить трон, чтобы земля избрала другого царя, способного объединить страну.

Если все так и было, Скопин сам подписал себе смертный приговор. В роду московских государей мало кто из удельной родни умирал естественной смертью.

В силу своей исключительной знатности Скопин-Шуйский имел право занять трон или по крайней мере получить удельное княжество. Его право было подкреплено выдающимися воинскими заслугами. Но требовал ли Скопин для себя удела, неизвестно.

Авраамий Палицын подчеркивал, что лица из ближайшего окружения государя (в их числе князь Дмитрий Шуйский) всячески интриговали против славного воеводы: «с клятвою подходят в тайных думех самодержца, яко вся земля Росий-

скаа почитают князя Михаила паче тебя, великий царю, еще же и скипетроносца хотят его видети».

Конфликт между Скопиным и монархом был замечен не только поляками, но и шведами, находившимися в столице. Командующий союзным шведским войском Яков Делагарди настойчиво советовал боярину как можно скорее покинуть Москву, видя кругом «ненависть и злобу».

Московское командование спешно готовило армию к решающему сражению с королевскими войсками. На выручку Смоленску должны были выступить главные силы. В соответствии с традицией, главную армию могли возглавить либо сам царь, либо старшие бояре думы. Таковыми были князь Федор Мстиславский и конюший боярин князь Дмитрий Шуйский.

Царю Василию предстоял трудный выбор. Народ чествовал Скопина как героя и ждал, что он будет назначен главнокомандующим. Но было очевидно, что новые победы Скопина неизбежно повысят его шансы на обладание короной.

Братья царя не скрывали тревоги. Царь Василий не имел детей, и его брат Дмитрий готовился использовать это обстоятельство. Чин конюшего боярина, пожалованный Дмитрию, имел особое значение. В качестве «начального боярина» конюший в периоды междоцарствия наделялся особыми прерогативами. По свидетельству папского легата Антонио Поссевино, в Московском государстве конюшие обладали правом выбора царя, когда трон был вакантен. Еще более определенно высказался знаток московских порядков дьяк Григорий Котошихин: «А кто бывает конюшим, и тот первый боярин чином и честью; и когда у царя после его смерти не останется наследия, кому быть царем кроме того конюшего? Иному царем быти некому, учинили бы его царем и без обирания».

Конюший Дмитрий Шуйский надеялся унаследовать трон после смерти брата. Однако стремительная карьера Скопина грозила расстроить его планы. Стоя на городском валу и наблюдая торжественный въезд Скопина, Дмитрий не удержался и воскликнул: «Вот идет мой соперник!»

Дмитрий использовал все средства, чтобы скомпрометировать воеводу. Явившись к монарху, он обвинил Скопина в

стремлении захватить власть и в решении, принятом по собственному усмотрению, о передаче шведам ряда замков и земель в обмен на военную помощь. Такое обвинение затрагивало патриотические чувства народа. Договор, заключенный Скопиным со шведами, предусматривал передачу им Карелии. Покушение на территориальную целостность страны всегда влекло за собой обвинение в государственной измене.

Царь Василий будто бы защищал воеводу. Дело дошло до ссоры, и самодержец якобы ударил брата посохом. Вскоре монарх поручил Скопину и еще двум боярам разработать вместе с Делагарди план предстоящей военной кампании. Шведы потребовали предварительно передать им все обещанные земли. Под этим предлогом Делагарди отказался участвовать в совещании. Демарш шведского главнокомандующего поставил Скопина в затруднительное положение.

Боярская Москва задала в честь Скопина пир, длившийся много дней. В конце апреля после очередного празднества воевода почувствовал себя плохо и вскоре скончался.

На страницах Дневника похода Сигизмунда III под Смоленск находим самое раннее известие о кончине Скопина. 3 мая 1610 г. составитель Дневника пометил: «...жена Дмитрия Шуйского отравила его на крестинах, каким образом, это еще не известно, но он болел две недели и не мог оправиться». Сведения были получены поляками от двух московских детей боярских перебежчиков, прибывших из Можайска.

Князь Михаил умер, согласно панихидной записи Кремлевского Архангельского собора, 23 апреля, а значит, заболел 9 апреля 1610 г. Гетман Жолкевский в Записках воспроизвел версию о насильственной смерти Скопина: он «умер отравленный (как сперва носились слухи) по извещениям Шуйского, вследствие ревности, бывшей между ними». Позднее гетман сделал важную оговорку: «...между тем, если начнешь расспрашивать, то выходит, что он умер от лихорадки». Первые известия Жолкевский получил из тех же источников, что и Сигизмунд III. Но в сентябре 1610 г., по прибытии в Москву, он виделся с Воротынским, Шуйскими и с женой Дмитрия Екатериной. Жолкевский увез братьев Шуйских и Екатерину в Польшу.

В пути он имел возможность подолгу беседовать с ними. Понятно, что пленники старались оправдать себя.

Из «Рукописи Филарета» следует, что Скопин был в доме Воротынского на крестинах его сына: «...разболеся сей храбрый и разсмотрительный воевода князь Михаил Васильевич, и умре, глаголют убо неции, яко отравлен бысть, на крестинном пиру, у князя Ивана Михайловича Воротынского, егда крести сына своего Алексея, от князя Дмитриевы жены Ивановича Шуйского, от княгини Екатерины, в вине на перепиванье. И тако едва дойде до монастырню пазуху, потом пустился руда из носа и изо рта...» В окончательной редакции «Рукописи Филарета» все сведения об отравлении Скопина были тщательно вычеркнуты.

Если верить русским источникам, дочь Малюты Екатерина Скуратова поднесла князю Михаилу кубок вина с ядом «на перепиванье», когда гость основательно перепил.

Некогда такой вид смерти царь Иван IV выбрал для своего двоюродного брата князя Владимира Старицкого, последнего из членов династии, который мог оспорить трон у царских сыновей. По его приказу Малюта Скуратов, отец Екатерины, поднес князю Владимиру чашу с отравленным вином.

Может быть, Скопин не выдержал многодневных пиров в свою честь и умер с перепоя? Такое предположение сомнительно. Князю исполнилось 24 года, и он был в расцвете сил. Молодой человек был рослым и обладал недюжинной физической силой. Для умершего не сразу нашли подходящий гроб, так как даже самые большие из готовых гробов оказались малы.

Почувствовав себя плохо, Скопин сумел добраться до монастыря, где к нему были вызваны немецкие доктора. Проболел две недели, он скончался. По польской версии, причиной смерти была лихорадка — жар, высокая температура. Но почти все русские источники упоминают о сильном кровотечении из носа и рта как непосредственной причине смерти.

Придворный летописец Романовых записал толки о гибели героя, но оговорился, что истины он не знает. Столь же осторожен Авраамий Палицын. Мало поболел, отметил он, воевода «к Господу отъиде, но не вемы убо, како рещи, Божий ли суд нас постиже, или злых человек умышление совершися.

Единый создавший нас весть». Враждебный царю Василию Скопский летописец винил в смерти Скопина не самого государя, а его братьев.

Монарх пролил слезы над гробом племянника и приказал похоронить его в Архангельском соборе Кремля с царскими почестями.

Память о Скопине отразилась в исторических песнях. В 1618 г. в Москву прибыл священник Ричар Джеймс, бакалавр Оксфорда, сопровождавший королевских послов. Для него была сделана запись русских песен, одна из которых — плач по Скопине. В народе о нем плакали и москвиты, и «свейские немцы». Князья Мстиславский и Воротынский горюют о славном воеводе и приговаривают, что взлетел он высоко, но летал недолго:

Высоко сокол поднялся
И о сыру матеру землю ушибся.

В другой песне описаны крестины у Воротынского, на которых кум — «правитель царства Московскаго» князь Скопин, а кума — жена князя Дмитрия Шуйского. За столом бояре хвалились силой и богатством, а Скопин — тем, что очистил Московское царство. Обиженные бояре подсыпали зелья в кубок со сладким медом, а жена Дмитрия Шуйского поднесла отравленную чашу.

Смерть Скопина-Шуйского роковым образом сказалась на положении дел в армии и стране. Прокофий Ляпунов обратился с посланием к городам. Он возложил всю ответственность за смерть Скопина на царя Василия и призвал не повиноваться ему. Рязань и ее пригороды, занятые ратниками Ляпунова, отложились от Москвы.

Гражданская война расколола рязанское дворянство. Ляпуновы подняли мятеж, Измайловы остались верны трону, Сунбулов осел в «воровском» лагере.

Прокофий Ляпунов нашел союзников в Москве. Среди них первенствовал князь Василий Голицын. В дни мятежа против Бориса под Кромами Голицын велел связать себя, чтобы оправдаться в случае неудачи, а Ляпунов с оружием в руках возглавил бунт.

После кончины Скопина думный дворянин Ляпунов составил новый заговор с Голицыными. По летописи, он стал думать думу большую с Голицыным на Шуйского.

ПОРАЖЕНИЕ ПОД КЛУШИНОМ

Вместе с князем Михаилом Скопиным в Москву прибыли шведы. Близилось решающее столкновение. Под командой Делагарди находился отряд в полторы тысячи человек. С севера на помощь к нему спешили подкрепления. Король Карл IX отправил в Россию своих лучших полководцев. В конце концов численность шведского корпуса была доведена до 8—10 тыс. солдат.

Не имея в казне денег, власти прибегли к новым займам у купцов. Царь Василий заложил собственные золотой ковш и чарку. По его приказу было изъято много золотых и серебряных вещей из государственной сокровищницы. Среди других предметов в переплавку на Монетный двор были отправлены статуи двенадцати апостолов (якобы «ростом с человека»), сделанные из чистого золота. С мая 1610 г. Монетный двор в Москве стал чеканить золотые копейки, по стоимости превосходившие серебряные копейки в десять раз. «Червонные золотые» предназначались для выплаты жалованья наемникам. Но солдаты неохотно принимали их, считая объявленную стоимость золотых завышенной.

Царь Василий возлагал на шведскую армию большие надежды. За плечами у шведов был долгий поход. Они ждали, что после освобождения Москвы они получат деньги в полный оклад. Шуйский клялся, что в течение трех — шести месяцев завершит расчет. Солдатам вручили письменное обязательство царя. Дмитрий Шуйский предложил солдатам быть у них «в заложниках», пока они не получают всех денег. Обещания не удовлетворили наемников.

На соединение с армией Дмитрия Шуйского двигался трехтысячный отряд фельдмаршала Эверта Горна. В пути солдаты Горна, не получив обещанных денег, подняли мя-

теж и заявили, что отказываются подчиняться, пока им не заплатят. Зачинщиками бунта были два полковника. Под покровом ночи 80 англичан перешли на сторону поляков. Шведский военачальник повесил нескольких солдат. Мятеж был подавлен.

Жолкевский завязал сношения с недовольными, обратившись с тайным воззванием к французским наемникам в армии Горна. Француз-перебежчик, доставивший письмо, попал в руки шведов и был казнен.

Делагарди с трудом удерживал в повиновении свое разноречивое воинство. В канун битвы в полки прибыл дьяк Разрядного приказа Яков Демидов с казной в 10 000 рублей, а также с соболями и сукнами на сумму 20 000 рублей. Казна была передана Делагарди, но он задержал раздачу жалованья. Солдаты отказывались брать в счет денег меха и сукна. Расчет не удовлетворил их.

В войске вспыхнул мятеж. «Главный виновник был казнен военным судом, а остальные ослушники вынуждены были покориться».

Оправдывая шведского военачальника, Петр Петрей утверждал, что тот не успел раздать солдатам присланные царем деньги и товары из-за того, что его торопили с выступлением в поход. Русские власти были склонны обвинять Делагарди. Позже, на переговорах с ним, они заявляли: «...ты тех денег, что к тебе Василей послал, ратным людям не выдал, а хотел дати после боя, умысля, которых людей побьют и ты теми деньгами хотел закорыстоватца». Командиры наемных войск нередко именно так и поступали. Проиграв сражение, Делагарди поспешил раздать шведским солдатам задержанные деньги и товары на сумму 12 450 рублей.

Незадолго до битвы Делагарди снарядил обоз во главе с Меншиком Борановым (Берендом), с тем чтобы доставить в Швецию документы походной канцелярии, царскую подтвердительную грамоту договора со Скопиным, всю военную добычу, причитавшиеся лично ему деньги и царские подарки. Среди наемников приготовления вождя были истолкованы по-своему и вызвали крайнее негодование.

Снарядив рать, Василий Шуйский назначил главнокомандующим своего брата Дмитрия, рожденного, как говорили современники, не для доблести, а к позору русской армии.

Помощниками Дмитрия Шуйского были боярин князь Андрей Голицын и окольный Данила Мезецкий. Старшие бояре в лице Федора Мстиславского и Ивана Воротынского в походе не участвовали.

Царь Василий не забыл о фатальных неудачах Дмитрия, но одни только братья не вызывали у него подозрений в измене.

С наступлением лета московское командование после многих хлопот собрало дворянское ополчение и довело численность армии до 30 000 человек. Командованию пришлось разделить силы и значительную их часть оставить для обороны столицы. Москве грозило нападение войск Лжедмитрия II и его гетмана Яна Сапеги, находившихся подле столицы, в Калуге.

Передовыми силами армии Дмитрия Шуйского командовал сподвижник Скопина Григорий Валуев. В его подчинении находилось до 5—6 тысяч воинов. По словам очевидца Петра Петрея, то был цвет русской армии.

Действуя с исключительной отвагой и стремительностью, Валуев освободил Можайск и прошел по Большой Смоленской дороге до Царева Займища. Там он стал ждать подхода главных сил.

Дмитрий Шуйский замешкался, ожидая подхода шведов. Тем временем неприятель окружил войско Валуева. Воевода поспешил обнести свой лагерь тыном. Поляки теснили его со всех сторон. У русских кончился провиант. В лагере «негде было достать куска хлеба». Во время ежедневных вылазок русские потеряли до 500 солдат.

Каждой ночью Валуев посылал гонцов к Шуйскому с просьбой о помощи.

Князь Дмитрий двинулся к Цареву Займищу не напрямик — по Большой Смоленской дороге, но сделав небольшой крюк к Клушину, «ибо с той стороны ему было удобнее иметь сношения с Валуевым». От Клушина до острожка было всего 20 верст.

Польский гетман Станислав Жолкевский воспользовался разделением сил противника и упредил наступление союзных войск на Смоленск. Он разбил ложный лагерь вокруг острожка Валуева и, оставив малочисленные заслоны, выступил навстречу русско-шведской армии.

К вечеру 23 июня 1610 г. войска Дмитрия Шуйского и Делагарди расположились на ночлег у села Клушина. На другой день союзники предполагали атаковать поляков и соединиться с Валуевым.

Русская и шведская армии далеко превосходили по численности польское войско. Но Жолкевскому удалось пополнить свои силы за счет тушинцев. К нему присоединились Заруцкий с казаками.

Гетман решил нанести союзникам неожиданный удар. Оставив пехоту у валуевского острожка, он с конницей совершил ночной переход и 24 июня перед рассветом вышел к Клушину. Валуев мог в любой момент обрушиться на поляков с тыла. Но гетман не боялся риска.

Союзники знали о малочисленности противника и проявляли редкую беспечность. Они не позаботились выслать сторожевое охранение на Смоленскую дорогу. Шведский главнокомандующий Яков Делагарди допоздна пировал с Дмитрием Шуйским.

Во время военных действий в Ливонии Делагарди попал в плен к Жолкевскому и получил от него в дар рысью шубу. В шатре у Шуйского Делагарди похвалялся, что пленит гетмана и отдарится собольей шубой.

Русские и шведы расположились на ночлег несколько поодаль друг от друга. В предрассветные часы, когда лагерь спал, показались польские разъезды. Гетман застал союзников врасплох. Но атаковать их с ходу ему все же не удалось. В ночной тьме армия Жолкевского растянулась на узких лесных дорогах, пушки увязли в болоте. Прошло более часа, прежде чем польская конница подтянулась к месту боя.

К тому времени русские и шведы успели вооружиться. Оба войска выдвинулись вперед и заняли оборону, каждый впере-

ди своего лагеря. Единственным прикрытием для пехоты служили длинные плетни, перегораживавшие крестьянское поле. Они мешали неприятельской кавалерии развернуться для атаки до тех пор, пока полякам не удалось проделать в них большие проходы.

Бой под Клушином длился более четырех часов. Эскадроны тяжеловооруженных польских гусар несколько раз атаковали русских. Был ранен передовой воевода Василий Бутурлин, дрогнул полк Андрея Голицына. Настало время ввести в дело главные силы, но Дмитрий Шуйский предпочел укрыться в своем лагере. Не получив помощи, ратники Голицына бросились бежать и спрятались в лесу.

На правом фланге шведская пехота вела беглый огонь, отстреливаясь из-за плетня от наседавшей конницы противника. В разгар боя поляки подвезли две пушки и обстреляли пехоту. Наемники поспешно покинули ненадежное укрытие и отступили к своему лагерю. Часть солдат отошла к лесу. Боевые порядки союзников оказались расчлененными.

Шведские командиры Делагарди и Горн покинули свою пехоту и с конным отрядом отступили в лагерь Шуйского.

Натиск польской кавалерии стал ослабевать, и союзники попытались перехватить инициативу. Отряд конных мушкетеров — англичан и французов — поскакал через клушинские поля навстречу врагу. Мушкетеры дали залп и повернули коней, чтобы пропустить вперед вторую шеренгу. Но поляки не дали им закончить перестроение и бросились в атаку. Мушкетеры смешались и отступили. На их плечах гусары ворвались в лагерь Шуйского. Пушкари и стрельцы не решились открыть огонь, опасаясь задеть своих. Промчавшись во весь опор через лагерь, гусары продолжали преследование. На обратном пути лагерь встретил их выстрелами, и им пришлось пробираться окольной дорогой.

Князь Шуйский «устоял» в обозе. К нему присоединился Андрей Голицын с остатками своего полка. Более 5000 стрельцов и ратных людей готовилось к последнему бою. При них находилось 18 полевых орудий. Дмитрий Шуйский сохранил

достаточные силы для атаки, но он медлил и выжидал. В сражении настала долгая пауза.

Острожек Валуева находился поблизости от Клушина. Сократник Скопина был опытным воеводой. Его войско по численности далеко превосходило польские заслоны. Пехоте достаточно было одного-двух часов, чтобы соединиться с Шуйским. Удар свежих сил с тыла мог изменить ход битвы. Эта возможность не была использована. Валуев узнал о битве лишь с наступлением ночи.

Жолкевский оставался в нерешительности. Его кавалерия понесла большие потери. Вся пехота оставалась у острожка Валуева. При Жолкевском находилось, по его словам, не более сотни польской пехоты и 400 украинских казаков. Без пехоты гетман не мог атаковать русский лагерь, ошетилившийся жерлами орудий.

Но от перебежчиков поляки знали о затруднениях в войске союзников. В разгар битвы Делагарди и Горн, руководившие неудачной кавалерийской атакой, покинули пехоту. В их отсутствие наемное воинство заволновалось.

Оценив ситуацию, гетман послал в шведский лагерь племянника с предложением перейти на сторону Речи Посполитой. Гетман не скупился на обещания. Его обращение подтолкнуло солдат к мятежу.

Первыми на сторону врага перешли отряды французских наемников. Затем заколебались немецкие ландскнехты, стоявшие в резерве.

Узнав о переговорах, Дмитрий Шуйский прислал к немцам Гаврилу Пушкина с обещанием неслыханного вознаграждения.

Вернувшись в свой лагерь, шведские военачальники попытались покончить с бунтом. Но дело зашло слишком далеко. Стремясь спасти шведскую армию от полного распада, Делагарди предал русских союзников. Посреди клушинского поля он съехался с Жолкевским, чтобы заключить с ним перемирие отдельно от русских. Тем временем его роты с развернутыми знаменами прошли мимо своего главнокомандующего и присоединились к полякам.

Делагарди бросился в свой обоз и стал раздавать шведам деньги, присланные ему накануне царем. Английские и французские наемники требовали своей доли и едва не перебили шведских командиров. Не получив денег, они разграбили повозки Делагарди, а затем бросились к русскому обозу и учинили там грабеж.

Шведская армия перестала существовать. Король Карл IX рвал на себе волосы, узнав о катастрофе. Распад союзной шведской армии роковым образом сказался на судьбе русских войск.

Дмитрий Шуйский отдал приказ об отходе. Но прежде он велел разбросать по всему лагерю собольи меха из доставленной царской казны, одежду, драгоценности. Расчет был верным. Наемные солдаты бросились грабить лагерь, и время для преследования было упущено.

Поляки потеряли во время битвы до 215 солдат убитыми и ранеными. Потери шведской армии составили, согласно польским данным, от 700 до 1200 человек. Потери русских неизвестны.

Отступление полков превратилось в беспорядочное бегство. Ратники спешили укрыться в окрестных лесах. В полной панике князь Дмитрий гнал коня, пока не увяз в болоте. Бросив коня, воевода едва выбрался из леса. В Можайск он явился без армии. Там он оставался некоторое время в монастыре.

Писатели Смутного времени, сравнивая князя Дмитрия со Скопиным, замечали: «...отъя от нас Бог такового зверогонителя бодрого, и в его место дал воеводу сердца не храброго, но женствующими облажена вещьми, иже красоту и пищу любящего».

Бунт в шведской армии не был следствием одной лишь неспособности или ошибок командиров. В армии Скопина наемники подняли бунт и ушли за рубеж из-под Твери, в самом начале похода. Попытки вести войну с помощью наемников многократно терпели неудачу и в стане царя, и в «воровском» лагере. История наемных войск на Руси была историей мятежей и предательства.

Россия могла содержать поместное войско, которое служило с земли и довольствовалось ничтожным годовым жало-

ваньем или же несло гарнизонную службу «без денег». В Западной Европе ставки на наемных солдат в десятки раз превышали царское жалованье дворянам.

Русские власти имели представление о преимуществах западных наемных армий. Но опыт войны показал, что Россия не имела средств для содержания армии европейского образца. Царская казна не была в состоянии обеспечить регулярную выплату денег наемникам, а потому не могла рассчитывать на их стойкость. В этом заключалась одна из главных причин военной катастрофы.

Поражение поставило под вопрос будущее династии. Братья Шуйские, видимо, сознавали это. В списке «ушников» царя Василия можно прочесть такую запись: «Дворянин с Москвы Иван Матвеев сын Бутурлин з детми. В тайных гонцах с Москвы в Можаяск от князя Василья от Шуйсково ко князю Дмитрею Шуйскому гонял и от князя Дмитрия из Можайска к Москве к Шуйскому гонял». Оставаясь в Можайске, Дмитрий Шуйский тщетно ждал подхода войска Валуева и подкреплений из Москвы.

Не имея вестей от Дмитрия Шуйского, Валуев на третий день после сражения произвел вылазку из острога. Весть о гибели русской армии под Клушином поколебала его мужество. Гетман прислал к Валуеву Ивана Салтыкова. Этот тушинец клятвенно обещал, что король снимет осаду со Смоленска и вернет русским все порубежные города, едва страна признает Владислава своим царем.

В лагере под Царевым Займищем Валуев присоединился к договору об избрании Владислава на московский трон, заключенному под Смоленском. Жолкевский подписал клятвенную запись о том, что Польша не будет рушить православную веру, король отступит от Смоленска, как только защитники города сложат оружие, все русские пленные будут возвращены в Россию. Запись включала десяток других пунктов, исключительно выгодных и почетных для русских.

«Варваров» обвели вокруг пальца. Договор, заключенный без согласия на то короля, не имел никакой силы.

Дипломатические ухищрения принесли успех. Жолковский добился того, что войско Валуева присоединилось к его рати. Он рассчитывал склонить на свою сторону также Яна Сапегу. Но наемники Сапег, не получив от короля денег, ушли в Калугу к самозванцу.

Военное положение России ухудшалось со дня на день. Получив поддержку от Сапег, Лжедмитрий II возобновил наступление на Москву и занял Серпухов. Армия Жолковского вступила в Вязьму и приближалась к русской столице с запада.

Царь Василий пытался найти помощь в Крыму. По его призыву на Русь прибыл Кантемир-мурза с 10 000 всадников. Крымцы прошли мимо Тулы и устремились к Оке. Навстречу союзникам царь выслал гонца с богатыми дарами. Бояре Иван Воротынский и Борис Лыков с войском выступили навстречу союзникам.

По русским источникам, татары атаковали тушинцев, и те едва «усидели в своих таборах на реке Нара». Однако записи из Дневника Сапег рисуют совсем иную картину. Стычки между татарами и тушинцами продолжались до 14 июля. По утверждению Сапег, он пытался навязать бой крымцам, но не добился успеха. 15 июля тушинцы узнали, что татары ушли в степи. По пути они захватили множество русских людей в полон.

Дни династии были сочтены. Напрасно самодержец посылал гонцов в Рязань, требуя от воевод подкрепления. Рязанские дворяне ответили дерзким отказом на его обращение.

Шуйского могло спасти разве что чудо. Крушение надвигалось неотвратимо.

НИЗЛОЖЕНИЕ ШУЙСКОГО

Прокофий Ляпунов опасался явиться в столицу, где его ждала участь Крюка Колычева. Но он прислал сына боярского Алешку Пешкова к Голицыну и к своему брату Захару Ляпунову, чтобы поторопить их с выступлением. Братья Ляпуновы затеяли рискованную авантюру. Переворот должна была

осуществить кучка заговорщиков. Из знати в заговоре участвовали, по-видимому, немногие лица, в их числе Голицыны и Иван Никитич Салтыков. Прочие заговорщики, вроде помещика из Великих Лук Федора Хомутова, были неродословными людьми. В Москве находилось немало рязанских дворян, и братья Ляпуновы постарались втянуть их в заговор.

Безрадостными были последние дни царствования Василия Шуйского. С того момента как он утратил поддержку думы и столичного населения, власть его стала призрачной.

Как только бывшие руководители «воровской» думы порвали с «тушинским вором» и подписали договор с королем, у них появилась возможность договориться с вождями польской партии в Москве. Кандидатура Владислава казалась одинаково приемлемой как для главы думы князя Федора Мстиславского, так и для бывшего руководителя тушинской думы боярина Михаила Глебовича Салтыкова.

Филарет поддержал соглашение с Сигизмундом III. Он выехал из Тушина с последними польскими отрядами, чтобы найти пристанище в королевских обозах под Смоленском. Но ему не удалось благополучно добраться до места назначения. Войска Валуева пленили его после боя под Волоколамском и отправили в Москву.

Царь Василий не осмелился судить «воровского» патриарха и опрометчиво разрешил ему остаться в столице. Гермоген поспешил объявить Романова пленником и жертвой Лжедмитрия II и признал его право на прежний сан Ростовского митрополита.

Возвращение Филарета в столицу положило начало возрождению былого влияния романовского круга. При поддержке бояр — братьев и племянников — Филарет вскоре стал, по словам очевидца, самой большой властью под патриархом. В его лице Шуйские приобрели опасного врага.

Пока речь шла о низложении Шуйского, союзниками Мстиславского выступали и Романовы, и сторонники Голицына.

Князь Василий Васильевич Голицын давно протягивал руки к короне. Он наблюдал за казнью царя Федора Годунова,

затем руководил расправой над Лжедмитрием. Теперь настала очередь Шуйского.

Среди кандидатов на трон самую мощную поддержку имел Владислав. За его спиной стояла королевская армия, осаждавшая Смоленск. В конце июня к королевской рати присоединился Валуев. Его измена показала, что царь Василий утратил поддержку армии.

Медленно продвигаясь к Москве, гетман Жолкевский, по его собственному признанию, посылал тайные письма боярам. Одни письма адресовались сторонникам Владислава, другие разбрасывались по улицам. Письма обличали Шуйского и сулили населению щедрые милости после воцарения королевича.

Царь Василий ждал верной службы от Мстиславского. Он сохранил за ним пост главы Боярской думы и значительно расширил границы его удельного княжества. Князю Федору в дополнение к его старым владениям была пожалована обширная Ярополчская волость.

В решающий момент удельный князь предал царя. В письмах Сигизмунду III Жолкевский подчеркивал, что в избирательной борьбе в Москве Мстиславский «сильно действует в пользу королевича». В ответных письмах король старался через гетмана обнадежить боярина «в большой награде».

Поляки позаботились о том, чтобы переслать в Москву договорную запись Валуева с Жолкевским. Документ произвел большое впечатление. Среди москвичей тотчас возник план идти на Красную площадь, огласить запись, после чего «поймать Шуйского и отослать» его королю.

Ратные люди не желали сражаться за несчастливого царя. Дворянское ополчение после шести лет гражданской войны пришло в полный упадок. По словам очевидцев, «воинствующих чин конечно изнеможе всяческими нужи, злейши же всего — безконны сташа». Дворяне обнищали, кавалерия лишилась лошадей.

После того как крымцы ушли в степи, посланные на южную границу воеводы Воротынский и Лыков получили приказ вернуться в столицу. Отступление проводилось в спешке,

бояре «едва снаряд (пушки. — Р.С.) везоша от воровских людей». В Дневнике Сапеги записано, что 15 июля часть ратников из отряда Воротынского переметнулись к Лжедмитрию II. Войско разваливалось на глазах.

16 июля Лжедмитрий II с литвой и казаками подступил к стенам столицы. На другой день Москва заволновалась. Прошло всего полгода с того дня, когда Скопин, казалось бы, навсегда освободил столицу от тушинской блокады. Теперь над городом нависла угроза со стороны «воровской» рати. Горожане требовали объяснений.

Государь еще сидел на троне, а народ толпами собирался под окнами дворца и кричал: «Ты нам больше не царь!»

Заговорщики поспешили использовать момент. Голицын предпочел остаться в тени, но Захар Лапунов и Федор Хомутов «на Лобное место выехала, и з своими советники, завопиша на Лобном месте, чтоб отставить царя Василья».

«Новый летописец» сообщает, будто толпа захватила бояр и насильно потащила их за Москву-реку к Серпуховским воротам. Но из других летописей следует, что мятежникам незачем было волочить бояр, потому что те находились при войске в Замоскворечье — в «обозе» у Серпуховских ворот.

Враги Шуйского не думали штурмовать дворец, окруженный стражей. Но патриарший двор в Кремле не охранялся воинской силой, и мятежникам удалось захватить Гермогена. С ним они отправились в военный лагерь.

Враги Шуйского были уверены, что полки, деморализованные поражениями, не окажут помощи гибнущему царю. Они не ошиблись в своих расчетах.

Бояре, захватившие власть после переворота, изображали дело так, будто Василия Шуйского сместил Земский собор, включавший представителей всех чинов — от дворян до посадских людей. «Всяких чинов люди всего Московского государства», «поговоря меж собой», били челом царю Василию, чтобы он «государство отставил».

Утверждение, будто в «обозе» у Серпуховских ворот заседал Земский собор, сомнительно. Толпа мятежников, явившаяся в лагерь с Красной площади, действительно включала лю-

дей разных чинов. Но их деятельность менее всего напоминала заседание собора.

Толпа шумела и не давала говорить сторонникам Шуйского. Патриарх Гермоген мог бы повлиять на исход дела, если бы получил поддержку Священного собора. Однако Гермогену противостояли Филарет Романов и другие духовные лица. С авторитетом Романова считались и духовенство, и дума. Митрополит Ростовский действовал, оставаясь в тени. Но его позиция повлияла на исход переворота. Гермоген покинул «обоз» до окончания дела.

Из бояр лишь немногие «постояше» за Шуйского. В списке «ушников» царя Василия значится: «Олексей Захарьев сын Шапилов. Сидел в Казанском дворце со князем Дмитрием Шуйским. В походе стояли против Государя (королевича Владислава. — *Р.С.*) со князем Дмитрием же. Да Семен Ефимьев, сидел с ними же и умышлял заодно». Последней службой Дмитрия Шуйского был поход против «вора» к Серпуховским воротам. В качестве конюшего — местоблюстителя царского престола Дмитрий тщетно «стоял» против избрания на трон королевича Владислава. Его поддержали немногие бояре и приказные люди. Их голоса были заглушены криками толпы.

Агитация в пользу Владислава дала свои плоды. Избрание королевича казалось делом почти решенным, и члены думы боялись, что возражения навлекут на их голову немилость нового монарха.

Утвердив приговор, Мстиславский с товарищами, повествует летописец, «послали от себя из обозу из-за Москвы-реки к царю Василью Ивановичу всеа Руси боярина князя Ивана Михайловича Воротынского, чтоб он, государь царь Василей Иванович всеа Руси... государство Московское отказал и посох царьской отдал для (из-за. — *Р.С.*) пролития междуусобных крови христьянской».

Душой переворота был князь Василий Голицын. Но, подобно Филарету Романову, он предпочитал вершить дела, оставаясь в тени.

Выполнение незаконной миссии было возложено на свояка Шуйских Воротынского; человека безликого и малоавто-

ритетного. Вместе с ним во дворец отправился боярин Федор Шереметев. Посланцы постарались добром уговорить самодержца покинуть трон.

От имени думы бояре обещали «промыслить» Шуйскому особое удельное княжество со столицей в Нижнем Новгороде. Бояре кстати вспомнили о происхождении государя от высокородных великих князей Суздальских и Нижегородских.

Согласно Разрядным записям, «на том ему (царю Василию. — Р.С.) бояре и все люди крест целовали по записи, что над ним никакого дурна не учинить и из московских людей на государство никого не обирать». Последние препятствия к избранию на трон чужеземного принца были устранены.

Царь Василий отказался признать законным приговор о его отрешении от власти. Такое решение могла принять Боярская дума. В лагере у Серпуховских ворот были отдельные бояре, но не было ни думы, ни Священного собора в полном составе. Однако самодержец давно уже выпустил из рук бразды правления. Зачинщики мятежа беспрепятственно прошли во дворец, захватили царскую семью и силой свели на старый двор бояр Шуйских. Братьям царя запретили показываться в думе, позже их взяли под стражу.

Положение оставалось крайне неопределенным, и заговорщики решили довести дело до конца. Вместе с Захаром Ляпуновым в их «совете» участвовали князь Петр Засекин, думный дворянин Гаврила Пушкин, князья Василий Тюфякин-Оболенский, Василий Туренин-Оболенский и Федор Волконский, «иные дворяне мелкие» и немногие стрельцы.

Чудов монастырь вновь был вовлечен в водоворот политических страстей. 19 июля Ляпунов и его сообщники явились на двор к Шуйским в сопровождении чудовских монахов. Они предложили низложенному царю принять постриг. Тот отказался подчиниться. Тогда его постригли насильно. Дворяне держали бывшего в их руках самодержца, пока монах совершал обряд пострижения. Клятву за Шуйского дал князь Василий Туренин. От царя Туренин получил чин чашника. Но он плохо помнил благодеяния. Туренины совершили второе насилие над членами дома князей Шуйских.

Участь царя Василия разделила царица. Ее принудительно постригли в монахини.

Переворот резко осложнил обстановку. Наступил момент общего замешательства. Партия Шуйских преодолела растерянность и попыталась восстановить утраченные позиции.

Строптивый князь Василий твердил, что клобук к голове не гвоздями прибит. Патриарх Гермоген признал незаконным свержение царя и его заточение в монастырь. По приказу пастыря в церквях продолжали молиться за здоровье царя Василия Ивановича. Глава церкви обратился к народу с воззванием, моля вернуть на престол государя.

Начальник стрелецкого приказа Иван Шуйский через верных людей пытался склонить кремлевских стрельцов к решительным действиям. Шуйский старательно насаждал своих людей в приказах. Высшая бюрократия готова была выступить на его стороне. Список «ушников» царя Василия Шуйского точно очертил круг лиц, выступивших на стороне низложенного монарха вместе с патриархом Гермогеном: «Постельничей Иванис Григорьев сын Ододуров... умыслив с Измайловыми и со князем Данилом Мезецким, и с Васильем Сукиным, и с Васильем Бутурлиным, по приказу князя Василья Шуйского и братьи ево, чтобы опять сидети на Москве князю Василью Шуйскому, а не хотя государя нашего королевича, говорил и вмещал на Москве во многие люди: "Государь де наш князь Василей не пострижен!"»

Шуйские не смогли склонить на свою сторону руководство Боярской думы и проиграли дело. Никто из бояр, даже «ушники» Куракин и Лыков, не выступили в защиту самодержца.

Попытка вернуть царя Василия на трон вызвала тревогу в стане победителей. Прошел слух, будто знать намерена поступить с Шуйским так же, как и с двумя его предшественниками, убитыми боярскими заговорщиками. 23 июля 1610 г. Жолковский сообщил королю, что обратился с письмом к московским боярам в защиту низложенного царя после того, как Иван Шуйский тайно просил его, гетмана, оборонить дом Шуйских от бояр.

После пострижения царя Василия — «инока Варлаама» — вытащили из хором и в крытой телеге отвезли в Чудов мо-

настырь, где к нему приставили стражу. Его жену Марию определили в Ивановский монастырь. Жена Дмитрия Шуйского избежала этой участи: бояре пощадили дочь Малюты Скуратова.

Из Москвы в Польшу поступили известия, что Шуйские обобраны до нитки, им оставлены одни платья, в которых они одеты.

СЕМИБОЯРЩИНА

Трон опустел, и оспаривать власть стали многие знатные лица. Нарвский купец, вернувшийся из Новгорода 6 августа 1610 г., сообщил, что в числе кандидатов фигурируют польский королевич, трое бояр — князья Воротынский, Мстиславский и Василий Голицын — и даже некий татарский хан (вероятно, речь шла о служилом татарском царе). Воротынский хлопотал об отрешении Шуйского на глазах у всей столицы, а потому его имя называли первым. Однако Воротынский и Мстиславский, двое старших бояр, вскоре выбыли из игры. Короны домогались теперь князь Василий Голицын, сын Филарета Михаил Романов и, наконец, Лжедмитрий II.

Положение самозванца было затруднительным вследствие того, что король категорически отказывался иметь с ним дело. 10 июля 1610 г. наемное войско потребовало от самозванца, чтобы он признал себя вассалом Сигизмунда III. «Артикулы», выработанные поляками, предусматривали две возможности. Если Москва признает короля, «обманщик» получит удел в пределах Речи Посполитой. Если же русские изберут «Дмитрия», он станет вассалом короля, что поможет избежать войны с Речью Посполитой.

Наемные солдаты старались сохранить «царька» по понятным причинам. С исчезновением «Дмитрия» они теряли «заслуженные» миллионы. «Вор» готов был пуститься во все тяжкие, чтобы сделать свою кандидатуру приемлемой для Речи Посполитой и Москвы. Он объявил, что согласен занять царский трон как вассал короля Сигизмунда III. При этом он обе-

щал платить полякам 700 000 злотых ежегодно в течение десяти лет, завоевать для них Ливонию, дать армию для покорения Швеции.

Одна из записей в Дневнике Сапеги удостоверяет, что еще в конце июня 1610 г. самозванец получил грамоту из Москвы от патриарха и бояр с сообщением, что жители Москвы готовы целовать ему крест. Совершенно очевидно, что грамота исходила не от патриарха Гермогена, смертельного врага «вора». Для тушинцев существовал один патриарх — Филарет. Именно от него и от воровских бояр и получено было письмо.

После бегства Лжедмитрия II из Тушина Филарет и Салтыков предали «царька» и выработали договор об избрании на трон Владислава. Что побудило их вновь завязать сношения со шкловским бродягой?

Романов был честолюбив и успел привыкнуть к сану патриарха. Возвращение на скромную провинциальную кафедру в Ростов его не устраивало. Отношение «патриарха» к самозванцу изменилось после того, как Калужский лагерь подкрепило наемное воинство гетмана Сапеги.

Тушинцы, еще недавно отвернувшиеся от «царька», готовы были признать «Артикулы», выработанные польскими командирами. Пребывание под Смоленском убедило Михаила Салтыкова и Василия Рубца-Мосальского, что с ними никто не будет считаться, коль скоро они никого не представляют и за их спиной нет военной силы.

Перемены в Калужском лагере подали надежду Филарету и Салтыкову. Возрождение Тушинского лагеря под покровительством короля Сигизмунда III отвечало их интересам. Бывшие руководители тушинской думы могли рассчитывать на высшие посты, если бы им удалось посадить на царство «Дмитрия» в качестве королевского вассала.

Самозванец рассчитывал захватить столицу хитростью. Накануне переворота, рассказывает автор романовской летописи, московские бояре «начаша съезжаться с воровскими полками» и сообщили, что готовы «ссадить» несчастливого царя Василия, если тушинцы «отстанут» от «вора». После низложения Шуйского посланцы московской думы снарядили по-

слов в «воровской» лагерь и потребовали от Дмитрия Трубецкого и других калужских бояр в соответствии с уговором свести с «трона» своего «царька», после чего явиться в Москву, чтобы вместе со всей землей избрать царя. В ответ «воровская» дума предложила москвичам открыть столичные ворота перед «истинным государем».

Польские источники позволяют утверждать, что переговоры с тушинцами не сыграли особой роли в низложении царя Василия.

17 июля в Дневнике Сапеги появилась запись о том, что в Москве произошел большой переполох. В тот же день самозванец послал письмо в столицу ко всем боярам и к миру, требуя присяги. Под вечер Сапега вместе с «царьком» ездили к стенам столицы, где к ним вышли Мосальский и Салтыков (они были в день переворота в столице). Бывшие тушинцы сообщили «царьку», что у Шуйского отобран скипетр, и предложили на другой день начать переговоры.

Когда на рассвете 18 июля «тушинский вор» вновь появился у стен города, москвичи предложили «воровским» боярам: «Если мы своего царя сбросили и вы своего сбросьте». Итак, никакого предварительного соглашения между московскими и тушинскими боярами не было. Призыв к свержению Лжедмитрия II запоздал.

Сразу после полудня 18 июля московские пушкарни открыли огонь по кладбищу — излюбленному месту прогулок самозванца.

19 июля в «воровском» лагере узнали о том, что Шуйский постригся в монахи. В этот день московские власти предложили «царьку» отложить переговоры под тем предлогом, что в столице по случаю Ильина дня (а вернее будет сказать, по случаю переворота) много пьяных.

Москва деятельно готовилась к избранию нового самодержца. В самый день переворота Захар Ляпунов с рязанцами стали «в голос говорить, чтобы князя Василия Голицына на государстве поставить». Агитация не имела успеха. Голицын остался в тени в день переворота. Заговорщики не смогли склонить на свою сторону думу.

Филарет спешил использовать новую ситуацию, чтобы возобновить борьбу за царский венец. Гермоген, как говорили, склонялся в его пользу. Как лицо духовное, Филарет не мог вернуться в мир и надеть корону. Но он надеялся посадить на трон своего четырнадцатилетнего сына Михаила. В глазах современников Михаил имел наибольшие права на трон как двоюродный племянник последнего законного царя.

Никто из претендентов не добился поддержки большинства в думе. Если бы Скопин был жив, отметил поляк Николай Мархоцкий, «его в государи согласились бы выбрать все».

Между тем пропольская партия готовила почву для коронации королевича. Руководство думы выступило на ее стороне. Однако православное духовенство и посадские низы с недоверием относились к кандидатуре иноверного королевича.

Василий Шуйский был избран без участия провинции, и бояре не желали повторять прежние ошибки. Они постановили отложить выборы до того времени, когда в столицу съедутся представители всей земли.

Созыв представителей земли в обстановке гражданской войны натолкнулся на большие трудности. Извещая страну о перевороте, бояре в грамоте к населению Перми от 20 июля выразили пожелание избрать нового государя «всем заодно всю землю, сослався со всеми городами». Четыре дня спустя, уже после появления поляков под Москвой, власти отправили в Сургут наказ, чтобы оттуда «прислали к Москве из всех чинов, выбрав, по человеку и к нам отписали».

По давней традиции дума в период междуцарствия выделяла из своего состава особую комиссию для управления страной. Следуя обычаю, власти постановили — до съезда представителей от провинции поручить дела семи избранным боярам. Так образовалась знаменитая московская семибоярщина. В нее входили Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков. В дальнейшем некоторые из членов были из состава комиссии, и тогда их место заняли другие лица — князя Андрей Голицын и Иван Куракин.

Суздальская аристократия не смогла удержаться у власти, хотя и имела наибольшие права на трон. Ее сменила знать литовского происхождения. В семибоярщине преобладали Гедиминовичи — Мстиславский, Голицыны, Куракин и Трубецкой. Что касается Воротынского, его ближайшие предки также выехали в Москву из Литвы.

Противники Бориса Годунова не смогли ввести в стране боярское правление. Это удалось сделать врагам Шуйского.

Дворяне, приказные люди, стрельцы, казаки, гости и «черные люди» принесли присягу на верность временному боярскому правительству. Со своей стороны, бояре обязались «стоять» за Московское государство и подготовить избрание нового царя «всей землей».

22 июля в предместьях Москвы появились войска Жолкевского, а 23 июля бояре обратились к Яну Сапеге с требованием, чтобы его солдаты «перестали воровать в их земле и чтобы пошли в Литву». Переговоры с тушинским боярином Дмитрием Трубецким и Сапегой исчерпали себя.

Положение в столице оставалось неопределенным, и 2 августа 1610 г. Лжедмитрий II попытался захватить город, атаковав его со стороны Красного Села. Нападения возобновлялись трижды, но всякий раз москвичи отбивали приступ.

Военное положение столицы ухудшилось. Возникла опасность одновременного нападения на город тушинцев и королевского войска. Выступление черни в пользу «Дмитрия» внутри города грозило довершить катастрофу.

Из Дневника Сапегы следует, что 6 августа, после неудачной попытки захвата Москвы войсками Лжедмитрия II, в «воровской» лагерь выбежало до 3000 холопов. Гетман велел загнать их обратно в город. Три дня спустя та же чернь вторично явилась к «вору», и тогда солдаты поделили беглецов между собой.

Вторжение поляков вызвало перемену в общественном сознании. Население стало видеть в «царьке» единственную силу, способную противостоять иноземным завоевателям. Ему присягнули Серпухов, Коломна, Суздаль, Владимир, Ростов, Псков, Ивангород. Народу остались неизвестны подлинные планы «Дмитрия».

Коронный гетман Жолкевский вел переговоры разом и с московскими боярами, и с тушинцами. Самозванцу он обещал, что король даст ему удельное княжество, если он овладеет Москвой. Боярам предлагал присоединиться к смоленскому договору и присягнуть Владиславу.

Члены семибоярщины надеялись, что с избранием Владислава Москва с помощью королевской армии сможет навести порядок в стране. Немаловажное значение имело и другое соображение. Королевицу едва исполнилось 15 лет, и семибоярщина надеялась править его именем.

На первом съезде с поляками русскую сторону представлял князь Иван Троекуров. Ему дан был наказ тянуть время и не допустить объединения двух неприятельских армий. Семибоярщина выдвинула множество условий избрания королевича — Владислав должен был принять православие, жениться на православной, прервать сношения с папским престолом, в Москве не приближать поляков, приехать со свитой в 300 человек. Все эти условия не соответствовали основному факту — катастрофическому поражению России в войне с поляками в обстановке гражданской войны.

В начале августа руководители боярского правительства виделись с Жолкевским и передали ему свиток с параграфами. Гетману предложили принести присягу, что параграфы будут свято исполняться. Гетман считал абсолютно неприемлемым требование о крещении Владислава. В свитке, писал он, «было немало других абсурдов». Но поскольку «кончить это дело войной нельзя было по недостатку средств», Жолкевский старался не раздражать бояр и не скупился на обещания.

По случайному стечению обстоятельств, Лжедмитрий II запалил столичные предместья и предпринял штурм Замоскворечья в то самое время, когда Мстиславский вел с Жолкевским переговоры. Поляки, вопреки договоренности, сохраняли нейтралитет. Зато Валув с войском снялся с места и бросился на помощь москвичам. Не спросив Жолкевского, воевода атаковал Петра Сапегу и погнал его прочь от Серпуховских ворот.

События эти произвели большое впечатление на столицу. Мстиславский приписал успех себе. Фактически переговоры

с поляками вел Земский собор, действовавший в Москве после свержения Шуйского. Дворянские представители имели на соборе численное преобладание.

В польский лагерь явилось, как прикинул гетман, около 500 человек дворян, стольников и детей боярских. Соборные представители отправились на переговоры едва ли не в полном составе. От имени дворян речь держал князь Черкасский. Жолкевский ответил на все его вопросы. Он не жалел обещаний, и его речи произвели благоприятное впечатление на московский собор. Посреди заседания гетману шепнули о прибытии гонца. Он прервал переговоры и испросил себе день на размышления.

Король прислал из-под Смоленска инструкции, которые грозили свести на нет московские переговоры. Гетман получил приказ вести дело так, чтобы Москва присягнула Сигизмунду и его сыну разом.

Смоленский договор, заключенный тушинской думой, определял условия избрания Владислава на царский трон. Этот договор должен был лечь в основу московского соглашения, но он явно устарел.

Договор был составлен в то время, когда армии Скопина повсюду теснили польские отряды и окружение короля подумывало о том, как бы скорее закончить бесславную войну. Победы Жолкевского и свержение Шуйских решительно изменили ситуацию. Сигизмунд не намерен был выполнять соглашение об избрании Владислава и желал занять московский трон по праву завоевателя.

Жолкевский возражал против нарушения соглашений с русскими. После всех одержанных побед он надеялся, что его линия на заключение унии вновь одержит верх. Поэтому он скрыл содержание королевских инструкций от бояр и решил продолжить переговоры. Многие причины заставили его спешить. Гетман не имел денег, чтобы оплатить наемное войско.

Одушевленный честолюбивыми замыслами, Сигизмунд III слал гонца за гонцом. Одним из них был недавний тушинец Федька Андронов. В письме к канцлеру Льву Сапеге Андронов так прокомментировал обязательства, принятые на себя

Жолкевским при подписании московского договора об избрании Владислава: «...где было не учинить тех договоров по их воле, тогда было, конечно, пришло на то, доставать саблею и огнем... лутчи ся с ними тепере обойтись по их штукам; те их штуки к часу нарушим, их на иную сторону, на правдивую наворотим». Проворовавшийся «торговый мужик», Андронов бежал в Тушино, где получил думный титул. После распада лагеря он стал ревностным слугой короля. Он цинично оправдывал обман, позволивший Жолкевскому без боя завладеть Москвой.

Если бы Жолкевский уведомил думу о содержании королевских наказов, соглашение стало бы невозможным.

16 августа 1610 г. Мстиславский, Филарет Романов, Василий Голицын и соборные чины привезли гетману окончательный текст соглашения об избрании королевича. На другой день московские бояре стали приводить население к присяге на верность царю Владиславу.

Ответственность за этот шаг лежала всецело на московском Земском соборе. Его представители не удостоверились в том, что Жолкевский имеет необходимые для подписания договора полномочия. Москва принесла присягу королевичу, не заручившись письменным согласием Сигизмунда и не получив от поляков никаких гарантий.

Каким бы непопулярным ни был царь, олицетворением зла в глазах народа всегда были «лихие бояре». Когда дума свергла Шуйского и потребовала присяги себе, возникло подозрение, что страна и вовсе может остаться без «надежи-государя». Столичный гарнизон насчитывал до 15 000 человек, у самозванца было не более 3—5 тысяч воинов. Но бояре слишком хорошо помнили триумфальное вступление Отрепьева в столицу. С законным царем они обороняли Москву от второго самозванца в течение почти двух лет. Без царя на троне бороться с «Дмитрием» было куда труднее. Потому бояре и решили не медлить ни дня с провозглашением Владислава царем всея Руси.

Жолкевский обязался уничтожить «воровское» войско, и семибоярщина получила надежду с помощью поляков положить конец гражданской войне в стране.

Но гетман не выполнил обязательств. Он заключил соглашение с Сапегой и тут же направил Лжедмитрию II предложение отказаться от трона. Взамен «по ручательству пана коронного гетмана, король обещает отдать ему Гродно или Самбор, по его выбору».

В отличие от Земского собора «воровская» дума более трезво оценивала ситуацию. «Вор» не поверил обещаниям Жолкевского. Марина была возмущена предложением передать самозванцу Самбор. Если верить слухам, «царица» отвечала гетману: «Пусть Его Величество Король отдаст царю Краков, тогда царь отдаст Его Величеству Королю Варшаву».

После свержения Шуйского Лжедмитрий считал, что у него появился шанс овладеть Москвой. В июле «царьку» «прислали с поклоном» Серпухов, Коломна и Кашира, расположенные в Подмосковье. В августе его признали Суздаль, Владимир и Ростов. На службу к «вору» вернулся атаман Заруцкий, не принятый боярской Москвой. Власть самозванца в названных московских городах продержалась недолго.

Переговоры Сапег с Жолкевским вызвали страх и растерянность «вора». Он стал готовиться к бегству из-под Москвы, что вызвало смятение в лагере. В конце августа Лжедмитрий II навестил жену в Никольском Угрешском монастыре в двух милях от лагеря. По договоренности с боярами гетман Жолкевский подступил к монастырю, чтобы пленить «царька». К полякам присоединились войска семи-боярщины, готовые к штурму монастыря. Но «вор» был предупрежден доброжелателями и бежал в Калугу вместе с Мариной и ее свитой. Их сопровождал Заруцкий с пятью сотнями донских казаков.

Поляк Маскевич засвидетельствовал, что в столице церемония присяги затянулась на семь недель, а во всем государстве — на три месяца. Объяснить такую задержку можно лишь сопротивлением населения.

Верхи оттолкнули от себя население. Свидетели московских событий единодушно утверждали, что простой народ всячески противился намерению бояр возвести на трон иноверного королевича.

Провинция имела еще больше оснований негодовать на семибоярщину, чем столица. Бояре приняли меры к тому, чтобы вызвать в Москву представителей от городов для участия в выборах царя. 19 августа московские власти писали в Пермь: «...вам велено всех чинов людям ехать к Москве, чтобы выбрать государя на Московское государство». К тому времени договор с поляками был подписан, так что бояре планировали созвать собор для формального подтверждения акта избрания.

Жолкевский привел с собой под Москву многотысячное наемное войнство, перешедшее на его сторону под Клушином. Гетман не имел денег, чтобы расплатиться с солдатами. В войске назревал мятеж. Положение было безвыходное. Поляков спасла семибоярщина, приславшая Жолкевскому казну.

Гетман не выполнил главного обещания и не уничтожил войска Лжедмитрия II. Сговор с завоевателями посеял возмущение в низах. Агитация в пользу «истинного Дмитрия» вновь усилилась.

По настоянию Жолкевского Москва снарядила великих послов к королю, чтобы в его лагере под Смоленском завершить мирные переговоры. Федор Мстиславский в состав посольства не попал. Главным послом был назначен князь Василий Голицын. Он был одним из основных претендентов на трон, и гетману надо было удалить его из Москвы. Но были и другие мотивы его назначения.

Голицын заручился доверием гетмана. Когда бояре пришли к патриарху Гермогену, они заявили через князя Василия, что будут бить челом и просить, чтобы королевич крестился, «но (прибавили они) если бы его величество королевич и не согласился на это... волен Бог да государь: если мы ему уже крест целовали, то ему нами и править». Свой рассказ Жолкевский заключил похвалой: «Голицын во всем действует очень хорошо».

Подняв мятеж против Бориса, Голицын велел повязать себя веревками на случай неудачи. Князь сохранял доверие Годуновых, пока не возглавил расправу над семьей Бориса. Ему удалось скрыть свое участие в самом крупном заговоре против Шуйского. Может быть, и с поляками он вел двойную игру?

Василий Голицын получил широкие полномочия. Почти всех членов посольства, заметил Жолкевский, «выбрал Голицын по своему желанию». Его помощником стал окольный князь Мезецкий, слывший королевским приспешником.

С согласия гетмана в состав посольства были включены митрополит Ростовский Филарет Романов и ряд духовных особ. Поляки подумывали о том, чтобы отослать к королю также Михаила Романова, но тот был слишком мал для роли посла. Филарет стал заложником в руках короля.

В состав великого посольства входили пять членов думы, 42 дворянина из 34 городов, шесть купцов, семь московских стрельцов, представители духовенства и других московских «чинов». Гетман позаботился о том, чтобы отправить в королевский лагерь самых активных членов московского избирательного Земского собора, со стороны которых можно было ждать противодействия польской интриге.

Послы должны были подписать окончательный текст договора об унии между Речью Посполитой и Россией и привезти в Москву царя Владислава. Но мирные переговоры под Смоленском сразу зашли в тупик. Сигизмунд III отказался подтвердить договор, заключенный гетманом под Москвой. Он был преисполнен решимости овладеть Смоленском и присоединить Смоленскую и Северскую земли к коронным владениям.

Великие послы соглашались отложить рассмотрение большинства параграфов до того момента, как король созвет сейм, но настаивали на том, чтобы королевич как можно скорее выехал в Москву. Однако именно этот пункт оказался камнем преткновения. Король не желал отпустить в Москву сына и намеревался сесть на московский престол по праву завоевателя.

Переговоры длились два месяца, после чего русские послы были взяты под стражу и как пленники отправлены в Польшу. Круг замкнулся. Боярская крамола получила закономерный исход. Филарет Романов и Василий Голицын — самые выдающиеся государственные деятели России — добились низложения Шуйского, но сами вскоре оказались в польском плену вместе со свергнутым царем.

Избрание Владислава не принесло умиротворения стране, а вызвало новую вспышку гражданской войны. Боярское правительство не смогло дать стране ни мира, ни популярной династии, и народ отвернулся от него окончательно. Всякий, кто побывал в Москве в те дни, мог наблюдать это своими глазами.

Гонсевский, получив пост начальника Стрелецкого приказа, попытался организовать суд над А. Голицыным и И. Воротынским, будто бы возглавившими заговор в пользу самозванца. Из-за отсутствия улик суд не удался.

Угроза мятежа черни побудила семибоярщину пригласить польские войска для охраны порядка внутри Москвы. Инициатива исходила от князя Федора Мстиславского, Ивана Романова и двух других бояр.

Патриарх Гермоген, бояре Иван Воротынский и Андрей Голицын протестовали против решения семибоярщины. 17—19 сентября в городе произошли волнения. Руководители думы усмотрели в происшедшем «козни Шуйских». Если верить Жолкевскому, Шуйским угрожала большая опасность от бояр, но гетман, спасая их жизнь, добился выдачи ему Дмитрия и Ивана Шуйских.

Жолкевский искажил события, так как определенно известно, что московские власти выдали Шуйских полякам ранее 12 сентября.

Справившись с волнениями, польское командование в ночь на 21 сентября 1610 г. приступило к размещению войск в Кремле. Польские роты вошли в крепость без барабанного боя, со свернутыми знаменами.

С боярским правительством можно было больше не считаться. Как отметил наблюдательный русский современник, после Шуйского «прияша власть государства Русскаго седьм московских бояринов, но ничто же им правльшим, точию два месяца власти насладишася».

Партия мира при королевском дворе потерпела поражение. Сигизмунд III не сомневался в том, что ему удастся поставить Россию на колени. Для начала надо было сокрушить Смоленск. 21 ноября 1610 г. королевская рать возобновила штурм русской крепости. Гром пушек под Смоленском подтвердил решимость короля продолжать завоевательную войну.

УБИЙСТВО «ЦАРЬКА»

Подвергнув гонению подлинных и мнимых сторонников Лжедмитрия II в Москве, войска боярского правительства при поддержке королевских рот предприняли наступление на Калужский лагерь. Они изгнали казаков из Серпухова и Тулы и создали угрозу для Калуги. Самозванец потерял надежду удержаться в Калуге и стал готовиться к отступлению в Воронеж, поближе к казачьим окраинам. Он велел укрепить тамошний острог и снабдить его большими запасами продовольствия.

По замыслу «вора» Воронеж должен был стать новой царской столицей. Укрепившись в Воронеже, Лжедмитрий рассчитывал подтолкнуть к вторжению на Русь татар и турок и таким путем поправить свои дела.

Одновременно «царек» послал гонцов в Астрахань на тот случай, если Воронеж окажется для него ненадежным убежищем.

Прошло четыре года с тех пор, как астраханские посадские люди вместе с казачьей вольницей признали власть «Дмитрия» и отложились от Москвы. Астрахань прислала самые крупные подкрепления в армию Болотникова. В дальнейшем казацкие отряды из Астрахани постоянно пополняли войска Лжедмитрия II. По указке своих бояр и гетмана «тушинский вор» казнил нескольких самозванных царевичей из Астрахани. Но с тех пор утекло много воды, и лагерь самозванца вновь выглядел как подлинный казацкий табор. Лжедмитрий рассчитывал найти общий язык с руководителями астраханских мятежников. Он сообщил им, что намерен вскоре выехать в Астрахань со всей своей семьей.

С тех пор как Лжедмитрия II покинули ближайшие сподвижники и ему пришлось думать о спасении собственной жизни, его образ правления приобрел черты сходства с режимом его мнимого отца. Людей хватало по малейшему подозрению, предавали жестоким пыткам и убивали.

Ежедневно по приказу «царька» казаки чинили жестокую расправу над пленными поляками. Репрессии распространи-

лись на территории, подвластные самозванцу. В роли Малюты при шкловском учителе подвизался Заруцкий. По свидетельству Жолкевского, «он усердно исполнял, если надо было кого-нибудь обезглавить, убить, утопить».

В былое время Лжедмитрий охотно жаловал земли немецким наемникам. Теперь он утратил к ним доверие. Будучи в Калуге, «царек» велел отобрать у немцев их поместья, а их самих утопить. «Царица» Марина пыталась спасти немцев, но самозванец приказал передать ей: «Поганые немцы сегодня же умрут, не будь я Дмитрий, а если она будет слишком досажать мне из-за них, я прикажу и ее тоже бросить в воду вместе с немцами». Марине пришлось проглотить обиду. В конце концов вмешательство Мнишек дало результат. Пятьдесят два немца, приговоренные к смерти, были помилованы.

Конрад Буссов, служивший самозванцу, описал заключение немцев в Калуге как очевидец. Он имел повод жаловаться на «тиранию Дмитрия».

Боярское окружение, уцелевшее подле «царька», становилось все более ненадежным. Самозванца покинули его «бояре» князя Михаил Туренин, Федор Долгорукий, Андрей Сицкий, а также Андрей Нагой и несколько «воровских» окольных. Некоторые из придворных были казнены по подозрению в измене. Среди других лишился головы романовская родня — боярин Иван Годунов.

Калужскую думу возглавляли Дмитрий Трубецкой и Григорий Шаховской. Гетманом «царька» числился пан Валеvский. Но подлинным вершителем дел в Калуге был атаман Заруцкий. В отличие от своего государя он не предавался унынию, а развернул энергичную войну с бывшими союзниками. Ян Сапега расположил свои войска на зимние квартиры поблизости от Калуги. Король и семибоярщина отводили Сапеге роль ударной силы в борьбе с казацким лагерем.

Заруцкий упредил врага. В конце ноября его войска напали на сапегинцев, а в начале декабря 1610 г. нанесли им поражение.

Вступив в борьбу с королевскими отрядами, Заруцкий вел ее решительно и беспощадно. Он ежедневно рассылал разъез-

ды по всем направлениям от Калуги. Интервенты давно чувствовали себя хозяевами Подмосковья. Им пришлось поплатиться за свою самоуверенность и беспечность. Казаки захватывали королевских дворян и солдат на их зимних квартирах, везли их в Калугу и там убивали. Та же участь постигла купцов, приехавших из Литвы и схваченных на большой дороге.

Король Сигизмунд III всегда избегал связывать себя с самозванцем какими бы то ни было соглашениями. После бегства обманщика из Тушина в Калугу один из его любимцев, пан Яниковский, дал знать королю, что он и его друзья готовы отрубить «вору» голову и удержать Калугу до подхода коронных войск. В то время Сигизмунд отклонил его предложение. Самозванец еще нужен был ему как противовес Шуйскому.

Гетман Ружинский затеял собственную интригу против «царька». Через одного поляка он написал капитану Вандтману-Скотницкому, чтобы тот вместе с поляками, находившимися в Калуге, захватил «Дмитрия» и привез в Тушино. Гонец передал записку «вору», а тот велел утопить капитана без суда и следствия. Скотницкий был одним из лучших воевод самозванца.

После избрания Владислава на русский трон «вор» стал помехой для осуществления королевских планов. В конце ноября 1610 г. Сигизмунд особым универсалом повелел жителям Калуги схватить обманщика и прислать его под Смоленск.

Королевский универсал не достиг цели. Калужский лагерь все больше втягивался в войну с интервентами. У самозванца было немало тайных врагов, но никто из них не решился возглавить переворот. «Вор» не щадил сподвижников и уничтожал по малейшему подозрению. Бродяга всегда был крайне осторожен. Теперь же, страшась измены, он удвоил предосторожности.

Для исполнения универсала нужно было найти людей, которые располагали средствами для переворота в Калуге.

Когда Лжедмитрий II появился в Подмосковье, на его сторону перешел служилый касимовский царь Ураз-Мухамед. Он явился в Тушино с блестящей свитой и немалым числом людей. После распада Тушинского лагеря он поступил на королевскую службу и штурмовал Смоленск. Хан помог Жолкевскому громить Дмитрия Шуйского, «все время действовал стойко и верно».

Сын и жена хана оставались в Калуге. Толковали, что касимовский царь, заскучав, решил навестить родню.

Ураз-Мухамед мог открыто явиться в Калугу и встретил бы там отменный прием. Но он прокрался в Калужский лагерь исподтишка, сохранив в тайне свое имя.

Служилый царь испросил разрешение на поездку у Сигизмунда III. Сомнительно, чтобы король дал согласие, желая развеять скуку слуги. Причины были иные.

Касимовские татары служили при «воре» телохранителями, и касимовский царь с их помощью легко мог захватить «царька» и доставить его под Смоленск во исполнение королевского универсала.

Ураз-Мухамеду не повезло. Его опознали и взяли под стражу. По некоторым сведениям, донос «Дмитрию» подал сын татарского царя. После недолгого розыска хана казнили, а его семью взяли под стражу.

Пятьдесят татар из охраны «царька» были арестованы. Их предводитель князь Петр Урусов, выходец из Ногайской орды, пытался предотвратить казнь касимовского хана и просил за него Лжедмитрия II, но «тот велел его бить кнутом и посадить в тюрьму». Урусову «обидна была тюрьма, и еще обиднее побои». В начале декабря Урусова освободили из-под стражи по ходатайству Марины. Посланный в дозор, Урусов разбил польскую роту Чаплинского и привел в Калугу много пленных.

Князь Петр не простил «вору» обиды. Возник заговор. Не будучи родней касимовского царя, Урусов не имел повода для кровной мести. Но у него были свои счеты с поляками. Любопытное замечание по этому поводу обронил в своих записках Жолкевский. «Некоторые думали, — писал он, — что на сие (убийство. — Р.С.) навел Урусова гетман, подозревали же его в сем, вероятно, потому, что гетман, после бегства самозванца из-под Москвы, обращался с Урусовым обходительно и ласково».

Причастность гетмана Жолкевского и короля к убийству Лжедмитрия II вполне вероятна.

Погожим зимним утром 11 декабря 1610 г. Лжедмитрий, по обыкновению, поехал на санях на прогулку за город. С ним были тушинский боярин Иван Плещеев, дети боярские, шут

Петр Кошелев, татары из его личной охраны, а также слуги. Следом двигался обоз с припасами и вином.

Шкловский бродяга забавлялся охотой на зайцев, которых выпускали подле его саней. Как всегда, он много пил. Когда вся компания отъехала на приличное расстояние от Калуги, заговорщики осуществили свой план. Часть охраны оттеснила дворян, которые могли прийти на помощь «царьку», после чего Петр Урусов с прочими телохранителями остановил царские сани, сбросил возницу и разрядил в «вора» свое ружье, а затем для пущей верности отсек убитому голову и руку. Мстя Лжедмитрию II, татары изрубили труп саблями. Некоторые из детей боярских были убиты, прочие бежали в Калугу.

Поднялась тревога. По всему городу зазвонили колокола. Посадские люди всем миром бросились в поле и за речкой Яченкой, на пригорке, у дорожного креста обнаружили нагое тело, «голова отсечена прочь». Труп перевезли в Кремль. Казаки принялись избивать «лучших» татарских мурз, мстя за смерть «государя».

В Калуге Лжедмитрий занимал с женой лучший дом, именовавшийся царским дворцом. Марина Мнишек была на сносях. Когда роковая весть достигла дворца, простоволосая и беременная «царица» выскочила на улицу и в неистовстве стала рвать на себе волосы. Площадь огласили ее вопли и рыдания. Обнажив грудь, Мнишек требовала, чтобы ее убили вместе с любимым супругом. Поляки, находившиеся при «государыне», дрожали за свою жизнь. Григорий Шаховской заступился за них. Но и сам он вскоре утратил влияние на «мир».

ЗЕМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Немногие оставшиеся в Калуге бояре намеревались, не медля ни минуты, ехать в Москву с повинной. Атаман Заруцкий пытался бежать из острога, чтобы укрыться в стенах. Но калужане не выпустили его из города.

Гетман Сапега, вернувшийся в королевский стан, предпринял попытку овладеть Калугой. Он подступил к городу и завязал переговоры с «царицей» и боярами. Калужане воспроти-

вились переговорам. Опасаясь измены, они заключили под стражу Марину Мнишек и усилили надзор за боярами.

Оказавшись под домашним арестом, Мнишек не оставляла надежды на помощь единоверцев. В литовский лагерь пробрался странник. В его корзине припрятана была восковая свеча. Свечу осторожно разломали, и оттуда выпала свернутая в трубку записка от Марины Мнишек. «Освободите, освободите, ради Бога! — писала Мнишек. — Мне осталось жить всего две недели. Спасите меня, спасите! Бог будет вам вечной наградой!»

Сапега не посмел штурмовать Калугу и отступил прочь. Опасность миновала, и низы успокоились. Никто не знал, что делать дальше. Самозванец никому не нужен был мертвым. Труп лежал в холодной церкви более месяца, и толпы окрестных жителей и приезжих ходили поглядеть на голову, отделенную от тела. После смерти Лжедмитрия II в его вещах нашли Талмуд, письма и бумаги, писанные по-еврейски. Тотчас стали толковать насчет еврейского происхождения убитого «царька».

Калужские тушинцы настойчиво искали соглашения с московскими. Боярское правительство направило в Калугу князя Юрия Трубецкого, чтобы привести тамошних жителей к присяге. Восставший «мир» не послушал Трубецкого. Калужане выбрали из своей среды земских представителей «из дворян и из атаманов и из казаков и изо всяких людей». Выборные люди выехали в Москву, чтобы ознакомиться с общим положением дел в государстве. Депутация вернулась с неутешительными новостями. Казаки и горожане видели иноземные наемные войска, распоряжавшиеся в Кремле, и негодующий народ, готовый восстать против притеснителей.

Возвращение выборных из Москвы покончило с колебаниями калужан. Невзирая на убеждения бояр, «мир» приговорил не признавать власть Владислава до тех пор, пока тот не прибудет в Москву и все польские войска не будут выведены из России. Посланец семибоярщины боярин Юрий Трубецкой едва спасся бегством. Восставшая Калуга бросила вызов боярской Москве.

Тем временем Марина, со страхом ждавшая родов, благополучно разрешилась от бремени. В недобрый час явился на свет «воренок». Вдова Отрепьева жила с самозванцем невенчанной, так что сына ее многие считали «засорным» младенцем.

Марину честили на всех перекрестках. Как писали летописцы, она «воровала со многими». Поэтому современники лишь разводили руками, когда их спрашивали о подлинном отце ребенка.

Даже после смерти мужа Мнишек не рассталась с помыслами об основании новой московской династии. «Царица» давно позабыла о преданности папскому престолу и превратилась в ревнительницу православия. После рождения ребенка она объявила казакам и всему населению Калуги, что отдает им своего сына, чтобы те крестили его в православную веру и воспитали по-своему. Обращение достигло цели.

Разрыв с Москвой и рождение «царевича» напомнили «миру» о непогребенном самозванце. Калужане торжественно похоронили «Дмитрия» в церкви. Затем они «честно» крестили наследника и нарекли его «царевичем Иваном». Движение, казалось бы, обрело свое знамя. Так думали многие из тех, кто присутствовал на похоронах и крестинах. Но их надежды оправдались лишь отчасти.

В стране зародилось освободительное движение. Его вождей объединяла мысль о том, что сначала надо изгнать из страны иноземных завоевателей, а затем всей землей приступить к выборам царя. Это объясняет, почему земские люди не стали добиваться выдачи и казни «калужского воренка».

В королевский лагерь дошла весть, будто в Калугу приезжал Ляпунов с несколькими сотнями людей и взял к себе «царевича». Скорее всего это известие было недостоверным.

Марина с сыном покинула Калугу, чтобы укрыться в Коломне, подальше от литовской границы. Очевидно, она опасалась, что королевские войска, постоянно перемещавшиеся по Смоленской дороге, могут внезапным ударом занять Калугу и пленить «царевича». Подходы к Коломне прикрывали крепости Тула, Серпухов и Калуга. Через Коломну шла дорога, свя-

зывавшая Рязанский край с Москвой. В Коломне распоряжался «воровской» боярин Иван Плещеев с казаками, в Рязани — Прокофий Ляпунов с дворянами. Ляпунов искал союза с казаками и прислал Плещееву пушки.

В Коломне «московская царица» стала дожидаться решения своей участи.

С гибелью самозванца единственным царем в стране остался Владислав. Но москвичи не видели его в глаза. Опустошив казну, семибоярщина стала раздавать польским ротам «в кормление» города и волости. Умножились грабежи и побои. В столице шла необъявленная война. Вмешательство иностранных войск придало социальному конфликту новое направление. Возмущение действиями «лихих бояр» все больше заслонялось чувством оскорбленного национального достоинства.

Вождь рязанских дворян Ляпунов возглавил войну с боярским правительством. Его воззвания нашли поддержку среди московских дворян и в городах. Патриарх Гермоген не желал рвать с семибоярщиной, так как считал, что главная опасность грозит государству со стороны «воровского» казачьего лагеря в Калуге. Он не очень доверял Ляпунову, а свои надежды возлагал на Нижний Новгород, за все время Смуты ни разу не запятнавший себя «воровством». Его сочувствие нарождавшемуся освободительному движению ободрило патриотов.

Королевская армия была скована под Смоленском, и Сигизмунд III направил к Москве запорожцев, чтобы покончить с земскими отрядами. Однако атаман Заруцкий с тушинцами отогнал их от Тулы, а Пожарский с дворянами освободил Зарайск от войск семибоярщины. Союз между дворянскими отрядами из Рязани и казаками из Калуги положил начало формированию Первого земского ополчения.

Помимо Рязани и Калуги, против боярского правительства выступили Нижний Новгород, Ярославль, Владимир, северские города.

Земское ополчение предприняло наступление на Москву, чтобы изгнать польские войска из столицы. Но еще до подхода ополчения, 19 марта 1611 г. в городе вспыхнуло восстание. Польские роты учинили кровавую резню на улицах столицы,

но принуждены были отступить перед восставшим народом. Не в силах справиться с москвичами, поляки, по совету боярина Михаила Салтыкова, подожгли город. В течение трех дней Москва выгорела дотла.

Восстание в столице было преждевременным. Передовые силы Земского ополчения уже прибыли в окрестности столицы. Им пришлось вступить в бой до подхода главных сил, и они были разбиты поляками.

Ляпунов подтвердил репутацию выдающегося военачальника. Под его руководством земская рать заняла Белый и Земляной города и Замоскворечье — девять десятых территории столицы. Но в руках поляков и семибоярщины оставались Кремль и Китай-город. Овладеть неприступной крепостью можно было только с помощью тяжелой осадной артиллерии, которой у земских людей не было.

В осадном лагере под Москвой было образовано Земское правительство — «Совет всей земли». Его возглавили думный дворянин Прокофий Ляпунов, бояре князь Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий. Впервые в истории Земский собор не включал ни официальную Боярскую думу, ни высшее духовенство. Решающий голос на соборе принадлежал провинциальному дворянству и казакам. Однако эти силы были слишком разнородны, чтобы сохранить единство.

На первом этапе самыми выдающимися вождями земского освободительного движения были Михаил Скопин и Ляпунов. Шуйские погубили Скопина с помощью яда, поляки разделились с Ляпуновым обманом. Очевидцы из числа польских офицеров в своих мемуарах с полной откровенностью описали, как Александр Гонсевский приказал изготовить фальшивую грамоту с подписью Ляпунова. Подпись была подделана с большим искусством. Грамота содержала призыв истреблять «воров»-казаков. Она была доставлена в осадный лагерь и вызвала бурю. Казаки собрали круг и убили Ляпунова без суда и следствия.

Тем временем внешнеполитическое положение России резко ухудшилось. 3 июня 1611 г. армия Сигизмунда III после 20-месячной осады овладела Смоленском.

Избрание на царский трон Владислава дало повод шведскому королю для вторжения в Россию. Вожди Земского ополчения пытались остановить войну и заключить союз со Швецией, направленный против Речи Посполитой. Они повторили ошибку Василия Шуйского. В июле 1611 г. шведы захватили Новгород Великий. Бояре и митрополит вступили в переговоры со шведским командующим Делагарди о призвании шведского принца на «Новгородское государство». Новгород Великий отложился от России и разместил в своих крепостях шведские гарнизоны.

ЛЖЕДМИТРИЙ III

Тем временем в Пскове произошли события, грозившие развалить земское движение. Псковичи отказались присягнуть на верность царю Владиславу. Прошло некоторое время, и на Псковщине появился новый самозванец — Лжедмитрий III.

История псковского авантюриста незамысловата. Едва калужане предали земле останки шкловского бродяги, как в Москве нашелся другой авантюрист, взявшийся окончить прерванную комедию.

Кем был вновь объявившийся самозванец, неизвестно. Русские авторы допускали вопиющие противоречия, едва речь заходила о Лжедмитрии III. Придворный летописец Романовых утверждал, будто тот был москвичом: пришел в Ивангород «с Москвы из-за Яузы дьякон Матюшка и назвался царем Дмитрием». Современники подозревали, что новый «вор» происходил из духовного сословия, но его подлинного имени так и не установили. Свой рассказ о «царе» Матюшке автор «Нового летописца» снабдил неожиданным заголовком: «О Сидорке, Псковском воре». Итак, последнего самозванца звали то ли Матюшкой, то ли Сидоркой.

Где был этот человек в момент гибели Лжедмитрия II, никто не знает. Прошло немного времени, и дьякон сбежал из Москвы в Новгород. Опустошив свой тощий кошелек, Сидорка-Матюшка попытался заняться мелкой торговлей. Он раз-

добыл несколько ножей и еще кое-какую мелочь и задумал сбыть товар с выгодой для себя. Предприятие быстро лопнуло, и беглецу пришлось просить милостыню, чтобы не умереть с голода. В один прекрасный день он наконец собрался с духом и объявил новгородцам свое «царское» имя.

Толпа осыпала новоявленного «царя» бранью и насмешками. Многие узнали в нем бродячего торговца. Незадачливому самозванцу пришлось спешно убираться из Новгорода. Все же ему удалось увлечь за собой несколько десятков человек. С ними он бежал в Ивангород. Крепость эта находилась в руках бывших тушинцев, и самозванец рассчитывал на их любезный прием.

Ивангородцы изнемогали в неравной борьбе. Несколько месяцев крепость осаждали шведы. Затем к городу подошел пан Лисовский с отрядом. Горожане не поверили его дружеским заявлениям и заперли перед ним ворота.

Наконец их призывы о помощи были услышаны. В город прибыл воскресший «Дмитрий» собственной персоной. Три дня ивангородцы палили из пушек в честь долгожданного спасителя. Простым людям «царек» казался своим человеком. Иноземцы находили его смелым и находчивым краснобаем. В самом деле, «вор» без усталости повторял историю своего спасения всем желающим. Он был зарезан в Угличе, но избежал смерти. Его изрубили и сожгли в Москве, но и тогда он восстал из мертвых. Его обезглавили в Калуге, но вот он — жив и невредим стоит перед всеми.

Добившись признания в Ивангороде, самозванец тотчас завязал тайные переговоры с псковичами. Нигде социальная борьба не приводила к столь решительным результатам, как во Пскове. Подняв восстание против царя Василия Шуйского, «меньшие люди» изгнали из города воевод, дворян и лучших людей. После свержения Шуйского семибоярщина так и не смогла добиться покорности от псковичей. Город отказался от присяги в пользу королевича Владислава. Весть о гибели Лжедмитрия II посеяла тревогу в псковских низах. Но сторонники калужского «царька» воспрянули духом, едва прослышали о появлении «государя» в Ивангороде. Псков не сразу ос-

воился с невероятной новостью, и казаки, очертя голову бросившиеся в новую авантюру, принуждены были хитрить. Атаманы объявили о сборе в поход, и их сотни в боевом порядке покинули Псков. Едва за спиной у казаков захлопнулись крепостные ворота, отряд развернулся и помчался к Ивангороду. Прибыв в Ивангород, казаки уверили Матюшку в том, что Псков примет его с распростертыми объятиями. «Царек» поверил им и в начале июля разбил свои бивуаки в псковских предместьях. Его посланцы потребовали ключи от города. Псковичи долго советовались, как быть. В конце концов они решили, что проживут и без «царька».

Матюшка окончательно испортил дело после того, как велел захватить городское стадо и на славу угостил свое воинство. Шесть недель самозванец маячил у стен крепости, а затем внезапно исчез. Его спугнули шведы. По Новгородской дороге к Пскову приближались шведские отряды и ополчение новгородских дворян. К ним присоединилось немало псковских помещиков. Меньшие люди Пскова знали, что их не пощадят в случае поражения, и решительно отвергли все предложения о сдаче. «Новгородское государство» тщетно убеждало псковичей последовать его примеру и отдаться под покровительство Швеции. Псковский народ решительно отверг путь предательства. Не для того псковичи восстали против Владислава, чтобы признать над собой власть шведского королевича.

При поддержке новгородских и псковских дворян шведы попытались силой овладеть непокорным городом.

8 сентября 1611 г. они взорвали крепостные ворота и устремились на приступ со стороны реки Великой. Наемники помнили о «новгородском взятии» и предвкушали легкую победу. Они готовились разграбить древний город. Но псковичи давно изгнали из своего города всех, кто мог оказать помощь врагам. И потому шведские солдаты не добились тут успеха. Приступ был отбит. Пять недель неприятель осаждал крепость, а затем отступил к Новгороду.

Вскоре Псков подвергся нападению с запада. Король Сигизмунд III направил против Пскова армию гетмана Ходкеви-

ча, стоявшую в Ливонии. Ходкевич осадил Псково-Печорский монастырь. В течение полутора месяцев тяжелые осадные пушки вели огонь по монастырским укреплениям. В нескольких местах стена крепости покрылась трещинами и осела. Но стрельцы, монахи и окрестные крестьяне, затворившиеся в монастыре, не теряли мужества. Отразив семь вражеских приступов, они вынудили Ходкевича снять осаду и отступить в Ливонию.

В Пскове установилось народовластие. Город давно заявил о поддержке земского освободительного движения. Горожане готовы были послать войско, чтобы ускорить освобождение Москвы. Но им пришлось самим запросить помощи у земского ополчения, чтобы выстоять в неравной борьбе. «Многие напасти на нас сходятся отовсюду, — писал псковский «мир» вождем ополчения, — а помощи ниоткуда нет!» «Совет всей земли» откликнулся на это обращение. В Псков выступил воевода Никита Вельяминов, а за ним Никита Хвостов с отрядом казаков.

Смерть Ляпунова развязала руки сторонникам самозванцев в подмосковном ополчении. Однако среди них не было единодушия. Шведы получили достоверную информацию о том, что Заруцкий старался убедить казаков избрать в цари Ивана Дмитриевича. Однако «царевич» был грудным младенцем, и все понимали, что править за него будет его мать Мнишек. Вдова двух самозванцев, однако, не пользовалась никакой популярностью в народе.

Весть о появлении «Дмитрия» в новгородских пределах вызвала минутное возбуждение среди казаков, которое вскоре улеглось. Весть была слишком невероятной. В таборах было много ветеранов, своими глазами видевших мертвую голову «государя», отделенную от туловища.

Шло время, а поток известий о деяниях «Дмитрия» не только не иссяк, но стал разрастаться. Время брало свое, и легковерные люди все больше свыкались с мыслью о новом спасении поистине бессмертного сына Грозного. На удочку попали те из казаков и московских повстанцев, которым не довелось видеть мертвого «вора». Новообращенные большой толпой

присоединились к отряду, направленному в Псков Земским ополчением.

Прибытие в Псков сторонников Лжедмитрия мгновенно изменило ситуацию в городе. Под влиянием их агитации псковские низы потребовали признания «истинного государя». Их посланцы выехали в Ивангород и передали Лжедмитрию приглашение псковского «мира». Матюшка не стал ждать, чтобы его попросили дважды. Он тотчас собрался в путь. «Царек» и его свита выбирали глухие проселочные дороги. Им удалось миновать шведские заставы.

4 декабря 1611 г. кавалькада показалась в окрестностях Пскова. Жители успели простить «государю» забитых коров из городского стада. Они устроили ему радужную встречу. Воеводы не имели сил противиться общему порыву. Матюшка тотчас вознаградил их за покорность. Воеводы князь Иван Хованский и Никита Вельяминов сподобились боярского чина и заняли почетное место подле самозванца. Обосновавшись в псковском детинце, Матюшка сразу же отправил в подмосковные таборы атамана Герасима Попова с воззванием к тушинским ветеранам.

Казаки созвали круг и внимательно выслушали речи государева посланца атамана Попова. Некоторые из участников круга открыто выражали сомнения в чудесном спасении «Дмитрия». Наконец было решено отправить в Псков особую делегацию для опознания «царя».

Лжедмитрий III удостоил посланцев ополчения торжественной встречи. Допущенные к руке, старые казаки убедились, что перед ними самозванец, нисколько не похожий на их прежнего «царька». Но вооруженная стража Матюшки окружала трон толпой, и казакам поневоле пришлось прикусить язык. Никто из них не решился обличить «вора». Под нажимом псковичей послы направили ополчению грамоту с подтверждением истинности «Дмитрия».

Грамота полномочных послов всей земли вызвала в ополчении бурю. Простой народ и казаки охотно верили тому, чему хотелось верить. Их страдалец царь в который раз вновь спасся от злых бояр.

Последующие события развивались под действием неудержимых стихийных сил. 2 марта 1612 г. казачий круг, на котором присутствовало также много черных людей — москвичей, провозгласил государем псковского самозванца. Вожди ополчения Заруцкий, Трубецкой и другие, помня о судьбе Ляпунова, подчинились кругу. Они вместе с казаками принесли присягу на имя Лжедмитрия III и вернулись в свою ставку в сопровождении торжественной процессии под грохот артиллерийского салюта. Народ приневолил целовать крест дворян из полка Трубецкого, попавшихся им под руку.

В земских отрядах, стоявших поодаль от таборов, присяга не удалась. Воеводы Мирон Вельяминов, Исая Погожий и Измайлов, занимавшие позиции подле Тверских ворот и Трубы, бежали из ополчения прочь, опасаясь за свою жизнь.

Некогда Ляпунову удалось сплотить разнородные силы и повести их на освобождение Москвы. Присяга Лжедмитрию разрушила хрупкое единство. Раскол, которого так боялся Ляпунов, стал свершившимся фактом. Переворот в Москве был осуществлен черным людом Москвы и казаками. С помощью наемников боярское правительство с трудом предотвратило выступление этих сил в пользу калужского самозванца в конце 1610 г. С тех пор прошло полтора года. Столичные жители пережили неслыханную трагедию. Их город превратился в груду развалин. С помощью вновь воскресшего «Дмитрия» низы надеялись рассчитаться наконец с лихими боярами.

Вождь ополчения Заруцкий оказался бессильным перед лицом стихии. Он подчинился восставшему народу, но попытался дать свое толкование акту присяги. Тотчас после переворота воеводы «холопы Митка (Трубецкой) и Ивашко Заруцкий» били челом «государыне» Марине Юрьевне и «государю царевичу» всея Руси Ивану Дмитриевичу. Заруцкий ориентировался не на Псков, а на Коломну, где находилась Марина Мнишек с сыном. Он исподволь готовил почву к тому, чтобы посадить на трон «воренка».

Переворот получил поддержку в южных и северских городах, прежде примыкавших к Калужскому лагерю. Там находилось немало атаманов и казаков, сражавшихся в армии Болот-

никова. На востоке власть псковского самозванца поспешили признать небольшие города Арзамас и Алатырь. Зато Казань, Нижний Новгород, Владимир, Ярославль и Кострома встретили избрание Лжедмитрия III как незаконный акт, противоречащий воле земли. Борьба между сторонниками и противниками Лжедмитрия III грозила взорвать освободительное движение изнутри.

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

В 1611 г. новым центром освободительного движения стал Нижний Новгород. Посадский человек Кузьма Минин, избранный земским старостой, возглавил организацию Второго земского ополчения. Гонец нижегородцев ездил в Москву к патриарху Гермогену. Глава церкви был низложен поляками и семибоярщиной. Тем не менее гонец смог повидаться с ним и привез грамоту от него. Гермоген благословил земских людей на борьбу за освобождение Московского царства, а также предостерег против признания самозванцев.

Добровольных пожертвований оказалось недостаточно, и Минин провел через Земскую избу постановление о сборе пятой деньги со всех доходов и имуществ горожан. Нижегородцы предложили возглавить войско князю Дмитрию Пожарскому, отличившемуся в дни восстания в Москве в марте 1611 г.

Военное положение в Подмоскovie резко ухудшилось. Но Пожарский не мог идти к столице, так как это неизбежно привело бы к вооруженному столкновению между двумя ополчениями. В марте 1612 г. на круге казаки признали царем Лжедмитрия III. Земское ополчение начало распадаться. Опасаясь за свою жизнь, дворяне стали покидать таборы.

С весны в России образовалось два земских правительства. Одно оставалось в Подмоскovie, другое сделало своей столицей Ярославль. В течение четырех месяцев «выборный всею землею человек» Кузьма Минин заново организовал управление обширной территорией, отказавшейся признать власть

Лжедмитрия III. Отряды Заруцкого были изгнаны с этих земель. Многие дворяне и казаки перешли под знамена Пожарского.

Очень скоро Заруцкий убедился в непопулярности Лжедмитрия III. Будучи любовником Марины Мнишек, он стал готовить почву для передачи трона ее сыну — «воренку» Ивану. Бывшие тушинцы вскоре убедились, что города не поддержат новой самозванческой интриги. В Псков выехало казачье посольство с приказом арестовать Лжедмитрия III.

Самозванец пытался бежать, но был пойман и в оковах увезен в таборы.

Тщетно вожди казаков пытались заключить союз с Пожарским. «Совет земли» в Ярославле категорически отказался вести какие бы то ни было переговоры с Заруцким. Атаман подослал людей, чтобы убить Пожарского. Покушение не удалось, а Заруцкому пришлось бежать из таборов.

Сигизмунд III направил к Москве гетмана Ходкевича с войском. Однако его наступление запоздало. Упредив поляков, Второе ополчение успело занять оборонительные позиции в западных кварталах столицы.

Древняя царская сокровищница была разграблена семибоярщиной и поляками. Не только деньги, но и драгоценности, царские регалии были отданы наемникам в счет их содержания. Александр Гонсевский бежал из сожженного и разграбленного им города. Польский гарнизон Кремля понес огромные потери в боях. В осажденной крепости кончились припасы. Много солдат умерло от голода.

22 августа 1612 г. Ходкевич всеми силами атаковал позиции Пожарского на Арбате. Атака была поддержана вылазкой гарнизона из Кремля. Ополченцам удалось отразить неприятеля. В бою приняли участие несколько казачьих сотен, вступивших без приказа Трубецкого. 24 августа поляки пытались прорваться в Кремль со стороны Замоскворечья. Они отбросили конницу Пожарского и казаков Трубецкого, заняли казачий острожек на Ордынке. Считая сражение выигранным, Ходкевич начал переправлять продовольственный обоз в Кремль. Однако казаки вернули острожек. Одновременно Кузьма Минин получил от По-

жарского несколько дворянских сотен и атаковал неприятеля с фланга. Армия Ходкевича понесла большие потери и принуждена была отступить, бросив обозы.

Голод в Кремле усилился. Семибоярщина вынуждена была начать мирные переговоры с Пожарским. Бояре тянули время, надеясь на подход королевской армии. 22 октября казаки без приказа воевод бросились на штурм и заняли Китай-город. Лишь после этого гарнизон 26 октября открыл ворота и сдал Кремль.

Одержав победу в гражданской войне, земское ополчение получило возможность распорядиться троном. Но избрание царя не имело законной силы без участия высшего органа государства — Боярской думы. Между тем правительство и дума были связаны присягой царю Владиславу и до последнего дня находились в осаде в Кремле вместе с поляками.

ГИБЕЛЬ «ВОРЕНКА»

Земское ополчение ничего не предприняло для того, чтобы взять под стражу «царицу» Марину и ее сына «царевича» Ивана. Казаки препроводили Марину вместе с ее двором из Калуги в Коломну. Государыня пользовалась покровительством Заруцкого, два года руководившего осадой польского гарнизона в Кремле.

Приближение Второго земского ополчения побудило Заруцкого поднять мятеж и покинуть осадный лагерь. Вместе с ним в Коломну бежали от двух до трех тысяч казаков.

«Боярина» обуревали честолюбивые замыслы. По словам летописца, Заруцкий постриг в монахини свою жену-простолудинку, а сына своего заблаговременно отправил в Коломну «к ней, Марине, в стольники, а хотел на ней женитца и сести на Московское государство».

Атаман жаждал власти, но о короне он не мог и помыслить. Царствующий град, да и весь народ, никогда бы не принял на трон украинского казака. Истинные замыслы Заруцкого были иные. Он намеревался отвоевать у семибоярщины и земских

людей Рязань и несколько других городов и объявить царем сына Марины Мнишек Ивана, рожденного от «законного» монарха — Лжедмитрия II.

Планы атамана имели под собой почву. Заруцкий сопровождал Лжедмитрия I в его походе на Москву, а затем Лжедмитрия II в Тушине. Он видел, как осуществлялись самые фантастические проекты. «Боярин» покинул Подмоскovie накануне решающего столкновения с королевской ратью. Заруцкий мог рассчитывать на то, что противники обескровят друг друга, и тогда он с помощью московской черни посадит на трон «воренка».

Покидая Коломну, атаман разграбил город и направился в рязанские пределы. Зная, сколь важную роль играла Рязань на протяжении всей гражданской войны, он задумал овладеть этим городом, чтобы при благоприятных обстоятельствах возобновить наступление на столицу.

Под знаменами Заруцкого вскоре собралось до пяти — семи тысяч ратников. Однако добиться успеха атаману не удалось. На помощь Рязани выступили отряды татар из Казанского царства.

Тем временем в Москве Земский собор приступил к избранию государя. Сын боярский Иван Философов, попавший в плен к полякам, сообщил, что бояре, служившие прежде королю, желают видеть на троне Владислава, но, опасаясь казаков, не смеют открыто заявить об этом. Казаки же настаивают на избрании кого-нибудь из русских бояр — Михаила Романа или «сына калужского вора».

Казаки вспомнили о «царевиче Иване» в минуту крайней опасности. Сигизмунд III стоял на пороге Москвы. Мстиславский и другие члены семибоярщины могли в любой момент переметнуться в королевский лагерь. За спиной коломенского «царевича» стояло войско Заруцкого. Казаки надеялись, что в критический момент давние соратники придут им на помощь. Но расчеты на возвращение Заруцкого не оправдались. Атаман предпочел возобновить братоубийственную войну.

Казаки вынесли на себе всю тяжесть осады Москвы, длившейся полтора года. Бывшие тушинцы составляли главную

силу гарнизона столицы. Как самый знатный из руководителей земского движения, Трубецкой готовился занять трон. Но соперничество между вождями ополчения расстроило его планы. В работе Земского собора участвовали представители дворянства, городов и некоторых крестьянских волостей. Кроме земских вождей, Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского, короны помогали Голицыны, Черкасские и многие другие знатные лица.

В разгар избирательной кампании руководители двух земских ополчений решились на беспрецедентный шаг. Они выслали из столицы главу Боярской думы князя Федора Мстиславского и других членов семибоярщины, воевавших против земщины.

По свидетельству очевидцев, на соборе казаки предложили избрать в цари последовательно князя Дмитрия Трубецкого, Михаила Романова и князя Дмитрия Черкасского. Но Земский собор отклонил их всех. Свои решения о кандидатах казаки принимали на совете, на казацком круге. Круг пользовался не меньшей властью, чем Земский собор.

Попытки казаков диктовать свою волю полномочному Земскому собору вызвали возмущение земских выборных. Власти приняли решение вернуть в Москву руководство Боярской думы, чтобы положить конец своеволию казаков. Одновременно они отдали приказ о посылке казачьего войска против Заруцкого. Казаки отказались выполнить приказ, что равнозначно было форменному бунту. Руководители земского ополчения и вернувшиеся в столицу члены семибоярщины решительно противились избранию Михаила Романова. Тогда московская «чернь» и казаки осадили дворы Трубецкого и Пожарского.

21 февраля 1613 г. Земский собор под давлением казаков объявил об избрании на царский трон Михаила Романова. Чтобы положить конец кровавой гражданской войне, нужен был человек, которого приняли бы оба враждующих стана, а главное, признал своим государем народ. Им стал Михаил Романов. Он унаследовал от отца и деда популярное в стране имя.

Отец Михаила, Филарет, томился в польском плену. В народе его почитали как мученика за православную веру. Михаил сидел в осаде в Кремле с Мстиславским. Но это нисколько не скомпрометировало Михаила ввиду его несовершеннолетия. Решающее значение для народа имело то обстоятельство, что Михаил в качестве племянника царя Федора был связан родством с законной династией.

Избрание новой династии приостановило развал государства и создало предпосылки для преодоления состояния анархии и смуты в стране.

Сообщение о том, что Земский собор избрал на трон Романова, посеяло раздор в войске Заруцкого. На казачьем круге часть казаков высказалась за то, чтобы вернуться в столицу и получить от нового царя заслуженные деньги. Иван Толстой бежал из лагеря вместе с 200 детьми боярскими и казаками. Явившись в Москву, дворянин сообщил властям, что в стане мятежников нет согласия: «Зарутцкой, де, будто хочет идти в Кызылбаши, а Маринка, де, с ним идти не хочет, а зовет его с собою в Литву».

Московские события отняли у «царицы» Марины надежду на возвращение в царский дворец в Кремле. Она должна была понять, что только возвращение на родину может спасти ее и сына от смерти.

Сигизмунд III пытался привлечь Заруцкого на свою сторону, чтобы использовать его отряды в войне с Россией. Не позднее февраля 1613 г. в руки земских властей попали грамоты, которые вез атаману запорожский казак. Гетман Ян Ходкевич предлагал Заруцкому вернуться на королевскую службу. Вскоре Ходкевич поручил ротмистру Синявскому доставить атаману личное послание гетмана. Царские дипломаты следующим образом излагали содержание послания. Именем короля Ходкевич обещал боярину Новгород Великий и Псков либо Смоленск, по выбору. Надо вспомнить, что Лжедмитрий I подписал договор с Юрием Мнишеком о передаче Марине Новгорода и Пскова в удел. Очевидно, этот договор и имел в виду Ходкевич. По всей вероятности, гетман адресовал письмо Заруцкому и «царице» Марине.

Новгород находился в руках у шведов, и казакам еще предстояло отвоевать его. Король будто бы обещал Заруцкому, что учинит «его великим у себя боярином и владетелем».

Атаман не слишком доверял щедрым посулам литовцев. Он поступил на службу к королю и помог Жолкевскому разгромить русско-шведское войско под Клушином. Но затем он предал поляков и причинил королевскому гарнизону Кремля столько бед, сколько не мог причинить никто другой. В Речи Посполитой атаману пришлось бы держать ответ за свои действия.

Заруцкий вел переговоры с поляками втайне от казачьего круга, что подрывало доверие вольницы к атаману.

Отклонив предложение перебраться в Литву, боярин стал подумывать о том, чтобы пробиться по Волге к Каспийскому морю и вместе с казачьим войском поступить на службу к персидскому шаху. Нимало не считаясь с волей Марины Мнишек, он решил увести ее с собой.

Заруцкий захватил и разграбил несколько тульских пригородов. Но попытки закрепиться под Тулой не дали результатов. Под натиском правительственных сил казаки отошли на Дон к Воронежу.

В конце июня — начале июля 1613 г. под Воронежем Заруцкий вступил в бой с войском воеводы Ивана Одоевского. Сражение продолжалось несколько дней и имело, по-видимому, неопределенный исход.

В казачьем войске множилось недовольство. Московские власти были осведомлены о положении дел в «воровском» лагере. Они переслали казакам перехваченные польские письма к Заруцкому. В свое время круг жестоко расправился с Прокофием Ляпуновым. Теперь опасность грозила Заруцкому. Казаки видели в поляках злейших врагов и считали сношения с ними предательством.

Покинув войско, отступавшее от Воронежа, Заруцкий бежал в степь с несколькими сотнями казаков. В его стане возник заговор. Казаки задумали схватить вожда и выдать его Москве, чтобы покрыть свою вину. Однако боярину удалось скрыться.

После сражения под Воронежем «воровской» лагерь покинуло 2250 казаков. С горсткой казаков Заруцкий ушел в Астрахань. Астраханцы давно отложились от Москвы. Толковали, будто они сами послали за «царевичем» Иваном Дмитриевичем.

Заруцкий окончательно завоевал поддержку астраханцев, прибегнув к обману. Он объявил, «будто литва завладела» Москвой.

Поддавшись на эту уловку, «меньшие люди» и стрельцы Астрахани приветствовали «воренка». С разных сторон в Астрахань стекался беглый люд. Боярин послал гонцов в Замосковский край и на Белоозеро. Действовавшие там казачьи атаманы сговорились о том, чтобы силой пробиться на Нижнюю Волгу к Заруцкому.

К весне 1614 г. в Астрахани собралось несколько тысяч сторонников «воренка». Заруцкому удалось заручиться союзом с ногайским ханом Иштереком. Предполагалось с наступлением весны начать вместе с ногайцами поход вверх по Волге на Казань.

Казаки и их предводитель помышляли о новых походах. Уже в сентябре 1613 г. на Дон пришла весть о том, что «царь Дмитрий», отец «царевича» Ивана, жив и находится в Персии. Среди других документов астраханского происхождения сохранилась челобитная грамота на имя «царя Дмитрия», «царицы» Марины Юрьевны и «царевича» Ивана Дмитриевича.

Ко двору шаха Аббаса выехал посол Иван Хохлов со свитой. Он просил оказать Заруцкому военную помощь, а также прислать денежную казну и хлебные припасы. Со своей стороны, Заруцкий обязался передать Астраханское царство под власть Персии. Переговоры увенчались успехом.

Шах обещал прислать «царевичу» отряд в 500 воинов и людей «ближние своей думы» для управления Астраханью, а также пожаловать из казны 72 000 рублей и доставить хлеб.

В случае поражения атаман надеялся укрыться в Персии. Марине Мнишек при этом отводилась особая роль. С Хохловым из Астрахани приехал купчина Муртаза. После аудиенции шах Аббас долго расспрашивал его «про литовку Марину»:

какова, деи, она лицом, и сколько хороша, молода ли или старая, и был ли, деи, он у нее у руки, и горячи ли, деи, у нее руки?». Очевидно, шах надеялся заполучить литовку для своего гарема. Марине было двадцать четыре года. Обладая громким титулом, московская «царица» имела шанс стать старшей женой Аббаса.

Инициатором переговоров выступил «боярин» Заруцкий, а потому ему же следует приписать сватовство. Вопрос о подготовке нового «Дмитрия», якобы скрывшегося в Персии, отпал.

Сношения с Персией встревожили астраханского воеводу князя Хворостинина. При поддержке «лучших» посадских людей и детей боярских он готовился напасть на Заруцкого врасплох и захватить его вместе с наложницей Мариной.

Атаман упредил заговорщиков. Он казнил воевод, многих «добрых» посадских людей и татарских мурз. Казаки разорили двор местного архиепископа, а его самого бросили в тюрьму.

Против мятежников выступили служилые люди. Поддержанные гарнизоном, дворяне заняли острог. С севера к городу двигался князь Иван Одоевский с войском. Ему поставлена была задача вернуть Астраханское царство, несколько лет находившееся в руках самозванцев, под власть Москвы.

Заруцкому пришлось сесть в осаду в каменной крепости. С ним осталось не более 800 воинов. Не дожидаясь подхода Одоевского, атаман с Мариной 22 мая бежали из Астрахани. Сначала они направились вверх по Волге, вглубь страны. Но потом казаки заметались и повернули назад. Проплывая мимо Астрахани спустя два дня, отряд подвергся нападению стрельцов и был разгромлен. В плен попали многие казаки и слуги «царицы», включая ее тетку и экономку. Тотчас распространился слух о том, что Маринка бросилась в реку и «утопла».

В действительности Заруцкому и «царице» удалось пройти по морю на Яик. Там казаки выстроили на Медвежьем острове острожек. Посланная в погоню стрелецкая судовая рать внезапно напала на мятежников.

В окружении бывшего земского правителя зрел заговор. Казаки не желали умирать ради «воренка» и его матери Марины. После нескольких стычек они выдали Заруцкого и «цари-

цу» с ребенком, а сами принесли присягу на верность царю Михаилу.

16 июля 1614 г. пленников привезли в Астрахань. В Москву их отправили в кандалах, под сильным конвоем. Их допрашивал царь с боярами. Суд был недолгим. Атамана Заруцкого посадили на кол, и он умер в страшных муках.

Трехлетний ребенок «царевич» Иван был повешен. Его участь разделил «псковский вор» Лжедмитрий III. До поры до времени его держали в клетке, а потом отправили на виселицу. Заодно власти казнили королевского приспешника Федьку Андропова. Виновник сожжения Москвы Михаил Салтыков избежал возмездия и скрылся в Польше.

Мнишеки давали клятву царю Василию, что никогда более не окажут поддержки самозванцу, но тотчас нарушили клятву и бежали в Тушино. Не желая повторить ошибку, судьи приговорили «царицу» к пожизненному заточению. Марину Юрьевну доставили в Тулу и посадили в подземелье крепостной башни. Весной 1615 г. она умерла «с тоски».

Гражданская война принесла России неслыханные бедствия и страдания. Страна превратилась в огромный пустырь, была отброшена в своем развитии назад на целое столетие. Из ее немногочисленного населения уцелела едва ли половина. Прошло много десятилетий, прежде чем Россия вернулась к уровню XVI в. Беды Смутного времени затмили даже ужасы опричнины.

СЛОВАРЬ

Ближняя дума — совет приближенных царя, одна из комиссий Боярской думы, осуществлявшая управление.

Боевые холопы — рабы, несшие военную службу в свите бояр.

Большой приход — управление, ведавшее доходами государства.

Боярская дума — совет высших сановников государства (думных людей), высший орган государства.

Вече — народное собрание в Новгороде в период республики.

Воевода — военачальник, глава военной администрации города.

Вотчина — частная земельная собственность.

Государев двор — учреждение, включавшее Боярскую думу, верхний слой правящего дворянства и бюрократии.

Двор — см. *Государев двор*.

Дворец — управление собственностью царской семьи, обеспечивавшее нужды царской фамилии и придворных.

Дворецкий — боярин, возглавлявший Дворец.

Дворянин — член Государева двора.

Десятина — площадь поверхности земли, немногим больше гектара.

Дети боярские (сын боярский) — дворяне, служившие в Государевом дворе и по уездам. В массе мелкие землевладельцы.

Думные дворяне — дворяне, входившие в состав Боярской думы.

Думные дьяки — дьяки, входившие в состав Боярской думы.

Дьяк — чиновник государственной службы (приказа).

Земский двор — управление в земщине, предтеча полицейского управления.

Земщина — земская половина государства после разделения его на опричнину и земщину.

Иосифляне — последователи Иосифа Санина, игумена Иосифо-Волоколамского монастыря под Москвой.

Кабала — вид зависимости. Кабальные работали на господина в счет погашения процентов с долга, позднее превратились в холопов.

Казенный приказ — управление, ведавшее финансами.

Казначей — глава Казенного приказа, член Боярской думы.

Конюший — глава Конюшенного приказа, ведавшего царскими табунами. Один из старших бояр думы.

Нестяжатели — последователи старца Нила Сорского из северных монашеских обителей (скитов), противники обогащения монастырей.

Оброк — платежи крестьян в пользу землевладельцев.

Окольничий — второй думный чин после боярина.

Ополчение — нерегулярное дворянское войско, сформированное в полки на время похода.

Опричнина — «государство в государстве», личные владения царя Ивана IV с особым управлением и войском.

Отчина — см. *Вотчина*.

Печатник — чиновник, хранитель Большой государственной печати.

Подьячие — помощники дьяков в приказах.

Полк большой, правой и левой руки, сторожевой, передовой, государев — система построения русского войска на поле боя. *Авангард* — сторожевой и передовой полки; главные силы — большой полк, государев полк; силы, расположенные на флангах, — полк правой и полк левой руки.

Помещик — владелец поместья.

Поместье — государственная собственность, передаваемая помещикам на условиях обязательной службы царю.

Поместный приказ — управление, ведавшее делами о земельной собственности в России.

Посад — город.

Посадские люди — горожане, платившие царскую подать.

Посольский приказ — управление иностранными сношениями.

Посошные люди — люди, платившие подати и несшие натуральную повинность в пользу государства и объединенные в сохи (единица обложения). В походе везли обозы и артиллерию.

Постельничий — высший чиновник Постельного приказа.

Постельный приказ — управление, ведавшее царским гардеробом, припасами, внутренней охраной царского дворца.

Приговор — решение царя или Боярской думы.

Приказы — высшие органы административного управления Россией.

Пыточный двор — судебная палата для дознаний с применением пыток.

Разряд (разрядные книги) — распоряжения военного ведомства.

Разрядные книги — см. *Разряд*.

Разрядный приказ — управление вооруженных сил России.

Речь Посполитая — объединенное государство, получившее название после заключения Люблинской унии между Польским королевством и Литовским великим княжеством в 1569 г.

Слуга и боярин — один из высших боярских титулов, его жаловали знатнейшим государственным деятелям.

ТРИ ЛЖЕДМИТРИЯ

Столичные гости — высший разряд московских купцов.

Стрелецкий приказ — управление стрелецким войском.

Стрельцы — пехота, вооруженная огнестрельным оружием. Набиралась из горожан.

Судебник — кодекс законов России.

Сын боярский — см. *Дети боярские*.

Тягло — система государственных платежей и натуральных повинностей.

Тяглые люди — посадские люди и крестьяне, платившие царские налоги.

Уезд — административная область.

Уложение — законодательный акт, включавший ряд законов.

Холоп — раб, купленный господином.

Черносошные (черные) люди — население, платившее царские подати (налоги).

Четверть — одно из финансовых управлений государства.

Юрьев день осенний — 26 ноября. Нормы Юрьева дня регулировали переход крестьян из одних владений в другие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Несчастливое имя	7
Смерть царевича	11
Царь Борис	31
Явление самозванца	35
Беглый монах	45
Литовские скитания	53
Подготовка московского похода	67
Дворяне и Смута	91
Вторжение	102
Мятеж в южных крепостях	129
В «воровском» лагере	140
Смерть Бориса	153
Мятеж под Кромами	158
Победное шествие	179
Переворот	184
Бояре и самозванец	195
Расправа с Шуйскими	211
Коронация	221
Роспуск войска	224
Дума	229
Секретари и стража	235
Финансовый крах	244
Законы Лжедмитрия I	247
Император Юрий I	255

В сетях заговора	268
Свадьба	279
Гибель самозванца	295
Знамения	311
Самборский призрак	317
Бунт Болотникова	326
«Царевич Петр»	336
Тульское сидение	341
Лжедмитрий II	350
Падение Тулы	366
Тушинский лагерь	369
Осада столицы	386
Польское вторжение	394
Распад Тушинского лагеря	403
Смерть Скопина	411
Поражение под Клушином	420
Низложение Шуйского	428
Семибоярщина	435
Убийство «царька»	447
Земское ополчение	451
Лжедмитрий III	456
Минин и Пожарский	462
Гибель «воренка»	464
 Словарь	 472

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Скрынников Руслан Григорьевич
Три Лжедмитрия

Редактор Т.И. Харизанова
Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: Ю.Ю. Герцева
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

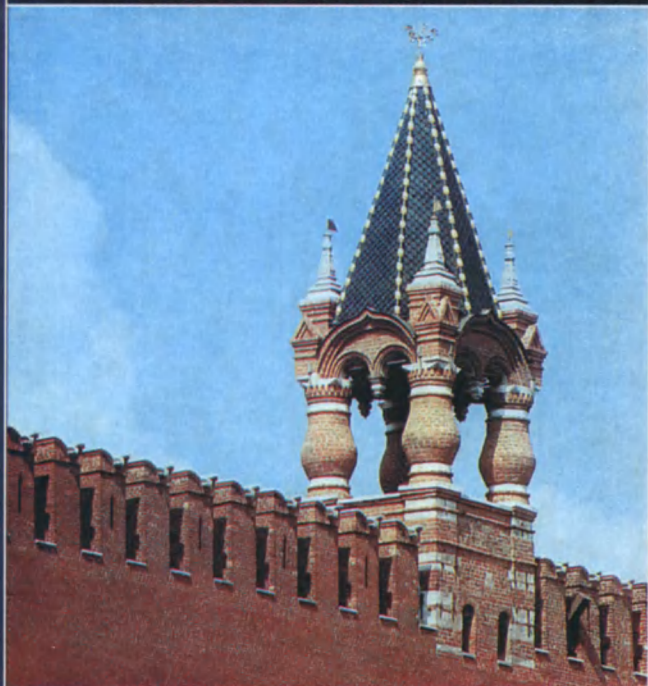
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП
«Издательство «Самарский Дом печати»
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Руслан
СКРЫННИКОВ

Три
Ажедмитрия



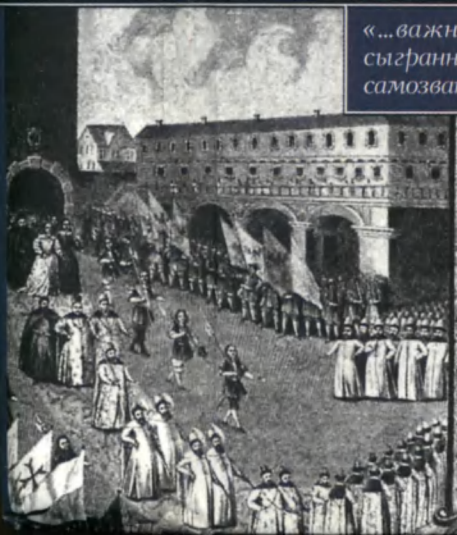
Руслан СКРЫННИКОВ



Историческая
библиотека

Три Ажедмитрия

«...важна была не личность самозванца, а роль, им сыгранная, и исторические условия, которые сообщили самозванческой интриге страшную разрушительную силу».



В начале XVII века Россия переживала трагедию Смутного времени. Это была первая в истории нашей страны гражданская война.

Три самозванца в течение одного десятилетия принимали имя царевича Дмитрия и пытались сесть на царский трон.

Кем были эти исторические персонажи, которые принесли государству неисчислимые бедствия?

Какие условия придали «самозванцам» такую страшную разрушительную силу?

Действительно ли под маской Лжедмитрия скрывался беглый монах Гришка Отрепьев?

Ответ на эти вопросы дает в своей новой книге известный историк, ученый с мировым именем, профессор Санкт-Петербургского университета Р.Г. Скрынников.

Историческая библиотека

ISBN 5-17-015689-8



9 785170 156894